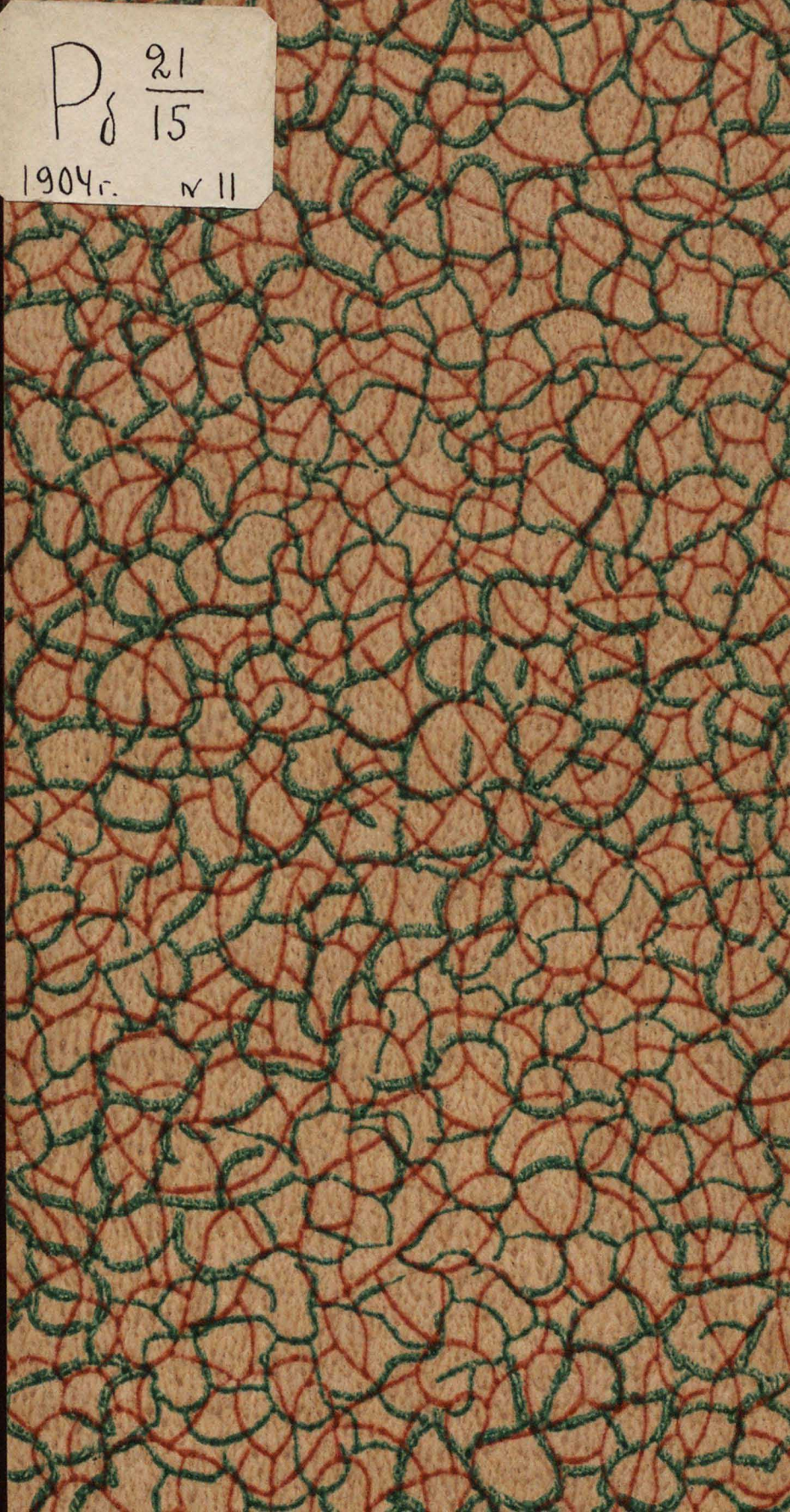
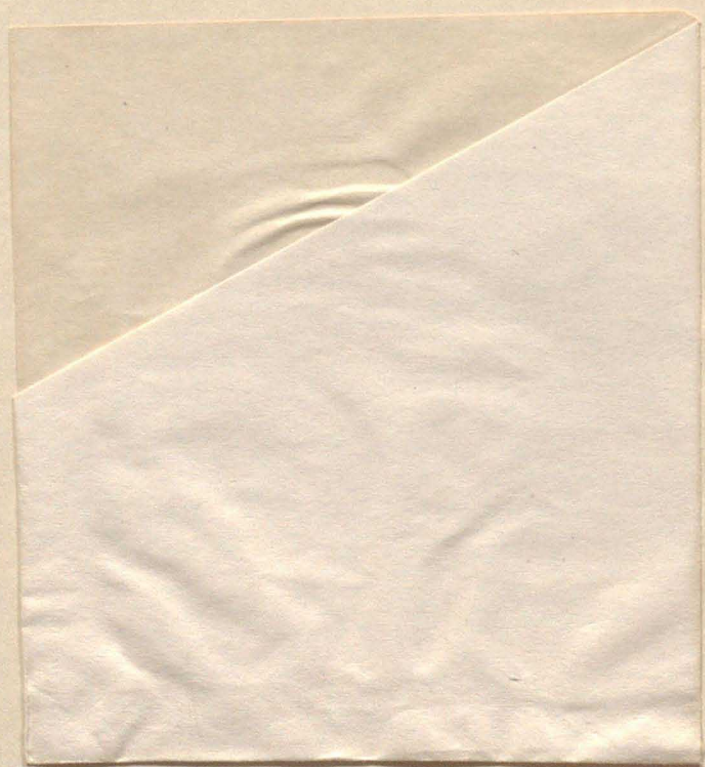

$P_{\delta} \frac{21}{15}$

1904г.

№ 11

2015595719

Восминик Знонь

СОДЕРЖАНИЕ № 11.

	Стр.
АКИМЪ ШЕНЕЦКІЙ. Что такое интеллигенція	3
Проф. БРАНДЕСЪ. Артуръ Шнитцлеръ.	10
АРТУРЪ ШНИТЦЛЕРЪ. Храбрый Касьянъ (Шутка въ одномъ дѣйствіи)	14
Проф. И. И. МЕЧНИКОВЪ. Старость	26
В. Ш. Б—НОВЪ. Права личности въ императорскій періодъ (XVIII и XIX в.в.). Отношеніе самодержавнаго полицейскаго государства къ личности вообще	41
АНТОНЪ ГОРЕМЫНА (С. ЦОНЪ). Въ странѣ «Вѣлаго Ненюфара»	51
В. Ѳ. ТОТОМІАНЦЪ. Муниципальная торговля хлѣбомъ	62
ЛѢТОПИСЬ ТЕКУЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА: П. М. ПИЛЬСКІЙ. Новыя вѣянія	75
М. БЕЕРЪ. Жизнь и ученіе Герберта Спенсера	89
Прив.-доцентъ Н. ХАРИЧНОВЪ. Кавказская Швейцарія	94
Х. ПОДБОРОВСКІЙ. Вопросы русско-японской войны въ современной деревнѣ	105
Проф. Р. РОММЕЛИ. Спутники смерти	121
ДЖОНЪ АНТУАНЪ НО. Враждебная сила	126
З. ГЕНОВИЧЪ. Соціально-этич. стор. русск. ид.	155

В. Гиллерт

А. К. СМОЛИКОВЪ. I. Занятія энтомолога	139	
ВОПРОСЫ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ: А. А. НИКОЛАЕВЪ. Школа и общество	142	
<i>Справочный отдѣлъ по народному образованію.</i> —Къ свѣдѣнію русской молодежи.—О поступленіи духовныхъ лицъ въ высшія учебныя заведенія.—Зубоврачебныя школы.—Педагогическіе сельско-хозяйственные курсы.—Курсы для приготовленія иностранныхъ корреспондентовъ.—Курсы учительницъ домоводства и поварскаго искусства.—О преобразованіи Уральскаго горнаго училища		152
З. ГЕНОВИЧЪ. Соціально-этическая сторона русскаго идеализма	155	
Ф. де-Б. АЦЦА и П. ПАРНИЧЪ. Жизнь въ кристаллахъ	161	
Н. Ш. Постройка Круробайкальской ж. д.	167	
Д-ръ Э. ГОМБЕРГЕРЪ. Медицина и химія	170	
БИБЛИОГРАФІЯ. Толковый указатель книгъ для чтенія. А. А. Н.—«Программы чтенія для самообразованія. <i>Тамъ</i> .—Н. А. Скворцовъ. Въ царствѣ животныхъ. А. А. Н.—В. А. Гольцевъ. Дѣти и природа въ разсказахъ А. П. Чехова и В. Г. Короленко. А. А. Н.—П. П. Гябдишъ. «Вѣглы», «Недвижимая собственность» и другія разсказы. П. П.—скій.—Вѣстникъ психологій, криминальной антропологій и гипнотизма, подъ общою редакціею акад. В. М. Бехтерева и проф. В. С. Серебренникова		175
НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. <i>Литературно-научная хроника.</i> Проф. М. Ковалевскій и Ю. Гамбаровъ. Отчетъ Русской Высшей Школы общественныхъ наукъ въ Парижѣ за 1903—1904 учебный годъ. Максимъ Ковалевскій и Юрій Гамбаровъ.—Проектъ «Пушкинскаго Общества распространенія просвѣщенія».— <i>Научныя новости.</i> <i>Антропология, этнографія, археологія, путешествія.</i> Живой питекантропъ.—Путешествіе проф. Клаача въ Австралію.—Новѣйшая полярная экспедиція.—Мегалитическіе памятники и финикіяне.— <i>Астрономія и геологія.</i> Новый спутникъ Сатурна.—По поводу землетрясенія въ Ригѣ.— <i>Техника и сельское хозяйство.</i> Добываніе золота изъ золотоноснаго песка по Эдиссону.—Электричество въ садоводствѣ.—Быстродействующій телеграфъ Сименса и Гальске.		183
Взаимопомощь читателей „Вѣстника Знанія“. — ОТВѢТЫ ПОДПИСЧИКАМЪ. Списокъ книгъ, присл. для отзыва.		

ПРИЛОЖЕНІЯ къ № 11.

1. „Общедоступный Университетъ“:—Новѣйшіе успѣхи матеріальной культуры въ связи съ ея исторіею. Часть XI.—Оружіе.
2. „Энциклопедическая Библіотека для Самообразованія“:—Краткій систематическій словарь біологическихъ наукъ. Часть III.
3. Читальня „Вѣстника Знанія“:—О свободѣ воли. Проф. Виндельбандтъ.

Р- 21/15
№ 11.

1904.

Вѣстникъ Знанія

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

И

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЪ

ПРИЛОЖЕНІЯМИ

для

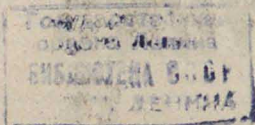
САМООБРАЗОВАНІЯ.

Редакторъ-издатель В. В. БИТНЕРЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

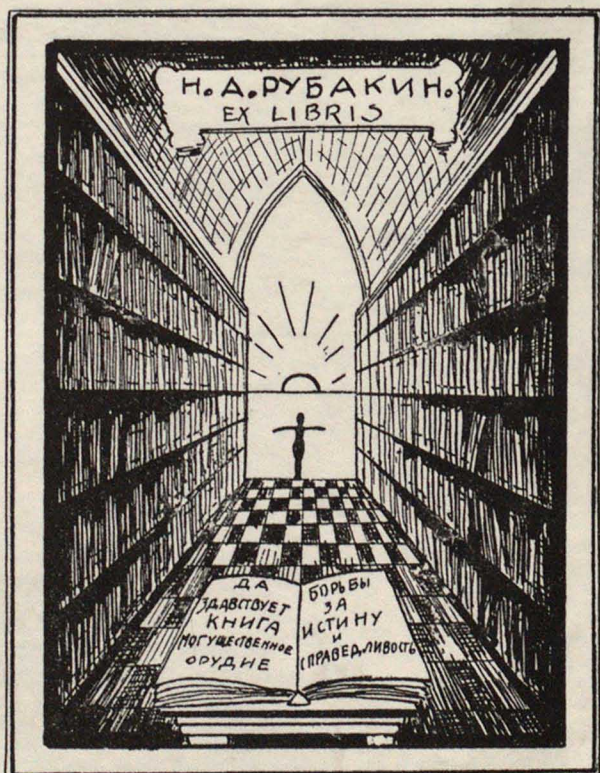
1904.

69807

Дозволено ценз. С.-Петербургъ, 28 ноября 1904 г.

Типографія 1-ва «Народная Польза», Коломенская, 39.

К Н И Г А И М Е Е Т

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1955 г.
						С	1042	9

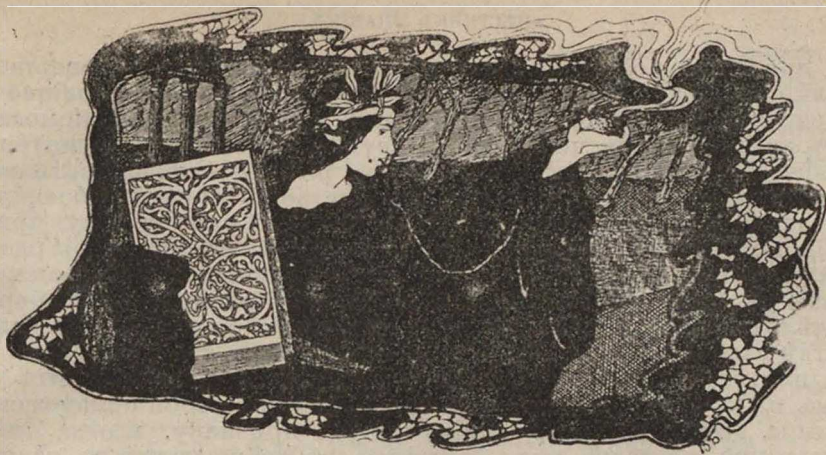
627/16—250 тыс.

594

13

21

67

Якумъ Шенецкій.

Что такое интеллигенція.

Значеніе той общественной группы, которая разумѣется подъ названіемъ интеллигенціи, то возрастаетъ, то убываетъ въ жизни нашей страны, въ зависимости отъ характера переживаемаго момента. При созидательной работѣ, при переустройствѣ общественныхъ порядковъ и выработкѣ новыхъ формъ, значеніе интеллигенціи въ жизни общества и вліяніе ея увеличивается; къ ея мнѣніямъ, не подкрѣпляемымъ никакими внѣшними атрибутами силы и исходящимъ нерѣдко изъ мѣстъ весьма значныхъ, вынуждены бываютъ прислушиваться и люди, обладающіе внушительными атрибутами внѣшней силы. Во времена же, когда темпъ общественной жизни слабѣетъ, когда умственный горизонтъ обывателя совершенно заволакивается „малыми дѣлами“, падаетъ и значеніе интеллигенціи. Въ настоящій моментъ интересъ къ интеллигенціи, о чемъ можно судить по многимъ признакамъ со стороны разныхъ слоевъ общества, несомнѣнно, проявляется съ замѣтно выраженной настоятельностью. Въ чемъ же состоитъ сила интеллигенціи, каковы ея отношенія къ другимъ общественнымъ группамъ, въ чемъ заключаются ея чаянія и упованія?

Распределеніе населенія страны на классы, группы и вообще размѣщеніе его по всякаго рода общественнымъ клѣточкамъ имѣетъ только условное значеніе. Современная жизнь самымъ рѣшительнымъ образомъ не признаетъ никакихъ перегородокъ и до такой степени перемѣшиваетъ и перепутываетъ отношенія и связи людей, что провести сколько-нибудь ясную границу между разными группами оказывается весьма затруднительнымъ. Кромѣ того, разнообразные признаки, характеризующіе ту или другую группу, обыкновенно, не совпадаютъ между собою, и построенныя по этимъ признакамъ перегородки перекрещиваются и пересекаютъ одна другую самымъ прихотливымъ образомъ. Источникъ существованія, общественное положеніе, родъ занятій, всѣ

эти признаки, положенные въ основу дѣленія, дадутъ совершенно различные результаты. Наиболѣе популярнымъ въ настоящее время считается дѣленіе по интересамъ. Но и это мало помогаетъ, такъ какъ каждому человѣку присущи разнообразныя интересы: профессиональные, имущественныя, религіозныя, политическія, умственныя и т. п.; и все это переплетается между собою, такъ что люди, попавшіе по одному признаку въ одну группу, при дѣленіи по другому признаку оказываются въ нѣсколькихъ различныхъ группахъ; союзники по профессиональнымъ интересамъ оказываются врагами въ области политики, религіи и наоборотъ. Выдѣлить изъ разнообразныхъ интересовъ какой-нибудь въ качествѣ главнаго, основнаго, тоже невозможно, такъ какъ въ жизни различныхъ людей опредѣляющее значеніе принадлежатъ разнымъ интересамъ. Такимъ образомъ, составъ любой общественной группы, выделенной по какому-нибудь признаку, всегда имѣетъ достаточно пестрый видъ, включая въ себя людей съ разнымъ положеніемъ, съ разными симпатіями и разными взглядами, принадлежащихъ по другимъ признакамъ къ самымъ разнообразнымъ группамъ; общимъ же для всѣхъ этихъ людей будетъ только тотъ признакъ, который положенъ въ основу образованія данной группы. Попытаемся теперь найти тотъ признакъ, по которому можно опредѣлить принадлежность того или другаго лица къ группѣ интеллигенціи.

Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ нашихъ молодыхъ публицистовъ, я склоненъ думать, что „интересы желудка“ совершенно не пригодны въ качествѣ исходнаго пункта для опредѣленія интеллигентности; всякая попытка положить въ основу выдѣленія группы интеллигенціи желудочные признаки неизбѣжно обречена на неудачу; преувеличенное мнѣніе объ этихъ интересахъ неблагоприятно отразилось между прочимъ и на интересной въ общемъ статьѣ г. Изгоева *), посвященной интересующему насъ вопросу. Правда, г. Изгоевъ проводитъ матеріалистическое пониманіе социальныхъ явленій съ нѣкоторою нерѣшительностью и непоследовательностью, онъ какъ будто и самъ недоволенъ этимъ и отъ этого, повидимому, напрасно сердится на другихъ. Посвятивъ нѣсколько горячихъ словъ защитѣ „интересовъ желудка“, онъ заканчиваетъ эту защиту такимъ патетическимъ восклицаніемъ: „Прежде всего люди должны существовать и поддерживать свое существованіе. Кажется, какъ это банально, просто, общеизвѣстно!“ Затѣмъ г. Изгоевъ обрушивается на г. Бердяева, называетъ его лжецомъ за сочиненныя имъ же, г. Изгоевымъ, и приписанныя Бердяеву мысли, которыхъ послѣдній не высказывалъ,—по крайней мѣрѣ, ихъ нѣтъ въ приведенной г. Изгоевымъ цитатѣ (стр. 77 и 78). Очень не одобряетъ авторъ и Н. К. Михайловскаго за его „субъективное“ опредѣленіе интеллигенціи, при чемъ и этому послѣднему приписываетъ то, чего Михайловскій не говорилъ *). Послѣ этого сердитаго предисловія г. Изгоевъ дѣлитъ

*) А. Изгоевъ. Интеллигенція, какъ социальная группа. „Обр.“, 1904 г., № 1.

*) Г. Изгоевъ цитируетъ слѣдующія слова Михайловскаго: „Мы—интеллигенція потому, что мы многое знаемъ, обо многомъ размышляли, по профессіи занимаемся наукой, искусствомъ, публицистикой; слѣпымъ историческимъ процессомъ мы оторваны отъ народа, мы чужіе ему, какъ и всѣ такъ-называемые цивилизованные люди, но мы не враги его, ибо сердце и разумъ нашъ съ нимъ“. Въ первой половинѣ этой цитаты Михайловскій, очевидно, не претендуя дать исчерпывающее опредѣленіе понятія интеллигенціи, выражаетъ все-таки свое мнѣніе по этому поводу и мнѣніе совершенно справедливое. Во второй же половинѣ цитаты говорится только объ отношеніи интеллигенціи къ народу, а г. Изгоевъ подчеркиваетъ шесть послѣднихъ словъ и въ дальнѣйшемъ ядовито нѣсколько разъ

современное общество на четыре класса, извлекая основанія для этого дѣленія „изъ области экономическихъ отношеній“ (стр. 83), а изъ класса интеллектуальныхъ работниковъ выдѣляетъ социальную группу интеллигенціи. Тотъ признакъ, которымъ опредѣляется принадлежность интеллектуальнаго работника къ интеллигенціи, г. Изгоевъ видитъ въ „элементѣ учительства“.

Согласно такому опредѣленію, Тургеневъ, напр., оказывается не принадлежащимъ къ интеллигенціи, такъ какъ онъ входитъ въ составъ „соціальной группы помѣщиковъ-дворянъ“. Да и, вообще, „писателей нельзя смѣшивать съ интеллигенціей“ (стр. 77); самые талантливые изъ нихъ, по мнѣнію г. Изгоева, принадлежатъ къ другимъ социальнымъ группамъ, „истинно гениальныя, безсмертныя произведенія русской художественной литературы созданы не интеллигенціей“ (стр. 73) *). Такимъ образомъ, если послѣдовать за Изгоевымъ, то изъ состава интеллигенціи придется исключить Тургенева, Толстого, Герцена, а вмѣсто нихъ ряды интеллигенціи съ избыткомъ заполнятся педагогами и священниками. Г. Изгоевъ выдѣляетъ интеллигенцію въ особую группу потому, что „въ жизни такое выдѣленіе производится“; основаніе совершенно вѣрное, но, мнѣ кажется, необходимо же и считаться съ тѣмъ, что именно въ жизни выдѣляется въ эту группу. А если мы отбросимъ случаи слишкомъ широкаго пониманія, когда все общество дѣлится на двѣ группы: на народъ и на интеллигенцію, и обратимся къ болѣе сознательному употребленію этого термина въ его обычномъ болѣе тѣсномъ и опредѣленномъ значеніи, то это значеніе, принятое „въ жизни“, мнѣ кажется, совершенно не совпадаетъ съ тѣмъ, какое придаетъ этому понятію г. Изгоевъ. Вездѣ можно слышать жалобы на то, что среди учителей нашей средней школы, среди этихъ бесспорныхъ интеллектуальныхъ работниковъ, занимающихся учительствомъ, чрезвычайно рѣдко встрѣчаются люди интеллигентные; и никто въ такомъ утвержденіи не видитъ внутренняго логическаго противорѣчія. Съ другой стороны, есть лица среди служащихъ въ канцеляріяхъ земскихъ управъ, въ банкахъ, въ конторахъ страховыхъ обществъ, лица, никакимъ учительствомъ не занимающіяся, которыхъ, однако „въ жизни“ бесспорно причисляютъ къ интеллигенціи. Встрѣчаются въ интеллигентной средѣ и представители труда физическаго. Очевидно, что не въ источникѣ заработка и не въ учительствѣ надо искать признаки интеллигентности.

„Когда мы говоримъ объ интеллигентѣ, какъ о субъектѣ, принадлежащемъ къ социальной группѣ интеллигенціи, то мы разумѣемъ психическія черты“ (стр. 85),—говоритъ совершенно справедливо тотъ же г. Изгоевъ. Поэтому и признакъ, опредѣляющій принадлежность человѣка къ интеллигенціи, необходимо искать въ психикѣ, а не во внѣшнихъ условіяхъ; не характеръ дѣятельности (учительство) и не источники заработка (интеллектуальный трудъ), а опредѣленные „психическія черты“ дѣлаютъ человѣка интеллигентомъ. Суммировать тѣ не всегда ясно выраженные признаки, тѣ техническія черты, которыми „въ жизни“ опредѣляется понятіе интеллигентности, мнѣ кажется, можно такимъ образомъ: наличность умственныхъ интересовъ, побуждающихъ человѣка углублять и расширять пониманіе окружающихъ физико-

указываетъ на несообразность опредѣленія интеллигенціи, какъ группы людей, у которыхъ сердце и разумъ съ народомъ. Такое опредѣленіе, дѣйствительно, въ достаточной мѣрѣ несообразно, но ответственность за эту несообразность падаетъ не на Н. К. Михайловскаго.

*) А Достоевскій, напр., къ какой социальной группѣ принадлежитъ?

біологическихъ и социальныхъ условий, а также и пониманіе своей духовной жизни, постоянное искательство правды-истины и правды-справедливости, однимъ словомъ—творчество идей составляетъ основной признакъ интеллигентности. Но признакъ этотъ присущъ въ большей или меньшей степени всѣмъ нормальнымъ людямъ, поэтому, казалось бы, выдѣленіе интеллигенціи въ особую социальную группу не можетъ имѣть мѣста. Конечно, интеллигентный и неинтеллигентный человѣкъ—понятія безусловно относительныя и выражающія не противоположеніе, а только степень одного и того же признака. Тѣмъ не менѣе, выдѣленіе въ особую группу людей, у которыхъ искательство правды и творчество идей выражено болѣе рѣзко, встрѣчается въ жизни полное подтвержденіе, такъ какъ выраженное болѣе или менѣе явственно господство умственныхъ интересовъ въ жизни человѣка накладываетъ особый отпечатокъ на весь строй этой жизни.

Если подѣ интеллигенціей, согласно сдѣланному выше опредѣленію, разумѣть группу людей, въ жизни которыхъ умственные интересы выражены наиболѣе ярко и получили преобладающее значеніе, то вполне естественно, что въ поискахъ заработка, въ выборѣ средствъ къ существованію *большинство* членовъ этой группы окажется въ числѣ интеллектуальныхъ работниковъ. Тѣ же интересы въ громадномъ большинствѣ случаевъ могутъ получить удовлетвореніе только при широкомъ духовномъ общеніи людей, творчество идей безъ такого общенія, безъ распространенія ихъ и безъ борьбы съ идеями несогласными теряетъ для многихъ людей всякій смыслъ; отсюда неизбежно вытекаютъ разнообразныя виды учительства. Такимъ образомъ, принадлежность къ числу интеллектуальныхъ работниковъ и разныя формы учительства составляютъ дѣйствительно существенныя, но уже вторичныя признаки интеллигенціи и поэтому не безусловно обязательныя: при наличности нѣкоторыхъ обстоятельствъ (обладаніе земельнымъ имуществомъ, торговымъ предпріятіемъ, замкнутый личный характеръ, излишняя скромность и т. п.), эти признаки могутъ быть выработаны чрезвычайно слабо и даже совсѣмъ отсутствовать, и тѣмъ не менѣе принадлежность къ интеллигенціи можетъ оставаться внѣ всякаго сомнѣнія. Вообще же доступъ въ составъ интеллигенціи открытъ для людей всѣхъ званій и состояній, такъ какъ тѣ умственные интересы, которыми живетъ интеллигенція и которые составляютъ характерный признакъ ея, не составляютъ ничьей привилегіи.

Несомѣнно, что та среда, въ которой люди выросли и воспитались, въ которой имъ приходится работать, тотъ родъ занятій, который доставляетъ матеріальныя средства къ существованію, накладываютъ извѣстный отпечатокъ и на интеллектуальную жизнь человѣка, отражаются и на его умственныхъ интересахъ. Но тѣ интересы, которые составляютъ характерную черту интеллигента, прежде всего требуютъ отъ него защиты правды, а не матеріальныхъ интересовъ того или другого класса, того или другого социального состоянія; и поскольку умственные интересы въ жизни интеллигенціи являются преобладающими, постольку она не принадлежитъ ни къ одному изъ социальныхъ классовъ, представляющихъ различныя матеріальныя интересы. Среди интеллигенціи встрѣчаются, конечно, разнообразныя взгляды, но это опредѣляется не принадлежностью представителя тѣхъ или другихъ взглядовъ къ тому или другому классу. Въ современномъ обществѣ не трудно встрѣтить ученаго, вышедшаго изъ духовенства и защищающаго экономическіе интересы крупнаго землевладѣнія, помѣщика, защищающаго интересы обрабатывающей промышленности: Либкнехтъ, Фольмаръ, Каутскій, Зингеръ, Жоресъ, Адлеръ—

никакими внѣшними признаками, своимъ социальнымъ положеніемъ вовсе не связаны съ тѣмъ классомъ, защитѣ интересовъ котораго посвящена ихъ дѣятельность, и они вовсе не составляютъ исключенія. „Прежде всего люди должны поддерживать свое существованіе“, говоритъ г. Изгоевъ, упуская изъ виду, какъ часто наша русская интеллигенція забываетъ объ этомъ „долгѣ“ поддержанія своего существованія, сколько ей приходится переносить страданій только потому, что она „прежде всего“ именно не объ этомъ заботится. Общественныя взгляды и стремленія интеллигенціи опредѣляются не „желудочными интересами“, а ея интеллектуальными интересами, ея совершенно безкорыстнымъ искательствомъ „правды-истины и правды-справедливости“. Если интеллигенція становится на защиту интересовъ того или другого социального класса, то это опредѣляется прежде всего совпаденіемъ этихъ интересовъ съ требованіями правды, по мнѣнію интеллигенціи, а не принадлежностью ея къ этому классу. Этимъ только и можно объяснить тотъ фактъ, что симпатіи большинства интеллигенціи очень часто, въ разные историческіе моменты, оказывались и оказываются на сторонѣ интересовъ того класса, къ которому это большинство не принадлежитъ по своему социальному положенію. Интеллигенція представляетъ собою внѣклассовую общественную группу, характеризующуюся наличностью опредѣленно выраженныхъ умственныхъ интересовъ и удовлетворяющую прежде всего потребности общества въ расширеніи и углубленіи сознательнаго отношенія къ явленіямъ окружающаго человѣка міра внѣшняго и міра внутренняго; на сторону матеріальныхъ интересовъ того или другого класса интеллигенція становится только постольку, поскольку эти интересы совпадаютъ съ требованіями правды-справедливости, какъ она понимается различными представителями интеллигенціи. Пониманіе же это опредѣляется всѣмъ тѣмъ, что человѣчество пережило, а не классовыми интересами. Есть люди, конечно, которые свое интеллигентность, свое духовное творчество обращаютъ на служеніе своимъ узкимъ интересамъ, руководствуются прежде всего матеріальными выгодами, все остальное подчиняя имъ. Точно также оказываютъ вліяніе на пониманіе правды тѣ симпатіи, какія возникаютъ изъ условій воспитанія и общественнаго положенія, тѣ традиціи, которыя каждый человѣкъ безсознательно впитываетъ въ себя. Все это оказываетъ отклоняющее въ разные стороны вліяніе и на общую работу интеллигенціи, придавая ей нѣсколько противорѣчивый и полный борьбы характеръ, но въ то же время сообщая богатство и разнообразіе настроеній, отражающихъ въ себѣ всю живую дѣйствительность. Но если имѣть въ виду общій характеръ этой работы, то въ ней отчетливо замѣтно стремленіе освободиться отъ вліянія симпатій и традицій среды, стать выше ихъ, а не стремленіе покориться и служить имъ. И это-то неудержимое стремленіе къ свободѣ отъ всего, что такъ или иначе спутываетъ духъ человѣка, составляетъ постоянный признакъ интеллигенціи, неустанно побуждающій ее освобождаться отъ подчиненія интересамъ того или другого класса.

Умственные интересы могутъ получить удовлетвореніе только при возможности широкаго, ничѣмъ не стѣняемаго духовнаго общенія между людьми; изъ этого вытекаетъ постоянная въ теченіе всей исторіи человѣчества борьба интеллигенціи за духовную свободу. Г. Изгоевъ выводитъ стремленіе интеллигенціи къ духовной свободѣ изъ ея профессиональныхъ интересовъ, изъ нуждъ учительства; очевидно, ему приходилось встрѣчать наиболѣе горячихъ борцовъ за духовную свободу среди нашихъ педагоговъ и священниковъ, чего я о себѣ сказать не могу. Духовная свобода необходима интеллигенціи, какъ та среда, въ которой не возможна

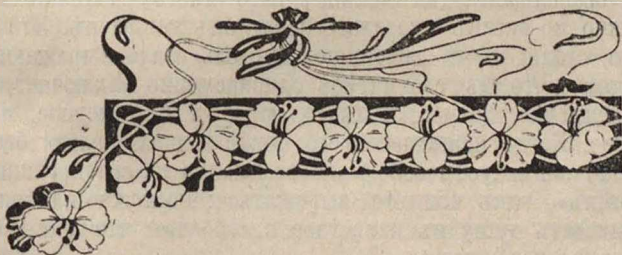
нормальная умственная жизнь общества. Въ тѣсной связи съ этимъ находится также и распространеніе въ обществѣ терпимости къ чужимъ взглядамъ, вѣрованіямъ и симпатіямъ, уваженіе къ чужому мнѣнію и къ личности ближняго. Творчество всякихъ идей, философскихъ, религіозныхъ, общественныхъ, и искательство правды по свойству человѣческой натуры обыкновенно бываютъ связаны съ проведеніемъ этихъ идей въ жизнь, съ стремленіемъ къ осуществленію въ жизни „правды-справедливости“; а все это неизбѣжнымъ образомъ заставляетъ интеллигенцію отстаивать терпимость ко всякому мнѣнію и уваженіе къ личности.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о „желудочныхъ интересахъ“ интеллигенціи. Что у каждаго интеллигента есть желудокъ, это въ достаточной степени „банально и общеизвѣстно“; „необходимость быть сытымъ“, по выраженію Гл. Успенскаго, присуща всѣмъ людямъ. Вполнѣ понятно желаніе затрачивать на удовлетвореніе этой необходимости возможно меньше силъ и въ то же время въ результатѣ получать возможно больше удобствъ; есть такое, разумѣется, желаніе и у представителей интеллигенціи. Но тогда какъ забота объ этой сытости совершенно, безъ остатка заполняетъ жизнь Ивана Ермолаевича, для большинства интеллигентовъ она не имѣетъ опредѣляющаго значенія; но все же она есть, и вліяніе ея въ большей или меньшей мѣрѣ сказывается. Такого рода матеріальные интересы не у всѣхъ представителей интеллигенціи опредѣляются одинаковыми условіями, такъ какъ интеллигенты принадлежатъ къ различнымъ имущественнымъ и профессиональнымъ группамъ, и объ этихъ интересахъ—какъ интересахъ всей группы, поэтому нельзя говорить. Большинство современной нашей интеллигенціи, наиболѣе типичные представители ея принадлежатъ къ классу,—по опредѣленію г. Изгоева,—интеллектуальныхъ рабочихъ; если имѣть въ виду матеріальные интересы этого большинства интеллигенціи, то въ этомъ отношеніи она сливается со всѣмъ классомъ интеллектуальныхъ рабочихъ и своихъ особыхъ интересовъ не имѣетъ. Разнообразные же представители интеллектуального труда: учителя, врачи, писатели, художники, инженеры и пр. получаютъ сравнительно тѣмъ большее вознагражденіе за свой трудъ, чѣмъ богаче та страна, въ которой они работаютъ; чѣмъ выше производительность труда, тѣмъ больше благъ приходится и на долю интеллектуальныхъ работниковъ. Такимъ образомъ, интеллигенція, поскольку она входитъ въ составъ класса интеллектуальныхъ рабочихъ, оказывается непосредственно заинтересованной въ подъемѣ общаго благосостоянія страны, и матеріальные интересы побуждаютъ ее стремиться къ осуществленію такой организации народнаго хозяйства, при которой производилось бы возможно большее количество благъ.

Итакъ, духовные интересы современной интеллигенціи тѣсно связываютъ ее съ жизнью всего народа, создаютъ для нея извѣстную заинтересованность въ направленіи этой жизни и побуждаютъ къ активному вмѣшательству въ нее. При этомъ заинтересованность въ широкомъ распространеніи знаній, въ богатствѣ и разнообразіи проявленій духовной жизни, въ связи съ поднятіемъ общаго благосостоянія, сближаетъ интеллигенцію съ массой населенія. Въ нашемъ обществѣ еще далеко не вымерли окончательно понятія о „долгѣ предъ народомъ“, о „святой обязанности заботиться о меньшомъ братѣ“; даже въ нашихъ представительныхъ учрежденіяхъ, въ земскихъ собраніяхъ, часто мѣропріятіямъ по народному образованію, сельской медицинѣ и т. п. придается значеніе какой-то благотворительности, какого-то одолженія со стороны культурныхъ классовъ по отношенію къ мужику. Современная интеллигенція наша, повидимому, совершенно уже отрѣ-

пилаась отъ этого крѣпостническаго прекраснодушія *). Для нея крестьянинъ и рабочій не „меньшой братъ“, а товарищъ въ достиженіи общихъ культурныхъ цѣлей; если интеллигенція заботится о распространеніи образованія среди крестьянъ и рабочихъ, о поднятіи духовнаго уровня ихъ, о повышеніи матеріальнаго благосостоянія, то дѣлается это ею не въ силу какого-то долга и не изъ снисходительной благосклонности, а вслѣдствіе общности интересовъ, вслѣдствіе сознанія, что насущныя нужды интеллигенціи могутъ получить удовлетвореніе только совмѣстно съ удовлетвореніемъ нуждъ народа. Интеллигенція роковымъ процессомъ исторіи выведена изъ тѣснаго круга верхнихъ интересовъ и приведена въ живое взаимодѣйствіе со всѣмъ народомъ, поставлена въ необходимость искать для него „правду-истину“ и „правду-справедливость“, такъ какъ только такимъ путемъ, только сообщаясь народомъ она можетъ получить удовлетвореніе и своихъ интересовъ. Въ этомъ ея общественная задача и въ этомъ оправданіе ея современнаго существованія, какъ соціальной группы.

Якимъ Шенецкій.

*) Въ современной интеллигенціи дѣйствительно наблюдается указанная авторомъ эволюція въ пониманіи ею своей культурно-общественной роли и въ отношеніи ея къ «народу». Но, къ сожалѣнію, нельзя признать, что этотъ процессъ закончился «совершенно» и притомъ у всей передовой интеллигенціи. *Редакція.*

Проф. Брандесъ.

Проф. Брандесъ.

Артуръ Шнитцлеръ.

Въ теченіе какихъ-нибудь 7—8 лѣтъ Артуръ Шнитцлеръ сталъ наиболѣе интереснымъ писателемъ Австріи. Трудно указать на его главные, выдающіяся особенности, такъ какъ у него много различныхъ обликовъ. Но одно можно по-истинѣ сказать о немъ: онъ гениаленъ. Это выраженіе, одновременно столь много говорящее и столь мало выражающее, можно отнести къ тому, что въ его натурѣ одновременно заключается нѣчто въ высокой степени разсудочное, и нѣчто, совсѣмъ безотчетное, повидимому, ирраціональное. Когда появляется его новая книга, нельзя быть увѣреннымъ, что она знаменуетъ собою, по сравненію съ его прежнимъ творчествомъ, «успѣхъ», какъ принято выражаться; но можно навѣрное сказать, что она приведетъ душу въ извѣстное настроеніе, что она вызоветъ въ ней плодотворное возбужденіе.

Его послѣднее произведеніе, пятиактная драма «Покрывало Беатриче» — полная содержанія вещь, которая врѣзывается въ память, вещь обманчивая и безумная, по замыслу вѣрная дѣйствительности, а по выполненію умышленно робящая предъ ней, богатая свѣтомъ и настроеніемъ, на которую однако ложится темной тѣнью мысль о смерти, — словомъ, истинно Шнитцлерова смѣсь жажды наслажденія и размысленій о смерти, какъ двухъ близко стоящихъ вещей, стремленія къ безудержной страсти, глубоко вдохновеннаго отношенія къ искусству, — все это въ рамкѣ драмы, которая разыгрывается въ Болонѣ, въ эпоху Цезаря Борджіа и, безъ сомнѣнія, произведетъ на сценѣ не малый эффектъ.

Но того, кто любитъ талантъ Шнитцлера, интересуетъ не столько вопросъ о томъ, будетъ ли имѣть новая драма большій или меньшій успѣхъ на сценѣ, сколько вопросъ, какъ возникла она изъ глубины его души и въ какомъ отношеніи стоитъ она къ его предыдущимъ работамъ.

Рѣдкій дебютъ въ новѣйшей нѣмецкой литературѣ былъ такимъ блестящимъ, какъ дебютъ Артура Шнитцлера, когда онъ выступилъ съ

маленькимъ сборникомъ діалоговъ «Анатоль». Легкомысленная Вѣна—вся въ этой книгѣ, со своимъ легкомысліемъ и горечью, своей грустью и шутливостью, своей тонкой житейской мудростью и знаніемъ женщины. Въ ней собрано многое изъ опыта, и это передается съ обдуманной ироніей и насмѣшкой надъ собой же. На немногихъ страницахъ здѣсь надолго запечатлѣна та часть Вѣны, которая проводитъ жизнь въ любовныхъ интрижкахъ, въ отдѣльных кабинетахъ и компаніяхъ молодежи, и забавно то, что главное лицо, влюбчивый Анатоль, и его трезвый другъ Максъ во всѣхъ разговорахъ выступаютъ въ разностороннемъ освѣщеніи, въ ихъ отношеніяхъ къ разнымъ женщинамъ, пока читатель не узнаетъ ихъ окончательно.

Драма «Сказка» своей серьезностью выказала Шнитцлера съ новой стороны. Здѣсь впервые проявился въ немъ человѣкъ съ темпераментомъ, но къ нему присоединяется еще проницательный знатокъ людей, который обнаруживаетъ свое знаніе человѣческаго сердца. Пьеса, какъ и многія вещи Шнитцлера, относится къ театральному міру. Это—тотъ міръ, гдѣ онъ провелъ большую часть своей жизни тогда, когда одновременно занимался дѣятельностью практическаго врача. Въ этой драмѣ одинъ молодой лавкъ въ разговорѣ съ другими молодыми людьми протестуетъ противъ выдумки о «павшихъ», т. е., противъ того, что устанавливаетъ пропасть между порядочными и непорядочными женщинами; онъ говоритъ, что такимъ презрѣніемъ послѣднихъ толкаютъ въ пропасть. Пьеса показываетъ, какъ ревность къ прошлому женщины, которую любитъ Федоръ, постепенно приводитъ его къ тому, что онъ въ моральномъ отношеніи третируетъ ее и дѣлаетъ для нея совместную жизнь съ нимъ невозможной. Это не эффектная пьеса; это не только честная, простая, но и замѣчательная по знанію души работа. Молодая, начинающая актриса, хотя менѣ блестяща, но болѣе жизненна, чѣмъ героиня Зудерманна въ лицѣ Магды въ «Родинѣ», которая гораздо богаче сценическими эффектами.

Дальше появилась прекрасная маленькая пьеса «Волокитство», которой Шнитцлеръ впервые проложилъ себѣ дорогу на сценѣ. Эта пьеса опять истинно вѣнская, что, можетъ быть, почувствовали не такъ сильно въ Вѣнѣ, какъ въ Берлинѣ, гдѣ она разыгрывалась почти исключительно вѣнскими артистами. Въ ней такая же смѣсь чувства и житейскаго опыта, какъ въ предыдущихъ, но больше жизни, и легкая веселость перваго акта представляетъ отличное дополненіе къ серьезному характеру послѣдняго съ извѣстіемъ о смерти.

За годъ до появленія «Волокитства», Шнитцлеръ издалъ свой единственный до сихъ поръ большой рассказъ, производящую тяжелое впечатлѣніе повѣсть «Умираніе». Съ пытливостью глубокаго философа рисуетъ онъ въ ней послѣдній годъ жизни человѣка, осужденнаго врачами и сознающаго приближеніе смерти, его отношеніе къ молодой дѣвушкѣ, которую онъ любитъ любовью, полной страсти, жажды жизни, чувственности, ревности, его горячее желаніе беззавѣтной взаимной любви, его эгоистическое стремленіе взять возлюбленную съ собой въ могилу, иллюзію улучшенія, уменьшенія силы воли, усиленіе безудержнаго эгоизма вплоть до самаго конца.

Въ 1898 году появился томъ повѣстей подъ заглавіемъ «Жена мудреца»,—хорошіе прочувствованные рассказы, между прочимъ, образцовое произведеніе, озаглавленное «Мертвецы молчатъ». Это—выполненное вѣрной рукой и вѣрнымъ глазомъ анатомирование женскаго сердца. Душа этой женщины скрываетъ въ себѣ почти исключительно доброе и прекрасное, однако, при наступленіи катастрофы, стремленіе къ самосохраненію, вы-

ступая изъ береговъ, обнаруживаетъ въ ней недостойныя черты, до сихъ поръ не сознаваемая ею самой. Она замужемъ; однажды вечеромъ она поѣхала со своимъ возлюбленнымъ за-городъ, чтобы безъ стѣсненій провести съ нимъ часть въ спокойномъ разговорѣ, какъ вдругъ карета опрокинулась, онъ остается лежать съ разможеннымъ черепомъ, а она, покарауливъ немного возлѣ трупа, спасается бѣгствомъ, чтобы не быть понапрасну компрометированной. Она любитъ его вполне искренно; въ страхѣ и волненіи, которое охватываетъ ее при его смерти, мысль о собственномъ спасеніи вытѣсняетъ все другое, но, едва вернувшись домой, она не въ силахъ совладать со своимъ возбужденіемъ и рассказываетъ все своему мужу.

Недавно, въ драмахъ «Дикій» и «Завѣщаніе» выразился у Шнитцлера духъ протеста противъ буржуазнаго общества, противъ обычаевъ морали. Онъ обыкновенно колеблется между двумя полюсами—человѣкомъ разсудка, съ боевымъ темпераментомъ, и поэтомъ-мыслителемъ. Здѣсь говоритъ человѣкъ разсудка. Въ первой пьесѣ рисуется надменность офицера по отношенію къ жейщинамъ, не принадлежащимъ къ свѣтскому обществу—маленькимъ актрисамъ лѣтняго театра—и содержитъ въ себѣ нападеніе на безсмысленность дуэли и несправедливость ея рѣшеній. Пьеса эта, въ родѣ драмъ Поля Эрвье во Франціи, и настолько служить для проведенія тенденции, что она производитъ впечатлѣніе скорѣе серьезнаго диспута, чѣмъ дѣйствительной жизни.

Вторая пьеса, рисующая тяжелое, а потомъ даже невыносимое положеніе, въ которое попадаетъ одна молодая женщина, жившая съ молодымъ человѣкомъ изъ почтенной буржуазной семьи, когда она послѣ его смерти (вслѣдствіе его воли, выраженной имъ при смерти) принята въ его домъ—возстаетъ съ горечью, какую раньше проявилъ Гюйсманъ, противъ безсердечія и фарисейства официального общества.

Въ трехъ маленькихъ одноактныхъ пьесахъ, которыя появились въ 1899 году подъ общимъ заглавіемъ «Зеленый попугай», въ Шнитцлерѣ опять сказался человѣкъ фантазіи. Въ одной изъ пьесъ, «Парацельсъ», въ главномъ героѣ, какъ правильно было замѣчено мимоходомъ въ одномъ отзывѣ, выразился символическій замыселъ поэта во всемъ своемъ очарованіи, своей силѣ и своей слабости. Вторая отдѣльная пьеса, «Спутница»—взрывъ горечи и презрѣнія къ жейщинамъ со стороны автора; третья, по которой названъ весь сборникъ—первое выраженіе мысли, которая вполне обнаружилась въ его послѣднемъ произведеніи—основного представленія о жизни, какъ о фантазмагоріи, въ которой дѣйствительность и видимость странно и таинственно переплетаются въ одно цѣлое. «Зеленый попугай» разыгрывается непосредственно передъ великой французской революціей въ Парижѣ, гдѣ по своеобразному вымыслу автора, актеры нанятые для этой цѣли хозяиномъ, изображаютъ въ одномъ трактирѣ, передъ пресыщенными аристократами сцены мятежа до тѣхъ поръ, пока шутка становится серьезнымъ дѣломъ прежде, чѣмъ успеваютъ въ ней разобраться. Пьеса въ извѣстной степени иллюстрируетъ афоризмъ Киркегаарда: «Въ одномъ театрѣ за кулисами начался пожаръ. Паяцъ вышелъ, чтобы извѣстить объ этомъ публику. Публика подумала, что это шутка, и стала аплодировать; онъ повторилъ, но ликованіе еще возросло. Такъ, думается мнѣ, погибнетъ міръ среди общаго ликованія остроумныхъ головъ, которыя будутъ думать, что это шутка».

Затѣмъ появилась подъ заглавіемъ «Ряды» еще одна книга Шнитцлера,—новый рядъ діалоговъ, въ которыхъ трактуется съ обдуманнѣмъ остроуміемъ о половыхъ отношеніяхъ въ такомъ родѣ, какъ во французской

литературѣ у Лаведана или М-те Марни. Этой книги нѣтъ въ продажѣ; авторъ роздалъ лишь нѣсколько экземпляровъ своимъ друзьямъ, такъ какъ иначе, какъ говорить онъ въ предисловіи, онъ не могъ бы избѣжать недоразумѣній, которыя непременно породили бы глупость и недоброжелательство.

Наконецъ, въ 1901 г. появилась замѣчательная драма «Покрывало Беатриче», которая, несмотря на несовершенство аргументаціи, является наиболѣе полнымъ выраженіемъ взгляда Шнитцлера на жизнь въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ сложился у него въ настоящее время. Особенно характерно, что дѣйствіе происходитъ въ Болоньѣ въ послѣдніе дни, когда ожидается прибытіе къ стѣнамъ города Цезаря Борджіа съ такимъ сильнымъ войскомъ, что защита города собственными слабыми силами безнадежна, и всѣ сознаютъ, что предстоитъ всеобщая рѣзня. Почти по примѣру Ренана въ его «Аббатисѣ Жуарской», Шнитцлеръ задумался надъ вопросомъ, какъ должно подѣйствовать такое сознаніе непосредственно предстоящей смерти и гибели на душу, въ частности на эротическія чувства въ такой формѣ, въ какой они существовали въ эпоху Возрожденія; и онъ, какъ артистъ, отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Центромъ пьесы поставлена молодая женщина, 16-лѣтнее дитя, которая, повидимому, должна изображать типъ женской природы, съ вѣрнымъ сердцемъ, но измѣняющая въ мысляхъ и мечтахъ, поступающая чисто-механически и такъ же механически отдающая себя, но въ глубинѣ души невинная. Окончательно ея натура не выясняется. Какъ и многія другія женщины въ пьесѣ, она любитъ главное лицо, образъ для эпохи Возрожденія слишкомъ современный, который, къ сожалѣнію, — поэтъ и гений; жаль только, что читатели не могутъ восхищаться этимъ человекомъ, какъ отъ нихъ ожидается. Въ немъ слишкомъ много старой романтики, но, безъ сомнѣнія, и многое изъ характера самого Шнитцлера. Въ восхищеніи имъ проявляется главнымъ образомъ вдохновенное отношеніе автора къ искусству, какъ къ единственно-вѣчному среди преходящаго.

Въ пьесѣ сплетаются въ одно черная и красная нить творчества Шнитцлера: красота женщины и величіе искусства дѣлаютъ жизнь яркой; дорогая цѣна, которой покупается счастье, и его мимолетность омрачаютъ ее; увѣренность, что смерть близка, дѣлаетъ жизнь похожей на сказку.

Помѣщаемая ниже шутка «Храбрый Касьянъ» представляетъ послѣднее недавно появившееся произведеніе Шнитцлера. Нельзя не пожалѣть, однако, что оно не даетъ истиннаго понятія о талантѣ этого моднаго теперь писателя. Это именно такого рода вещь, о которой по выраженію Брандеса, нельзя сказать, что она знаменуетъ собою успѣхъ сравнительно съ прежними произведеніями. Но даже сами отрицательныя стороны этой шутки могутъ до нѣкоторой степени дать понятіе о характерѣ творчества автора.

Артуръ Шнитцлеръ.

Храбрый Касьянъ.

Шутка въ одномъ дѣйстви.

Лица: Мартинъ, Софи, Касьянъ, Слуга.

Артуръ Шнитцлеръ.

Мансарда въ стилѣ конца 17-го столѣтія. — Небольшой нѣмецкій горѣдь. — Изъ окна видъ на крышч и башни и дальше—на холмистый ландшафтъ, залитый краснымъ сіяніемъ заходящаго солнца.

Въ комнатѣ нѣкоторый беспорядокъ: открытый ящикъ, открытый, пустой наполовину шкафъ — На стульяхъ лежатъ платья и бѣлье.

Мартинъ занятъ укладываніемъ чемодана.—Софи стоитъ подлѣ него.

Мартинъ. Не плачь, дитя, не плачь.

Софи. Но я, вѣдь, совсѣмъ спокойна.

Мартинъ (*не оборачиваясь*). Я слышу по твоему дыханію, что ты плачешь.

Софи. Помочь тебѣ?

Мартинъ. Конечно, можешь. Посмотри, въ шкафу, на самомъ верху—тамъ лежатъ носовые платки.

Софи (*идетъ туда*). Новые... шелковые...

Мартинъ. Давай ихъ сюда. Вѣдь ты не сердилъ на меня за то, что я беру въ дорогу шелковые носовые платки?

Софи. И прелестное кружевное жабо!.. Ты, значить, купилъ-таки его у персидскаго купца.

Мартинъ. Конечно. Или ты хотѣла бы, чтобы твой милый одѣвался въ дорогѣ, какъ какой-нибудь подмастерье?

(Софи медленно подаетъ ему.—Онъ указываетъ на жабо). Развѣ это не слеза опять?

Софи (*просто*). Прости.

Мартинъ. Ну, ну... (*добродушно, слегка касаясь жабо губами*). Ну, ты видишь, я не сержусь на тебя. Только успокойся, наконецъ. Примирись, дитя. (*продолжаетъ укладывать*). Вѣдь это не навѣки.

Софи. Надѣюсь.

Мартинъ. Вотъ видишь!..

Софи. Но на долго ли?

Мартинъ. Хочешь ли ты, дитя, сдѣлать меня невольнымъ лгуномъ? Я не знаю, на долго ли.

*) Перев. съ нѣм. П. И. Лурье.

Софи. Мартъ подходитъ къ концу.

Мартинъ. Я знаю.

Софи. На лугу у городской стѣны цвѣли фіалки, когда мы недавно гуляли тамъ.

Мартинъ. Что же изъ этого?

Софи. Будешь ли ты снова здѣсь, когда зацвѣтетъ сирень?

Мартинъ. Быть можетъ, раньше... а можетъ быть, и немножко позже... Возможно, наконецъ, когда созрѣютъ персики—почемъ я знаю! Во всякомъ случаѣ, я вернусь, если только я останусь живъ—на что я надѣюсь.

Софи (со страхомъ). Если ты поступишь на военную службу, Мартинъ...

Мартинъ. На военную службу? И не подумаю. Не имѣю никакого желанія драться. Это дѣло не мое.

Софи. А когда уѣдешь! Я слыхала, какъ они умѣютъ завлекать хитростью и коварствомъ!—Вѣдь, твой кузенъ Касьянъ, о которомъ ты мнѣ такъ много рассказывалъ, тоже солдатъ.

Мартинъ. Храбрый Касьянъ—да, но этотъ другое дѣло. Онъ уже въ тринадцать лѣтъ убилъ двухъ разбойниковъ... О, для него жизнь человѣческая не больше, чѣмъ жизнь комара. Это молодецъ!

Софи. Я хотѣла бы съ нимъ познакомиться.

Мартинъ. Касьянъ!.. Это герой! Держу пари, что въ самомъ непродолжительномъ времени онъ будетъ полковникомъ, генераломъ.., фельдмаршаломъ... О, если бы я былъ Касьяномъ, я бы давно покорилъ себѣ цѣлое герцогство. Но мы скоро услышимъ о немъ что-нибудь въ этомъ родѣ, это вѣрно. Еще бы, храбрый Касьянъ!—Я же мирный малый и играю на своей флейтѣ.

Софи. А если они тебѣ предложить хорошій задатокъ?

Мартинъ. Задатокъ?... Развѣ я жаденъ?

Софи. Если ты будешь такъ поступать и дальше, Мартинъ, отъ выигранныхъ червонцевъ скоро ничего не останется.

Мартинъ. Далеко бы я уѣхалъ съ этой тысячею червонцевъ! Жалкая тысяча червонцевъ, выигранная здѣсь у студентовъ! У этихъ нищихъ!

Софи. Знаешь ли, что они говорятъ?

Мартинъ. Могу себѣ представить.

Софи. Что ты въ союзъ съ чортомъ.

Мартинъ. Остроуміе и счастье для нихъ чертовщина. Вы дождетесь своихъ чудесъ! (ходитъ взадъ и впередъ, дѣлаетъ туалетъ).

Софи. О Мартинъ, Мартинъ!

Мартинъ. Чего ты?

Софи. Останься, останься! Я чувствую, ты мнѣ изменишь!

Мартинъ. (смущенный). Развѣ я подавалъ тебѣ когда-нибудь поводъ?

Софи. Развѣ я знаю тебя? Осенью только пришелъ ты въ нашъ городъ, а на рождественскихъ праздникахъ ты въ первый разъ поцѣловалъ меня

Мартинъ. Ну, а дальше? Съ тѣхъ поръ ты кое-что узнала!—

Софи. Былъ ли это первый твой поцѣлуй, какъ у меня?

Мартинъ. Могу тебѣ поклясться въ этомъ.

Софи. Мартинъ!.. А изъ этихъ красивыхъ женщинъ, которыя осенью танцовали здѣсь въ балетѣ, ты ни одной не цѣловалъ?

Мартинъ. Ни одной.

Софи. Развѣ ты не бывалъ каждый вечеръ въ театрѣ? Развѣ ты не ожидалъ до поздней ночи, пока онѣ не поѣдутъ домой—у маленькой двери, на площади ратуши?

Мартинъ. Но я вѣдь ни одной не зналъ, ни съ одной не разговаривалъ.

Софи. А цвѣтокъ, за которымъ ты погнался?

Мартинъ. Довольно этихъ ребяческихъ исторій.

Софи (*настойчиве*). Какъ ее звали—ту, которая бросила тебѣ цвѣтокъ?

Мартинъ. Не помню теперь.

Софи. Она танцевала въ тотъ вечеръ танецъ плѣнной дѣвушки изъ Аѳинъ.

Мартинъ. Можетъ быть.

Софи. Какъ ясно я вижу ее передъ собой! Точно извивающіяся змѣи въ снѣгу разсыпались по плечамъ ея черные локны. Всѣ, видѣвшіе ее, съ ума сошли отъ восторга. А наслѣдний принцъ бросилъ ей красныя розы на сцену... О, я все еще помню! А потомъ на улицѣ ожидали сотни людей, и когда она вышла, съ букетомъ въ рукѣ, всѣ громко выражали свой восторгъ, а она улыбалась, смотрѣла во всѣ стороны и бросала цвѣты въ толпу... А ты... да, ты... ты! ты погнался за однимъ цвѣткомъ, поднялъ его съ земли и—я вѣдь видѣла—спряталъ его у себя на груди.

Мартинъ. (*невольно хватается за грудь. Бросаетъ быстрый взглядъ на Софи, чтобъ убедиться, не замѣтила ли она этого*). Ну, такъ что же? Она уѣхала, и я ничего больше не слыхалъ о ней.

Софи. Но я боюсь, Мартинъ, что ты могъ бы меня когда-нибудь забыть и измѣнить изъ за такой...

Мартинъ. Глупости!

Софи. Помни, Мартинъ, что всѣ эти странствующие по міру, не имѣющія родины—всѣ онѣ фальшивы... какъ бы онѣ красиво не танцовали или пѣли. И помни, что это было бы несчастьемъ и для тебя, Мартинъ, если бы ты забылъ меня!

Мартинъ (*нетерпѣливо*). Который часъ?

Софи. Звонятъ къ вечернѣ, Мартинъ.

Мартинъ. Еще три часа! Три долгихъ часа до отхода почты.

Софи. Долгихъ?... Долгихъ?..

Мартинъ. Я огорчилъ тебя.

Софи. (*рыдая*). Почему.. Почему ты уѣзжаешь?

Мартинъ. Сколько разъ еще мнѣ придется отвѣчать на этотъ глупый вопросъ? Потому, что меня что то гонить... Бунтующая кровь... цвѣтущая весна... Я хочу видѣть что-нибудь новое—людей, города!.. Меня раздражаютъ эти стѣны,—онѣ давятъ меня... Я не могу спѣть ни одной пѣсни... (*ходитъ взадъ и впередъ; гмачаетъ безпокойный взглядъ Софи, направленный на него*). Какъ это глупо, въ послѣдній часъ передъ отъѣздомъ!.. Не пора ли тебѣ зомой, Софи?—Становится поздно.

Софи. Если ты хочешь, Мартинъ, я сейчасъ уйду.

Мартинъ. Не то, что я хочу, но мать...

Софи. Сегодня я могла бы дольше остаться. Я хотѣла проводить тебя до почтовой станціи.

Мартинъ. Да?.. Ну, хорошо. Въ такомъ случаѣ, мы можемъ вмѣстѣ поужинать.

Софи. Конечно.

Мартинъ. Такъ пойдемъ!

Софи. Куда?

Мартинъ. Я думаю—какъ и въ прошлый разъ, къ рѣкѣ, къ гостинницѣ Золотого Лебеда.

Софи. Туда?..

Мартинъ. Ты не хочешь?

Софи. Какъ ты не понимаешь!.. Тамъ солдаты и студенты, которые такъ дерзко осматриваютъ.

Мартинъ. Ахъ, изъ-за этого? Это насъ не касается.

Софи. А много ли нужно было въ прошлый разъ, чтобы вы бросились другъ на друга со шпагами?

Мартинъ. Это не моя вина. Я не потерплю, чтобы кто-нибудь смотрѣлъ на тебя не такъ, какъ это принято.

Софи. Не будетъ ли уютнѣе, если мы останемся дома?

Мартинъ. Уютнѣе,—да, но нечего ѣсть. Бригитта ушла еще послѣ обѣда, а слуга придетъ лишь къ тому времени, когда нужно будетъ снести чемоданъ на почту.

Софи. Такъ я сама чего-нибудь принесу.

Мартинъ. Если хочешь...

Софи. Немного холодного мяса, печенья, апельсиновъ и финиковъ—согласенъ?

Мартинъ. Милое дитя! Что ты будешь теперь дѣлать всѣ вечера, когда меня не будетъ?

Софи. Думать о тебѣ... что же другое? (*Страстное объятіе*). (Темнѣетъ. На лѣстницѣ тяжелые шаги.—Оба оглядываются. Входитъ Касьянъ, въ фантастическомъ мундирѣ).

Касьянъ (*очень громко и стремительно*). Рады ли мнѣ здѣсь?

Мартинъ. Кузенъ Касьянъ?

Касьянъ. Да, это я... Откуда раздается голосъ? Это голосъ кузена Мартина доносится ко мнѣ изъ темноты... Привѣтъ тебѣ, кузенъ Мартинъ!... И добрый вечеръ прекрасной барышнѣ.

Мартинъ. Какъ бы ни было темно, онъ сейчасъ видитъ, прекрасна ли барышня.

Касьянъ. Это скорѣе догадливость, чѣмъ острое зрѣніе... Будь это старая тетка Кордула, ты бы давно зажегъ огонь.

Мартинъ. Зажги огонь, Софи, зажги огонь, чтобы ты могла увидѣть товарища моего дѣтства, сына брата моего отца, храбраго Касьяна—лицомъ къ лицу!

(Софи подходитъ къ Касьяну и разсматриваетъ его. Они смотрятъ другъ другу въ глаза, потомъ она зажигаетъ огонь).

Мартинъ. Откуда, Касьянъ?.. Куда?.. Надолго ли къ намъ?... Что привело тебя сюда?

Касьянъ. Слишкомъ много вопросовъ для человѣка, испытывающаго голодъ, жажду и усталость.

Мартинъ. Ты должна теперь приготовить все для троихъ, Софи. Поторопись—ты знаешь, у насъ немного времени... Холодное мясо, печенье, апельсины и финики—какъ ты сказала!

К а с ь я н ь. А о шампанскомъ вы ничего не сказали, барышня? Это было бы жалко.

Со ф и. Я принесу все, что вы желаете.

М а р т и н ь. Вернись поскорѣе!

Со ф и. До свиданія!

К а с ь я н ь. (*растягивается на кровати*). Превосходно! Вотъ гдѣ хорошо было бы сутки отдохнуть!

М а р т и н ь. Если тебѣ нравится, можешь не вставать. Я уѣзжаю.

К а с ь я н ь. Это кстати. Въ такомъ случаѣ ты мнѣ уступишь, пожалуй, и твою комнату на одну ночь?

М а р т и н ь. Сколько угодно.

К а с ь я н ь. Быть можетъ, и барышню, которая принесетъ намъ ужинъ?

М а р т и н ь. Здѣсь кончается мое право распоряжаться и твое—задавать вопросы.

К а с ь я н ь. Ого! Годъ тому назадъ ты не нашелъ бы такого скорого отвѣта!

М а р т и н ь. А теперь, черезъ годъ, я тебя, быть можетъ, вмѣсто всякаго отвѣта....

К а с ь я н ь. Закололъ бы своей шпагой. Дай уже лучше я это скажу, а то дѣло могло бы кончиться худо. И это было бы глупо, такъ какъ я хотѣлъ бы, чтобъ мы съ тобой остались друзьями. Дай руку.

М а р т и н ь. Добро пожаловать.

К а с ь я н ь. Дай посмотрѣть на тебя. Ты измѣнился. Твоего смиреннаго благочестія нѣтъ больше... Городъ, какъ кажется, образовалъ тебя. Ходишь ли ты еще въ церковь?

М а р т и н ь. Ахъ, Касьянъ, въ самой жизни достаточно неба и ада!... Зачѣмъ мнѣ еще церковь и попы!

К а с ь я н ь. Прелестно, прелестно!.. Что приключилось съ тобой? Не укралъ ли ты корону съ ночного столика персидскаго шаха? Не ѣдешь ли ты завтра въ золотой упряжкѣ, съ шестеркой бѣлыхъ лошадей, въ Индію? Или ты отравилъ бамбергскаго архіепископа, и напали на твой слѣдъ?... Не ѣдешь ли ты на львиную охоту въ Африку?... Или не пригласилъ ли тебя султанъ въ свой гаремъ? Или ты, наконецъ, тотъ молодецъ, который недавно напалъ на столбовой дорогѣ между Вормсомъ и Майнцомъ, на карету, въ которой сидѣли красивая фонъ-Веспихъ, и ея красивая дочь? Не ты ли, наконецъ, повѣсилъ кучера на дерево и сдѣлалъ обѣимъ дамамъ дѣтей, которыя родились третьяго дня въ одинъ и тотъ же день?

М а р т и н ь. Ничего подобнаго.

К а с ь я н ь. Ахъ, я такъ и подозрѣвалъ: дѣвушка, которая принесетъ намъ апельсины и финики,—переодѣтая принцесса.

М а р т и н ь. Но вѣдь рѣчь вовсе не о ней!

К а с ь я н ь. Чортъ возьми, есть же человѣкъ, который можетъ возбудить любопытство Касьяна... и человѣкъ этотъ—мой кузень, Мартинъ!

М а р т и н ь. Итакъ—слушай!... (*Вынимаетъ изъ жилета цѣточку*). Это я получилъ отъ одной, съ которой я даже не говорилъ никогда, но которую я безумно люблю. Осенью она была здѣсь и танцевала—ее зовутъ Элеонора Ламбриани... (*Шатается*).

К а с ь я н ь. Что съ тобой?

М а р т и н ь. У меня голова кружится, когда я произношу то имя.

К а с ь я н ь. Элеонора Ламбриани?... Метресса герцога альтебургскаго?

М а р т и н ь. Была!

К а с ь я н ь. Которая танцевала ночью въ дворцовомъ паркѣ, въ Фонтенебло, передъ французскимъ королемъ и его офицерами—безъ покрова?

М а р т и н ь. Только дуракъ можетъ это дурно истолковать! Она была опьянена собственной красотой.

К а с ь я н ь. Которая выбросила графа фонъ-Лейганга изъ окна, такъ что на него бросились собаки и отгрызли ему одно ухо?

М а р т и н ь. Только съ перваго этажа, и другое ухо у него осталось...

К а с ь я н ь. Которая однажды поклялась, что девяносто девять ночей подъ рядъ, она каждую ночь осчастливить другого любовника, при чемъ каждый изъ нихъ долженъ быть по меньшей мѣрѣ принцемъ—и сдержала свою клятву, а на сотую ночь позвала къ себѣ въ спальню мальчика—савояра съ шарманкой?

М а р т и н ь. Да, она, она! Бѣдная, прелестная, прекрасная! И я хочу—я долженъ ею обладать! А потомъ умереть!

К а с ь я н ь. Ты хочешь? Гм... Можетъ случиться, что ты получишь ее ни за грошъ—но возможно также, что она потребуетъ десять тысячъ червонцевъ за поцѣлуй кончика своихъ пальцевъ. Возможно, что она порветъ свою сорочку пополамъ при первомъ твоемъ жадномъ взглядѣ, но возможно также, что она пошлетъ тебя противъ десяти тысячъ турокъ, прежде чѣмъ позволить тебѣ разстегнуть пряжку у ея башмака.

М а р т и н ь. Я готовъ.

К а с ь я н ь. Знаешь ли ты, гдѣ она теперь?

М а р т и н ь. Въ Гамбургѣ. Она тамъ танцуетъ по случаю празднествъ въ честь сѣзда монарховъ. А завтра утромъ я буду тамъ.

К а с ь я н ь. А гдѣ у тебя зарыты сокровища?

М а р т и н ь. Сегодня они еще въ чужихъ карманахъ. Но завтра, еще до наступленія вечера, я буду богатъ.

К а с ь я н ь. Какъ же ты это сдѣлаешь?

М а р т и н ь. Развѣ тебѣ неизвестно, что въ Гамбургѣ стекаются къ празднествамъ всѣ игроки міра?... Кто играетъ со мной, тотъ отдаетъ свое богатство мнѣ. А день великъ, если только выпадетъ человѣку счастье. А вечеромъ я иду въ театръ, сажусь у авансены, смотрю какъ Элеонора танцуетъ, и потомъ жду у ея дверей и приношу къ ея ногамъ мое богатство, мое сердце и мою жизнь.

К а с ь я н ь. А если она тебя и знать не захочетъ?

М а р т и н ь. Въ полночь я буду трупомъ!

К а с ь я н ь. Твоя фантазія слишкомъ рано остановилась. Продолжимъ: въ часъ ночи я протанцую съ ней на твоей могилѣ менуэтъ, а съ воздушнаго шара будетъ глядѣть на насъ китайскій императоръ.

М а р т и н ь. Ты можешь смѣяться надо мной, Касьянъ, такъ

какъ ты знаешь только мои желанія и надежды, но не знаешь моей силы и моего искусства. Ты не знаешь, что я *долженъ* выигрывать...

К а с ь я н ь. Долженъ.

М а р т и н ь. Какъ бы ни выпали кости, онѣ выпадаютъ въ мою пользу.

К а с ь я н ь. Ты въ этомъ увѣренъ?

М а р т и н ь. Такъ же увѣренъ, какъ и въ своей рукѣ и въ своихъ глазахъ.

К а с ь я н ь. Ты это испробоваль?

М а р т и н ь. Конечно. Сначала я игралъ самъ съ собой. Когда я приобрѣлъ увѣренность, я пригласилъ къ себѣ товарищей, такихъ же студентовъ, какъ я самъ; одинъ приводилъ другого—и всѣ проиграли. У меня теперь въ карманѣ деньги всего города. Немного, конечно, тысяча дукатовъ,—но этого хватитъ на обмундировку, на дорогу и на первую ставку.

К а с ь я н ь. Меня подзадориваетъ... Вполнѣ ли ты увѣренъ въ себѣ?

М а р т и н ь. Да ты попробуй! Вотъ бокаль и кости: давай играть.

К а с ь я н ь. (*беретъ бокаль въ руки*). Отлично. Но что же съ хорошенькой барышней, которая принесетъ намъ поѣсть?

М а р т и н ь. Бѣдное дитя!—Ты вѣдь знаешь, Касьянъ, когда я осенью простился съ тобой, и ты отправился въ полкъ, а я поступилъ въ университетъ, я былъ еще невиннымъ мальчикомъ: я еще никогда не цѣловалъ дѣвичьихъ устъ и еще ни разу не клялся въ любви. Но развѣ я могъ явиться такимъ передъ Элеонорой?... Я не смѣлъ!.. Въ объятяхъ Софи я научился поцѣлуймъ давалъ ей любовныя клятвы, которыя такъ охотно слушаютъ дѣвушки. Я разыгрывалъ передъ ней страстнаго, ревниваго, нѣжнаго—и могу теперь сдѣлать изъ женщины все, что захочу. Чтобы почувствовать себя достаточно побѣдоноснымъ и сильнымъ и не дрожать передъ своей богиней, мнѣ предстоитъ еще продѣлать съ ней послѣдній опытъ. Прежде, чѣмъ оставить городъ, я хочу ей сказать, что я никогда больше не увижу ея. И ты будешь свидѣтелемъ, какъ она полетитъ къ окну и захочетъ выброситься.

К а с ь я н ь (*встряхиваетъ кости*). Твоя ставка, Мартинъ!—Какъ? одинъ золотой?

М а р т и н ь. Я такъ начинаю.

К а с ь я н ь (*бросаетъ кости*). Три.

М а р т и н ь (*тоже*). Четыре.

К а с ь я н ь. Ну, это еще ничего.

М а р т и н ь. Не больше, чѣмъ мнѣ было нужно.

К а с ь я н ь. Десять.

М а р т и н ь. Одиннадцать.

К а с ь я н ь. Двѣнадцать... Ну, теперь тебѣ не удастся!

М а р т и н ь. Двѣнадцать.

К а с ь я н ь. Чортъ!—Одиннадцать!

М а р т и н ь. Двѣнадцать.—Дальше!

К а с ь я н ь. Дальше? Я кончилъ. У меня больше ни гроша въ карманѣ. (*Входитъ Софи*).

К а с ь я н ъ. Милостивая государыня, вы видите передъ собой человѣка, который въ данную минуту голъ, какъ соколъ...

М а р т и н ъ. Не говори такъ... Вотъ тебѣ, мой другъ, золотой. Я охотно дамъ его тебѣ взаймы.

К а с ь я н ъ. *(прячетъ его въ карманъ жилета)*. Нельзя знать...

С о ф и *(накрываетъ столъ, наливаетъ вино)*. Такъ это правда, что у него есть способъ, при помощи котораго онъ долженъ всегда выигрывать?

К а с ь я н ъ. Повидимому... Благодарю. Ваше здоровье, барышня... Твое здоровье, кузень Мартинъ... Кто бы мнѣ предсказалъ вчера, что я буду сегодня сидѣть за накрытымъ столомъ въ кругу друзей... Ахъ, какой на васъ красивый чепчикъ, барышня!

М а р т и н ъ. Дѣйствительно красивый. На тебѣ не было его, когда ты уходила за ужиномъ.

С о ф и. Я вѣдь близко живу. Я забѣжала на минутку къ себѣ—нужно же придать себѣ болѣе приличный видъ, когда любимый человѣкъ принимаетъ такого дорогого гостя.

М а р т и н ъ. Она знаетъ, что прилично, не правда ли?

К а с ь я н ъ. И что вкусно также. Клянусь, трюфельный пантеть, который я ѣлъ у герцога Андалузскаго, по сравненію съ этимъ—жалкое нищенское блюдо.

М а р т и н ъ. Неужели... Право, пантеть этотъ взять изъ очень скромной гостиницы, а поваръ, вѣроятно, никогда не выѣзжалъ изъ нашего городка... правда, Софи?

С о ф и. Ошибаешься, Мартинъ. Такъ какъ я была уже дома, то я сбѣгала на рынокъ, въ гостиницу Странствующаго Верблюда—у нихъ тамъ теперь поваръ, котораго великій герцогъ Пармскій изгналъ за то, что онъ такъ хорошо готовилъ, что принцесса непременно хотѣла выйти за него замужъ.

К а с ь я н ъ. Да здравствуютъ великій герцогъ, принцесса и странствующій верблюдъ... и вы, милая барышня! *(пьютъ)*.

К а с ь я н ъ. Я не думалъ, чтобы въ здѣшнихъ погребахъ было такое чудное вино.

М а р т и н ъ. Въ этомъ нѣтъ недостатка. Къ тому же оно дешево, какъ нигдѣ. Бутылка—тринадцать грошей; неправда ли, Софи?

С о ф и. Нѣтъ, Мартинъ. Это лучшее изъ винъ Странствующаго Верблюда. Бутылка стоитъ червонецъ.

М а р т и н ъ. Чортъ! Что же, они повѣрили тебѣ, на лицо твое глядя?

С о ф и. Нѣтъ, я оставила въ залогъ золотую браслетку, которую ты недавно подарилъ мнѣ... Развѣ я не должна была этого сдѣлать,—когда у насъ такой дорогой гость...?

К а с ь я н ъ. Добрая у меня жажда, но вино еще лучше—а ваша любезность, барышня, лучше и жажды, и вина. Позвольте поцѣловать вашу руку, барышня.

С о ф и. Не называйте же меня „барышней“,—а то мнѣ стыдно. Моя мать бѣдная вдова, а мой отецъ при жизни былъ простымъ кузнецомъ.

К а с ь я н ъ. Убѣдите въ этомъ кого-либо другого, кто меньше знаетъ свѣтъ и женщинъ... Вашъ отецъ не былъ кузнецомъ.

С о ф и. Увѣряю васъ, г. офицеръ... моя мать честная женщина.

К а с ь я н ь. Не сомнѣваюсь, барышня, что ваша матушка всегда была добродѣтельна, насколько могла, но клянусь, что, когда она носила васъ подъ сердцемъ, она заглядѣлась на языческую богиню Венеру, которая явилась ей, вѣроятно, во снѣ. Это случается съ самыми честными женщинами. Я самъ былъ приглашенъ къ участию въ сновидѣніи одной знатной дамы, которая заглядѣлась на одного негритянского принца и потомъ произвела на свѣтъ черную, какъ уголь, дѣвчоночку! *(звонятъ)*.

М а р т и н ь *(нетерпѣливо)*. Десерть! Время не терпитъ!.. Какъ? Больше нѣтъ ничего? А, Софи, несмотря на всѣ старанія, ты все-таки кое-что забыла!

С о ф и. О, нѣтъ! *(Приноситъ вазу съ фруктами)*.

К а с ь я н ь. Прелестъ! У нихъ такой свѣжій аромать, какъ будто они сейчасъ только съ дерева.

М а р т и н ь. Гдѣ ты достала такіе превосходные фрукты?.. Откуда такіе чудесные фрукты здѣсь въ городѣ?

С о ф и. Случайно. Эта ваза была выставлена у Сильвіо Ренатти.

К а с ь я н ь. Такъ красивы, что могли бы украшать царскій столъ.

С о ф и. Они для этого и предназначались. Бургомистръ принимаетъ у себя сегодня принца изъ Дессау, который остановился здѣсь по пути въ военный лагерь...

М а р т и н ь. Ну... Развѣ я бургомистръ... а онъ—принцъ?..

С о ф и. Нѣтъ, нѣтъ.

М а р т и н ь. Или я подарилъ тебѣ больше драгоценностей, чѣмъ помню, что ты могла заплатить за эту вазу?

С о ф и. О, нѣтъ. Я рассчиталась иначе.

М а р т и н ь. Какъ же—позвольте спросить?

С о ф и. Молодой итальянецъ, продававшій въ лавкѣ, потребовалъ за нее поцѣлуй...

М а р т и н ь. И ты заплатила?

С о ф и. А развѣ не слѣдовало,—когда у насъ такой дорогой гость?

К а с ь я н ь. Вы поступили, барышня, чрезвычайно благородно и гостепріимно. Но я клянусь, что если даже эти фрукты сейчасъ прибыли изъ жаркой Сициліи, если сорвавшій ихъ погибъ отъ солнечнаго удара, если привезшій ихъ въ Германію умеръ отъ тоски по родинѣ, а бургомистръ и принцъ съ ума сошли отъ огорченія, что должны были отказаться отъ такого десерта—то и тогда вы тысячу разъ переплатили дерзкому итальянцу и прежде, чѣмъ я покину городъ—онъ у меня расклетается въ этомъ... Ну, теперь будемъ ѣсть и наслаждаться. *(Ѣдятъ. Софи смотритъ на Касьяна. Мартинъ наблюдаетъ за ней.—Молчаніе. Послѣ паузы)*.

М а р т и н ь *(Касьяну)*. Откуда ты, собственно, пріѣхалъ?

К а с ь я н ь. Откуда?.. Сказать въ краткихъ словахъ, или рассказать всю исторію?

М а р т и н ь. Въ краткихъ словахъ, если можешь.

К а с ь я н ь. Этого не расскажешь такъ просто. Я пріѣхалъ изъ сраженія, гдѣ выстрѣлами убиты подо мной двѣ лошади и сорваны съ головы три шапки. Далѣе, я вернулся изъ плѣна, гдѣ нѣсколько храбрыхъ товарищей умерли съ голода, и ихъ съѣли крысы. Затѣмъ—съ мѣста казни, гдѣ рядомъ со мной были

разстрѣляны семь человѣкъ, и я былъ брошенъ съ ними въ одну яму, какъ мертвый, хотя всѣ пули просвистѣли мимо меня. Далѣе—изъ когтей коршуна, который принялъ меня за падаль, какъ и другихъ, начавшихъ разлагаться рядомъ со мной, и который сбросилъ меня съ горной высоты на землю,—къ счастью на стога сѣна. Далѣе—изъ лѣса, гдѣ два купца приняли меня за привидѣніе и оставили мнѣ отъ страха разныя хорошія вещи и наличныя деньги. Далѣе—изъ очень веселаго дома, гдѣ кроатки, черкешенки и испанки бросились изъ-за меня съ кинжалами другъ на друга, а ихъ кавалеры хотѣли меня убить... такъ что я бѣжалъ черезъ дымовую трубу на крышу и спрыгнулъ съ пятиэтажной высоты... словомъ, я вернулся послѣ такихъ многочисленныхъ происшествій, что иному труднѣе было бы придумать ихъ, чѣмъ мнѣ ихъ пережить.

Софи. Чудесно!

Мартинъ. Странно! И ты избѣжалъ всѣхъ этихъ опасностей—и счастливеецъ же ты!—безъ ранъ?!—

Касьянъ. Я бы это сказалъ, если бы былъ лгуномъ. Но такъ какъ я не лгунъ—смотрите!

Софи. Я ничего не вижу.

Касьянъ. Какъ, барышня, вы не видите, что ноготь на моемъ мизинцѣ сломанъ? *(Онъ пѣтъ. Софи съ удивленіемъ смотритъ на него).*

Мартинъ *(съ возрастающей досадой)*. Откуда ты пріѣхалъ, мы теперь знаемъ... но куда же ты отправляешься?

Касьянъ. Какъ только я поправлюсь отъ своего поврежденія, я вернусь въ свой полкъ.

Софи. О, если бы вы взяли меня съ собой!

Мартинъ. Ты съ ума сошла, Софи?

Софи. Что мнѣ здѣсь дѣлать теперь? Я думаю, что ловкую маркитантку всюду хорошо принимаютъ въ военное время.

Касьянъ. Вашу руку, барышня, ударимъ по рукамъ, дѣло рѣшенное!

Мартинъ. Какого ты ей зелья подмѣшалъ, Касьянъ?

Касьянъ. Какое тебѣ дѣло, что предпринимаетъ барышня, вѣдь ты отправляешься въ путешествіе!

Мартинъ. Я не совѣтую тебѣ, Софи,—я не совѣтую тебѣ. Подумай о своей матери.

Софи. Далеко ли отсюда стоитъ вашъ полкъ?

Касьянъ. Путешествіе туда, барышня, будетъ продолжаться, вѣроятно, цѣлый день и цѣлую ночь.

Мартинъ. Чортъ побери! Чортъ побери!

Касьянъ. Что случилось?

Мартинъ. Меня мучитъ нетерпѣніе, гдѣ это пропадаетъ мой слуга. Я опоздаю почту!

Касьянъ. Время слишкомъ долго тянется для тебя?—Пойдемъ, кузень, и я также не люблю даромъ время тратить... Ну—ка, еще разочекъ сыграемъ!

Мартинъ. А, съ тобой?.. Ты забываешь, что у тебя нѣтъ больше ни гроша.

Касьянъ. Ого! Вотъ, богатый кузень далъ взаймы мнѣ червонецъ—могу же я съ нимъ сдѣлать, что мнѣ вздумается!

Мартинъ. Клянусь—можешь! И мнѣ доставить большое

удовольствіе отнять у тебя, вмѣстѣ съ этимъ червонцемъ, жилетку, чулки шпагу и рубашку.

Софи. Что это ты вздумалъ, Мартинъ, такъ оскорбительно обращаться съ твоимъ гостемъ?

Касьянъ. Кости сюда!

Мартинъ. Печальная ставка—жалкая ставка!—Я бросаю. Двѣнадцать! Вотъ и конецъ шуткѣ.

Касьянъ. А, это и я умѣю.—Двѣнадцать!

Мартинъ. 10.

Касьянъ. 11.

Мартинъ. Два.

Касьянъ. Три. Это все?

Мартинъ. Ты же видишь. Или ты боишься?—Четыре.

Касьянъ. Пять.

Мартинъ. Одиннадцать. Начинаетъ мѣняться.

Касьянъ. Двѣнадцать.

Мартинъ. Дальше!

Касьянъ. Не хватитъ больше...

Мартинъ. Не безпокойся!.. Здѣсь вотъ мой дорожный чемоданъ; въ немъ больше, чѣмъ ты думаешь (*бросаютъ кости*). Одиннадцать!

Касьянъ. Двѣнадцать. Онъ мой теперь!

Мартинъ. Вотъ—мой шкафъ... моя кровать... моя постель... тебѣ будетъ заплачено! Одиннадцать!

Касьянъ. Конечно!.. Двѣнадцать! Выигралъ! И теперь довольно.

Мартинъ. Довольно?.. Еще одинъ разъ... Слуга сейчасъ придетъ... еще только разъ, такъ это не можетъ остаться!

Касьянъ. Что ты можешь еще поставить?

Мартинъ. Все, что на мнѣ, чортъ возьми!.. и слугу въ придачу... и почтовое мѣсто...

Касьянъ. Этого недостаточно.

Мартинъ (*указывая на Софи*). И ее въ придачу!

Софи. Мартинъ!.. Я сама отдаю себя. (*Садится къ Касьяну на колѣни и обнимаетъ его*).

Мартинъ. Мошенникъ! Мошенникъ!.. Какого ты ей зелья подмѣшалъ?.. Не слышишь ты, что ли? Я сказалъ: мошенникъ!

Касьянъ. А, если такъ?!

Мартинъ. Впередъ, впередъ!

Касьянъ. Пойдемъ, мы все сдѣлаемъ за воротами!

Софи. Ради Бога! Касьянъ! Касьянъ!

Мартинъ. У меня нѣтъ времени идти за ворота. Здѣсь достаточно мѣста.

Касьянъ. Какъ угодно, кузень!

Софи. (*Касьяну*) неужели мнѣ придется сейчасъ опять потерять васъ! (*Касьянъ смѣется*).

Мартинъ. Некогда смѣяться—впередъ, впередъ! (*сражаются*).

Касьянъ. Недурно! Это ты хорошо сдѣлалъ... еще семь—восемь лѣтъ и ты былъ бы опаснымъ противникомъ—не для меня, конечно! (*закалываетъ его*).

Мартинъ (*падаетъ*). А! А!..

Софи (*Касьяну*). Съ вами ничего не случилось?

Касьянъ. Мнѣ жалко, кузень Мартинъ... (*Входитъ слуга*).

Слуга. Я здѣсь, баринъ.

Касьянъ. Твой баринъ здѣсь. Возьми чемоданъ... Такъ!..

Мартинъ. Мои глаза затуманиваются!..

Касьянъ. Что ты сказалъ, кузень Мартинъ?

Мартинъ. ... тѣни смерти...

Касьянъ. Какъ ее звали?.. Элеонора Ламбриани... Стоило бы взять отпускъ еще на день...

Софи. Элеонора Ламбриани—это что такое?! Дѣвушка изъ Аѳинъ! Ее такъ звали!

Мартинъ. Бѣдная, бѣдная! знай же! Элеонора... вотъ цвѣтокъ... Я его сохранилъ... Это тотъ самый... Возьми, кузень Касьянъ.. отдай ей.. кланяйся ей...

Касьянъ. Клянусь, исполню и это, и кое-что другое, что ей доставить еще больше удовольствія!

Софи. Вы оставляете меня ради Элеоноры Ламбриани?

Касьянъ. Не скрою. Но только завтра утромъ.

Софи. Боже!.. (*Спѣшитъ къ окну и выбрасывается*).

Мартинъ (*хочетъ бѣжать за ней, падаетъ*). Софи, Софи! (*Касьянъ бросается вслѣдъ за ней въ окно*).

Мартинъ. (*Слѣдъ*). Боже, Боже! Не могу двинуться! Посмотри, что съ ней!

Слуга (*смотритъ въ окно*). Случилось нѣчто весьма странное. Выпрыгнувшій баринъ поймалъ въ воздухъ выпрыгнувшую барышню и оба благополучно упали внизъ...

Касьянъ (*снизу громовымъ голосомъ*). Эй, скоро ли? Слуга! Чемоданъ! Скорѣй! Я не хочу опоздать на почту! И мнѣ еще нужно раньше всадить шпагу въ бокъ одному дерзкому итальянцу.

Слуга (*кричитъ внизъ*). Сейчасъ, баринъ!

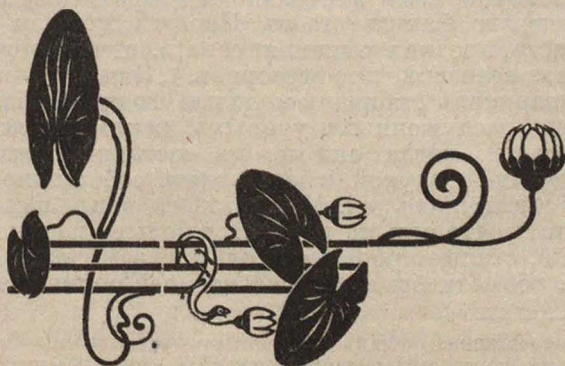
Мартинъ. Дай мнѣ флейту, прежде чѣмъ уйдешь... Спасибо... Постой! По дорогѣ на почтовую станцію, позвони на перекресткѣ, семнадцатый номеръ.

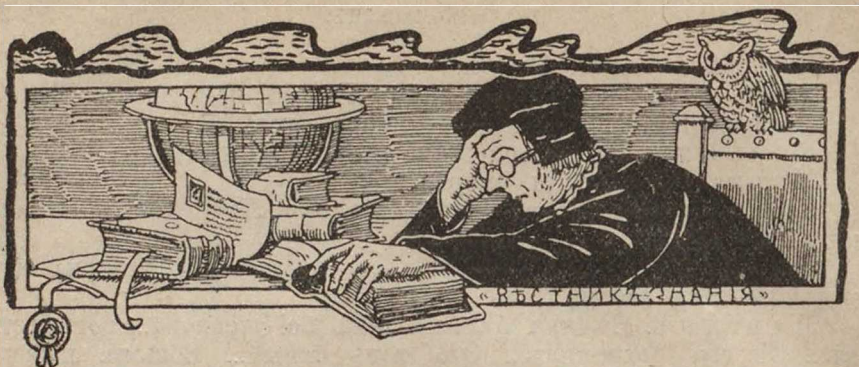
Слуга. Семнадцатый номеръ...

Мартинъ. Я сбѣгаю... Въ полночь пусть придутъ за моимъ трупомъ. Слышишь?

Слуга. Въ полночь. Исполню, баринъ. (*Уходитъ*).

Мартинъ (*играетъ на флейтѣ*). Горько умирать одному, когда четверть часа тому назадъ еще любилъ, былъ богатъ и полонъ самыхъ лучшихъ надеждъ. Право, это была плохая шутка, и я совсѣмъ не расположенъ играть на флейтѣ. (*Падаетъ и умираетъ*). Вдали слышенъ почтовый рожокъ).

Проф. И. И. Мечниковъ.

Старость^{*)}.

По просьбѣ главнаго редактора „Revue Scientifique“—я попытаюсь дать вамъ краткій обзоръ современнаго состоянія вопроса о старости и начну съ указанія на трудность предстоящей мнѣ задачи.

Проблема старости—одна изъ самыхъ сложныхъ и самыхъ трудныхъ проблеммъ біологіи. Такъ какъ она далека еще отъ своего разрѣшенія, то я не имѣю возможности представить вамъ законченную картину и указать достаточно точные результаты, которые привели бы къ какому-нибудь практическому примѣненію. Съ другой стороны, программа, которой мы руководимся при изслѣдованіи этого вопроса, уже была представлена публикѣ и не содержитъ, поэтому, ничего новаго.

Если, несмотря на это, я рѣшился принять предложеніе г. Toulouse, то единственно съ цѣлью познакомить публику съ современнымъ состояніемъ нашихъ изслѣдованій вопроса о старости, показать ей тотъ огромный путь, который намъ остается еще пройти прежде, чѣмъ мы достигнемъ удовлетворительнаго рѣшенія проблемы.

Вопросъ о старости полонъ трудности. Въ какомъ возрастѣ начинается эта послѣдняя стадія нашей жизни? Когда человѣкъ долженъ сказать себѣ, что онъ достигъ этого періода своего существованія и не смѣетъ больше вести себя, какъ зрѣлый человѣкъ? Вы помните, конечно, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ студенты медицинскаго факультета въ Парижѣ заявили громкій и шумный протестъ противъ рѣшенія сената, отмѣнивашаго законъ о предѣльномъ возрастѣ профессоровъ. „Намъ не нужно разслабленныхъ стариковъ“, кричали молодые люди. Нерѣдко видишь старыхъ и очень заслуженныхъ ученыхъ, занимающихъ кафедры въ такомъ возрастѣ, когда они не въ состояніи уже услѣдить за прогрессирующей наукой и составлять собственное сужденіе о новыхъ пріобрѣтеніяхъ ея. Между тѣмъ какъ ихъ аудиторія прекрасно видитъ, что они не находятъ больше на высотѣ современныхъ знаній, старые профессора одни не замѣчаютъ этого. Что касается меня, то, если бы я остался на моей родинѣ, я уже пять

^{*)} Лекція, прочитанная нашимъ знаменитымъ ученымъ въ «Salle des Agriculteurs», въ Парижѣ, по просьбѣ редактора журнала «Revue Scientifique».

лѣтъ тому назадъ долженъ былъ бы выйти въ отставку, какъ прослужившій 35 лѣтъ.

Вы понимаете, что при этихъ условіяхъ моя тема становится еще болѣе щекотливой. Къ счастью, при современномъ состояніи нашей цивилизаціи, рискуешь только быть болѣе или менѣе рѣзко осужденнымъ. Въ старинныя времена или у современныхъ некультурныхъ народовъ положеніе было и есть гораздо тягостнѣе. Такъ, во всей Меланезіи существуетъ обычай зарывать живыми стариковъ, неспособныхъ больше исполнять какую-либо полезную работу. Въ странѣ Вате старики имѣютъ еще по крайней мѣрѣ то утѣшеніе, что въ моментъ погребенія имъ привязывается къ рукамъ свинья, которая послѣ съѣдается, во время празднества, въ честь души, отбывшей въ другой міръ.

Когда жителямъ Огненной Земли угрожаетъ голодъ, они убиваютъ и съѣдаютъ старыхъ женщинъ, прежде чѣмъ убить собакъ. Если бы кто-нибудь спросилъ ихъ, почему они такъ поступаютъ, они бы отвѣтили: „Собаки ловятъ тюленей, а старухи этого не дѣлаютъ“.

Цивилизованные народы не поступаютъ подобно фиджійцамъ и другимъ дикарямъ. Они не убиваютъ и не съѣдаютъ своихъ стариковъ; но, не смотря на это, жизнь этихъ послѣднихъ часто очень плачевна. Неспособные исполнять какую-либо полезную работу въ семьѣ или въ общинѣ, старики считаются весьма тяжелой обузой. И если даже и нѣтъ права отъ нихъ отдѣлаться, то, тѣмъ не менѣе, конецъ ихъ ожидается съ нетерпѣніемъ, и высказывается даже удивленіе, если онъ слишкомъ долго не приходитъ. Итальянцы приписываютъ старухамъ семь жизней. Жители провинціи Бергамо думаютъ, что у старухъ семь душъ и, кромѣ того, еще восьмая душа, совсѣмъ маленькая, и еще половинка, а литовцы жалуются на то, что старухи такъ живучи, что ихъ невозможно даже измолоть въ мельницѣ.

Отголосками этихъ народныхъ суевѣрій являются столь частыя даже въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ Европы убійства стариковъ. Просматривая уголовную хронику, поражаешься количествомъ убійствъ стариковъ и, особенно, старухъ. Нетрудно отдать себѣ отчетъ въ мотивахъ этихъ преступленій. Одинъ сахалинскій каторжникъ, сосланный за убійство нѣсколькихъ стариковъ, наивно заявилъ тюремному врачу: „А чего ихъ жалѣть: они бы и такъ померли черезъ нѣсколько лѣтъ“.

Въ знаменитомъ романѣ Достоевскаго „Преступленіе и Наказаніе“, авторъ переноситъ насъ въ трактиръ, гдѣ молодые люди обсуждаютъ всевозможныя общія проблемы. Въ серединѣ разговора одинъ студентъ заявляетъ, что они бы „эту проклятую старуху убили и ограбили и безъ всякаго зазору совѣсти“. „Въ самомъ дѣлѣ, — продолжаетъ онъ, — смотри: съ одной стороны глупая, безмысленная, ничтожная, злая, больная старушенка, никому не нужная, и, напротивъ, всѣмъ вредная, которая сама не знаетъ, для чего живетъ, и которая завтра же сама собой умретъ; съ другой стороны, молодая, свѣжія силы, пропадающія даромъ безъ поддержки; и это тысячами, и это всюду!“

Старые люди не только рискуютъ быть убитыми; они часто преждевременно кончаютъ жизнь самоубійствомъ. Лишенные средствъ существованія или обремененные тяжелой болѣзью, они предпочитаютъ смерть своей жалкой жизни. Въ хроникахъ газетъ много фактовъ, когда старики, уставшіе страдать, зажигаютъ печь и умираютъ отъ угара. Фактъ частыхъ самоубійствъ среди стариковъ установленъ массой точныхъ статистическихъ данныхъ. Этотъ результатъ извѣстенъ давно. Новые факты только подтверждаютъ его. Такъ, въ 1878 году въ Пруссіи на 100.000 человѣкъ

приходилось 154 самоубійцы въ возрастѣ отъ 20 до 50 лѣтъ, и почти вдвое болѣе, 295, въ возрастѣ отъ 50 до 80 лѣтъ. Данія, эта классическая страна самоубійцъ, подтверждаетъ то же правило. Въ Копенгагенѣ въ одиннадцатилѣтній промежутокъ времени, 1886—1895 гг., наблюдалось 394 самоубійства среди людей отъ 30 до 50 лѣтъ, и 686 случаевъ добровольной смерти среди стариковъ отъ 50 до 70 лѣтъ. Обѣ цифры приходятся на 100.000 человекъ. Люди молодые дали 36½ % самоубійцъ, тогда какъ старики—63½ %.

Только въ исключительныхъ случаяхъ можно приписать самоубійства отсутствію инстинкта жизни; всего чаще жизнь, несмотря на все желаніе жить, становится невыносимой вслѣдствіе указанныхъ уже нами условій. Обыкновенно вмѣстѣ съ возрастомъ желаніе жить, вмѣсто того, чтобъ уменьшаться, напротивъ, увеличивается. Фиджійскія старухи, чувствуя, что онѣ обречены на сѣдненіе, убѣгаютъ въ горы; тамъ ихъ преслѣдуютъ мужчины и привозятъ домой, гдѣ и убиваютъ.

Давно уже извѣстно, что чѣмъ больше живешь, тѣмъ больше хочется жить.

Недавно умершій французскій философъ Charles Renouvier далъ новое подтвержденіе вѣрности этого правила. Будучи 88 лѣтъ отъ роду и чувствуя близость смерти, онъ записалъ свои впечатлѣнія за послѣдніе дни. Вотъ что онъ писалъ за четыре дня до смерти: „Я не обманываю себя относительно своего состоянія; я знаю, что скоро умру, черезъ недѣлю, можетъ быть—черезъ двѣ. А между тѣмъ, мнѣ хочется такъ много сказать относительно нашей доктрины“. „Въ моемъ возрастѣ человекъ не имѣетъ больше права надѣяться; дни сочтены, можетъ быть, часы. Надо покориться“. „Я умираю не безъ сожалѣнія. Я жалѣю, что никоимъ образомъ не могу предвидѣть, что сдѣлается съ моими идеями. И я умираю, не сказавъ своего послѣдняго слова. Люди всегда умираютъ прежде окончанія своего дѣла. Это самая печальная изъ всѣхъ печалей жизни“. Это не все. Когда человекъ старъ, очень старъ и привыкъ къ жизни, ему очень тяжело умирать. Съ мыслью о смерти, мнѣ кажется, гораздо легче примиряются молодые люди, чѣмъ старики. Когда перейдешь за 80 лѣтъ, начинаешь бояться, не хочется умирать. А когда несомнѣнно знаешь, что смерть близка, на душѣ становится очень горько“. „Я изучилъ вопросъ со всѣхъ сторонъ; вотъ уже нѣсколько дней я обдумываю одну и ту же мысль: я *знаю*, что умираю, но не могу себя *уверить* въ томъ, что умираю. Во мнѣ протестуетъ не философъ. Философъ не вѣритъ въ смерть; во мнѣ протестуетъ *старикъ*. Старикъ не имѣетъ смѣлости покориться. И, однако, нужно покориться неизбежному“.

Итакъ, мы видимъ, что, несмотря на старость, на изнашивание духа и тѣла, инстинктъ жизни увеличивается вмѣстѣ съ возрастомъ. Старики хотятъ жить; они хотятъ продолжать свою роль и свою работу, какъ это пытаются дѣлать старые профессора, не желающіе оставить кафедру. Старики не отказываются даже отъ любви. 74 лѣтъ отъ роду Гете влюбился въ семнадцатилѣтнюю дѣвушку. Ульрику фонъ-Левецовъ, и даже сдѣлалъ ей предложеніе. Вынужденный отказаться отъ этого брака, онъ почувствовалъ себя несчастнымъ и выразилъ свое чувство въ стихотвореніи, извѣстномъ подъ названіемъ „Маріенбадской элегіи“. Вотъ его жалоба: „Непреодолимое желаніе туманить мой умъ: поддержки нѣтъ; остаются вѣчныя слезы. Лейтесь же, лейтесь непрерывно! Но имъ никогда не удастся затушить огонь въ моей груди. Она разорвалась уже отъ той яростной борьбы, которую ведутъ въ ней жизнь и смерть. Вселенная потеряна для меня, я самъ, когда-то любящее боговъ, потеряно для себя. Испытывая меня, они дали мнѣ

Пандору, столь богатую сокровищами, но еще болѣе богатую опасными прелестями; они опьянили меня сладкими поцѣлуями ея устъ; они разлучили насъ и приговорили меня къ смерти“. Несчастная любовь внушила старому поэту эти блестящія строфы, но произведенія послѣдняго періода жизни Гете, какъ вторая часть „Фауста“ или конецъ „Вильгельма Мейстера“, указываютъ на упадокъ его генія.

Старость является въ нашемъ существованіи эпохой, полной самыхъ грубыхъ противорѣчій. Съ одной стороны, страстное желаніе жить, трудиться и любить, съ другой—невозможность осуществить свои желанія. Но что же представляетъ собой этотъ несчастный періодъ человѣческой жизни?

II.

Внѣшній видъ старика слишкомъ извѣстенъ, чтобы нужно было еще детально описывать его. Сухая, морщинистая, болѣе частью блѣдная кожа лица, сѣдые волосы; болѣе или менѣе сгорбленное туловище; медленная и неуверенная походка, слабая память—вотъ наиболѣе бросающіяся въ глаза черты старыхъ людей. Часто считаютъ плѣшивость характернымъ признакомъ старости, но это мнѣніе невѣрно, такъ какъ голова начинаетъ плѣшивѣть еще въ молодомъ возрастѣ. Въ пожилыхъ годахъ плѣшивость усиливается, но, у кого волосы не начали выпадать въ молодые годы, тотъ не сдѣлается плѣшивымъ и въ старости.

Ростъ стариковъ уменьшается. Многочисленные измѣренія показали, что между 50 и 85 годами мужчины укорачиваются болѣе, чѣмъ на 3 сантиметра (3,166) а женщины еще болѣе—на 4,3 сант. Иногда эта убыль въ ростѣ достигаетъ 6 и даже 7 сант.

Вѣсъ также уменьшается въ старости. По Кэтле (Quetelet), мужчина достигаетъ максимума въ вѣсѣ къ 40, а женщина—къ 50 годамъ. Начиная съ 60 лѣтъ, вѣсъ падаетъ и къ 80 годамъ потеря въ вѣсѣ достигаетъ среднимъ числомъ 6 килограммовъ.

Уменьшеніе роста и вѣса тѣла указываетъ на общую атрофію организма стариковъ. Не только мягкія части, каковы мускулы и внутренность, становятся болѣе легкими вмѣстѣ съ возрастомъ, но даже скелетъ стариковъ теряетъ въ вѣсѣ, что обуславливается уменьшеніемъ количества минеральныхъ веществъ. Эта утрата извести костями простирается въ старости на всѣ части скелета и вызываетъ ломкость костей, столь часто кончающуюся смертью. Одинъ изъ величайшихъ представителей медицинской науки XIX вѣка, Вирховъ, будучи 82 лѣтъ отъ роду, сосканивая однажды съ трамвая, оступился и сломалъ шейку бедра. Несмотря на всѣ заботы, онъ умеръ, проведя нѣсколько мѣсяцевъ въ постели, отъ общаго истощенія организма. Принцесса Матильда упала въ своей комнатѣ. Это паденіе, которое прошло бы безо всякихъ послѣдствій у молодого человѣка, вызвало у этой 83-лѣтней женщины изломъ шейки бедра. Какъ и въ случаѣ съ Вирховымъ, продолжительное пребываніе въ постели привело и здѣсь къ общему истощенію организма. Эта часть скелета, шейка бедра, становится особенно ломкой у стариковъ вслѣдствіе костной атрофіи.

Мускулы въ старости также чрезвычайно подвержены атрофіи. Они уменьшаются въ объемѣ; мускульная ткань блѣднѣетъ; количество жира между мускульными волокнами уменьшается, а иногда оно и совсѣмъ исчезаетъ. Движенія также становятся болѣе медленными и сила мускуловъ слабѣетъ. Измѣренія посредствомъ динамометра силы рукъ и туловища обнаружили у стариковъ прогрессирующее ослабленіе, которое болѣе замѣтно у мужчинъ, чѣмъ у женщинъ.

Объемъ и вѣсь внутренностей также уменьшаются, хотя въ различной степени у различныхъ органовъ. Чтобы объяснить общую атрофію тѣла въ старости, были произведены изслѣдованія тончайшаго строенія органовъ и тканей у стариковъ. Видимыя проявленія нашего организма представляютъ сумму функцій микроскопическихъ элементовъ, входящихъ въ составъ нашихъ органовъ. Чтобы дать себѣ отчетъ въ происхожденіи известняковъ, на которыхъ расположенъ Парижъ и изъ которыхъ построены его дома, нужно разсмотрѣть свойства моллюсковъ, произведшихъ раковины, которыя, скопившись въ одномъ мѣстѣ, сцементировались и образовали эти камни. Точно также для сужденія о старческихъ измѣненіяхъ нашего тѣла, необходимо изучить измѣненія, которыя происходятъ въ клѣточкахъ, его составляющихъ.

Большое число этихъ элементовъ постоянно исчезаетъ. Съ поверхности эпидермиса отдѣляются маленькія чешуйки, состоящія изъ нѣсколькихъ высохшихъ косточекъ, неспособныхъ болѣе защищать нашу кожу. вмѣстѣ съ выдѣленіями слизистыхъ железъ уносится ежедневно большое число клѣточекъ, изъ которыхъ состоятъ эти железы. Такимъ образомъ, происходитъ значительная трата микроскопическихъ элементовъ нашего тѣла, возстановленіе которыхъ необходимо для поддержанія его равновѣсія.

При этихъ условіяхъ вполнѣ естественно возникаетъ вопросъ, съ одинаковымъ ли успѣхомъ совершается возстановленіе клѣточекъ у стариковъ и у людей молодыхъ. И этотъ вопросъ тѣмъ болѣе естествененъ, что извѣстны примѣры низшихъ организмовъ, которые размножаются дѣленіемъ и послѣ большаго или меньшаго числа поколѣній кончаютъ истощеніемъ, когда размноженіе становится все болѣе медленнымъ и можетъ даже совсѣмъ остановиться. Это состояніе слабости, которое сравнивали даже съ старческой атрофіей, прекращается при нѣкоторыхъ условіяхъ, а именно, при конъюгаціи двухъ истощенныхъ индивидуумовъ или даже при достаточномъ питаніи.

Но, такъ какъ у этихъ низшихъ организмовъ, которые такъ схожи съ клѣточными элементами нашего тѣла, размноженіе прекращается послѣ извѣстнаго періода, то можно было бы предположить, что тотъ же законъ примѣнимъ и относительно старческой атрофіи нашего организма. И многіе ученые утвѣждаютъ, что старость обусловливается, въ концѣ концовъ, неспособностью организма возстановлять утраченныя клѣтки путемъ образованія достаточнаго количества новыхъ элементовъ, т. е. какъ разъ утратой воспроизводительной способности.

Одинъ изъ ученыхъ, наиболѣе занимавшихся этимъ вопросомъ, Вейсманъ (Weissmann), выражается по этому поводу чрезвычайно категорически. По его мнѣнію, старческое вырожденіе, кончающееся смертію, зависитъ не отъ самого изнашиванія клѣточекъ нашего организма, а отъ того, что плодovitость клѣточекъ становится ограниченной и недостаточной для возстановленія этого изнашиванія. Такъ какъ старость является у различныхъ видовъ и у различныхъ индивидуумовъ въ различные возрасты, то Вейсманъ заключаетъ изъ этого, что число поколѣній, которое способна произвести одна клѣтка, различно въ разныхъ случаяхъ. Онъ не можетъ только объяснить, почему въ одномъ случаѣ размноженіе клѣтки останавливается на одной цифрѣ, въ то время какъ въ другомъ оно можетъ продолжаться гораздо долѣе. Эта теорія кажется такой вѣроятной, что даже не подумали обосновать ее болѣе точными фактами. Даже въ новѣйшей попыткѣ д-ра Бюлера (Bühler) дать теорію старости положеніе объ уtratѣ клѣтками воспроизводительной способности принимается и развивается безъ достаточной аргументаціи.

Безспорно, что наиболѣе дѣятельно клѣтки размножаются во время эмбриональной жизни. Позже эта плодовитость уменьшается, но тѣмъ не менѣе она не перестаетъ обнаруживаться въ продолженіе всей жизни. Бюлеръ приписываетъ трудность, съ которой заживаютъ нѣкоторыя раны у стариковъ, какъ разъ недостаточной воспроизводительности клѣтокъ. Онъ думаетъ также, что производство клѣтокъ эпидермиса, которыя должны замѣнить облупившіяся части кожи, уменьшается особенно въ старости. Согласно этому автору, можно теоретически предвидѣть тотъ моментъ, когда должно совершенно прекратиться размноженіе клѣтокъ эпидермиса. Такъ какъ высыханіе и облупленіе поверхностныхъ частей продолжается безъ перерыва, то, очевидно, послѣдствіемъ этого должно явиться полное исчезновеніе эпидермиса. То же правило примѣнимо, по Бюлеру, къ половымъ железамъ, къ мускуламъ и ко всѣмъ другимъ органамъ.

Эти теоретическія разсужденія натыкаются, однако, на всѣмъ извѣстные факты, которые ничего не говорятъ въ пользу общаго уменьшенія плодовитости клѣточекъ въ старческомъ возрастѣ. Волосы и ногти, которые представляютъ собою отростки эпидермиса, растутъ въ теченіе всей жизни, благодаря возобновленію клѣточекъ, изъ которыхъ они состоятъ. Никакой остановки въ развитіи этихъ частей организма не замѣчается даже въ самой глубокой старости. Совершенно напротивъ. Извѣстно, что волосы, покрывающіе нѣкоторыя части тѣла, увеличиваются численно и въ длину у стариковъ. У нѣкоторыхъ низшихъ расъ, какъ у монголовъ, усы и борода начинаютъ расти только въ преклонномъ возрастѣ, между тѣмъ какъ у молодыхъ людей имѣются только небольшіе усы и очень рѣденькая бородка, иногда даже ея совсѣмъ нѣтъ. У женщинъ бѣлой расы наблюдается то же явленіе. Тонкій, едва замѣтный пушокъ, покрывающій верхнюю губу, подбородокъ и щеки молодыхъ женщинъ, превращается въ настоящіе волосы, образующіе усы, бороду и баки у старухъ.

Д-ръ Поль (Pohl), специалистъ по всѣмъ вопросамъ, касающимся волосъ, измѣрилъ скорость роста волосъ при различныхъ условіяхъ. Онъ нашелъ, что у одного 61-лѣтняго старика волосы на вискахъ удлинлись въ теченіе мѣсяца на 11 миллиметровъ. Въ тотъ же промежутокъ времени волосы мальчиковъ 11 и 15 лѣтъ удлинлись на 11 и 11,8 миллим., что представляетъ приблизительно ту же цифру. Такимъ образомъ, у старика не произошло ни малѣйшаго уменьшенія плодовитости клѣтокъ, несмотря на большую разницу въ возрастѣ трехъ субъектовъ, изученныхъ д-ромъ Полемъ. Правда, этотъ наблюдатель опредѣлилъ, что волосы молодого человѣка въ возрастѣ отъ 21—24 лѣтъ увеличиваются ежемѣсячно на 15 милл., въ то время, какъ у того же лица въ возрастѣ 61 года соотвѣтствующая цифра понизилась до 11 мм.; но это замедленіе въ ростѣ волосъ только кажущееся. Въ самомъ дѣлѣ, первая цифра относится къ волосамъ, взятымъ съ разныхъ мѣстъ покрытой волосами кожи, тогда какъ вторая касается только волосъ на вискахъ. Между тѣмъ, д-ръ Поль самъ прекрасно доказалъ, что въ этой послѣдней области волосы растутъ гораздо медленнѣе, чѣмъ въ другихъ. Съ другой стороны у мальчиковъ въ 11 и 15 лѣтъ, служившихъ объектомъ наблюденія этого ученаго, скорость развитія волосъ была постоянно ниже 15 мм., часто даже она опускалась ниже 11 мм., констатированныхъ у 61-лѣтняго старика.

Несмотря на постоянный ростъ волосъ въ старости, эти части нашего тѣла претерпѣваютъ старческое вырожденіе, выражающееся въ потерѣ пигмента. Сѣдѣніе, несомнѣнно—явленіе атрофіи.

которая происходитъ не въ слѣдствіе прекращенія размноженія клѣтокъ, а въ слѣдствіе утраты окрашенныхъ зеренъ.

Бросимъ взглядъ еще на нѣкоторыя проявленія старости. Слабость произвольныхъ движеній связана съ измѣненіями структуры мышечныхъ волоконъ, измѣненіями, которые также не указываютъ на отсутствіе воспроизводительной способности. Пучки, изъ которыхъ состоятъ мышцы, подвергаются постоянной атрофіи, такъ какъ они становятся гораздо болѣе тонкими, чѣмъ въ нормальномъ состояніи. Болѣе того, внутри пучковъ отлагается жиръ, и— что заслуживаетъ особаго вниманія—ядра мышечныхъ волоконъ размножаются въ такомъ изобиліи, что дѣлыя массы ихъ располагаются рядами внутри клѣтокъ. Донаидъ, изслѣдовавшій измѣненія мускуловъ въ старости, замѣчаетъ по этому поводу, что размноженіе ядеръ внутри мышечныхъ клѣтокъ у стариковъ совершается чрезвычайно энергично и обнаруживается совершенно такъ же, какъ и у зародыша. Итакъ, этотъ примѣръ старческой атрофіи указываетъ, какъ далеки мы отъ остановки воспроизводительной способности клѣтокъ.

Въ ломкости костей у стариковъ дѣло идетъ также о размноженіи клѣтокъ, которое обусловливается появленіемъ большихъ клѣтокъ, обладающихъ способностью разрушать костную ткань и разрыхлять кости.

Детальное микроскопическое изслѣдованіе нѣкоторыхъ старческихъ органовъ прямо указываетъ на существующее размноженіе клѣтокъ. Такъ, Захаровъ наблюдалъ его въ лимфатическихъ железахъ у стариковъ и, между прочимъ, у одного 102-лѣтняго мужчины.

Этихъ нѣсколькихъ примѣровъ, приведенныхъ мною, достаточно для того, чтобы отвергнуть теорію старости, основанную на утратѣ воспроизводительной способности клѣтокъ. Надо искать другую, болѣе соответствующую твердо установленнымъ фактамъ старческаго вырожденія. Не входя въ новыя детали, попробуемъ дать нѣсколько общихъ картинъ тѣхъ признаковъ, которые нами уже указаны. Какія общія черты объединяютъ сѣдѣніе волосъ, атрофію мускульныхъ волоконъ и разрыхленіе костей у стариковъ?

Исчезновеніе окрашенныхъ зеренъ въ волосахъ вызывается передвиженіемъ большого числа клѣтокъ, захватывающихъ пигментъ и переносящихъ его въ другое мѣсто, оставляя волосы неокрашенными. Въ атрофіи мускуловъ дѣло идетъ о размноженіи ядеръ и окружающаго ихъ вещества. Какъ въ волосахъ клѣтки пожираютъ пигментъ, такъ въ мускулахъ только что названные нами размножившіеся элементы пожираютъ сократимое вещество. Въ костяхъ стариковъ костное вещество разрушается гигантскими клѣтками, упомянутыми нами выше. Въ атрофіи старческихъ органовъ, изучаемой нами, общее и неизбѣжное явленіе состоитъ, такимъ образомъ, въ разрушеніи полезныхъ частей организма подвижными клѣтками, обладающими общими сходными чертами. Это прожорливыя клѣтки, называемыя общимъ именемъ *макрофаговъ*. Одни макрофаги захватываютъ пигментъ волосъ; другіе разрушаютъ костныя пластинки; третьи пожираютъ сократимое вещество мускуловъ.

Легко убѣдиться, что эта дѣятельность, или скорѣе усиленная дѣятельность макрофаговъ, наблюдается у стариковъ въ самыхъ разнообразныхъ органахъ. Она обнаруживается въ мозгу, гдѣ эти клѣтки пожираютъ самые благородные элементы нашего организма. Въ почкахъ и печени стариковъ встрѣчаются массы макрофаговъ, которые пожираютъ выдѣлительныя клѣтки этихъ органовъ и, такимъ образомъ, вызываютъ явленіе атрофіи величайшей важности.

Разрушивъ благородные элементы состарѣвагося организма, каковы нервныя клѣтки или клѣтки почекъ и печени, макрофаги становятся на ихъ мѣсто, превращаясь въ соединительную ткань, которая никоимъ образомъ не можетъ замѣнить организму исчезнувшіе дорогіе элементы. Вотъ какимъ образомъ происходитъ склерозъ органовъ у стариковъ, этотъ факторъ нашей преждевременной гибели. Итакъ, изученіе истинныхъ явленій старости указываетъ, что здѣсь дѣло идетъ о клѣточной дѣятельности, вызывающей разрушеніе благородныхъ элементовъ и торжество макрофаговъ. Макрофаги, исполняющіе въ нормальномъ состояніи роль охранителей организма отъ вторженія микробовъ, кончаютъ захватомъ наиболѣе полезныхъ частей. Въ старости въ нашемъ организмѣ совершается явленіе, аналогичное явленію въ старости нѣкоторыхъ народовъ, когда армія, на обязанности которой лежитъ защита государства противъ внѣшнихъ враговъ, обращаетъ оружіе противъ собственныхъ согражданъ.

При захватѣ макрофагами старческихъ органовъ иногда происходитъ настоящая борьба между прожорливыми клѣтками и нашими благородными элементами. Ослабленные различными причинами, эти элементы обнаруживаютъ признаки вырожденія въ видѣ скопленій жира или пигмента. При этой слабости клѣтки мозга, почекъ и печени гораздо легче дѣлаются жертвами макрофаговъ, что ведетъ къ потерѣ ума и пищеварительной и выделительной способностей организма, столь часто наблюдаемой у стариковъ.

Въ другихъ случаяхъ не можетъ быть серьезной рѣчи о борьбѣ между двумя категоріями живыхъ элементовъ. Когда макрофаги пожираютъ пигментъ волосъ или разрушаютъ костное вещество, то дѣло здѣсь идетъ скорѣе о нападеніи макрофаговъ на инертныя, неспособныя защищаться части.

Мы старались показать, что теорія механизма старости, приписывающая преобладающую роль нападенію макрофаговъ на дорогіе элементы, не есть простая игра воображенія, а основывается на многочисленныхъ и точныхъ фактахъ. Интересно было бы проникнуть глубже въ причины этой драмы, совершающейся внутри нашего организма и обуславливающей такія огромныя несчастья. Къ сожалѣнію, наука еще недостаточно освѣдомлена въ этомъ отношеніи и можетъ удовлетворить любознательность только помощью гипотезъ.

III.

Давно уже было сформулировано положеніе, что наша старость есть не что иное, какъ болѣзнь. Въ самомъ дѣлѣ, огромное сходство между этими двумя состояніями неоспоримо. Между болѣзнями, которымъ подверженъ нашъ организмъ, цѣлая плеяда выражается въ видѣ атрофій. Такова атрофія мускуловъ, которая вызываетъ ослабленіе произвольныхъ движеній и при которой наблюдается плодовитость ядеръ, какъ въ мускулахъ стариковъ. Многочисленны атрофическія болѣзни почекъ и печени, при которыхъ констатировано исчезновеніе тканей этихъ железъ и замѣщеніе ихъ соединительной тканью, какъ и въ старости. Атрофія костнаго вещества, вызываемая гигантскими клѣтками, нерѣдко наблюдается при нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ, чѣмъ глубже мы погружаемся въ изученіе недуговъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ огромномъ сходствѣ ихъ съ явленіями, наблюдаемыми въ старости.

Хотя причина многихъ болѣзней атрофическаго характера пока еще не извѣстна, но тѣмъ не менѣе есть нѣсколько, происхожденіе которыхъ уже достаточно выяснено. Такъ, изъ мускуль-

ныхъ атрофій можно назвать ту, которая вызывается паразитизмомъ трихинныхъ зародышей. Проникновеніе этихъ червячковъ въ мускульную ткань вызываетъ недугъ, слѣдствіемъ котораго является размноженіе ядеръ въ мускульныхъ клѣткахъ и разрушеніе сократимаго вещества.

Нельзя отрицать аналогіи съ атрофіей мускуловъ у стариковъ. Атрофическія болѣзни железистыхъ органовъ, каковы почки и печень, часто обусловливаются отравленіемъ алкоголемъ, свинцомъ и другими химическими веществами; иногда же онѣ развиваются вслѣдствіе нѣкоторыхъ инфекціонныхъ болѣзней, вызываемыхъ микробами. Вотъ еще одна причина, нерѣдко вызывающая разрыхленіе костнаго вещества. Въ нѣкоторыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, каковы туберкулезъ и проказа, бациллы проникаютъ въ кости и образуютъ тамъ очаги заразы. Только эти бациллы сами по себѣ не способны разрушить и растворить костное вещество; но жидкость, выдѣляемая ими, дѣйствуетъ раздражающе на гигантскія клѣтки, которыя набрасываются на пропитанныя известью костныя пластинки и пожираютъ ихъ. Такимъ образомъ, агентъ туберкулеза и проказы играетъ, такъ сказать, только роль посредника при атрофій скелета, которая, какъ и въ старости, есть дѣло гигантскихъ клѣтокъ, называемыхъ *остеокластами*.

Такъ какъ механизмъ старческой атрофіи вполне сходенъ съ атрофіей микробнаго или токсическаго происхожденія, то можно задать себѣ вопросъ, не наблюдается ли и въ старости вторженіе какихъ-нибудь микробовъ или ихъ ядовъ? Не вызывается ли и это чрезмѣрное возбужденіе макрофаговъ, заставляющее ихъ разрушать всевозможныя благородныя ткани организма и даже набрасываться на пигментъ волосъ и на костное вещество, также дѣйствіемъ нѣкоторыхъ ядовъ, вырабатываемыхъ въ нѣдрахъ нашего организма? Главный источникъ этихъ ядовъ извѣстенъ: нашъ пищеварительный каналъ заключаетъ въ себѣ огромное количество микробовъ, и многіе изъ нихъ способны выдѣлять болѣе или менѣе ядовитыя вещества. Флора нашихъ кишекъ похожа на флору лѣсовъ, гдѣ рядомъ съ бѣлыми и другими съѣдобными грибами встрѣчается множество ядовитыхъ грибовъ. Правда, нашъ кишечникъ до нѣкоторой степени защищенъ отъ вторженія микробовъ, содержащихся въ немъ, и даже отъ ихъ ядовъ. Животныя, очень чувствительныя къ нѣкоторымъ инфекціоннымъ болѣзнямъ, могутъ безнаказанно съѣдать микробовъ, вызывающихъ эти болѣзни. Такъ, морскія свинки безо всякаго вреда могутъ съѣсть большое количество бациллъ сибирской язвы; но достаточно малѣйшей царапинки въ стѣнкѣ кишечника, чтобы смертельная болѣзнь обнаружилась. Итакъ, присутствіе болѣзнетворныхъ микробовъ въ пищеварительномъ каналѣ можетъ быть роковымъ.

Кишечникъ защищенъ также противъ всасыванія нѣкоторыхъ ядовъ. Напр., можно безнаказанно дать съѣсть морской свинкѣ нѣсколько кубическихъ сантиметровъ столбняковаго яда, состоящаго изъ капли котораго, впрыснутая подъ кожу, неизбѣжно вызываетъ смертельный столбнякъ. Такимъ образомъ, кишечныя стѣнки не всасываютъ столбняковаго яда. Но есть другіе яды, которые не подчинены этому правилу и легко всасываются кишечникомъ. Очень часты случаи отравленія ядовитыми грибами, принятыми за съѣдобные. Нѣтъ недостатка также въ микробныхъ ядахъ, проникающихъ въ стѣнки кишечника. Время отъ времени наблюдаются настоящія эпидеміи, уносящія массу жертвъ, вслѣдствіе принятія въ пищу рыбы, мяса или консервовъ, попорченныхъ микробами. Наичаще дѣло идетъ въ этихъ случаяхъ о проникновеніи въ кишечникъ бациллъ колбаснаго яда, который отличается страшною силой, легко всасывается организмомъ и оказы-

ваетъ то же дѣйствіе, что и грибной ядъ. Симптомы азіатской холеры также вызываются ядомъ, вырабатываемымъ въ пищеварительномъ каналѣ и всасываемомъ стѣнками кишечника.

Но въ только-что указанныхъ нами случаяхъ дѣло идетъ объ острыхъ отравленіяхъ, вызываемыхъ токсическими выдѣленіями микробовъ и грибовъ, введенными въ кишечникъ. Между тѣмъ, несомнѣнно, рядомъ съ этими примѣрами существуютъ и другіе, когда отравленіе совершается съ меньшей силой и быстротой, и когда микробы кишечника, выпускающіе свои яды въ теченіе долгаго времени, способны вызвать хроническое отравленіе. Преимущественно среди этихъ выдѣленій и надо искать причину ослабленія нашихъ благородныхъ элементовъ и возбужденія макрофаговъ. Правда, нѣкоторые яды, разъ восприняты организмомъ, вызываютъ образованіе противоядій. Такъ Эрлихъ замѣтилъ, что послѣ того, какъ крысамъ были даны небольшія количества растительныхъ ядовъ, рицина и абрина, кровь этихъ животныхъ сдѣлалась лучшимъ средствомъ противъ этихъ ядовъ. Человѣческій организмъ, воспринимая въ теченіе многихъ лѣтъ выдѣленія микробовъ, вырабатываемыя въ кишечникѣ, могъ бы также достигнуть полной незаражаемости этими ядами. Это предположеніе очень вѣроятно, но оно вовсе не примѣнимо къ цѣлому ряду микробныхъ ядовъ, каковы фенольные вещества и амміачныя соли, такъ какъ поглощеніе ихъ не вызываетъ образованія противоядій.

Согласно гипотезѣ, которой мы придерживаемся, главные явленія старости зависятъ отъ непрямого дѣйствія микробовъ, заключающихся въ нашемъ пищеварительномъ каналѣ. И, подобно тому, какъ при туберкулезѣ или проказѣ костное вещество разрушается остеокластами, возбужденными ядами бациллъ этихъ болѣзней, то же разрушеніе костей въ старческомъ возрастѣ вызывается возбужденіемъ тѣхъ же остеокластовъ ядами кишечныхъ микробовъ. Итакъ, нашъ организмъ заключаетъ самъ въ себѣ причину разрушенія, подобно тому, какъ гроздь винограда несутъ на своей поверхности зародыши дрожжей, которые заставляютъ ихъ бродить, расщепляя содержащейся въ нихъ сахаръ.

Эта гипотеза основывается на большомъ числѣ твердо установленныхъ фактовъ, но ей не хватаетъ лишь прямыхъ доказательствъ, которыя могутъ быть добыты только путемъ долговѣснаго изученія. Поэтому необходимо объединить всѣ возможные аргументы въ пользу нашего предположенія.

Если дѣйствительно кишечные микробы составляютъ источники нашей старческой атрофіи, то нужно думать, что, чѣмъ болѣе будетъ уменьшаться кишечная флора, тѣмъ меньше будетъ проявленій старости.

Достаточно сравнить старое млекопитающее съ старой птицей, чтобъ поразиться огромной разницей въ ихъ внѣшнемъ обликѣ. Старую лошадь или старую собаку легко узнать по ихъ вялости, ихъ лѣнивымъ движеніямъ, ихъ стертымъ зубамъ, по матовой и мѣстами сѣдой шерsti. Собака въ 12—15 лѣтъ вполне ясно обнаруживаетъ всѣ эти признаки старческой дряхлости. Птицы сохраняются гораздо лучше и гораздо дольше, чѣмъ млекопитающія. Старая утка, болѣе 20 лѣтъ отъ роду, обладаетъ быстрыми движеніями, и вся ея внѣшность совершенно не выдаетъ ея довольно преклоннаго возраста. Самцы и самки попугаевъ въ теченіе долгихъ лѣтъ сохраняютъ вполне юный обликъ. Маленькій попугай между 15—19 годами, котораго мы наблюдали въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, совершенно не обнаружилъ симптомовъ старости. Онъ былъ чрезвычайно оживленъ и веселъ, интересовался всевозможными окружающими его предметами и сохранилъ блестящую и

богатую окраску перьевъ. У насъ уже нѣсколько лѣтъ живетъ попугай, которому по точнымъ даннымъ должно быть лѣтъ 70—75. У него такой нормальный видъ и такія легкія движенія, что никакъ нельзя дать ему такъ много лѣтъ.

Эти нѣсколько примѣровъ, названные мною, подтверждаютъ общее правило, что птицы живутъ гораздо дольше, чѣмъ огромное большинство млекопитающихъ, и оказывается, что кишечникъ птицъ по сравненію съ кишечникомъ млекопитающихъ обладаетъ чрезвычайно бѣдной микробами флорой. Почти не имѣя толстой кишки, птицы лишены этого большого резервуара пищевыхъ отбросовъ, который питаетъ у млекопитающихъ огромное количество всевозможныхъ микробовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ фактѣ, всего проще рассмотретьъ подъ микроскопомъ, — имѣя въ виду количество микробовъ, содержимое — всѣхъ частей пищеварительнаго канала какого-нибудь маленькаго млекопитающаго, напр., бѣлой крысы. Довольно большое количество микробовъ мы найдемъ въ желудкѣ, очень немного въ верхней части тонкой кишки. Въ нижней части ея содержится уже много микробовъ; но дѣйствительно колоссальное количество заключается въ слѣпой и толстой кишкахъ. Совершенно иной результатъ дастъ разсмотрѣніе пищеварительныхъ органовъ маленькой птицы, напр., канарейки, которая вѣситъ приблизительно столько же, сколько и вышеназванная крыса. У канарейки микробы встрѣчаются только въ ничтожномъ количествѣ. Въ желудкѣ и на всемъ протяжении тонкой кишки встрѣчаются только отдѣльные недѣлимые; нижняя часть пищеварительнаго канала заключаетъ нѣсколько болѣе микробовъ, но все-таки количество ихъ не можетъ итти ни въ какое сравненіе съ количествомъ микробовъ у крысы. Слѣпая кишка, этотъ огромный складъ микробовъ у крысы, представлена у канарейки двумя небольшими рудиментарными тушиками безъ микробовъ. При этихъ условіяхъ неудивительно, что отравленія кишечнаго происхожденія гораздо болѣе рѣдки у канарейки (и у птицъ вообще), чѣмъ у крысы и у большинства другихъ млекопитающихъ. Мы знаемъ также, что въ то время, какъ крыса старится въ теченіе небольшого числа лѣтъ и, вообще, не живетъ больше пяти лѣтъ, канарейка сохраняется гораздо дольше и достигаетъ 15 и даже 20 лѣтъ.

У холоднокровныхъ позвоночныхъ, каковы черепахи и крокодилы, которые достигаютъ преклоннаго возраста, совершенно не обнаруживая внѣшнихъ признаковъ старости, можно объяснить этотъ фактъ чрезвычайно неподвижной жизнью этихъ животныхъ. Не имѣя надобности поддерживать на высокой степени температуру своего тѣла, они принимаютъ только очень немного пищи и не вынуждены затрачивать много энергіи на добычу ея. Птицы не пользуются ни одной изъ этихъ привилегій. Онѣ ведутъ чрезвычайно подвижной и дѣятельный образъ жизни; для сохраненія своего нормальнаго состоянія, они должны поддерживать еще болѣе высокую температуру тѣла, чѣмъ млекопитающія, и, при всемъ этомъ, старость ихъ гораздо продолжительнѣе и прекраснѣе, чѣмъ старость млекопитающихъ, включая и человѣка.

Несмотря на большую разницу въ образѣ жизни птицъ съ одной стороны, и черепахъ и крокодиловъ — съ другой, эти животныя имѣютъ одинъ общій пунктъ сходства: именно, толстая кишка развита у тѣхъ и у другихъ очень слабо или совсѣмъ отсутствуетъ, а кишечная флора чрезвычайно бѣдна.

Несмотря на несовершенное состояніе нашихъ современныхъ знаній, факты, приведенные нами выше, даютъ намъ право придерживаться гипотезы о роли кишечныхъ микробовъ, какъ одной изъ главнѣйшихъ причинъ хронической болѣзни, называемой старостью.

Если наука нашла уже весьма дѣйствительныя средства для защиты нашего организма отъ инфекціонныхъ болѣзней и для ихъ излѣчиванія, если онѣ не слишкомъ запущены, то почему бы намъ не искать средства, чтобы сдѣлать менѣе тягостной нашу старость—состояніе, которое также нужно разсматривать, какъ болѣзнь микробнаго происхожденія?

Если—какъ это становится все болѣе и болѣе вѣроятнымъ—источникъ нашего преждевременнаго старчества скрывается въ нашей кишечной флорѣ, то нужно изыскать средство, либо для полнаго ея удаленія, либо для коренного ея видоизмѣненія. Идея объ удаленіи толстой кишки, этой бесполезной части нашего кишечника, унаслѣдованной нами отъ нашихъ животныхъ предковъ и служащей главнѣйшимъ резервуаромъ вредныхъ микробовъ, не можетъ обсуждаться серьезно. Очевидно, нельзя рассчитывать на постепенное искорененіе или даже на хирургическое удаленіе толстой кишки. Въ случаяхъ, когда эта операція неизбежна, мы видимъ, что организмъ стремится возстановить толстую кишку. Въ настоящій моментъ мы наблюдаемъ молодую женщину, у которой уже скоро годъ, какъ удалена большая часть толстой кишки, а между тѣмъ явленія, вызываемыя кишечными микробами, вовсе не прекратились. Повидимому даже насчетъ оставшейся части толстой кишки образовался мѣшокъ, въ который набираются пищевые отбросы и питаютъ массу микробовъ.

При современномъ состояніи нашихъ знаній скорѣе можно поставить вопросъ о видоизмѣненіи нашей кишечной флоры. Въ современномъ своемъ видѣ она переполнена вредными микробами. Достаточно небольшого пораненія стѣнки кишечника, чтобы микробы проникли въ брюшину и вызвали одну изъ самыхъ тяжелыхъ инфекціонныхъ болѣзней.

Микробы, способные вызывать гніеніе, относятся къ наиболѣе опаснымъ. Оказывается, что злѣйшими врагами этихъ микробовъ являются другіе микробы, особенно же тѣ, которые вызываютъ броженіе сахара и производятъ молочную кислоту. Нельзя ли акклиматизировать этихъ микробовъ въ нашемъ пищеварительномъ каналѣ, чтобы съ ихъ помощью побороть кишечное гніеніе?

Бактеріологическія изслѣдованія показали, что многіе микробы, проглоченные даже въ очень большомъ количествѣ, гибнутъ въ кишечникѣ человѣка и животныхъ. Такъ, напр., холерный вибрионъ, этотъ ужасный возбудитель азіатской холеры, неоднократно былъ съѣдаемъ совершенно безнаказанно различными лицами. Истребленіе было настолько полное, что невозможно было найти его среди пищевыхъ отбросовъ. Шюцъ (Schütz) самъ наблюдалъ, какъ введенный имъ прямо въ тонкую кишку собаки вибрионъ черезъ нѣсколько времени исчезъ. Тоже наблюдалось у цыплятъ, кишечникъ которыхъ также способенъ истреблять этихъ микробовъ.

При всякой попыткѣ видоизмѣнить кишечную флору необходимо, такимъ образомъ, установить, способенъ ли данный микробъ жить въ кишечникѣ. Эта способность была доказана экспериментальнымъ путемъ у нѣкоторыхъ молочныхъ микробовъ. Въ кисломъ молокѣ, приготовленномъ по нашему способу проф. Массолемъ, (Massol) въ Женевѣ, посредствомъ фермента болгарскаго происхожденія, находится большая бацилла, отличающаяся способностью производить большое количество молочной кислоты. Бацилла эта, проглоченная человѣкомъ, не испытываетъ судьбы только-что названнаго нами вибриона. Она не погибаетъ въ кишечникѣ и доходить живой до самаго конца. Присутствіе ея было даже констатировано докторомъ Cohendy нѣсколько дней спустя послѣ ея поглощенія ртомъ. Итакъ, вотъ микробъ, который обыкновенно отсут-

ствуеѣтъ въ нашей кишечной флорѣ, но можетъ быть введенъ въ нее искусственно вмѣстѣ съ кислымъ молокомъ или въ видѣ чистой культуры. Будучи одаренъ большой ферментативной способностью, онъ дѣйствуетъ уничтожающе на кишечное гніеніе.

Интересно замѣтить, что этотъ микробъ находится въ кисломъ молокѣ, въ большомъ количествѣ употребляемомъ болгарами, въ мѣстности, жители которой славятся своимъ долголѣтіемъ.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ право предположить, что введеніе этого кислаго болгарскаго молока въ нашу пищу будетъ способствовать смягченію вреднаго вліянія кишечной флоры. Это былъ бы первый примѣръ искусственнаго видоизмѣненія этой флоры.

Но недостаточно одного введенія полезныхъ микробовъ въ нашъ пищеварительный каналъ; необходимо еще мѣшать размноженію вредныхъ микробовъ. Съ этой цѣлью надо, по возможности, избѣгать сырой пищи, которая является носительницей всевозможнаго сорта дикихъ микробовъ. Несмотря на мытье сырыхъ овощей и плодовъ, какъ салата, редиски, земляники, вишень и т. д., на нихъ остается еще много пыли, земли, навоза и испражнений. Вотъ эти-то вещества и содержатъ въ себѣ очень часто вредныхъ микробовъ и яйца животныхъ паразитовъ. Д-ръ Бинштокъ (Bienstock) нашелъ въ землѣ своихъ земляничныхъ грядъ споры бациллы столбняка; онъ съѣлъ немного этой земли и видѣлъ, какъ бациллы погибли въ его пищеварительномъ каналѣ. Но не слѣдуетъ слишкомъ полагаться на антимикробныя способности нашего кишечника, гораздо болѣе разумно ѣсть овощи и плоды только въ вареномъ видѣ, т.-е. послѣ истребленія всѣхъ или огромнаго большинства содержащихся въ нихъ микробовъ. Эта мѣра, а равно и питье только прокипяченной воды, разъ навсегда преградить доступъ въ нашъ организмъ дикимъ микробамъ, вредное вліяніе которыхъ не подлежитъ спору.

Благодаря только-что названному нами мѣрамъ, къ которымъ впослѣдствіи можно будетъ присоединить и другія, флора нашего кишечника, теперь такая разнообразная и некультурная, превратится современемъ въ флору, гораздо менѣе богатую видами, лишенную вредныхъ микробовъ, но зато содержащую полезныхъ, словомъ—въ флору культурную.

Но, независимо отъ этого будущаго, можно устранить вредныя вліянія нашей современной кишечной флоры специальными сыворотками, изготовляемыми съ цѣлью нейтрализовать вредное дѣйствіе разныхъ ядовъ микробнаго происхожденія и уничтожить самихъ этихъ микробовъ.

Такъ-какъ микробы, согласно нашей гипотезѣ, дѣйствуютъ ослабляющимъ образомъ на благородные элементы нашего организма и возбуждающимъ образомъ на ихъ противниковъ, макрофаговъ, то было бы рационально поискать средство для усиленія первыхъ. Что касается ослабленія вторыхъ, то пока объ этомъ не слѣдуетъ думать, такъ какъ макрофаги чрезвычайно полезны намъ въ борьбѣ противъ нѣкоторыхъ инфекціонныхъ болѣзней и, главнымъ образомъ, противъ наиболѣе ужасной изъ нихъ—туберкулеза.

Мысль объ усиленіи нашихъ благородныхъ элементовъ основана на изученіи специальныхъ ядовъ, называемыхъ цитотоксинами. Не имѣя возможности входить въ детали этого вопроса, мы ограничимся указаніями на то, что въ то время, какъ сильныя дозы этихъ ядовъ разрушаютъ наши клѣтки, слабыя дозы, напротивъ, усиливаютъ ихъ. Поэтому надо бы попытаться усилить наши благородные элементы въ ихъ борьбѣ съ макрофагами. Это сложная и щекотливая задача, и для ея разрѣшенія требуются многочисленные и продолжительныя предварительныя изслѣдованія, на-

чало которымъ положено уже годъ тому назадъ. Въ настоящій моментъ вопросъ этотъ еще не дозрѣлъ для какого-либо обсуждения.

Теорія старости и связанная съ нею гипотезы могутъ быть резюмированы въ нѣсколькихъ словахъ. Старческое выраженіе нашего организма совершенно сходно съ явленіями, вызываемыми нѣкоторыми болѣзнями микробнаго характера. Старость—это хроническая инфекціонная болѣзнь, выражающаяся въ ослабленіи или вырожденіи благородныхъ элементовъ и въ усиленной дѣятельности макрофаговъ. Эти измѣненія приводятъ къ нарушенію равновѣсія въ клѣткахъ, составляющихъ наше тѣло, и вызываютъ борьбу въ нѣдрахъ нашего организма, которая кончается ранней старостью и преждевременной, неестественной смертью.

Очень возможно, что при нашемъ старѣніи кишечные микробы, организовавшіе въ нашемъ тѣлѣ постоянную фабрику различныхъ ядовъ, играютъ одну изъ важнѣйшихъ ролей. Поэтому вполне естественно бороться съ преждевременной старостью путемъ измѣненія флоры нашего кишечника и усиленія нашихъ благородныхъ элементовъ, столь чувствительныхъ къ микробнымъ ядамъ.

Хорошо, скажете вы, но вѣдь все это теорія. Можетъ быть, она и научна, но не доказана. Такъ-какъ я взялся изложить вамъ современный взглядъ на старость, то вы спросите меня, какими средствами обладаетъ современная медицина противъ этого, столь малозавиднаго, состоянія. Этими вопросами уже давно занимаются, и вотъ послѣднее слово эмпирической мудрости. Одинъ почтенный лондонскій врачъ, д-ръ Weber, резюмировалъ недавно средства, которыми онъ пользовался, чтобы сдѣлать сносною свою старость и облегчить старость своихъ многочисленныхъ кліентовъ.

Вотъ правила, выработанныя имъ съ этой цѣлью: „Надо сохранить всѣ органы въ состояніи бодрости. Надо разузнавать и уничтожать всѣ болѣзненные склонности, будутъ ли они унаслѣдованы или же приобрѣтены въ теченіе жизни. Надо быть умѣреннымъ въ ѣдѣ и питьѣ, а также и въ другихъ тѣлесныхъ удовольствіяхъ. Воздухъ долженъ быть чистъ, какъ въ жиломъ помѣщеніи, такъ и внѣ его. Нужно производить тѣлесныя движенія ежедневно и при всякой погодѣ. Во многихъ случаяхъ надо дѣлать гимнастику дыхательныхъ движеній, а также совершать прогулки пѣшкомъ и подъемы на горы. Надо ложиться и вставать рано. Сонъ не долженъ продолжаться болѣе 6—7 часовъ. Надо ежедневно брать ванну или хорошо освѣжать тѣло. Вода можетъ быть холодной или теплой, смотря по темпераменту. Иногда можно употреблять поочередно теплую и холодную воду. Регулярный трудъ и умственные занятія необходимы. Нужно выработать въ себѣ жизнерадостность, душевное спокойствіе и полный надежды взглядъ на жизнь. Съ другой стороны, нужно бороться съ страстями, а также съ нервнымъ чувствомъ тоски. Наконецъ, нужно выработать въ себѣ твердую волю, которая заставляла бы сохранять здоровье и избѣгать спиртныхъ напитковъ и другихъ возбудителей, а также наркотическихъ и разныхъ успокаивающихъ средствъ“.

Конечно, очень полезно слѣдовать этимъ совѣтамъ, но очень часто они недостаточны для достиженія нормальной старости. Множество лицъ, очень воздержныхъ, не предающихся ни алкоголизму, ни другимъ излишествамъ, страдаютъ хроническими болѣзнями почекъ, кровеносныхъ сосудовъ, выдѣлительныхъ органовъ или нервной системы и кончаютъ преждевременной и чрезвычайно тягостной старостью. И такъ, никакой, даже самый испытанный эмпиризмъ не можетъ разрѣшить проблему, и необходимо

содѣйствіе науки, чтобы придти къ этому результату. Научное изученіе старости необходимо. Для того, чтобы это изученіе стало возможнымъ, необходимъ матеріаль для изслѣдованія, т.-е. старики и даже много стариковъ. Мнѣніе, что старики являются тягостью для общества, терпимой только благодаря нашимъ моральнымъ законамъ, представляетъ собою несомнѣнное заблужденіе. Не только молодые люди, но даже многіе старики раздѣляютъ взглядъ, что старики, неспособные работать, больше ни къ чему не пригодны. Около 12 лѣтъ тому назадъ одинъ извѣстный нѣмецкій фізіологъ, будучи уже очень старъ, сообщилъ мнѣ тѣ грустные чувства, которыя онъ испытывалъ, не принося никакой пользы обществу, и прибавилъ: „Что вы хотите, не могу рѣшиться на самоубійство“. И вотъ, теперь, когда наука занялась серьезно изученіемъ старости, старики сдѣлались весьма полезными субъектами и, особенно, для молодыхъ людей, которые могутъ воспользоваться этимъ изученіемъ. Если бы мы убивали стариковъ, какъ это дѣлаютъ еще нѣкоторые дикіе народы, старость никогда не могла бы измѣниться къ лучшему. Если бы мы убивали больныхъ, какъ это дѣлалось когда-то и какъ дѣлается еще у нѣкоторыхъ народовъ, никогда не были бы найдены средства для излѣченія болѣзней. Если бы мы убивали дифтеритныхъ больныхъ на томъ основаніи, что большинство изъ нихъ обречены смерти и что они опасны для своихъ здоровыхъ сосѣдей, никогда не была бы открыта сыворотка, излечивающая ихъ теперь.

Итакъ, старики и при теперешнемъ своемъ состояніи могутъ быть полезны, если найдутся ученые, которые займутся ихъ добросовѣстнымъ изученіемъ. И я чувствую нѣкоторое утѣшеніе при мысли, что, когда я самъ сдѣлаюсь неспособнымъ изучать старость, я буду въ состояніи еще послужить предметомъ изученія для другихъ изслѣдователей. Во всякомъ случаѣ, надо надѣяться, что въ будущемъ, несомнѣнно, еще далеко, старость перестанетъ быть одной изъ величайшихъ бѣдъ человѣчества, и эта хроническая болѣзнь отступитъ передъ постоянно возрастающимъ прогрессомъ точной науки.

В. М. Б—ковъ.

Права личности въ императорскій періодъ (XVIII и XIX в.в. *).

1. Отношеніе самодержавнаго полицейскаго государства къ личности вообще.

Der Mensch ist frei geschöpft, ist frei,—
und wenn er auch in Ketten geboren...

«Задача исторіи права вообще есть научная разработка юридическаго быта извѣстнаго народа въ его историческомъ развитіи»—говоритъ профессор В. Н. Латкинъ. Но если выразить эту идею еще общѣе, то цѣлью подобной разработки является не одно лишь раскрытіе законовъ, регулирующихъ юридическую жизнь народа, т. е. управляющихъ постепеннымъ развитіемъ правовыхъ нормъ—съ одной стороны, и формъ ихъ выраженія и осуществленія на практикѣ—съ другой. Итъ,—это есть еще болѣе изученіе историческаго фазиса даннаго народа въ отношеніи того положенія человеческой личности, въ какомъ она оказалась, будучи поставлена въ извѣстныя, законною властью введенныя, правовыя нормы; это есть изученіе тѣхъ причинностей, въ чемъ бы онѣ ни выражались, которыя играли роль подавляющихъ или неподавляющихъ моментовъ въ развитіи этой личности, вообще, и ея правъ въ особенности. Исторія, чего бы она ни касалась—права, нравовъ, экономики—всегда должна имѣть въ виду только человеческую личность, и постольку она можетъ тогда судить и учить...

Но это еще не все, даже не самое главное. Чтобы пояснить только что приведенную, но не высказанную до конца мысль, примѣнимъ аналогію. *Право, какъ и здоровье и свобода, въ дѣйствительности принадлежитъ и цѣнно только для живой единицы общества, только она можетъ и должна пользоваться этимъ даромъ природы и соціальной среды въ интересахъ своихъ личныхъ и окружающихъ лицъ.* Если говорить о правѣ, какъ и о здоровьи и о свободѣ, съ государственной точки зрѣнія (т. наз. полицейское право съ его подотдѣлами—медицинская полиція нравовъ, охранная полиція и пр., гдѣ «полиція» производится отъ греческаго слова *Politeia*—государство), или если и некутся о сохраненіи права, какъ и здоровья и свободы, какой-либо общины, государства, то здѣсь или употребляютъ «фигуральное» выраженіе, или прикрываютъ нѣкоторую неточность,

*) Проф. В. Н. Латкинъ. Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи (XVIII и XIX ст.). 1899. СПб.

даже нѣкоторую предвзятую мысль. По существу дѣла, эти отвлеченности не могутъ пользоваться данными благами природы и социальной среды. Отсюда выходитъ такое научное опредѣленіе и пониманіе права: такъ какъ въ обществѣ (даже безотносительно—въ обществѣ людей, не говоря уже о цивилизованномъ обществѣ) прежде всего должна быть «правовой», т. е. полноправной, каждая единица его, то слѣд. наука о правѣ—это есть въ сущности обезпеченіе, сохраненіе и развитіе естественныхъ, въ соціологическомъ смыслѣ, правъ такой общественной единицы (нѣмецкое—*Einzelwesen*), отдѣльнаго индивидуума, каждого члена даннаго общества (нѣмецкое—*Gemeinwesen, Gesellschaft*). Это и будетъ называться социальное опредѣленіе науки о правѣ. Изъ этого опредѣленія уже относительно легко вывести понятіе объ исторіи права вообще—русскаго въ частности,—въ вышеназванномъ отношеніи къ личности. Постольку, т. е. въ мѣру соціального пониманія предмета, можетъ существовать и оцѣниваться эта исторія общественнаго, государственнаго права: это значитъ, что вся совокупность правительственныхъ и общественныхъ законоположеній и мѣропріятій издается и примѣняется, имѣя въ виду лишь право (на что нибудь или въ чемъ нибудь) отдѣльнаго члена общины или отдѣльнаго гражданина государства. Терминъ *официальность* и *государственность*, которыми прикрываютъ свои дѣйствія тѣ или другія учрежденія, долженъ обозначать не что иное, какъ только *коллективность* осуществленія въ жизни тѣхъ «правовыхъ нормъ» (какъ—отправленіе суда, контролированіе администраціи, организація труда и пр.), которыя не подъ силу въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ даже группѣ членовъ общества, но которыя клоняются къ возстановленію, сохраненію и обезпеченію правовой жизни каждого члена общества,—*съ смысломъ социальной единицы, какъ основы самой государственной организаціи на болѣе или менѣе продолжительное время*. Велѣдствіе такой связи права отдѣльнаго индивидуума съ благосостояніемъ цѣлаго общества вполне допустимо на ряду съ государственнымъ и тому подобнымъ правомъ существованіе такъ называемаго соціального пониманія права. Литературныя справки на данную тему мы постараемся привести въ другой разъ (по-поводу одной нѣмецкой книги), тутъ же скажемъ, что въ подобное, только что приведенное, опредѣленіе права значительный научный вкладъ внесли русскіе ученые (напр. проф. Коркуновъ),—придавъ ему нежелательную односторонность. Еще въ 60-хъ г.г. эти ученые сдѣлали вѣрный выводъ изъ только что приведенной «правовой» связи, который мы выразимъ въ слѣдующей формѣ: *наиболѣе совершенный типъ государства есть тотъ и стоитъ онъ до тѣхъ поръ, въ которомъ и до какихъ поръ извѣстная гражданская и политическая правотворность осуществляется не только „для“ общественныхъ силъ, социальныхъ единицъ, но и „посредствомъ“ этихъ силъ, этихъ единицъ (классъ общества, классовыхъ группъ, политическихъ племенъ) и т. д.* Однако, переходимъ къ исторіи русскаго права.

Въ указанномъ сочиненіи проф. В. Латкина, носящемъ вполне печать ученой объективности, трактуются всѣ, допускаемыя въ предѣлахъ закона, права русскаго человѣка въ императорскій періодъ, начиная съ самодержавной власти (государь), продолжая разными правительственными учрежденіями и кончая представителями сословій вплоть до «подлыхъ» (крестьянство). Каковы же эти права? Разберемся въ этихъ правахъ. Оказывается, что въ XVIII в. Россія была въ полномъ смыслѣ этого слова полицейскимъ государствомъ (*Polizeistaat*), главнымъ образомъ, благодаря реформѣ Петра I, пересоздавшего древне-русскій государственный и общественный бытъ по образцу западно-европейскихъ государствъ. Петръ дѣйствовалъ такимъ

образомъ не только вслѣдствіе своего личнаго знакомства съ западно-европейскими порядками, ревностнымъ поклонникомъ которыхъ онъ былъ, но и въ силу вліянія на него такихъ политическихъ ученій, какъ теорія просвѣщеннаго абсолютизма, допускавшая во имя общаго блага самую широкую регламентацію всѣхъ сторонъ жизни со стороны государственной власти. Послѣ реформы Россія вполнѣ приблизилась къ типу полицейскаго государства, въ силу чего у насъ, какъ и на Западѣ, стало практиковаться самое широкое вмѣшательство правительства въ частную жизнь подданнаго. Такъ, указами воспрещалось ношеніе бородъ, указами предписывался особый покрой платья и опредѣлялось количество лошадей въ частныхъ экипажахъ, указами же повелѣвалось употребленіе опредѣленныхъ орудій для воздѣлыванія земли, матеріала для обуви и для постройки домовъ и т. п. Такимъ образомъ, полицейское государство, какъ единственно возможная панацея противъ всякаго зла и какъ необходимое условіе всяческаго благосостоянія (духовнаго и матеріальнаго), господствовала въ то время и на практикѣ и въ теоріи (371 стр.). Россія—въ чемъ другомъ, но только въ этомъ пунктѣ не хотѣла остаться позади просвѣщенной Европы. Въ XVII и XVIII в.в. тамъ, въ западной Европѣ, господствующимъ ученіемъ была, такъ называемая, *теорія естественнаго права*, родоначальникомъ которой былъ *Гуго Гроцій* (впервые изложившій ее въ своемъ сочиненіи «О правахъ войны и мира», 1625 г.). Всякая власть выводится имъ изъ *договора*, благодаря которому всѣ люди, въ силу добровольнаго соглашенія, подчиняются опредѣленной власти и этимъ выходятъ изъ того естественнаго состоянія, въ которомъ они находились до заключенія договора. Послѣдній можетъ заключаться не только формально, но нерѣдко существуетъ, какъ нѣчто подразумеваемое и *молча признанное* всеми (напр., покоренный народъ). По мнѣнію Гроція, всякая власть, въ какой бы формѣ она ни проявлялась,—въ формѣ ли монархіи, или демократіи,—обязательно предшествуется договоромъ и основывается на немъ. *Гоббсъ* еще болѣе развилъ этотъ договорный характеръ происхожденія власти, что у него послужило уже доказательствомъ для необходимости абсолютной формы правленія (убѣжденнымъ сторонникомъ которой онъ былъ). По мнѣнію Гоббса, всякому государственному бытію предшествуетъ естественное состояніе, въ которомъ люди, одаренные по природѣ одинаковыми правами и побуждаемые эгоистическимъ стремленіемъ захватить въ свою собственность все то, что принадлежитъ всѣмъ, находятся въ положеніи «войны всѣхъ противъ всѣхъ» (*bellum omnium contra omnes*). Чтобы выйти изъ такого анархическаго состоянія, люди рѣшаются отказаться отъ всѣхъ своихъ естественныхъ правъ и заключаютъ между собою договоръ, по которому каждый, отказываясь отъ своихъ правъ, *переноситъ ихъ на учреждаемую договоромъ власть*. Заключеніемъ подобнаго договора прекращается естественное состояніе и организуется государство, власть котораго становится *абсолютной*, въ виду отказа отъ всѣхъ своихъ правъ со стороны подданныхъ. Вотъ почему, по мнѣнію Гоббса, государь долженъ обладать неограниченной властью, а подданные не могутъ пользоваться никакими политическими правами. *Пуффендорфъ* тоже видитъ въ заключеніи договора единственный способъ выйти изъ того анархическаго состоянія, въ которомъ пребываютъ люди, пользуясь своими естественными правами, но онъ только полагаетъ, что договоръ является продуктомъ дѣятельности не отдѣльныхъ лицъ, *но семействъ*, которыя также основываются путемъ договора, по времени предшествующаго политическому договору (215 стр.), и т. д. Дѣйствительно, этою идеею неумѣстности, анархичности естественныхъ правъ человѣческой личности сознательно и до-

вольно умѣло воспользовались и въ Россіи при утвержденіи императорской власти. Вліяніе этихъ теорій оказалось именно въ нашей «Правдѣ воли монаршей», этомъ руководствѣ Polizeistaat'a, и политическій договоръ сталъ однимъ изъ красугольныхъ камней, на которомъ создалась императорская власть и который придавилъ собою даже древне-русское понятіе о «христіанской душѣ», т. е. о человѣкѣ, какъ таковомъ.

По мнѣнію составителя этой «Правды», русскіе заключили между собою слѣдующій договоръ, въ которомъ выразилась «воля народная, аще и не словомъ, но дѣломъ изъясвленная»—«согласно вси хотимъ, да ты (т. е. государь) къ общей нашей пользѣ владѣши надъ нами вѣчно, т. е. по-неже смертенъ еси, тогда по тебѣ ты же самъ впредь да оставляеши намъ наслѣднаго владѣтеля, мы же единожды *воли нашей совлекшемся*, никогда же оной впредь, ниже по смерти твоей, употребляти не будемъ, но какъ тебѣ, такъ и наслѣдственникамъ твоимъ по тебѣ повиноватися клятвеннымъ обѣщаніемъ одолжаемся и нашихъ по насъ наслѣдниковъ тымже долженствомъ обязуемъ» и т. д. Отсюда—естественный выводъ провозглашался: «всякіе законы, отъ самодержцевъ въ народъ исходящіе, у подданныхъ послушанія себѣ не просятъ, аки бы свободнаго, но истязуютъ, аки должнаго; почему—не можетъ народъ судить государя своего и не можетъ народъ повелѣвати что-либо монарху своему» и т. д. (217 стр.).

Такіе взгляды на права подданныхъ являются въ правительственныхъ сферахъ въ періодъ возникновенія императорской власти. Это была новая формулировка отчасти новыхъ, отчасти же старыхъ притязаній этихъ сферъ на личность подданнаго, которая лишила послѣдняго какъ естественныхъ, такъ, въ сущности, всякихъ правъ. Конечно, самодержавіе московскихъ царей могло простирается—и въ дѣйствительности простиралось—не менѣе далеко, но только Иванъ Грозный стремился провозглашать ее въ теоріи въ такой же мѣрѣ,—правда, въ болѣе «глухое» время святой Руси,—и не давая ей ничего реально-созидательнаго. Теперь же Екатерина II, другъ Вольтера и послѣдовательница идей Монтескье, провозглашаетъ, что она «въ душѣ республиканка и деспотизма ненавидитъ, но для блага народа русскаго абсолютная власть необходима, потому что она не медлительна въ исполненіяхъ и предпочитаетъ общее добро своему собственному». Послѣдняя тенденція постоянно возникаетъ, лишь только являются проблески правительственнаго либерализма, и опрокидываетъ всякія такіа начинанія,—напр., даже идеи Монтескье въ планахъ Александра I. Этотъ императоръ считалъ, что «верховная власть должна быть ввѣряема не по случайности рожденія, а по подачѣ голосовъ націею, которая сумѣла бы выбрать наиболѣе способнаго управителя ею». Но это были лишь юношескія мечты, которыя въпослѣдствіи были оставлены, хотя до насъ и дошелъ «Проектъ уложенія государственныхъ законовъ», въ основу котораго опять положена теорія Монтескье о раздѣленіи властей. «Три силы движутъ и управляютъ государствомъ, сила законодательная, исполнительная и судная;—но государь пользуется правомъ инициативы и санкціи законовъ». Изъ всего «Проекта» осуществленіе нѣсколько коснулось лишь Государственнаго Совѣта, а все-остальное осталось подъ спудомъ. Въ царствованіе императора Николая I, самодержавная власть еще разъ получила свою законодательную формулировку, а именно въ сводѣ законовъ, 1-я статья I-й части I-го т. котораго гласитъ: «Императоръ Всероссійскій есть монархъ самодержавный и неограниченный, повиноваться которому не только за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣвается» (228 стр.).

Такимъ образомъ, вообще, въ императорскій періодъ идея абсолютной власти и полицейскаго государства ни разу не оставлялась и развивалась все больше и больше.

Между тѣмъ, та же эпоха, въ лицѣ своихъ мыслителей, могла дать другія теоретическія основанія для правительственныхъ сферъ; даже общая тенденція ученій эпохи клонилась къ другимъ цѣлямъ, чѣмъ тѣ, которыя выдвигались послѣдними. «Излюбленная» теорія Монтескье предлагала, во 1-хъ, государственную власть, въ лицѣ главы всѣхъ властей, *неприкосновеннаго и безответственнаго короля*, но, во 2-хъ, такую организацію *раздѣленія* властей, при которой распредѣленіе отдѣльных функций государственной власти совершается между разными учрежденіями и бываетъ обязательно *участіе разныхъ элементовъ общества въ управленіи* (Гравовскій, соч., 53 стр.). У Монтескье Екатерина II могла бы найти *внутреннее* различіе между монархіей и деспотіей съ одной стороны, и республиканскимъ правительствомъ—съ другой. Деспотія не нуждается ни въ гражданской доблести, ни въ чести, потому что при существованіи этихъ чувствъ невозможно было бы вынести такое правленіе. Поэтому единственнымъ принципомъ, мыслимымъ при этой формѣ, является *страхъ*, который обращаетъ управляемыхъ въ совершенно пассивную массу. Хотя въ дѣйствительности такихъ деспотій уже не существовало, потому что въ каждой изъ нихъ есть извѣстныя нравственныя и религіозныя правила и обычаи, съ которыми долженъ согласиться правитель, но Монтескье, вѣроятно, имѣлъ въ виду восточныя деспотіи, въ которыя могутъ превратиться современные государства, разъ они отклонятся отъ правильныхъ формъ; онъ предостерегалъ, что правитель, руководимый своимъ капризомъ, можетъ впасть въ подчиненіе «посторонней» личности (визиратъ), которая дѣйствуетъ отъ его имени, въ то время, какъ онъ передается чувственнымъ наслажденіямъ. Ни у кого другого, какъ у Монтескье, въ основаніи каждой изъ четырехъ государственныхъ формъ полагается, какъ принципъ, какая-нибудь страсть личности: въ основаніи деспотіи — *страхъ*, монархіи — *честь* (личные и сословные предразсудки), аристократіи — *самообузданіе дворянства*, демократіи — *политическая добродѣтель*, которая подчиняетъ собственный интересъ общему, въ особенности же наклонность къ равенству и бережливому хозяйству. Въ то время, какъ республики могутъ погибать отъ расточительности, чрезмѣрнаго сластолюбія и эгоизма, въ монархіи можетъ отсутствовать и гражданская доблесть, и патриотизмъ, и нравственное самоотверженіе; въ ней ложное уваженіе, роскошь и пышность служатъ общественному благу. Только въ республикѣ, т. е. демократической структурѣ государственной формы, нравственнымъ двигателемъ жизни является *la vertu*, т. е. гражданская добродѣтель, умѣющая ставить общественные интересы выше частныхъ. У Монтескье же высказывается, что право старѣе государства, законъ справедливости имѣетъ силу уже въ естественномъ состояніи; но для упроченія мира требуется положительное право въ трехъ видахъ: международное, государственное и гражданское право. Но законы должны подходить къ задачамъ и духу націи, а самъ наружный духъ есть результатъ природы, прошлаго, нравовъ, религій, политическихъ учреждений и т. д. Вообще Монтескье—сторонникъ конституціонизма и послѣдователь Локка, и вотъ почему русскимъ послѣдователямъ его, какъ Екатерина II, приходилось перефразировать на свой ладъ идеи его сочиненій. Его политическій предшественникъ и прототипъ Локкъ точно также является противникомъ обихихъ формъ *абсолютизма*: деспотическаго абсолютизма Гоббса и патриархальнаго (основ. Фильмеромъ † 1647 г.); онъ умѣренный послѣдователь либеральныхъ тенденцій Милорна († 1674 г.) и Сиднея († 1683 г.). Оба его «трактата о гражданскомъ правленіи» (1689 г.) развиваютъ только теоріи конституціонализма. Политическая власть—ни тираническая (потому что господство произвола отнюдь не лучше «естественнаго состоянія»), ни оте

ческая, патриархальная (потому что между правительствомъ и подданными есть то, что не имѣетъ мѣста между родителями и дѣтьми, именно—равенство въ пользованіи разумомъ). Верховная власть есть власть законодательная, которую общество ввѣряетъ избраннымъ представителямъ; законъ долженъ имѣть свою цѣлью общее благо. Законодательной власти подчинены, и должны быть отдѣлены отъ нея двѣ исполнительныя власти, всего лучше соединяющіяся въ одной рукѣ (короля): *эзекутивная* (управленіе и судъ), которая исполняетъ законы, и *федеративная*, которая защищаетъ общество извнѣ. Государь стоитъ подъ закономъ. Если правительство, вслѣдствіе нарушенія закона, оказывается недостойнымъ переданной ему власти и должно быть лишено ея, то верховная власть возвращается туда, откуда она вышла: къ народу. Народъ рѣшаетъ, оправдываютъ-ли представители и монархъ дарованное имъ довѣріе, и имѣетъ право, въ случаѣ нарушенія, лишить ихъ полномочій. Такъ какъ клятвенно-обѣщанное подчиненіе возможно лишь передъ закономъ, то государь, дѣйствовавшій вопреки закону, теряетъ право повелѣвать; онъ оказывается въ войнѣ съ народомъ, и революція есть только необходимое оружіе противъ нападающаго. Относительно «идеи о договорѣ» у Локка точно также нельзя найти потери личностью своихъ естественныхъ правъ. Всѣ люди рождаются свободными и одинаковыми по способностямъ и правамъ. Каждый долженъ поддерживать самого себя безъ вреда другимъ. Право, чтобы каждый встрѣчалъ обращеніе съ нимъ, какъ разумнымъ существомъ, имѣло силу уже до основанія государства; но тогда еще не доставало авторитетной силы, чтобы рѣшать столкновенія. *Естественное состояніе само по себѣ не есть состояніе войны*; но оно могло бы оказаться таковымъ, если бы каждый захотѣлъ воспользоваться своимъ правомъ для огражденія себя отъ обидъ. Для защиты отъ насилій слѣдуетъ, по свободному договору, основать гражданское общество, которому каждый его членъ долженъ передать свою свободу и власть. На подчиненіе государственной власти—добровольное; благодаря договору, естественныя права *сохраняются*, а не уничтожаются и т. д. (Фалькенбергъ, Ист. философ., стр. 158). Такимъ образомъ, по мнѣнію Локка,—очевидно, диаметрально противоположному теоріи Гоббса,—человѣкъ имѣетъ и въ естественномъ состояніи опредѣленные права; онъ выходитъ изъ этого состоянія для того, чтобы лучше ихъ сохранить; лучше ихъ обезпечить общими силами, создаваемыми общимъ договоромъ, а не наоборотъ. Какъ указано выше, по мнѣнію Гоббса, человѣкъ въ естественномъ состояніи находится *in bello omnium contra omnes*, и только государство—*civitas*, гражданское общество—обезпечиваетъ его отъ такого состоянія. Но послѣднее можетъ учредить только договоромъ, который, по этому ученію, состоитъ въ томъ, что всѣ люди, вступающіе въ сношеніе, отказываются отъ своего права на все, и управленіе ввѣряется верховной государственной власти, воля которой заключаетъ волю всѣхъ и каждого. Очевидно, при такой противоположности основныхъ тезисовъ и теоретическіе выводы и практическіе результаты будутъ далеко не тождественны. По теоріи Гоббса, государственная власть какъ бы поглощаетъ волю всѣхъ и каждого, оставаясь въ то же время одна какъ бы въ естественномъ состояніи, даже болѣе. Люди, съ выходомъ изъ естественнаго состоянія, отрекаются отъ своихъ правъ на все, и остается одна государственная власть, которая имѣетъ право на все; вся мощь, которую имѣютъ люди, концентрируется въ государственной власти, которая не можетъ быть другой, какъ *деспотической*, и отъ нея зависитъ опредѣленіе не только всѣхъ *гражданскихъ*, но даже и *религозныхъ* отношеній, потому что—какъ говоритъ Гоббсъ—въ естественномъ состояніи нѣтъ понятій о правѣ собственности, о правѣ лич-

ности—все это есть созданіе государства и т. д. Напротивъ, цѣлый рядъ правъ: право человѣка на личную свободу, право собственности, право религіознаго исповѣданія и т. д. разсматривается Локкомъ въ качествѣ религіозныхъ, естественныхъ правъ; и государство, съ его точки зрѣнія, учреждается для того, чтобы оградить свободу и собственность каждаго, т. е. обезпечить имъ эти естественныя права. Благодаря такой противоположности теорій, практическое разрѣшеніе такого, напр., важнаго вопроса, какъ вопросъ о собственности, будетъ тоже не одинаково. Дѣйствительно, одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ англійскаго права, въ эпоху Стюартовъ, заключался въ томъ, въ правѣ ли король, безъ согласія парламента, облагать податями, а вопросъ о корабельной подати привелъ даже къ революціи 1641 года. Гоббсъ говорилъ, что, такъ какъ собственность есть созданіе государства, то оно въ правѣ распоряжаться ею *безконтрольно* и *безраздѣльно*. Напротивъ, Локкъ ставитъ собственность въ число коренныхъ естественныхъ правъ, выводя ее изъ *права труда*. То, что является плодомъ труда человѣка, то, во что онъ вложилъ свой капиталъ, свой трудъ, есть его принадлежность, его собственность; это есть право, несозданное гражданскимъ закономъ, а право естественное, которое въ государствѣ получаетъ только гарантію (Градовскій, стр. 80). Теорія *неотчуждаемости свободы личности* Ж. Ж. Руссо (1712—78 гг.) только развиваетъ ученіе Локка, и это есть основной пунктъ его политическаго ученія: — человѣкъ, выходя изъ естественнаго состоянія, не можетъ отказаться отъ своей свободы, т. е. свобода есть нѣчто неотчуждаемое. «Рабъ, говоритъ онъ, возражая Гроцію, продавая себя другому лицу, получаетъ нѣкоторый эквивалентъ, получаетъ покупную цѣну или содержаніе. Народъ же ничего не получаетъ въ обмѣнъ за свою свободу, и, слѣдовательно, контрактъ, по которому одна сторона не получаетъ ничего, по самому существу своему—ничтоженъ. Отказаться отъ своей свободы—значитъ отказаться отъ своихъ качествъ, какъ человѣка, такъ какъ человѣкъ есть существо нравственное, и по отношенію къ другимъ можетъ опредѣляться правилами только нравственнаго чувства, дома, обязанности и т. п. Установленіе какихъ бы то ни было отношеній на основаніи силы, внѣшняго принужденія не можетъ имѣть никакихъ моральныхъ и тѣмъ болѣе юридическихъ послѣдствій, такъ какъ сила не основывается на правѣ; сила есть фактъ, которому подчиняются, но который не можетъ превратить повиновенія въ нравственную обязанность и вслѣдствіе этого государство создается свободнымъ актомъ людей». (Градовскій, стр. 81). «Contrat social» (Ж. Ж. Руссо) указываетъ, хотя и не до конца вещей, какъ оно создается: —первобытныя люди, образуя государство, ставятъ приблизительно слѣдующій вопросъ: какъ найти такую ассоціацію, которая ограждала бы общія силы, права и безопасность каждаго и въ которой каждый, подчиняясь всѣмъ, оставался бы такимъ же свободнымъ, какимъ онъ былъ прежде; другими словами—задача этого общественнаго договора заключается въ томъ, чтобы продолжать естественное состояніе въ государственномъ». Эта задача и разрѣшается формулой: — каждый изъ насъ отдастъ себя въ распоряженіе всѣхъ и становится подъ управленіе *общей* воли, которая обязана ограждать всѣхъ и каждаго общей силой. Съ этимъ актомъ возникаетъ духовное, сплоченное тѣло государства и получаетъ свое единство, свое «я», свою волю; сумма членовъ называется народомъ, каждый членъ, какъ участникъ въ верховной власти — гражданинъ, а какъ обязанный повиноваться закону — подданнымъ. Пусть отдѣльное лицо теряетъ свою естественную свободу, но оно получаетъ за это гражданскую, ограниченную только общей волей, и къ этому—*право собственности* на все, чѣмъ владѣть, *равенство* передъ закономъ и *нравственную свободу*, ко-

торая впервые дѣлаетъ его дѣйствительно господиномъ надъ самимъ собой:— повиновеніе закону, который человѣкъ далъ самому себѣ, есть свобода, а побужденія одной лишь страсти есть рабство. Законъ— это общая воля народа (олицетворяющаго собою суверенную власть), направленная на общее благо; высшія блага «свобода и равенство» — главные предметы законодательства. Законодательная власть есть моральная воля государственнаго тѣла, правительство же (или правитель) — его исполнительная физическая сила: суверень, т. е. народъ, повелѣваетъ, правительство исполняетъ, подданный повинуется. Акты, которымъ народъ подчиняетъ себя своимъ главамъ, не есть договоръ, но только порученіе, почему онъ можетъ, когда ему будетъ угодно ограничить, отмѣнить и вовсе взять назадъ перенесенную (на правительство) власть и т. д. Слѣдовательно, существенное различіе между государственной теоріей Руссо и теоріями Локка и Монтескье заключается въ томъ, что онъ отказывается отъ раздѣленія властей и отъ представительства, т. е. въ безгранично-демократическомъ характерѣ. Спустя одно поколѣніе послѣ того, какъ эти теоріи появились на свѣтъ, французская революція и собранія американскихъ депутатовъ послѣ войны съ Англіей попытались выполнить ихъ на практикѣ, констатируя, что *общественный договоръ есть конституція*, и что чрезъ посредство ея можно возстановить утраченныя естественныя права. Вотъ, собственно, тѣ логическія послѣдствія, къ которымъ приводятъ теоріи трехъ послѣднихъ мыслителей—Локка, Монтескье и Руссо. Будучи сопоставлены съ теоріями Г. Гроція, Гоббса и Пуффендорфа, онѣ являются почти совершенно противоположными имъ, хотя и имѣютъ одинаковыя тезисы. Императорская власть взяла для обоснованія своей теоретической стороны послѣднія политическія теоріи и во всякомъ случаѣ не пошла дальше Монтескье, идеи котораго уже оказались, по мнѣнію императрицы Екатерины II, несоотвѣствующими Россіи. Императорская власть первоначально воспользовалась теоріей просвѣщеннаго абсолютизма (Петръ I, Екатерина II), а потомъ, когда эта теорія не устояла на Западѣ, возвращалась не одинъ разъ къ деспотическому абсолютизму (при преемникахъ). И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, она не справлялась съ народными устоями, не справлялась со стремленіями русскаго человѣка вообще. Императорская власть поступала въ этомъ случаѣ вполнѣ согласно общему духу эпохи: нравы опредѣляются государственнымъ устройствомъ («с'est l'opinion qui gouverne le monde». Бельтоувъ. Мои взгля. на ист., 11 стр.); а съ другой стороны боялась или считала несвоевременными идеи женевского гражданина.

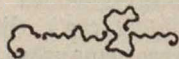
Впрочемъ, если въ мѣропріятіяхъ императора Петра I, столь непріятныхъ нашимъ благороднымъ протестантамъ—славянофиламъ, заключаются черты властнаго повелѣнія, то они имѣютъ своимъ основаніемъ вполнѣ идейное начало. Это—*идея поднятія смысла и активности* русскаго человѣка той эпохи, вдохновеніе его новыми чувствами и мыслью и вообще выработка сознательно дѣйствующей личности. Сближеніе съ Европой Россіи, коснѣвшей подъ давленіемъ своей византійско-азіатской культуры, началось еще задолго до императора Петра, но это сближеніе было крайне медленное и одностороннее. Геній Петра не могъ не поставить себѣ цѣлью ускорить это сближеніе и сдѣлать его всестороннимъ. То была эпоха всенароднаго преобразованія, страны и работа естественно шла быстро, какъ не шла она на Руси ни прежде, ни послѣ того, но все-таки была медленною для Петра, не знавшаго усталости, знакомаго съ энергіей и предпріимчивостью европейцевъ. Медленность для него была преступленіемъ и производила устное, словесное или ручное повелѣніе. Какъ при Петрѣ, такъ и послѣ него прогрессивное движеніе въ Россіи постоянно прерывалось болѣе или менѣе

продолжительными реакціями, причемъ реакціонную силу всегда представляло то огромное большинство, которое было недовольно реформами императора Петра, которое боялось всякихъ нововведеній, какъ чего-то враждебнаго своимъ личнымъ интересамъ,—тупое и самодовольное большинство, подозрительно смотрѣвшее на всякую прогрессивную мѣру. Это упорное противодѣйствіе прогрессивнымъ началамъ было не столько результатомъ теоретической мысли, вооружившейся противъ крайностей и переходившую въ противоположную крайность, сколько слѣдствіемъ явной и скрытой ненависти къ этому порядку вещей, который нарушалъ пассивное состояніе невѣжественной массы и эксплуатирующей ее партіи крѣпостниковъ. Теорія въ подобныхъ случаяхъ, разъ появившись, только оправдывала и санкціонировала практику, набрасывая на ея неблаговидности покровъ фальшивой справедливости и резумности (Шашковъ, соч., 225 стр.) Противъ такого теченія императоръ Петръ не могъ не дѣлать *властныхъ повелѣній* ради идеи того дѣла, которому онъ себя цѣликомъ отдалъ. Во что превратилось это идейное стремленіе Петра потомъ, при его преемникахъ, напр., въ отношеніи правъ русскаго человѣка, сейчасъ увидимъ. Екатерина II высказалась за абсолютную монархію, но, высказывая такой взглядъ, она думала, конечно, о *русской монархіи*, переименованной въ это время въ императорство, основнымъ элементомъ котораго являлось существованіе «промежуточнаго» класса, т. е. *русскаго дворянства*. Только съ этимъ элементомъ въ государствѣ пришлось дѣлиться могуществомъ императорской власти, потому что съ помощью его можно было наложить узду на права подданнаго и вообще реализовать свою власть. Дворянство предоставляет въ распоряженіе монархіи особый нравственный принципъ, *честь* (l'honneur), какъ нѣкоторый предразсудокъ, который инныя лица и даже классы имѣютъ относительно своего достоинства въ сравненіи съ другими (Градовскій). Императорская власть съ своей стороны вознаграждаетъ дворянство за такое моральное одолженіе, перестраивая, какъ увидимъ, даже экономическій строй страны согласно его интересамъ. Дворянство — это есть орудіе господствующей власти, отчасти даже сдерживающее ее, отчасти, и главнымъ образомъ, поддерживающее монархическую дисциплину въ народѣ. Этотъ элементъ, облекшись въ новые костюмы, требуемые эпохой, логически вытекалъ изъ древняго сословія—боярства, и бывалъ въ своихъ вождѣлніяхъ лучше обоснованъ, чѣмъ самое императорство въ своихъ стремленіяхъ, дѣйствовавшее сообразно руководящимъ идеямъ вѣка. Конституціонные акты Европы конца XVIII в. становятся на совершенно иную почву: они не являются актами, которыми подтверждались бы какія-нибудь историческія права; всѣ они имѣли въ виду создать совершенно новый порядокъ вещей, не имѣющій даже ничего общаго, по крайней мѣрѣ, по мнѣнію лицъ, составившихъ эти конституціонныя хартіи,—со старыми учрежденіями и обычаями (Градовскій, 72 стр.). Вообще въ теоретической основѣ императорской власти дворянство занимаетъ первое мѣсто, вслѣдствіе своего консервативнаго качества; отмѣчаемое здѣсь свойство этой власти умалывается, разъ начинается надѣленіе русскаго человѣка правами. Вопросъ о правахъ личности прошелъ и чрезъ руки дворянства столько же, сколько и чрезъ руки императорства.

Въ западной Европѣ права человѣческой личности лучше всего выражены были въ «декларациі правъ человѣка и гражданина» 1789 г. Послѣдняя разсматриваетъ эти права, какъ естественную принадлежность человѣческой личности и какъ совокупность такихъ правъ, которыя принадлежать человѣку по самой его природѣ и которыя, слѣдовательно, какъ таковыя, должны быть гарантированы государственнымъ устройствомъ и

государственной властью. Къ правамъ прежде всего декларація относитъ *личную свободу*, т. е., право быть гарантированнымъ отъ произвольно налагаемыхъ арестовъ и наказаній, опредѣляемыхъ *не* судебнымъ порядкомъ. Принципъ, на которомъ строится это начало личной свободы, заключается въ томъ, что никто не можетъ быть лишенъ правъ, ему принадлежащихъ, иначе, какъ за совершеніе такого дѣйствія, которымъ онъ нарушаетъ извѣстныя существенныя права общества и установленный въ немъ порядокъ личности. Затѣмъ идетъ *право собственности*, и декларація, вводя право собственности въ число естественныхъ правъ, гласитъ, что естественное неотчуждаемое право есть свобода собственности. Декларация имѣетъ въ виду такія условія, при которыхъ собственность, признанная общимъ закономъ, можетъ быть ограждена отъ частныхъ произвольныхъ мѣръ, какъ *конфискація* имущества; она отвергаетъ форму землевладѣнія, основанную на принципѣ, что вся земля въ странѣ принадлежитъ сюзерену, отъ котораго, подъ условіемъ вѣрности и отбыванія различныхъ государственныхъ повинностей, получаютъ ее вассалы.—Другая область правъ имѣетъ цѣлью обезпечить возможность свободнаго проявленія личности во вѣрномъ мірѣ, ея дѣятельности какъ экономической, имѣющей цѣлью удовлетвореніе ея матеріальныхъ интересовъ, такъ и дѣятельности нравственной и умственной. Сюда относятся постановленія, гарантирующія такъ называемую *свободу труда*, подъ чѣмъ въ деклараціи разумѣлось, что каждый въ правѣ избирать для себя тѣ занятія, которыя соответствуютъ его интересамъ, въ которыхъ онъ болѣе всего надѣется выиграть. Этотъ принципъ свободы выбора занятій былъ противовѣсомъ началу монополіи, благодаря которому монопольныя корпораціи сосредоточивали въ своихъ рукахъ право на различныя отрасли труда и, будучи сконцентрированы, тѣмъ болѣе тяжело ложились на массу населенія, принужденнаго жить своимъ трудомъ. Въ связи съ свободою труда находится *свобода передвиженія*, которая заключается въ томъ, что каждое лицо можетъ, во-первыхъ, выбирать для себя мѣсто жительства согласно своимъ интересамъ и, во-вторыхъ, переносить свое постоянное пребываніе въ тотъ или другой центръ, или же ради своихъ промышленныхъ, торговыхъ и другихъ цѣлей отлучаться на время съ мѣста постоянного жительства. Эти два послѣднихъ права, конечно, имѣютъ значеніе главнымъ образомъ съ точки зрѣнія *экономической*; но къ области интересовъ духовныхъ отнесены *свобода печати* (въ видѣ отмѣны предварительной цензуры) и *свобода совѣсти* или *вѣроисповѣданія* (Градовскій, 107 стр.) и т. д. Всѣ эти права личности имѣютъ историческую преемственность, и для того, чтобы понять, почему декларація выставила именно ихъ, нужно знать историческій фазисъ, въ который она была произнесена и застала поработенную личность.

В. М. Б.—новѣ.

*) Это неточно. Лишеніе личной свободы, не иначе, впрочемъ, какъ по суду, могло слѣдовать не за нарушеніе существенныхъ правъ общества и установленнаго въ немъ порядка,—что служило основаніемъ для законодателя,—а за нарушеніе закона, т. е. за противозаконныя дѣйствія: граждане повинуются законамъ—безразлично, хороши послѣдніе или плохи (дѣло законодателя заботиться о томъ, чтобы законы были хороши). Такимъ образомъ, если на практикѣ лишеніе свободы связывалось съ противозаконными дѣйствіями, то въ теоріи, т. е. при идеальномъ хорошихъ законахъ, это ограниченіе свободы совпадало съ нарушеніемъ существенныхъ правъ общества и извѣстнаго правопорядка.

Редакція.

Повозка для путешествій въ Печелійской провинціи.

Антонъ Горемыка (С. Ціонъ).

Въ странѣ „Бѣлаго Ненюфара“ *).

Сколько мнѣ приходилось изучать житейскую обстановку и внѣшній бытъ сыновъ Небесной Имперіи,—я всегда выводилъ заключеніе, что Китай, по преимуществу, страна внѣшности. Правда, многіе обычаи китайцевъ полны скрытаго значенія, но это значеніе и этотъ смыслъ теряются въ глубинѣ вѣковъ, и въ настоящее время китаецъ не имѣетъ *о смыслѣ обычаевъ* большею частію никакого представленія и исполняетъ эти обычаи только въ силу закона и правилъ, вытверженныхъ имъ наизусть еще въ дѣтствѣ.

Всякій шагъ, всякій моментъ жизни китайца обусловленъ этими правилами, исполненіе которыхъ для него не только обязательно, но даже священно.

Ярче всего это выражается въ религіи. Къ какой бы религіи китаецъ ни принадлежалъ, онъ относится совершенно индифферентно къ внутренней ея сторонѣ, и мнѣ не приходилось никогда видѣть, чтобы китаецъ, отъ полноты чувства, со слезами умиленія или скорби бросался ницъ передъ изображеніями своихъ боговъ. Нѣтъ, онъ приходитъ въ храмъ только для того, чтобы погадать о своей судьбѣ или своемъ предпріятіи. Онъ совершенно равнодушно кладетъ свое приношеніе и беретъ у бонзы мельницу-цилиндръ, на окружности которой написаны молитвы. Повертѣвъ ее нѣсколько времени, онъ считаетъ, что сдѣлалъ все необходимое для того, чтобы божество отнеслось милостиво къ его предпріятію.

Когда у китайцевъ дѣла идутъ сносно, они, въ силу предпи-

*) Одна изъ самыхъ распространенныхъ и вліятельныхъ тайныхъ сектъ въ Китаѣ.

санія закона, золотятъ идоловъ и снабжаютъ ихъ всевозможными приношеніями. Въ случаѣ же неудачъ выволакиваютъ неугодившаго бога изъ капища, восклицая:

„Что это такое? Мы дали тебѣ мѣсто въ великомъ храмѣ, вызолотили, кормимъ тебя, окуриваемъ оиміаомомъ, а ты, собака, такъ неблагодаренъ, что даже слушать не хочешь, когда тебя просятъ о чемъ“. Затѣмъ съ бога срываютъ одежды и топчутъ его въ грязь.

Англійскіе миссіонеры рассказывали мнѣ, что одинъ китаецъ подаль въ судъ жалобу на бога за обманъ. Онъ обвинялъ бога въ

Тье-даиъ, храмъ предковъ.

томъ, что тотъ принялъ черезъ жреца его жертву и не исполнилъ просьбы объ исцѣленіи дочери, такъ какъ послѣдняя умерла. И приговоромъ суда богъ этотъ за обманъ былъ изгнанъ изъ провинціи. И наоборотъ, чиновники ежегодно во всеподданнѣйшихъ отчетахъ доносятъ богдыхану, что тѣ или иныя благопріятныя явленія въ ихъ провинціяхъ случились подъ вліяніемъ такихъ-то боговъ. И императоръ официальнымъ указомъ, публикуемымъ „пекинской газетой“ *) приказываетъ возвести бога въ слѣдующій высшій рангъ, усилить культъ наиболѣе заслужившему это за годъ богу и, кромѣ того, отпускаетъ извѣстную сумму денегъ на украшеніе капища и позолоту.

Въ своей ежедневной жизни китаецъ тоже стѣсненъ многочисленными формальностями. Такъ, когда знатный китаецъ собирается отправиться къ кому-нибудь въ гости, то онъ, по крайней мѣрѣ, за два часа посылаетъ ему свою визитную карточку. Послѣдняя

*) Пекинская газета—официальный органъ императора, издающійся уже болѣе 1000 лѣтъ.

дѣлается на красной бумагѣ. Въ серединѣ ея крупными буквами пишется титулъ и имя того лица, которое посылаетъ карточку, а по бокамъ титулъ и имя той особы, которой она адресована. Внизу пишутся какія-нибудь интересныя для обоихъ новости изъ жизни владѣльца карточки или политики, затѣмъ обязательныя вѣтливатыя комплименты лицу, которому карточка посылается, и, наконецъ, въ заключеніе привѣтствіе:

— „Я наклоняю передъ Вами голову“. По полученіи отвѣтной карточки, гость непременно долженъ такъ рассчитать время своего выѣзда изъ дома, чтобы попасть на мѣсто визита немного позднѣе обозначеннаго на карточкѣ времени. Аккуратность же считается униженіемъ. Когда носилки гостя поравняются съ лѣстницей дома, то хозяинъ его выходитъ имъ навстрѣчу. На ступеняхъ хозяинъ раскланивается съ гостемъ, и между ними происходитъ обмѣнъ чисто-восточныхъ любезностей и привѣтствій. Чѣмъ почетнѣе гость, и чѣмъ выше его общественное положеніе въ сравненіи съ хозяиномъ, тѣмъ ниже послѣдній обязанъ спуститься.

Существенную часть этого церемоніала составляютъ поклоны съ присѣданіемъ до земли, при чемъ руками касаются другъ друга. У знатныхъ лицъ такія привѣтствія продолжаются иногда до часу. Затѣмъ хозяинъ предлагаетъ гостю подняться во внутренніе покои. Тутъ опять поднимаются переговоры, кому идти съ какой стороны. Сѣверная сторона считается почетной, и хозяинъ обходитъ вокругъ гостя, предлагая ему идти съ почетной стороны.

— Вы мой гость, идите.

— Никогда.

— Добродѣтельному человѣку, какъ вы, подобаешь этотъ почетъ.

— У меня больше пороковъ, чѣмъ у васъ добродѣтелей, поэтому это ваше право!

Когда, наконецъ, обѣ стороны рѣшаютъ этотъ, весьма важный въ кодексѣ китайскихъ приличій, вопросъ, войдутъ въ комнаты, то снова возникаютъ переговоры о наиболѣе удобныхъ креслахъ, гдѣ кому сѣсть. При чемъ передъ этимъ хозяинъ потряхиваетъ ихъ, чтобы показать гостю крѣпость мебели и ея безопасность. Наконецъ, гостю предлагаются чай и сласти, и снова говорится вѣтливое извиненіе въ такомъ плохомъ, сравнительно съ доблестями гостя угощеніи. Послѣдній въ не менѣе изысканныхъ словахъ благодаритъ за угощеніе, восхваляя при этомъ вѣжливость, радушіе, гостепріимство хозяина и прекрасныя качества его тѣла и души. Послѣ этого начинаются переговоры относительно того, кому первому пить чай:

— „Я не стану пить“. — „Да пейте-же!“ — „Ни за что!“

Въ подобныхъ разговорахъ проходитъ все время визита; уже только передъ самымъ концомъ его, собираясь уходить, гость излагаетъ причину того, что его привело къ хозяину. Затѣмъ при прощаніи слѣдуютъ тѣ же любезности и тѣ же церемоніи. При каждомъ свиданіи присутствуютъ секретари или ближайшіе подчиненные хозяина и гостя, которые стоятъ за креслами, не смѣя вмѣшиваться въ разговоръ и все время поддакивая своимъ принципаламъ.

Особенно торжественно обставлены два момента въ жизни китайца: это свадьба и похороны.

Предварительные переговоры о бракѣ ведутся часто тогда, когда женихъ съ невестой еще дѣти.

Въ семью невесты являются свахи—мей-джинъ—и дѣлаютъ предложеніе. Мей-джинъ сажаютъ на цыновки и угощаютъ, но сразу отвѣта не даютъ, заявляя, что надо раньше справиться у астрологовъ и ученыхъ. Послѣдніе устанавливають, нѣтъ ли род-

ства между брачующимися и разныя ли у нихъ фамиліи; при одинаковыхъ фамиліяхъ заключеніе брака ни въ коемъ случаѣ невозможно, хотя бы родства нельзя было доказать даже за сто колѣнъ и болѣе. Астрологи составляютъ гороскопъ жениха и невесты и опредѣляютъ по нему, возможенъ ли предполагаемый бракъ и, если возможенъ, то какой наиболѣе благоприятный для совершенія брака день. При этомъ принимаются еще во вниманіе предсказанія императорскаго альманаха, дающаго ихъ на каждую недѣлю, каждый день года и обозначающаго счастливые и несчастные дни. Затѣмъ, если предсказанія эти благоприятны, то родители жениха посылаютъ невестѣ подарки. Кромѣ цѣнныхъ подарковъ, заключающихся въ золотыхъ браслетахъ, разныхъ украше-

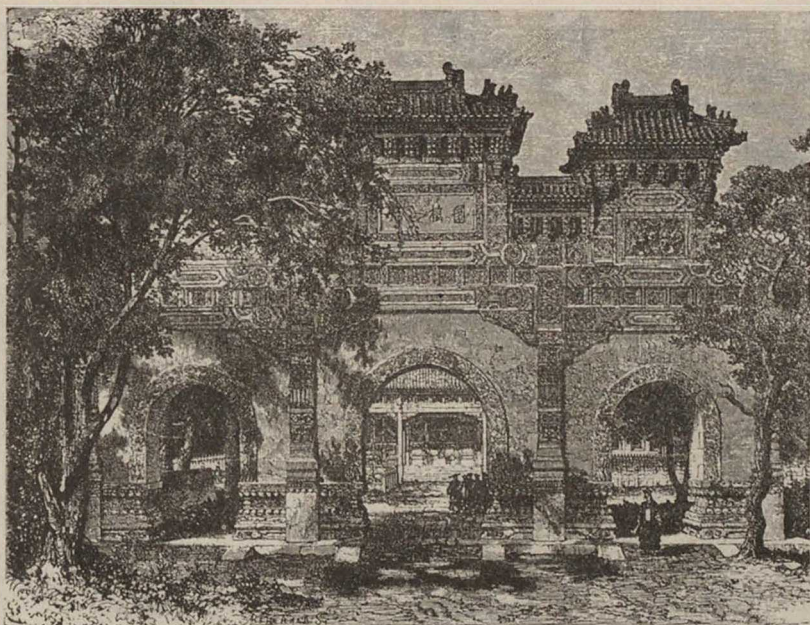

Китайскій бонза, собирающій на „построеніе храма“ (пагоды).

На спинѣ прикрѣпленъ кусокъ матеріи съ надписью, а для привлеченія вниманія благочестивыхъ людей употребляется мо-у—музыкальный инструментъ.

ніяхъ, дорогихъ матеріяхъ и мебели, посылаютъ еще рисъ. Если жениху не исполнилось еще 16-ти лѣтъ, а невестѣ—14, то всѣ предварительныя церемоніи на этомъ и заканчиваются. Эта церемонія помолвки въ глазахъ китайца настолько священна, что невеста, теряющая жениха, уже не имѣетъ права выходить замужъ. Самое бракосочетаніе носитъ въ различныхъ провинціяхъ не одинаковый характеръ, но сущность брачныхъ обрядовъ состоитъ въ слѣдующемъ. Невѣсту, разодѣтую въ лучшія одежды и убранныю цвѣтами и дорогими бездѣлушками, покупаемыми или взятыми на прокатъ, передаютъ въ руки „мей-джинъ“. Лицо невесты густо набѣлено, губы и щеки нарумянены, брови начернены, волосы въ это время распущены. „Мей-джинъ“ устраиваютъ невестѣ „ке-мьень“, т. е., буквально—показываніе лица. „Ке-мьень“ состоитъ въ пробриваніи лба на извѣстную вышину и наворачиваніи кося на картонную, подбитую шелкомъ подушечку, помещаемую

на затылкѣ. Эта подушечка тоже украшается цвѣтами, драгоценностями, перьями или бусами. Затѣмъ съ извѣстными приговариваніями вынимаютъ изъ волосъ особыя кривыя серебряныя шпильки, зашпиливаемые въ день помолвки, и прикалываютъ подушечку большой, длиной въ футъ, булавкой, золотой или серебряной, смотря по соціальному положенію жениха. Шпилька эта прокалываетъ весь шиньонъ и имѣетъ то же значеніе, какъ у насъ обручальное кольцо. Наконецъ, невѣсту ведутъ къ матери; послѣдняя надѣваетъ на нее длинную фату, закрывающую съ головы до ногъ. При этомъ обѣ начинаютъ изливаться въ жалобахъ и при

Входныя ворота въ храмъ Конфуція въ Пекинѣ.

читаніяхъ, пока отецъ, родственникъ или заступающій его мѣсто силой не оторветъ женщину другъ отъ друга. Невѣсту, въ буквальномъ смыслѣ, тащутъ къ приготовленному для нея паланкину, при чемъ она съ помощью матери упирается и отбивается изо всѣхъ силъ. Этимъ дѣвушка показываетъ, какъ ей тяжело покинуть отчій кровъ. Поступить иначе значитъ погрѣшить противъ законовъ приличія и добродѣтели. Около паланкина невѣсты ждутъ музыканты, поднимающіе своими инструментами такой шумъ, звонъ и гулъ, что непривычный европеецъ буквально теряетъ голову. Подъ звуки этой „музыки“ невѣсту несутъ въ домъ жениха, при чемъ какъ число носильщиковъ, такъ и число свиты строго опредѣлено и сообразовано съ соціальнымъ положеніемъ и имущественнымъ цензомъ брачующихся.

Когда свадебный кортежъ приблизится къ дому жениха, то послѣдній пускаетъ фейерверкъ, въ которомъ преобладаютъ ракеты, шутихи, хлопушки и, вообще, все рассчитано на то, чтобы произвести какъ можно больше шума и треска, что считается признакомъ радости.

Въ это время и музыканты играютъ fortissimo. Окружающіе невѣсту родственники, при помощи трещотокъ и другихъ подоб-

ныхъ имъ приспособленій, тоже выказываютъ свою радость, вслѣдствіе чего получается такой шумъ, трескъ и гамъ, о которомъ можно составить себѣ понятіе, только услышавъ его.

У входа въ домъ паланкинъ съ невѣстой останавливается, дѣвушку вынимаютъ изъ паланкина и подводятъ къ жениху, предъ которымъ та въ знакъ покорности должна четыре раза преклонить колѣни.

Затѣмъ, молодые идутъ въ домъ, при чемъ невѣсту, для очищенія отъ грѣховъ дѣвической жизни, проводятъ черезъ раскаленные уголья. Женихъ идетъ съ почетной сѣверной стороны. Въ домѣ, прежде всего, въ комнатѣ, посвященной культу предковъ, соверша-

Торжественный поѣздъ китайскаго сановника, отправляющагося съ визитомъ.

ются тѣ или инныя церемоніи въ зависимости отъ исповѣдуемой женихомъ религіи; иногда бонзы читаютъ положенныя молитвы и кропятъ молодыхъ святой водой. Наконецъ, совершаются предписанныя закономъ возліянія, и религіозная часть церемоніи этимъ заканчивается. Послѣ этого молодые садятся на подушки: женихъ по правую сторону невѣсты. При этомъ женихъ даритъ, въ видѣ выкупа за невѣсту, розы тестю, тещѣ и старшему родственнику.

Въ это же время родители жениха кладутъ на подносъ, принадлежащій родителямъ невѣсты, по золотой монетѣ. Послѣ этого молодымъ связываютъ руки шелковымъ шнуркомъ и надѣваютъ на пальцы два кольца тоже изъ крученого шелку. При этомъ всѣ присутствующіе, по мѣрѣ силъ и возможности, одариваютъ молодыхъ. Затѣмъ, если нѣтъ бонзъ, то „мей-джинъ“ въ сопровожденіи родителей обѣихъ сторонъ приносятъ „сочетальную чашу“, изъ которой молодые по очереди дѣлаютъ по три глотка. Церемонія заканчивается родителями брачующихся, которые, взявъ въ руки зажженные свѣчи, семь разъ обходятъ вокругъ новобрачныхъ, стараясь все время обойти ихъ съ правой стороны. Послѣ этого всѣ идутъ въ слѣдующую комнату, гдѣ приготовлено угощеніе. Женщины съ невѣстой ѣдятъ отдѣльно отъ мужчинъ. Вечеромъ

молодыхъ отводить въ брачную комнату, и только здѣсь дѣвушка снимаетъ покрывало. Раньше же, какъ при помолвкѣ, такъ и послѣ нея видѣть жениху невесты не дозволяется. Невѣсту показываютъ родственникамъ жениха, и послѣдній долженъ безусловно положиться на ихъ выборъ и вкусъ.

Хотя китайское законодательство многоженства не признаетъ, но послѣднее допускается въ видахъ полученія мужескаго потомства, которое одно имѣетъ право и обязано поддерживать культъ предковъ. Тѣмъ не менѣе только первая жена считается законной, остальные носятъ названіе „женъ второго сорта“; онѣ обязаны повиноваться первой женѣ, которая одна не можетъ быть удалена

Зажиточная китайская семья.

иначе, какъ посредствомъ развода. Послѣдній допускается только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) бездѣтность, 2) чрезмѣрная страстность, 3) непочтеніе къ родителямъ мужа, 4) вздорный характеръ, 5) склонность къ воровству, 6) злое сердце и 7) заразная болѣзнь.

Женщина вообще разсматривается китайскимъ закономъ, какъ существо низшее, и положеніе ея въ семьѣ очень тяжело. Пословица гласитъ, что „дѣвушка должна безусловно подчиняться отцу, жена—мужу, мать—сыну (во время вдовства)“. Дочь, проводящая все время до замужества взаперти, тѣмъ самымъ невольно становится бременемъ для семьи, считающей ее тунеядкой, несмотря на то, что дѣвушка исполняетъ всю грязную работу, находится на положеніи служанки, должна стряпать и обшивать всю семью, помогая въ этомъ матери. Дальше умѣнія владѣть иглой и приготовления кушаній образованіе женщины не идетъ, и правитель-

ство о немъ совершенно не заботится. Изъ приведеннаго вытекаетъ, что женщина въ Китаѣ составляетъ всецѣло собственность отца, брата, мужа и не имѣетъ никакого гражданскаго положенія. Даже на замужество у нея согласія не спрашиваютъ. Въ зажиточныхъ домахъ женщина наглухо заперта въ отдѣльной части дома и всецѣло изолирована отъ внѣшняго міра, куда она можетъ попасть только съ согласія мужа и не иначе, какъ въ наглухо закрытыхъ носилкахъ. И все-таки, несмотря на такой варварскій, унижительный взглядъ на женщину, разводъ сильно ограниченъ закономъ и, несмотря на приведенныя выше условія, ни въ какомъ случаѣ не можетъ состояться, если: 1) мужъ приобрѣлъ состояніе уже послѣ женитьбы, 2) если послѣ свадьбы жена потеряла своихъ родителей или 3) носила съ мужемъ трехгодичный трауръ.

Другая, еще болѣе торжественно обставляемая церемонія—это похороны. Смерть, по понятіямъ народа, является желаннымъ освобожденіемъ отъ земной юдоли, плача и воздыханій и поэтому обставляется настолько торжественно и величественно, насколько подобааетъ рангу покойнаго и насколько позволяютъ средства наслѣдниковъ. Всю жизнь даже бѣднякъ отказываетъ себѣ въ самомъ необходимомъ, лишь бы имѣть возможность отложить достаточныя средства для погребенія. Сынъ не можетъ сдѣлать отцу лучшаго и болѣе пріятнаго подарка, какъ поднести ему гробъ, купленный на собственный заработокъ.

Послѣ смерти покойника кладутъ въ герметически закупоренный свинцовый, ярко раскрашенный гробъ и ставятъ на возвышеніе въ отдѣленную часть дома. Вокругъ него находятся въ изобиліи приносимые ему въ даръ цвѣты, фрукты, чашки чаю и рисъ. Около гроба помѣщаются буддійскіе священники и гнусавымъ, протяжнымъ голосомъ читаютъ заклинательныя молитвы, имѣющія цѣлю умиловитъ душу покойнаго и убѣдить ее слѣдовать за ними, когда тѣло понесутъ хоронить. Между тѣмъ въ ближнихъ комнатахъ, убранныхъ флагами, цвѣтами и задрапированныхъ въ матеріи самыхъ яркихъ цвѣтовъ, собираются родственники, друзья и знакомые покойнаго. Имъ предлагаютъ чай, мелкую, завернутую въ бумагу монету и рисъ. Монета—символь откупа покойнаго отъ грѣховъ, и гости вмѣстѣ съ родственниками въ знакъ того, что они прощаютъ покойному все вины и отпускаяютъ ему все содѣянное противъ нихъ прегрѣшенія, приносятъ въ даръ на алтарь розданный имъ рисъ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть употребленъ въ пищу. Онъ предназначенъ специально для покойнаго, портретъ котораго виситъ тутъ же надъ алтаремъ, возвышаясь надъ статуями предковъ. Послѣ этого жертвоприношенія подается обильный обѣдъ. По окончаніи его, протяжные, заунывные звуки гонга, несущіеся изъ комнаты покойника, даютъ знать, что пришли носильщики и ждутъ только прибытія семьи, чтобы начать печальное шествіе къ послѣдней убижищу покойнаго. Погребальный corteжъ представляетъ собой замѣчательное по пестротѣ зрѣлище. Тутъ и бонзы въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ, несущіе жертвенники и статуи боговъ, и плакальщицы, тянущія гнусливымъ голосомъ всевозможныя причитанія, и музыканты, и мальчики съ бумажными фонарями, на которыхъ написано имя покойнаго. Одни несутъ вывѣски съ титулами и званіями покойнаго, другіе спуютъ съ разноцвѣтными фонарями, третьи бьютъ въ гонги, иные несутъ оружіе и драгоценности покойника, его мебель, мундиръ, шапочку и башмаки; затѣмъ слѣдуетъ громадный шелковый зонтикъ, въ концѣ шествія слѣдуютъ задрапированные въ бѣлое паланкины провожающихъ, сами они пѣшкомъ, все въ бѣломъ, что служитъ признакомъ глубокаго траура. Покойника въ богато и ярко разукрашенномъ ка-

тафалкѣ несутъ въ серединѣ шествія, при чемъ отъ гроба тянутся сотни шелковыхъ тесемокъ, за которыя держатся буддійскіе монахи. Шествіе замыкаютъ столы со всевозможными яствами: поросятами, утками, дичью, фруктами и цвѣтами. Это, конечно, похороны богатаго китайца; похороны бѣднаго менѣе торжественны, но все-таки въ миниатюрѣ представляютъ то же самое зрѣлище.

На могилѣ покойника кладутся изображенія домовъ, коней, носильщиковъ, зонтиковъ и паланкиновъ, платьевъ и ящиковъ. Все это дѣлается изъ картона и бумаги и сжигается въ виду убѣжденія, что будетъ и на томъ свѣтѣ служить покойному для его нуждъ. Въ ящики положены сдѣланные изъ бумаги и фольги деньги: золотыя и серебряныя; замки на ящикахъ бумажные и съ ними сжигаются бумажные же ключи, чтобы покойникъ могъ ими отворить ящики. Тутъ же лежатъ цѣлыя тюки различныхъ вещей, поручаемые заботливости покойнаго для передачи ранѣ умершимъ друзьямъ. Въ самомъ же началѣ этой церемоніи сжигаются изображенія верховыхъ, тоже изъ бумаги, и фонари. Первые посылаются для извѣщенія властей въ царствѣ тѣней о прибытіи покойника, а послѣдніе должны освѣщать и указывать душѣ путь въ царство тѣней.

Хоронятъ обыкновенно въ саду около дома покойнаго, а если покойникъ не владѣлъ землей, то за городомъ, при чемъ гробъ ставится прямо на землю и сверху обсыпается землей. Въ виду того, что гробъ закрытъ герметически, многіе долго оставляютъ покойнаго въ домѣ, въ комнатѣ, посвященной культу предковъ. Время похоронъ по закону опредѣляется срокомъ въ сто дней. Ношеніе траура также подвержено строгой регламентаціи.

Полный трехгодичный трауръ носится женой по мужу, дѣтьми по родителямъ; годичный—сыномъ по разведенной или вышедшей вновь замужъ матери и мужемъ по женѣ. Далѣе идутъ девяти, пяти и трехмѣсячные трауры по дѣтямъ и дальнимъ родственникамъ.

Въ теченіе этого времени даже мандарины не имѣютъ права исполнять никакихъ общественныхъ обязанностей, они замыкаются въ самомъ полномъ уединеніи и прекращаютъ всякіе официальные приемы и сношенія.

Когда умеръ императоръ Гіенъ-фунъ, то, по свидѣтельств ужены французскаго посланника г-жи Бурбулонъ, было установлено, чтобы никто не имѣлъ права брить голову въ теченіе 90 дней. Всякія семейныя празднества были воспрещены по теченіи одного года и одного дня. Празднества и театральныя представленія были закрыты на три года. Въ судахъ были возвѣщены вакаціи, и въ теченіе опредѣленнаго времени не было совершено ни одного брака.

Какъ извѣстно, и въ хоромахъ вельможи, и въ хижинѣ бѣднака имѣется комната, специально посвященная культу предковъ. Здѣсь находится алтарь, иногда портреты и статуи предковъ, иногда просто таблички съ надписями ихъ именъ. Предъ этимъ алтаремъ въ установленное время зажигаются особыя тонкія свѣчи, курятся благоуханія, дѣлаются возліанія. Но кромѣ этихъ частныхъ поминовеній въ дни, когда по туземнымъ повѣрьямъ души возвращаются къ своимъ прежнимъ жилищамъ, китайскія семьи устраиваютъ совмѣстныя молитвословія и затѣмъ съ фейерверкомъ подъ звуки барабановъ, тамтамовъ и трещотокъ приглашаютъ предковъ пожаловать въ домъ. Здѣсь уже въ комнатѣ предковъ приготовлены для нихъ яства и питія. Въ это время принято даже устраивать угощеніе для душъ бездомныхъ и несчастныхъ, каковы прокаженные и нищіе. Часть блюдъ оставляется про запасъ для слѣпыхъ и слабыхъ духовъ, которые могутъ опоздать; для обезглавленныхъ ставится котелъ съ жидкой кашей и ложки, чтобы

они могли совать пищу прямо въ горло. Отъ дому на далекое разстояніе развѣшаны фонари, чтобы души не заблудились.

Кромѣ того въ апрѣлѣ бывають общія поминки, такъ называемыя, „чангъ-фе“, или праздникъ мертвецовъ. Въ это время всѣ мужчины, женщины, дѣти и даже животныя украшаются вѣтками плакучей ивы, служащей символомъ горя и воспоминанія.

Затѣмъ толпы разодрѣтыхъ въ бѣлое китайцевъ въ торжественныхъ процессіяхъ съ музыкой направляются на могилы предковъ, украшаютъ ихъ цвѣтами, покрываютъ листиками золоченной или цвѣтной бумаги съ фольгой, знаменующей деньги, приносятъ всевозможныя кушанья и устраивають поминки.

Наконецъ, разъ въ нѣсколько лѣтъ бываетъ „праздникъ всеобщаго освобожденія“, за него съѣзжаются члены одного рода за многіе десятки и сотни верстъ, на общій счетъ устраивають особое зданіе съ отдѣльными комнатами, въ которыхъ помѣщаются ванны отдѣльно для душъ мужского и женскаго пола. Здѣсь тоже происходятъ пышныя поминки съ сожиганіемъ разныхъ предметовъ. Когда китаецъ спрашиваютъ, какъ можетъ душа, будучи существомъ безтѣлеснымъ, вкушать предлагаемую матеріальную пищу, то онъ отвѣчаетъ, что пища заключается въ себѣ два начала—сущность и случайныя качества: вкусъ, видъ, запахъ. Души употребляютъ сущность, которая невещественна.

Праздники у китаецъ немногочисленны. Особенной торжественностью отличается празднованіе Нового года. За десять дней до наступленія „Цаганъ-сора“, или „Бѣлаго мѣсяца“, которымъ начинается Новый годъ, всѣ дѣла прекращаются, государственныя печати убираются, и всюду наступаетъ каникулярное время. За день до наступленія Нового года всѣ спуютъ по улицамъ въ невообразимой суматохѣ. Причина та, что къ этому дню обязательно должны быть погашены всѣ долги и сдѣланные за годъ займы. Последнюю ночь стараго года всѣ проводятъ чинно и мирно въ своей семьѣ—это ночь покаянія за сдѣланные за годъ грѣхи. Въ извѣстный моментъ ночи двери домовъ растворяются, ибо считается, что въ это время приближаются боги, и китаецы на колѣняхъ вымаливаютъ себѣ прощенье. Затѣмъ тѣ же мольбы съ воскуреніемъ ѣмима совершаются передъ алтаремъ предковъ и передъ старшими членами семьи; равнымъ и младшимъ отвѣщаются молчаливые поясные поклоны. Слѣдующій затѣмъ ужинъ происходитъ въ глубокой тишинѣ и молчаніи, нарушать которое не позволяетъ этикетъ. Утромъ начинаются обязательныя визиты друзьямъ и знакомымъ, которые полагается окончить въ теченіе пяти дней; сдѣланный послѣ этого срока визитъ считается кровнымъ оскорбленіемъ. Самымъ интереснымъ днемъ является пятнадцатый „шань-юань“, или праздникъ фонарей. Съ утра въ этомъ день по всѣмъ направленіямъ двигаются процессіи.

Впереди процессій обыкновенно идутъ знаменосцы съ національнымъ китайскимъ знаменемъ, за ними—актеры на ходуляхъ. Тутъ и мандаринъ въ длинной до земли рубашкѣ, произносящій съ высоты ходуль глубокія моральныя сентенціи, и набѣленная китаянка, изсбращенная, конечно, переодѣтымъ сыномъ небесной имперіи, ибо женщинъ этого законъ не дозволяетъ, грозные воины съ аллебардами и бердышами, съ остроконечными шапками, уходящими въ самое небо и, наконецъ, главное—огромный фонарь круглой формы, а за нимъ другой гигантскихъ размѣровъ въ формѣ дракона. Вся процессія вмѣстѣ съ первымъ фонаремъ убѣгаетъ отъ второго, якобы старающагося его поглотить. При этомъ кругомъ идутъ музыканты, звенящіе, гудящіе на тысячи ладовъ. Гуль, визгъ, звонъ инструментовъ, трескъ пускаемыхъ ракетъ, взрывъ петардъ и хлопушекъ—все сливается въ ревъ какого-то грандіоз-

наго чудовища и имѣть цѣлью прогнать злыхъ духовъ отъ китайцевъ. Это продолжается до вечера. Тутъ улицы запружаются тысячами людей, имѣющими каждый по фонарю самыхъ причудливыхъ формъ и рисунковъ. Здѣсь есть фонари шелковые и изъ легкой бумаги, изображающіе драконовъ и фантастическихъ чудовищъ. Тутъ есть и фонари изъ газа, натянутого на многоугольный деревянный остовъ съ картинками животныхъ и пейзажей, и фонари изъ рога, настолько тонкаго, что кажутся стеклянными. Всѣ улицы, всѣ зданія, всѣ шлюпки въ этотъ день иллюминированы, и эти сотни тысячъ фонарей, колышавшихся съ толпой, представляютъ поистинѣ волшебное зрѣлище!

Въ этотъ вечеръ въ глубинѣ китайскихъ домовъ совершается таинственный, имѣющій глубокое значеніе обычай „кхатху“. Этотъ древній обычай состоитъ въ клятвѣ двухъ или нѣсколькихъ китайцевъ помогать другъ другу во всѣхъ случаяхъ жизни. Актъ объ этомъ пишется на бумагѣ по установленной формѣ, подписывается всѣми побратимами, уносится въ храмъ Будды и здѣсь передъ великимъ идоломъ подтверждается клятвой. Последняя въ глазахъ китайца настолько священна, что нарушившій ее превращается въ изгоя и подвергается остракизму. Какъ бы далеко ни разошлись въпослѣдствіи дороги побратимовъ, несмотря на санъ и богатство, всякій изъ нихъ всегда готовъ оказать помощь другому въ ней нуждающемуся побратиму. Вслѣдъ за тѣмъ идетъ праздникъ полнолунія „дуань-ву“. Въ этотъ день варятся и дарятся знакомымъ, а также раздаются нищимъ рисовыя клецки, въ видѣ мѣсяца, завернутыя въ листья; бываетъ народное гулянье и катанье на лодкахъ. Этимъ празднованіе Цаганъ-Сари заканчивается. Изъ другихъ дней празднуютъ день рожденія императора и восшествія его на престолъ и „праздникъ восхожденій“ въ память избавленія отъ потопа. Въ день этого праздника женщины и дѣти всходятъ съ музыкой на близъ лежащія горы, и происходитъ народное гулянье. При возвращеніи, домашнимъ божкамъ, изображающимъ нашихъ домовыхъ, замазываютъ ротъ кашей, чтобы они не шпиюнили за поведеніемъ домашнихъ, а передъ богами-благодѣтелями рвутъ петарды и хлопушки, чтобы они проснулись и вняли мольбамъ предстоящихъ.

Покончивъ съ разсмотрѣніемъ внѣшней обрядовой стороны этого обширнаго, покрытаго туманной завѣсой, государства, посмотримъ его внутреннюю жизнь, постараемся вникнуть въ тайныя пружины совершающихся въ Китаѣ на нашихъ глазахъ за послѣдніе годы событій.

В. О. Тотоміанць.

Муниципальная торговля хлѣбомъ.

Шарль Фурье—величайшій по богатству своей фантазіи утопистъ—критикуетъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій наше питаніе, основой котораго является хлѣбъ. По его мнѣнію, хлѣбъ трудно изготовлять, хлѣбопеченіе—дѣло непріятное, и даже уже готовый продуктъ не отличается особымъ вкусомъ. По этой причинѣ люди, созданные фантазіей Фурье, гармонисты, „не стануть ѣсть пачкотни, которая хороша только для цивилизованныхъ“. Въ поселеніи гармонистовъ, въ „Гарманіи“ пища должна быть столь же пріятной, какъ и работа. И вотъ Фурье кормить своихъ гармонистовъ разными лакомствами, долженствующими совсѣмъ устранить хлѣбъ.

Эта, такъ сказать, сладкая, фантазія Фурье не осуществилась, чего нельзя сказать о нѣкоторыхъ другихъ его фантазіяхъ. Хлѣбъ, не одобряемый утопистомъ, продолжаетъ быть для насъ, бѣдныхъ, необходимымъ и незамѣнимымъ. Хлѣбное зерно, найденное въ египетскихъ гробницахъ, свидѣтельствуешь о томъ, что четыре тысячи лѣтъ мало измѣнили его.

Но дѣло не въ томъ, что хлѣбъ до сихъ поръ служитъ нашей главной пищей, а въ томъ, что способы его печенія почти совсѣмъ не измѣнились. Въ большинствѣ странъ хлѣбъ готовится все еще такъ, какъ во времена Гомера. Наши крошечныя хлѣбопекарни мало отличаются отъ печей Помпей. Технические изобрѣтенія, совершившія цѣлый переворотъ во всѣхъ отрасляхъ производства, почти совсѣмъ не измѣнили хлѣбопеченія. Знаменитый химикъ Либихъ какъ-то сказалъ, что хлѣбопеченіе—единственная индустрія, оставшаяся внѣ предѣловъ цивилизаціи.

Столь твердо установившіеся способы приготовленія хлѣба осуждаются теперь не только политической экономіей, считающей ихъ дорогими, но и химіей, находящей, что утилизируется не все зерно, обмолъ же и печеніе обставлены крайне не гигиенично. Но тѣ вредныя частицы, которыя примѣшиваются къ зерну во время его храненія въ амбарахъ и мелются вмѣстѣ съ нимъ, ничто въ сравненіи съ тою грязью, которая царитъ во время печенія. Состояніе нашихъ небольшихъ хлѣбопекаренъ вполне характеризуется тѣмъ названіемъ, которое Фурье далъ печеному хлѣбу. Онъ по большей части представляютъ темные, сырые подвалы, загрязненные до невѣроятности. Полъ, стѣны и прочее моются лишь изрѣдка. Клозеты часто находятся въ томъ же помѣщеніи, лишены воды и

отравляютъ воздухъ. Пекарни не всегда снабжены вентиляціей и если снабжены, то зимой не вентилируются изъ-за экономіи топлива. Атмосфера въ пекарняхъ удушливая, пропитанная табакомъ, запахомъ дрожжей и пота. Въ помѣщеніяхъ такого рода, почти всегда освѣщенныхъ лампами, полуголые рабочіе мѣсятъ тѣсто руками, а иногда даже другими частями тѣла.

Скверно обстоитъ дѣло съ хлѣбопеченіемъ не только на континентѣ Европы, но даже въ Англіи, гдѣ мѣстныя власти строго наблюдаютъ за исполненіемъ закона, касающагося труда въ пекарняхъ. Содержатели хлѣбопекаренъ попираютъ ногами элементарныя правила гігіены. Такъ, въ лондонскомъ приходѣ св. Панкратія 171 хлѣбопекарня изъ 196 помѣщаются въ подвалахъ. По анкетѣ, произведенной въ 1894 году совѣтомъ графства, изъ 200 пекаренъ 82 находились въ подвалахъ, 28 не имѣли удовлетворительной вентиляціи, въ нѣкоторыхъ клозеты находились тамъ же, гдѣ и печи, въ 5 во время дождя вода канализаціи заливала полъ.

Этимъ отсталымъ средневѣковымъ техническимъ условіямъ вполнѣ соотвѣтствуютъ необычайно тяжелыя условія труда. Рабочіе хлѣбопекаренъ работаютъ по ночамъ и при тропической жарѣ. Случается, что лондонскіе пекаря работаютъ 14 часовъ безъ перерыва. Среди нихъ свирѣпствуютъ болѣзни дыхательныхъ органовъ. Такъ, союзъ пекарей Англіи вычислилъ, что смертность

отъ чахотки	= 24 ¹ / ₂₀ %
„ бронхита	= 21 ¹ / ₄
„ воспаленія легкихъ	= 15 ¹ / ₄
„ другихъ причинъ	= 39

Въ виду такого печальнаго положенія дѣла, для улучшенія и удешевленія хлѣба, между прочимъ, предлагается переходъ торговли хлѣбомъ въ руки государства и муниципализація хлѣбопеченія. Веденіе торговли зерновымъ хлѣбомъ самимъ государствомъ имѣетъ очень почтенное прошлое. Изъ библіи мы знаемъ, что оно практиковалось фараонами. Тоже дѣлали римскіе императоры. Но почти всѣ мѣры такого рода были временныя. Если же ихъ старались сдѣлать постоянными, то онѣ оказывались неудачными. Такъ было во время первой революціи во Франціи. Еще раньше, въ XVII и XVIII вѣкахъ, хлѣбная торговля была сдѣлана государственной духовными властями въ Римѣ. Инициаторомъ является папа Павелъ V, которому удалось довольно долго удержать хлѣбныя цѣны на установленномъ минимумѣ. Тѣмъ не менѣе, въ 1767 году государственная торговля зерновымъ хлѣбомъ завершилась въ Римѣ огромнымъ дефицитомъ для папской казны. И въ настоящее время очень сомнительно, чтобы государство могло удачно вести хлѣбную торговлю. Теперь въ производствѣ и торговлѣ хлѣбомъ заинтересовано гораздо большее количество лицъ, при чемъ частью хлѣбной торговли завладѣли могущественныя синдикаты. Государственная монополія встрѣтила бы миллионъ препятствій.

Нѣсколько легче муниципализація хлѣбной торговли. Она довольно удачно практиковалась въ прошлыхъ вѣкахъ. Средневѣковые муниципалитеты закупали въ голодные годы весь хлѣбъ, хранили его въ своихъ амбарахъ и отпускали гражданамъ въ кредитъ. Затѣмъ жители нѣкоторыхъ средневѣковыхъ городовъ не пекли хлѣба у себя дома, а дѣлали это въ муниципальных пекарняхъ, главнымъ образомъ, ради сбереженія топлива. Налогъ за пользованіе муниципальными печами былъ ничтожный. Муниципальныя печи имѣлись въ Реймсѣ еще въ 1223 году. Торговлей зерновымъ хлѣбомъ въ голодные годы особенно усердно занимались коммуны Тосканы. Но самый грандіозный опытъ муниципализаціи хлѣбной

торговли былъ сдѣланъ въ Палермо и продержался почти два столѣтія: въ теченіе XVII и XVIII-го вѣковъ.

Для улучшенія качества хлѣба, его удешевленія и для улучшенія жизненныхъ условий хлѣбопекоевъ гораздо проще и удобнѣе реформировать хлѣбопеченіе экономически и технически. Эта промышленность имѣетъ свои характерныя черты, создающія для нея особое положеніе. Хлѣбъ—пища, которую нельзя сохранять или переносить безъ того, чтобы она не потеряла своихъ питательныхъ и гастрономическихъ свойствъ. Вотъ потому-то хлѣбопеченіе представляетъ форменную мѣстную монополію, не подвергающуюся конкуренціи дальнихъ производителей. Хлѣбопеки какой-нибудь данной мѣстности, не стѣсненные внѣшней конкуренціей, входятъ между собой во внутреннее соглашеніе и фактически становятся хозяевами рынка. Потребители безсильны противъ нихъ. При обычаѣ доставленія хлѣба на домъ, издержки по распредѣленію растутъ въ большей пропорціи, чѣмъ разстояніе. По городу разбивается масса лавочекъ, и вмѣсто крупныхъ предприятий, какъ въ другихъ отрасляхъ индустріи, получаютъ мелкія. Число предприятий все увеличивается. Въ Германіи по переписи 1882 года было 47,000 хлѣбопекаренъ съ 103,275 рабочими, такъ что на каждое предприятие приходилось въ среднемъ только 2,2 рабочихъ. Англія насчитывала по переписи 1891 года 14,511 хлѣбопекаренъ съ 51,038 рабочими и 5,479 работницами, такъ что на каждое предприятие приходилось въ среднемъ 4 человѣка. Иногда одни и тѣ же предприниматели открываютъ новыя хлѣбопекарни для уничтоженія всякой конкуренціи и большаго усиленія мѣстной монополіи. Два описанныхъ явленія: мѣстная монополія и увеличеніе мелкихъ предприятий охраняютъ обветшалыя формы хлѣбопеченія и высокія цѣны на хлѣбъ, отъ которыхъ наживаются торговцы. Многочисленные изслѣдованія показали, что колебанія цѣны на зерно не всегда и не въ должной пропорціи отражаются на цѣнѣ печенаго хлѣба. Италія—страна сама производящая хлѣбъ и экспортирующая его. Не смотря на это, хлѣбъ тамъ не дешевъ, что официальнымъ *annuario statistico italiano* отъ 1892 года объясняется такимъ образомъ: „Цѣна печенаго хлѣба въ своихъ колебаніяхъ не сохраняетъ пропорціи съ цѣною зерна. Хлѣбъ дешевѣетъ очень незначительно, когда дешевѣетъ зерно. Когда же послѣднее дорожаетъ, цѣны на хлѣбъ сильно повышаются“. Кромѣ того, при пониженіи цѣны на муку, цѣны на хлѣбъ не понижаются лавочниками векорѣ. Въ обратномъ же случаѣ послѣдніе тотчасъ удорожаютъ хлѣбъ. „Послѣднее обстоятельство еще болѣе приближаетъ хлѣбную торговлю къ монополіи и говоритъ за реформу хлѣбной промышленности“.

Эта реформа должна быть въ одно и тоже время технической и экономической. Хлѣбопеченіе должно превратиться прежде всего въ крупную индустрію. Въ другихъ отрасляхъ крупная индустрія улучшила продукты, удешевила стоимость ихъ производства, урегулировала послѣднее, а въ послѣднихъ фазахъ своего развитія благоприятно повліяла на положеніе рабочихъ. Когда распространяются крупныя предприятия для фабрикаціи хлѣба, исчезнутъ устарѣвшіе приемы. Все будетъ производиться машинами, хлѣбъ сдѣлается болѣе гигиеничнымъ продуктомъ и контроль властей за соблюденіемъ правилъ будетъ легокъ. Новые техническіе приемы и новыя химическія открытія не будутъ оставаться безъ примѣненій. Все это въ связи съ сокращеніемъ издержекъ производства и устраненіемъ многочисленныхъ посредниковъ удешевитъ производство. Выяснено, что если бы въ Лейпцигѣ мелкія пекарни были замѣнены небольшимъ количествомъ крупныхъ механическихъ, то получила бы экономія въ 40—50%. Для Вѣны такая

экономія вычислена въ 38 милліоновъ марокъ за годъ, а для Берлина другой экономистъ вычислилъ ее въ 12 милліоновъ марокъ.

Трансформація приготовленія и продажи хлѣба до сихъ поръ имѣла мѣсто лишь въ незначительной степени. Она не приняла широкихъ размѣровъ вслѣдствіе того, что теперешнее хлѣбопеченіе даетъ большой барышъ, нося полумонопольный характеръ. Да, пожалуй, и хорошо что не приняла, ибо трансформация, совершаемая частнымъ капиталомъ, бываетъ мало полезна для потребителей и не надолго. Когда крупные производители очищаютъ поле своихъ дѣйствій отъ многочисленныхъ мелкихъ, они довольно легко образуютъ синдикатъ для удержанія цѣнъ на высотѣ. Въ хлѣбопеченіи желательна крупная индустрія, но не частно-капиталистическая, а кооперативная и муниципальная.

Мы не будемъ останавливаться въ этой статьѣ на примѣрахъ кооперативнаго хлѣбопеченія. Скажемъ только, что такихъ примѣровъ въ Европѣ много. Производительныя отдѣленія потребительныхъ обществъ состоятъ главнымъ образомъ изъ хлѣбопекаренъ, мѣстами прямо образцовыхъ. Напротивъ, попытокъ муниципального хлѣбопеченія пока мало и они неизвѣстны широкой публикѣ. Въ Парижѣ имѣется *Boulangerie Scipion*, но она не отпускаетъ хлѣба посторонней публикѣ. Тоже самое дѣлаетъ Рубэ. Коммуны Пуатье и Флуэнъ открыли недавно свои пекарни. Муниципальная хлѣбопекарня открыта въ испанскомъ городкѣ Памплонѣ. Въ маѣ 1899 года городъ Манчестеръ открылъ свою хлѣбопекарню. Швейцарская коммуна Биберистъ имѣетъ свою пекарню. Тоже имѣется въ галиційскомъ городкѣ Тарнополь, а затѣмъ въ Одессѣ. Сравнительно большее распространеніе нашло себѣ муниципальное хлѣбопеченіе въ Италіи. Какъ временная мѣра оно практикуется нѣкоторыми итальянскими коммунами, особенно во Фріули и Сициліи, какъ постоянное учрежденіе, оно функционируетъ теперь въ цѣломъ рядѣ городовъ. Однако, прежде чѣмъ перейти къ этимъ городамъ, остановимся подольше на муниципальной хлѣбной торговлѣ въ Палермо, о которой мы упоминали лишь вскользь.

II.

Годъ, въ который зародилась и была приведена въ исполненіе мысль о муниципальной закупкѣ, печеніи и продажѣ хлѣба въ Палермо, не опредѣленъ съ точностью. Одинъ оффиціальный документъ даетъ возможность предполагать, что муниципалитетъ Палермо продавалъ хлѣбъ еще въ 1576 году. Въ концѣ же XVII-го столѣтія муниципализація хлѣбной торговли достигла въ этомъ городѣ высшей степени своего развитія **).

Установилось мнѣніе, что вторая половина XVI-го столѣтія, XVII-ое столѣтіе и начало XVIII-го, когда Италія находилась подъ прямымъ вліяніемъ Испаніи, представляли время художественнаго, интеллектуальнаго и социальнаго упадка. Такое мнѣніе не вполне соответствуетъ истинѣ. Заразительныя болѣзни, дороговизна и разбойники свирѣпствовали непосредственно и до испанскаго господства. Если же внимательно изучить время послѣдняго, то окажется, что Италія, по крайней мѣрѣ во второй половинѣ XVI-го столѣтія, замѣтно подвинулась на пути социальнаго прогресса. Законодательство того времени содержитъ статьи, имѣющія въ виду общее благо, нѣкоторыя отрасли промышленности оживились, города украсились и стали немного чище, наконецъ появились

*) Ею снабжаются городскіе пріюты и госпитали.

**) «La Lettura». Milano, marzo, 1902.

благотворительныя учрежденія. Съ XVII-го же столѣтія въ Италіи и во всей южной Европѣ начинается не регрессъ, а нѣкоторая неподвижность, царившая весь этотъ и въ началѣ слѣдующаго вѣка.

Сицилія въ особенности во вторую половину XV-го столѣтія переживала періодъ относительнаго благоденствія. Она не представляла страны завоеванной, отдаленной провинціи, а была соединена съ Испаніей чисто личными узами, какъ связаны теперь Австрія съ Венгріей, Швеція съ Норвегіей. Съ Испаніей ее связывалъ вице-король, но финансы, администрація и юстиція были совершенно независимы. Сицилія имѣла также свой собственный флотъ и сухопутное войско, формируемое коммунами и баронами, задача которыхъ заключалась въ защитѣ береговъ острова отъ нападеній турокъ и другихъ варваровъ.

Изъ конституцій средневѣковой Европы только двѣ приближались къ принципамъ XVII-го вѣка: англійская и сициліанская. Но послѣдняя развилась уже въ концѣ XV-го столѣтія, т. е. гораздо раньше англійской. Три палаты сициліанскаго парламента регулярно созывались съ конца XV-го столѣтія три раза въ годъ, и ихъ одобреніе требовалось не только въ вопросѣ взиманія налоговъ, но даже одна парламентская коммиссія, извѣстная подъ именемъ депутаціи королевства, контролировала расходы и наблюдала за тѣмъ, чтобы исполнительная власть не выходила изъ предѣловъ законности. Юридическая власть была также значительно урегулирована въ концѣ XV-го столѣтія. Новые законы, почти во всѣхъ случаяхъ обязанные своимъ обнародованіемъ парламенту, были одухотворены стремленіемъ къ народному благу.

Извѣстно, что средневѣковая монархія въ дѣйствительности представляла федерацію небольшихъ монархій, соотвѣтствующихъ большимъ баронствамъ и маленькимъ республикамъ въ лицѣ коммуна. Въ сѣверной Италіи коммуна сама стала государствомъ. Въ Испаніи же, во Франціи и въ другихъ странахъ абсолютизмъ, доминировавшій послѣ 1500 года, затормазилъ и поглотилъ мѣстные автономіи. Въ Сициліи монархія умѣрялась парламентскою властью и потому не могла уничтожить независимость коммуна, въ свою очередь, оказывавшихъ парламенту матеріальную и моральную помощь. Въ то время какъ крупные бароны были почти совсѣмъ свободны въ своихъ дѣйствіяхъ, коммуны, въ особенности Палермо и Мессина, строго соблюдали республиканскій режимъ, гарантированный особымъ договоромъ остальной части королевства.

Палермо такъ дорожилъ своею конституціею, что почти неизмѣнно хранилъ ее около стѣнъ. Этотъ городъ представлялъ настоящее маленькое государство въ государствѣ. Исполнительная власть была тамъ представлена преторомъ и шестью сенаторами, выбираемыми послѣ 1584 года изъ знати вице-королемъ. Въ видѣ исключенія два сенатора выбирались изъ простого народа. Исполнителями юридической власти являлись преторіанскій судъ, шефъ юстиціи и ремесленные консулы, улаживавшіе недоразумѣнія между представителями различныхъ ремеселъ. Законодательная власть принадлежала коммунальному совѣту, въ которомъ всѣ граждане имѣли теоретическое право слова и голосованія, фактически же онъ состоялъ изъ именитыхъ гражданъ, рекрутируемыхъ изъ знати, духовенства, простого народа, изъ ремесленныхъ консуловъ и ихъ помощниковъ. Палермская коммуна имѣла собственное недвижимое имущество, собственный банкъ и собственное войско, составленное изъ горсти постоянныхъ солдатъ и вооруженныхъ ремесленниковъ, разбитыхъ на отряды по ремесламъ съ консулами (старшинами цеха) во главѣ. На обязанности этого

войска и нѣсколькихъ изъ знати лежала охрана стѣнъ и бастіоновъ, составляющихъ городскую собственность.

Можно съ увѣренностью сказать, что ничто не противорѣчило такъ взглядамъ и экономической политикѣ древности, а также среднихъ вѣковъ вплоть до XIX-го столѣтія, какъ хлѣбныя пошлины. Хлѣбъ на ряду съ золотомъ (по крайней мѣрѣ въ Италіи) удерживался въ предѣлахъ страны, а ввозъ того и другого иностранцами очень поощрялся. Поэтому противодѣйствіе встрѣчалъ не импортъ зернового хлѣба, а экспортъ. Вывозить хлѣбъ позволялось только въ видѣ исключенія въ годы необычайнаго урожая, абсолютно превышающаго потребность страны. Примѣненіе такой экономической политики встрѣчало нѣкоторыя затрудненія въ тѣхъ немногихъ странахъ, которые обыкновенно производили хлѣбъ для вывоза. Въ числѣ этихъ странъ находилась Сицилія, вывозившая хлѣбъ въ древности, во время господства норманнской династіи, послѣ 1500 года и сдѣлавшаяся, благодаря прогрессу агрикультуры, хлѣбной поставщицей Европы.

Вывозъ хлѣба былъ выгоденъ сициліанской знати, владѣвшей совместно съ высшимъ духовенствомъ и нѣсколькими религіозными корпораціями почти всей пахотной землей. Напротивъ ремесленники, являвшіеся главными потребителями хлѣба, очень заботились о томъ, чтобы хлѣбъ не дорожалъ и старались защитить себя отъ неожиданныхъ колебаній цѣнъ на хлѣбъ. Въ связи съ послѣднимъ обстоятельствомъ въ Сициліи ежегодно происходило разслѣдованіе (*scandaglio*) для опредѣленія того, удовлетворить ли количество хлѣба нуждамъ внутренняго потребленія, можно ли его вывозить и въ какомъ количествѣ. Статистика такого рода и теперь не отличается особой точностью, два же столѣтія тому назадъ она грѣшила еще больше, послѣдствіемъ чего были дороговизна и гражданская война. Сициліанскіе вице-короли, которымъ ежегодно приходилось разрѣшать или запрещать вывозъ хлѣба, лавировали между жадностью господствующей знати, потребностью казны (налоги, вотируемые тремя палатами, уплачивались, главнымъ образомъ, тѣмъ, что взималось съ экспорта хлѣба и шелка) и политическимъ благоразуміемъ, не позволявшимъ злоупотреблять прерогативами вооруженнаго и организованнаго населенія большихъ городовъ. Само собою разумѣется, что вице-король, правительство и парламентъ во время своихъ засѣданій въ Палермо совѣщались подъ угрозой пушекъ бастіоновъ, занятыхъ цехами. При такомъ обостренномъ положеніи дѣлъ нужно было найти средство, которое устранило бы возможность страшнаго конфликта между двумя классами общества. Это средство было найдено въ монополизированіи продажи хлѣба палермской коммуной, монополіи, мѣшавшей вздорожанію хлѣба, какова бы ни была цѣна на зерно.

Средневѣковыя коммуны почти всей Европы имѣли обыкновеніе вмѣшиваться въ торговлю хлѣбомъ и разной живностью, либо устанавливая максимумъ, либо запрещая вывозъ съѣстныхъ припасовъ первой необходимости, либо дѣлая большіе запасы, продавая ихъ гражданамъ по своей цѣнѣ.

Послѣдній способъ сохранился до начала новой эры, и Макіавели съ похвалой отмѣчаетъ, что во всѣхъ свободныхъ нѣмецкихъ городахъ коммуна всегда держала въ общественныхъ складахъ хлѣбъ и дрова, достаточные для годичнаго потребленія гражданъ. Этой же самой системы, повидимому, съ очень давняго времени придерживались сициліанскія коммуны. Она-то и навела коммуны на мысль пойти дальше и взяться за приготовленіе и продажу хлѣба, уничтоживъ колебаніе цѣнъ и сломивъ такимъ образомъ сопротивленіе цеховъ вывозу зерна.

Естественно, что такой сложный механизмъ, какимъ намъ

представляются коммунальные хлѣбопекарни Палермо, долженъ былъ выработаться постепенно. Можетъ быть первыя муниципальныя пекарни открылись потому, что не всѣ граждане могли печь хлѣбъ на дому, покупая у коммуны зерно въ болѣе значительномъ количествѣ. Впослѣдствіи оказалось, что когда коммуна не повышала цѣны на хлѣбъ, то ремесленники относились къ вывозу его равнодушно. Съ тѣхъ поръ установился обычай не повышать цѣны на хлѣбъ. Но зато явилась необходимость придумать средство возмѣщенія большихъ убытковъ, претерпѣваемыхъ коммуной во время дороговизны хлѣба, влѣдствіе продажи ниже своей цѣны. Это средство было найдено въ монополіи продажи хлѣба, монополіи, позволявшей коммунѣ получать небольшую прибыль въ урожайные годы. Когда коммуна бывала слишкомъ отягощена и оставалась должной казнѣ, то отъ мадридскаго, а впослѣдствіи неаполитанскаго дворовъ приходили указы продавать хлѣбъ по своей цѣнѣ. Однако эти указы почти никогда не выполнялись и однажды, когда вице-король и управляющіе государственными имуществами хотѣли принудить къ строгому выполненію мадридскаго приказа, поднялось одно изъ наиболѣе сильныхъ сицилійскихъ возстаній. Очевидно, что постоянство стоимости муниципального хлѣба было политическимъ основаніемъ всей системы. Оно представляло главное условіе молчаливаго компромисса между сіятельными сенаторами Палермо и между вліятельными цехами города. Послѣдніе пользовались имъ какъ средствомъ обезпеченія устойчивости заработной платы, позволяя знати и духовенству безпрепятственно вывозить хлѣбъ.

Однако, эта система имѣла недостатки, отъ которыхъ было трудно избавиться. Хотя коммуна оставалась монополіа продажи хлѣба, тѣмъ не менѣе она не осмѣливалась и не могла запретить печеніе хлѣба отдѣльнымъ семействамъ. Права частныхъ лицъ въ этомъ отношеніи были даже официально признаны городскимъ совѣтомъ въ 1648 году. Мало вѣроятно, что бѣдныя семейства ремесленниковъ могли покупать зерновой хлѣбъ, не продававшійся по мелочамъ, и готовить его за собственный счетъ. Аристократическія же семейства съ ихъ многочисленными слугами, удобными печами, семейства, имѣвшія возможность покупать оптомъ и монастыри съ ихъ безчисленными монахами и монахинями должны были находить выгоднымъ печеніе хлѣба, который они потребляли и раздавали въ качествѣ милостыни въ періоды пониженія цѣны на зерновой хлѣбъ, т. е. въ то время, когда коммуна надѣялась возмѣстить свои убытки. Напротивъ того, когда хлѣбъ дорожалъ и муниципальный капиталъ таялъ влѣдствіе продажи хлѣба въ убытокъ, частное хлѣбопеченіе прекращалось; всѣ начинали покупать муниципальный хлѣбъ и потребление его значительно увеличивалось.

У вышеописаннаго явленія могутъ быть еще и другія причины. Въ годы дороговизны большое количество нищихъ собиралось въ Палермо, гдѣ можно было жить подаваніемъ или покупать хлѣбъ всегда по дешевой цѣнѣ. Такимъ образомъ, коммунѣ приходилось снабжать до тысячи лишнихъ душъ. Разница въ цѣнахъ на хлѣбъ въ Палермо и другихъ мѣстностяхъ Сициліи была такъ велика, что живущіе близъ города крестьяне приходили туда закупать хлѣбъ. Конечно, послѣднее было запрещено, но контрабанду трудно было искоренить. Естественно, что во время дороговизны потребление муниципального хлѣба крайне увеличивалось. Аппетитъ жителей Палермо какъ бы удваивался. Сенатъ принужденъ былъ принимать мѣры для того, чтобы хлѣбъ не вывозился за предѣлы города. Эти мѣры состояли въ запираніи воротъ города, производимомъ аристократической гвардіей и консулами

цеховъ, въ хожденіи по городскимъ стѣнамъ, чтобы черезъ нихъ не перекидывался хлѣбъ голоднымъ крестьянамъ, въ осмотрѣ судовъ, отправляющихся въ другіе порты острова, а также въ Неаполь. Въ крайнихъ случаяхъ хлѣбъ продавался гражданамъ порціями, т. е. въ количествѣ, необходимомъ для пропитанія семьи.

Дѣло осложнялось еще тѣмъ, что ограниченная прибыль, получаемая въ годы изобилія, не возмѣщала убытка временъ дороговизны. Къ этому нужно прибавить еще то, что въ продолженіе XVI-го и въ первую половину XVII-го столѣтія приливъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ Америки обезцѣнилъ деньги. Всѣ предметы вздорожали до такой степени, что цѣна зернового хлѣба, напри- мѣръ, въ среднемъ стала гораздо выше того, во что обходился хлѣбъ муниципалитету. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства, долгъ коммуны росъ съ каждымъ годомъ и достигъ такой огромной суммы, что одни проценты ежегодно достигали 150,000 унцій, т. е. 650,000 рублей. Если взять самый низкій процентъ той отдаленной эпохи, т. е. 5 %, то вышеприведенная сумма соотвѣтствуетъ номинально суммѣ долга въ 38 милліоновъ лиръ. Такой размѣръ коммунальнаго долга дѣйствительно великъ, ибо населеніе Палермо въ серединѣ XVII-го столѣтія не могло превышать 140,000, богатство же горожанъ, а также предметы обложенія были менѣе значительны, чѣмъ теперь. Палермскому муниципалитету приходилось для покрытія процентовъ своего долга прибѣгать къ тяжелому обложенію, даже къ налогамъ на предметы потребленія: муку, служащую для приготовленія домашняго хлѣба и макаронъ, вино, мясо, оливковое масло и сыръ. Дешевизна хлѣба въ сущности поддерживалась за счетъ всего того, что ѣдятъ еъ хлѣбомъ. Тѣмъ не менѣе, эти мѣры не шли въ разрѣзъ съ народными требованіями, какъ вдругъ дороговизна зимой 1646—47 года поглотила послѣдніе запасы хлѣба и остатки коммунальной казны. Кредита тоже не было, такъ что пришлось прибѣгнуть къ насильственному займу. Послѣдній состоялъ въ томъ, что муниципалитетъ взялъ деньги, вложенныя палермитанцами въ коммунальный банкъ и платилъ имъ 5 %. Государственная казна тоже одолжила коммунѣ нѣкоторую сумму. Но все это почти не помогло. Весною 1647 года муниципалитету предстояло или повысить цѣну хлѣба, или же прекратить уплату процентовъ кредиторамъ.

Сицилійскій кризисъ совпалъ съ тяжелыми годами, переживаемыми испанскимъ правительствомъ. Оно потеряло почти весь свой военный престижъ и экономически было разорено. Уже въ 1640 году отъ Испаніи отдѣлилась Португалія. Нѣсколько лѣтъ спустя возстала Каталонія. Въ 1647 году въ Неаполѣ возникла революція, которую испанскія войска не могли подавить цѣлый годъ. Весною того же 1647 года вице-король Сициліи Лосъ-Велецъ, боясь потерять деньги, одолженные государственной казною коммунѣ, побудилъ мадридскій дворъ прислать приказъ, обязывающій муниципалитетъ Палермо сдѣлать хлѣбъ болѣе дорогимъ или върнѣе уменьшить его вѣсъ. Обманное уменьшеніе послѣдняго считалось тогда дѣломъ менѣе постыднымъ и опаснымъ, чѣмъ прямое повышение цѣны хлѣба. Въ Палермо и теперь еще сохранился обычай продавать хлѣбъ, не взвѣшивая его предварительно, т. е. хлѣбъ имѣетъ тамъ нѣсколько однообразныхъ формъ съ номинальнымъ вѣсомъ. Королевскій приказъ пришелъ въ серединѣ мая; преторъ и сенаторы не совѣтовали примѣнять его тѣмъ болѣе, что предстоялъ хорошій урожай. Однако, управленіе государственными имуществами, больше всего заботившееся о полученіи долга, настояло на немедленномъ выполненіи приказа. Съ 20 мая въ муниципальных лавкахъ вѣсъ хлѣба, продававашагося за 17 центезимовъ на теперешнія итальянскія деньги и вѣсившаго 925 грам-

мовъ, былъ уменьшенъ на 150 граммовъ. Гнѣвъ цеховъ можно было возбудить актомъ даже меньшей важности, чѣмъ описанный. Не смотря на это, они не проявили активнаго недовольства. Возстала только чернь: разрушила тюрьмы, разграбила дома лицъ, стоявшихъ во главѣ управления государственными имуществами, угрожала знати, вице-королю. Но когда и коммунальный банкъ очутился въ опасности, то цехи собрались его защищать. Наконецъ, они согласились даже подавить возстаніе, вытребовавъ въ награду за это отмѣну налоговъ на пищевые припасы и выборъ двухъ сенаторовъ изъ ихъ среды.

Съ отмѣною налоговъ на пищевые продукты коммуна прекратила платежи процентовъ и была близка къ полному банкротству. Тогда въ одномъ изъ экстренныхъ засѣданій коммунальнаго совѣта, были приняты по инициативѣ консуловъ рѣшенія, носящія характеръ нашего времени. Представители цеховъ, не будучи знакомы съ финансовой наукой и не имѣя понятія о теоріи борьбы классовъ, сдѣлали энергичную попытку переложить почти всю тяжесть налоговъ на плечи богачей и знати. Изъ пяти старыхъ налоговъ на пищевые продукты былъ оставленъ только одинъ налогъ на мясо. Въмѣсто отмѣненныхъ были введены налоги на табакъ, ячмень, которымъ въ Сициліи кормятъ лошадей, на коляски, окна и, наконецъ, на самихъ богачей. Почти полное отсутствіе статистическихъ данныхъ, которыми мало интересовались въ ту эпоху, позволяетъ опредѣлить налоги лишь приблизительно. Такъ, налогъ на ячмень простирался до 25% его стоимости, а за каждую коляску на пару лошадей богачи платили 65 лиръ въ годъ, т. е. сумму, своюю покупною силою соотвѣтствующую теперь по крайней мѣрѣ 105 лирамъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Палермо все было спокойно. Ожидали результатовъ финансовой реформы. Но затѣмъ часть знати начала удалаться въ свои имѣнія. Это возбудило гнѣвъ цеховъ, кліентура и работа которыхъ уменьшилась. Нѣсколько времени спустя ремесленникъ Д'Алесси воспользовался всеобщимъ броженіемъ, всталъ во главѣ недовольныхъ и выработалъ программу коренныхъ реформъ, въ числѣ которыхъ находились требованія конфискаціи необработанныхъ земель и сохраненія поземельной ренты. Но этотъ проектъ реформъ не былъ проведенъ въ жизнь, и даже самъ Д'Алесси былъ убитъ. Вскорѣ послѣ Д'Алесси умеръ вице-король Сициліи, и на его мѣсто былъ назначенъ кардиналъ Тривульціо. Послѣдній пріѣхалъ въ Палермо безъ всякой испанской охраны, видимо довѣрившись лояльности цеховъ. Его программа хотя и не была опредѣленна, но зато коротка, и заключалась въ словахъ: хлѣбъ и справедливость. Въ самомъ дѣлѣ, новый вице-король сначала устранилъ нѣкоторые злоупотребленія и поставилъ муниципальную хлѣбную торговлю на прежнія начала. Будущее же послѣдней предоставилъ волѣ судьбы. Между тѣмъ, прекращеніе платежа процентовъ коммунальнаго дома уничтожило и частный, и общественный кредитъ. Новые налоги не давали блестящихъ результатовъ. Ремесленникамъ сталъ не нравиться налогъ на окна, а богачи, возмущенные подушнымъ налогомъ, грозили потребительской стачкой и собирались переселиться за черту города. Въ виду затруднительности положенія, муниципалитету пришлось сократить жалованье своимъ служащимъ, но это не помогло. Общественная и частная нужда росла. Ремесленники досадовали на то, что не могутъ какъ слѣдуетъ воспользоваться дешевизною съѣстныхъ припасовъ, ибо заработокъ былъ очень плохъ. Дѣло дошло до того, что спустя годъ консулы обратились къ вице-королю, прося его выручить коммуны изъ затруднительнаго положенія, хотя бы даже путемъ возобновленія налоговъ на съѣстные припасы.

Вице-король, какъ тонкій политикъ, не захотѣлъ слишкомъ воспользоваться благоприятной минутой и предоставилъ коммунальному совѣту и различнымъ классамъ палермитанцевъ самимъ рѣшить вопросъ о налогахъ. Но послѣ того какъ послѣдніе не смогли рѣшить вопроса, онъ выступилъ въ качествѣ примирителя противоположныхъ интересовъ и тенденцій. Рѣшено было прежде всего снова приступить къ уплатѣ процентовъ по коммунальному долгу, предварительно сведя ихъ съ 5 до 4%. Новые налоги на табакъ, коляски и ячмень были сохранены. Налоги же на окна и на богачей были отмѣнены. Былъ сохраненъ еще налогъ на мясо, никогда, впрочемъ, не отмѣнявшійся. Были возобновлены, но только въ умѣренной формѣ, налоги на муку, масло, вино и сыръ. Кромѣ всего этого была отмѣнена привилегія, не платить налоги, которой пользовались духовенство, чиновники и вице-король. Послѣдній самъ заявилъ готовность платить налоги. Благодаря такимъ нововведеніямъ, получилась возможность выплачивать уже сокращенные проценты кредиторамъ коммуны и сохранить муниципализацію хлѣбной торговли. Однако, на этотъ разъ цѣна хлѣба была повышена на два центезима на килограммъ. Эта крошечная надбавка соотвѣтствовала налогу, который платили за муку при частномъ хлѣбопеченіи. Сенатъ обѣщалъ въ теченіе десяти лѣтъ не повышать цѣну хлѣба. Когда коммунальные финансы были такимъ образомъ приведены въ порядокъ, въ городѣ воцарилось спокойствіе.

Финансовая реформа 1648 года оказалась практичной, ибо матеріальныя затрудненія исчезли, и муниципализація была распространена еще на говядину, оливковое масло и сыръ. Когда все это было сдѣлано,—въ точности не извѣстно. Что же касается до причинъ, побудившихъ муниципализировать упомянутые припасы, то одну изъ нихъ навѣрное было желаніе покрыть дефицитъ отъ продажи хлѣба. Отъ продажи оливковаго масла муниципалитетъ получалъ значительную прибыль. Граждане же были довольны дешевизной хлѣба, а также мяса и тѣмъ, что муниципализированные продукты продавались постоянно по одной цѣнѣ. Муниципалитетъ Палермо довольно успешно занимался торговлей съѣстными припасами до середины XVIII-го столѣтія.

Въ 1734 году Сицилія вмѣстѣ съ Неаполемъ попала подъ управленіе Карла III Бурбонскаго и съ этого времени она начинаетъ быстро прогрессировать. Вывозъ хлѣба изъ Сициліи снова достигъ большихъ размѣровъ, вслѣдствіе сокращенія числа пиратовъ. Возникъ вывозъ шелка и оливъ. Населеніе острова значительно возрасло. Необрабатываемыя земли стали обрабатываться. Но вмѣстѣ съ ростомъ торговли и населенія повысились цѣны на съѣстные припасы, что во второй половинѣ XVIII-го столѣтія имѣло мѣсто во всей Европѣ. Возрожденіе хлѣба, мяса и сыра въ Сициліи повело къ тому, что никто не рѣшался въ 1756 году арендовать у муниципалитета Палермо торговлю мясомъ, не повышая цѣны послѣдняго. Муниципалитету пришлось повести дѣло хозяйственнымъ способомъ. Онъ сталъ закупать скотъ въ Тунисѣ и Калабріи, откармливалъ и самъ убивалъ его. Чтобы сохранить прежнюю таксу, муниципалитету пришлось продавать мясо по своей цѣнѣ и понести большіе убытки. Вдобавокъ страшный неурожай 1763 года совсѣмъ уничтожилъ тѣ средства, на которыя велась хлѣбная торговля. Для муниципалитета наступила эпоха крайнихъ матеріальныхъ затрудненій. Было продано на три милліона лиръ муниципальной недвижимости. Наконецъ, въ 1772 году, вновь былъ введенъ налогъ на окна. Не смотря на это веденіе дѣла становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Муниципальныя лавки стали продавать продукты дурного качества и сократили ихъ количество. Дошло

до того, что для покупки сыра въ началѣ 1773 года ремесленникамъ приходилось чуть ли не драться. Простой народъ и цеховые ремесленники были крайне возбуждены, видя, что постоянное цѣнѣ на сѣбѣстные припасы поколеблено.

Они приписывали истощеніе муниципальнаго капитала плохому веденію дѣлъ и злоупотребленіямъ послѣднихъ преторовъ и сенаторовъ, снисходительно относившихся къ поставщикамъ продуктовъ и продавцамъ за счетъ коммуны. Обвиняли также и вице-короля Фольяни, потакавшаго знати, не ограничившаго вывозъ зернового хлѣба и терпѣвшаго контрабанду. Народное недовольство нѣсколько уменьшилось послѣ того, какъ 5 іюля 1773 года въ Палермо возобновился сенатъ, а преторомъ сталъ Гаэтани, заявившій, что будетъ бороться съ злоупотребленіями и возстановитъ дѣло. Онъ не ограничился обѣщаніемъ и даже гарантировалъ заемъ собственнымъ имуществомъ. И дѣйствительно, муниципальная торговля стала удовлетворять палермитанцевъ, но только въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ибо Гаэтани вскорѣ умеръ. Послѣ его смерти народъ опять заволновался, и волненіе прекратилось только тогда, когда городъ Палермо получилъ отъ государственной казны безпроцентную суду свыше 600,000 лиръ для поддержки муниципальной торговли. Однако, конецъ послѣдней былъ близокъ. Съ одной стороны, цехи были лишены пушекъ королевскою властью, а съ другой, сильное измѣненіе цѣнъ не допускало больше сохраненія старыхъ отъ 1648 года; 600,000 лиръ, отпущенныя казной въ 1774 году, были истрачены въ нѣсколько лѣтъ. При каждой новой сдачѣ лавокъ въ вѣдѣніе частныхъ лицъ для снабженія горожанъ мясомъ, масломъ и сыромъ по старымъ цѣнамъ, муниципалитету приходилось давать имъ большія субсидіи, ибо безъ послѣднихъ пришлось бы повысить цѣны продуктовъ. Такія субсидіи практикуются муниципалитетами и въ наше время, но только по отношенію къ арендаторамъ городскихъ театровъ. Конечъ муниципальной торговли наступилъ въ 1776 году, когда коммуна отказалась сперва отъ монопольной продажи оливковаго масла, позволивъ нѣсколькимъ торговцамъ конкурировать съ собой, а затѣмъ повысила цѣны масла, продаваемаго въ ея лавкахъ. То же случилось въ 1781 году съ торговлей сыромъ, а въ началѣ 1782 года съ хлѣбомъ.

Столь сложныя и вѣковыя организаціи, какъ муниципальная торговля въ Палермо, не умираютъ въ одинъ день, и слѣды ея существованія можно найти еще въ первомъ десятилѣтіи XIX-го столѣтія. Но послѣ 1782 года, когда коммуна отказалась отъ монополій, она содержала нѣсколько лавокъ съ сѣбѣстными припасами лишь параллельно съ частными торговцами. Такія лавки открываются въ Сициліи во время дороговизны и теперь. Такимъ образомъ живетъ старая традиція, ибо муниципализація хлѣбной торговли имѣла мѣсто также въ Мессинѣ, а въ менѣе сложной формѣ и въ другихъ автономныхъ коммунахъ Сициліи.

Остановимся теперь специально на функціонированіи муниципальной торговли въ Палермо. Качество сѣбѣстныхъ припасовъ, продаваемыхъ за счетъ палермской коммуны, въ общемъ вполне удовлетворяло гражданъ. Отдѣльные хлѣбы обыкновенно равнялись 925 граммамъ, а также ровно половинѣ этого вѣса. Продавались и совсѣмъ маленькіе хлѣбы по болѣе высокой, относительно, цѣнѣ. На каждомъ хлѣбѣ стояла печать коммуны. Обычай продавать хлѣбъ опредѣленнаго вѣса, притомъ снабженный печатью собственника пекарни, сохранился въ Палермо до нашихъ дней. Говядина до сихъ поръ продается въ Палермо безъ костей, различныя части туши продаются разрубленными съ анатомическою точностью, и каждая часть имѣетъ свою опредѣленную цѣну. Все это является

наслѣдіемъ той эпохи, когда ремесло мясника было подчинено строгой регламентаціи. Что же касается оливковаго масла и сыра, то различные сорта ихъ продавались муниципалитетомъ по различнымъ цѣнамъ. Коммуна Палермо или сама непосредственно занималась снабженіемъ гражданъ съѣстными припасами, или же поручала это поставщикамъ. При покупкѣ зерноваго хлѣба, она заключала по большей части контракты съ поставщиками на пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ послѣдніе обязывались ежегодно доставлять муниципалитету столько-то и столько-то тысячъ квинталовъ всегда по одной цѣнѣ. Если случалась голодовка, то покупаемаго такимъ образомъ хлѣба не хватало, такъ что приходилось дѣлать добавочныя закупки по повышенной цѣнѣ. Хлѣбъ пекся хозяйственнымъ способомъ, но муниципалитетъ заключалъ условія съ корпораціями мельниковъ и пекарей. Въ послѣднія десятилѣтія муниципализаціи была терпима продажа хлѣба частными пекарнями съ тѣмъ, чтобы послѣднія покупали зерновой хлѣбъ у муниципалитета или же при его посредничествѣ. Есть данныя, заставляющія предполагать, что частныя пекарни продавали хлѣбъ плохого качества бѣднякамъ, покупавшимъ въ кредитъ. Продажа мяса, масла и сыра по большей части поручалась муниципалитетомъ частнымъ компаніямъ, въ составъ которыхъ входили люди изъ знати и народа. Эти компаніи кромѣ монополіи получали право пользованія помѣщеніями муниципальных лавокъ, а иногда даже субсидировались. Контрабанда, неизбѣжная тамъ, гдѣ господствуетъ монополія, наказывалась каждый разъ штрафомъ въ 65 лиръ. Случались злоупотребленія и со стороны руководителей муниципализаціей, но они не носили тяжелаго характера: иначе продажа пищевыхъ продуктовъ не продолжалась бы въ теченіе двухъ столѣтій.

III.

Послѣ этого, вплоть до новѣйшаго времени въ Италіи ни одинъ городъ не имѣлъ возможности завести муниципальной хлѣбной торговли. Вся дѣятельность нѣкоторыхъ городовъ въ этой области ограничивалась покупкой хлѣба въ голодные годы и раздачей его бѣднымъ. Это носило временный и чисто благотворительный характеръ. Напротивъ того, постоянный и монополичный характеръ носитъ теперь городская хлѣбная торговля въ сициlianскомъ городѣ Катаніи у подошвы Этны. Въ концѣ 1902 года социалистическій мэръ этого города, Де-Феличе, устроилъ на 50,000 лиръ образцовую хлѣбопекарню, чтобы положить конецъ повышенію хлѣбныхъ цѣнъ со стороны частныхъ пекарей. Когда пекаря увидѣли это, то заявили городскому управленію, что готовы продать свои пекарни городу. Когда же ихъ предложеніе не было принято, они взялись продавать муниципальный хлѣбъ съ цѣлью ухудшить посредствомъ особыхъ махинацій его качество и возбудить неудовольствіе населенія уже противъ муниципального хлѣбопеченія. Де-Феличе нашелъ средство и противъ этого. Онъ устроилъ 20 хлѣбныхъ складовъ, которые распредѣляли съ помощью городскихъ возницъ хлѣбъ между 400 лавками. Цѣна хлѣба перваго сорта спустилась съ 38 центезимовъ до 28. Такое пониженіе цѣнъ имѣетъ огромное значеніе для рабочаго населенія Катаніи, которое питается почти исключительно хлѣбомъ. Съ гигиенической точки зрѣнія тоже можно приветствовать переворотъ, произведенный городскимъ головой Катаніи *).

*) «La cooperazione italiana». Milano, 11 aprile 1903.

Такимъ образомъ, въ Сициліи снова возродилась муниципальная хлѣбная торговля. Палермо, бывшій первымъ въ дѣлѣ муниципализаціи, хочетъ теперь послѣдовать примѣру Катаніи. Но еще ранѣе Катаніи, а именно въ январѣ 1901 года Мессина занималась благотворительной раздачей хлѣба. Въ шести пунктахъ города были открыты хлѣбные склады, гдѣ всякій нуждающійся могъ даромъ насыщаться хлѣбомъ. Временно, при дороговизнѣ и безработицѣ, открывали лавки для продажи хлѣба по дешевой цѣнѣ Чезена, Арневіа, Бари, Пиза, Форли, находящіяся на континентѣ Италіи. Постоянныя муниципальныя пекарни имѣются въ Римини, Мантуѣ, Кремонѣ, Венанціи, Мирандолѣ и Руво *). Въ этихъ городахъ онѣ отнюдь не носятъ монопольнаго характера, а конкурируютъ съ многочисленными частными. Въ Меркато-Сарачено имѣется съ 1895 г. водяная мельница, приносящая бѣдному населенію пользу, а муниципалитету прибыль. Однако въ связи съ мельницей нѣтъ пекарни. Муниципальная пекарня въ Римини, открытая въ концѣ 1898 года, можетъ въ новѣйшее время считаться первой постоянной въ Италіи. Тѣмъ не менѣе ни одна изъ этихъ, возникшихъ нѣсколько раньше пекаренъ, не породила столько шума и не побуждала такъ другихъ къ подражанію, какъ Катанія. Городакъ Бари окончательно рѣшили заняться постояннымъ хлѣбопеченіемъ. Неаполь и Миланъ намѣрены сдѣлать тоже самое **). Недавно городское управленіе Реджіо-Эмилиі приступило, предварительно опросивъ народъ посредствомъ референдума, къ постройкѣ мельницы и пекарни.

Хотя муниципализація хлѣбной торговли широкой волной охватила теперь Италію, однако нельзя съ увѣренностью сказать, что это самый вѣрный и безопасный путь къ удешевленію и къ улучшенію качества хлѣба. Въ той же Италіи существуютъ потребительныя общества съ продолжительнымъ успѣхомъ занимающіяся хлѣбопеченіемъ. Примѣромъ наиболѣе обширнаго коллективнаго хлѣбопеченія является послѣ Катаніи потребительное общество въ Туринѣ, называющееся „Alleanza Cooperativa“. Уже и теперь поднялись голоса противъ крайняго увлеченія муниципальнымъ хлѣбопеченіемъ. Успѣхъ Катаніи, находящейся подъ знакомъ сициліанской традиціи муниципального хлѣбопеченія, не можетъ гарантировать городского производства хлѣба en grand въ другихъ мѣстахъ. Депутатъ рабочей партіи К. Ноффри, руководящій туринскимъ потребительнымъ обществомъ, отдаетъ на основаніи долготѣнейшей практики предпочтеніе ***)) кооперативному хлѣбопеченію. Широкая муниципализація хлѣбной торговли, если только она клонится къ монополіи, является въ концѣ концовъ бюрократической организаціей, а бюрократическая организація по природѣ своей болѣе склонна къ халатности и злоупотребленіямъ, чѣмъ кооперативная.

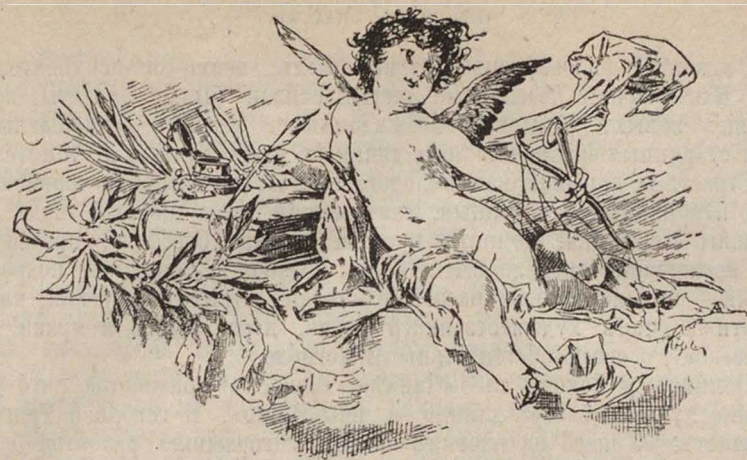
В. Тотоміанцъ.

*) R. Bachi. Un'inchiesta sulla municipalizzazione. Torino, 1903, стр. 49.

**) Миланскій муниципалитетъ является крупнымъ потребителемъ хлѣба, благодаря кормленію дѣтей при школахъ, госпиталяхъ и другихъ учрежденіяхъ.

***)) «Il Zavoro». Senova, 30 agosto 1903.

Лѣтопись текущей литературы и жизни.

Л. М. Лильскій *).

НОВЫЯ ВѢЯНІЯ.

Манера новаго письма.—Враждебность критики.—Журнальныя беллетристическія мелочи.—Чеховскія вѣянія.—Чеховъ передъ судомъ критики.—Его права на исторію.

I.

Разрушаются замки старой эстетики.

Ничего еще не создано огромнаго взаимѣнъ стараго, но, будто распшываемая тысячею усилій, падаетъ эта старая скала прежняго искусства, смолкаетъ громкая извѣстность его представителей и вожаковъ, депопуляризуется манера ихъ письма; давно знакомыми и пріѣвшими кажутся ихъ герои, ихъ языкъ и слогъ.

Молодое растетъ...

Какъ-то вдругъ со страницъ журналовъ вывѣтрился толстый романъ, будто обидѣвшись, вышелъ, чтобъ никогда больше не возвратиться сюда, а на его заповѣдномъ мѣстѣ воцарилась крохотная изящная миниатюра, художественная бездѣлка, которую такъ легко пробѣгать глазами, и такъ трудно, такъ мучительно-сложно рождать на свѣтъ. Смолкла бытовая повѣсть съ огромнымъ кадромъ дѣйствующихъ лицъ, и давно забытымъ временемъ вѣетъ отъ длинно-пространнаго діалога ихъ. Все сократилось, сдѣлалось крѣпкимъ, какъ тугая стальная пружина; стало меньше словъ, увеличилась ихъ значительность; настала пора творческой самодѣятельности читателя, которому только даютъ и ничего не объясняютъ и не комментируютъ, чѣмъ временемъ дорожить молодая новелла, боясь надоесть и прискучить, стараясь остаться загадочно интересной и вѣчно увлекательной.

Минулъ безвозвратно періодъ царства прежней беллетристики—репортажной и фактической,—насталъ чередъ знаменательныхъ беллетристиче-

*) Авторъ, самъ принадлежащій къ числу «молодыхъ» писателей, высказываетъ въ настоящей статьѣ только свои личные воззрѣнія на искусство. Это нужно имѣть въ виду при чтеніи его статьи, заслуживающей, однако, полнаго съ нашей стороны вниманія, какъ вполне искренній, горячій протестъ противъ устарѣлыхъ и до извѣстной степени окаменѣвшихъ формъ правотѣрной школы. Редакция.

скихъ исканій—философскихъ, религіозныхъ, психо- и психопатологическихъ. Какъ осенніе безсильные листья, отпали бывше эпитеты, пробилъ часъ ихъ новыхъ рожденій, неожиданныхъ, легкихъ, самобытныхъ, и умерли старинныя сравненія, такія длинныя, такія скучныя и утомительныя!

Страстная порывистость молодого творчества изобрѣла сравненія короткія, искрящіеся, мгновенныя, какъ молніи, какъ шорохъ, какъ звонъ падающаго въ темной комнатѣ кусочка золота: блеснуло, прозвенѣло и также неожиданно смолкло все... Нѣтъ больше и длинныхъ, подробныхъ описаній,—остались только красочныя намеки, штрихи, полутѣни, какой-то мимолетный снопъ художественнаго свѣта, игра солнца и мрака, — все ученическое въ своей обстоятельности погибло.

Помните, у Чехова въ «Чайкѣ» Треплевъ признается, что у него «описаніе луннаго вечера длинно и изысканно». И говоря о Тригоринѣ, прибавляетъ: «У него на плотинѣ блеститъ горлышко разбитой бутылки и чернѣетъ тѣнь отъ мельничнаго колеса—вотъ и лунная ночь готова, а р меня и трепещущій свѣтъ, и тихое мерцаніе звѣздъ, и далекіе звуки уояля, замирающіе въ тихомъ ароматномъ воздухѣ. Это мучительно...»

Да, для нашего времени, нервнаго и спѣшащаго, это, въ самомъ дѣлѣ, утомительно: жизнь не ждетъ, быстръ ея огневой бѣгъ, нужно запечатлѣть всѣ ея моменты, ея капризные изгибы, ея лучи, ея слова. Но и помимо этого: нѣтъ, вѣдь, типичныхъ картинъ—есть только типичная *подробность*; нѣтъ характерныхъ лицъ,—бываютъ только характерныя частности, и вотъ почему суженіе рамокъ беллетристическихъ созданій является симптомомъ исканія яркаго, индивидуальнаго, типичнаго, рѣзкаго. Надо описывать не самое лицо человѣка, а лучшее изъ его выраженій, быть можетъ, улыбку, быть можетъ, скорбь и слезы, быть можетъ, грусть,—и развѣ не въ однихъ глазахъ иногда—весь человѣкъ? Обширность тяготитъ и, возможно, новая культура идетъ по пути победы маленькаго...

Неоспоримо: блекнетъ и рушится старое, увядаетъ и безслѣдно уходитъ въ невозвратное и неповторимое прошлое былой натурализмъ, искусство буржуазіи, протоколно-точное, какъ выкладка на счетахъ, узкое, какъ родившій его классъ, безпорывное и тусклое, какъ стенографическая записъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣмецкій критикъ Баръ произвелъ интереснѣйшую анкету среди знаменитыхъ людей: вопросъ шелъ о «новомъ» и «старомъ» въ литературѣ послѣднихъ лѣтъ. Оказалось,—«только одно положеніе можно признать неоспоримымъ, на чемъ сошлись всѣ представители стараго и молодого направленія: всѣ согласны съ тѣмъ, что натурализмъ погибъ безвозвратно, и что молодые писатели работаютъ и мучаются, отыскивая нѣчто новое, чужое и неизвѣстное, чего никому еще не удалось обрѣсти. Они пока еще колеблются и не знаютъ, будетъ ли оно новымъ идеализмомъ, или синтезомъ идеализма и реализма». Со времени этой анкеты прошло цѣлое десятилѣтіе, но и сейчасъ, какъ тогда, мы видимъ тѣ же колебанія,—и, если въ лицѣ символистовъ ясно и опредѣленно заявлено тяготѣніе къ идеализму, то не мало писателей новой школы склонно видѣтъ будущую художественную истину въ синтезѣ, одинаково служа неоиdealистическимъ теченіямъ, какъ и картинному воспроизведенію реальной жизни. Во всякомъ случаѣ, самое важное и цѣнное въ новыхъ школахъ—ихъ духъ исканія.

Исканіе новыхъ формъ всегда соотвѣтствовало исканію новыхъ идеаловъ, ибо никогда неотдѣлима форма отъ содержанія, ибо художественное произведеніе цѣлостно, какъ организмъ, какъ тѣло, на которое нельзя, снявъ прежнюю, надѣть новую кожу. Эстетически каждая идея имѣетъ только одно выраженіе и никакого больше, какъ всякій предметъ и всякое

понятіе имѣютъ только одно опредѣляющее ихъ слово и одинъ же эпитетъ. Происходитъ въ новомъ искусствѣ, наряду съ исцаніемъ лучшихъ формъ, жадный процессъ открытія и новыхъ сюжетовъ, обновляющихъ искусство темъ. Въ основу литературныхъ произведеній легли совѣмъ новые замыслы. Громоздкій сюжетъ потерялъ свою увлекательность. Основная идея стала проста до однословности, до формулы. Но въ этихъ замыслахъ—весь авторъ. Про современный разсказъ можно сказать то же, что сказалъ Гете о лирическомъ стихотвореніи: ясность кристалла въ цѣломъ и увлекающая пытливость неясности въ частностяхъ. Одушевляющая современнаго беллетриста идея должна быть философскою, ибо мы живемъ въ эпоху горячихъ, какъ кровь, мучительно сладкихъ тревогъ духа,—всѣ мы ищемъ и жаждемъ откровеній; вмѣстѣ съ увеличеніемъ цѣнности личности пробудился интенсивнѣйшій интересъ къ тайнамъ ея духа, къ мукамъ ея совѣсти. Мы плывемъ, какъ аргonautы, къ единой высшей цѣли—къ разгадкѣ собственныхъ тревогъ и тайнъ, современная жизнь духа—вся на порогѣ самоопредѣленія. Какъ-то вдругъ пробился, поднялся и выросъ настоятельнѣйшій запросъ въ религіи, назрѣла великая жажда Бога.

Раскалываются философскія школы, дифференцируются идеи, нарождаются неожиданно смѣлыя вѣянія,—болѣе бурной, болѣе захватывающей эпохи, если исключить далекое Возрожденіе,—не найти. И эта эпоха порождаетъ бурныя же творенія, оцѣнить которыя сумѣетъ только будущее. ...Міръ долженъ быть познанъ не только при помощи естествознанія, но еще и художественно, и—почему знать?—быть можетъ, интуиціи суждено сорвать съ жизни тѣ покровы, которые не въ силахъ была снять съ нея наука... Въ искусствѣ личность—все,—она, единая, творецъ здѣсь, цѣль и объектъ; но никогда еще не были такъ широки и властны ея захваты здѣсь, какъ сейчасъ; никогда художественное творчество не служило такъ страстно, такъ бодро и послѣдовательно ея самоопредѣленію, какъ теперь; никогда искусство не брало къ сердцу такъ близко ея освободительные и аскетическіе идеалы, какъ въ нашу эпоху, и не слѣдило за ея героическими и большими порывами такъ напряженно, такъ внимательно и такъ пророчески.

Все больше и больше приходится въ разсказъ скрыто-лирической элементъ, все субъективнѣй становится авторское пониманіе и истолкованіе жизни; блѣднѣетъ и слабѣетъ эпическое начало въ современной беллетристикѣ; разъ навсегда нарушено спокойное теченіе повѣствованія.

Оно и понятно.

На смѣну прошлаго явилась трагическая красота, безъ которой нѣтъ художественной правды о человѣкѣ и его бурныхъ стремленіяхъ, и скрытыя драмы сдѣлали нервнѣй и быстрѣй темпъ разсказа...

Чѣмъ больше вдумываешься въ творчество молодой литературной школы, тѣмъ увѣреннѣй и смѣлѣй приходишь къ одному убѣжденію: коллизіи чувства отживаютъ свой длинный вѣкъ. Вопросы любви кажутся тривиальными. Сердечныя драмы перестали будить интересъ и отдають давно забытымъ, ненужнымъ, старымъ знакомствомъ. Пробыль часть *драмы мысли*, ищущей и терзающейся, пытливой и жаждущей. Въ несложныхъ комбинаціяхъ любовныхъ отношеній использовано все, до конца, безъ остатка, заказаны всѣ пути. Новому искусству здѣсь совѣмъ—совѣмъ нечего дѣлать. Но, конечно, не отъ обстановки будетъ зависѣть драма мысли, и вотъ, на нашихъ глазахъ, внѣшніе аксесуары разсказа все больше, все больше теряютъ свой прежній смыслъ и значеніе: право же, все равно, гдѣ бы ни совершались акты исканій и разочарованій, надеждъ и признаній своего безсилія,—на чердакѣ, или въ храмѣ, въ тюрьмѣ, или въ долгомъ пути скитальчества.

Еще на дняхъ только пришлось прочесть упрекъ въ «безостановочности», направленный по адресу одного изъ начинающихъ авторовъ, и какое недоразумѣніе скрыто въ немъ! Психологическій этюдъ важенъ самъ по себѣ, помимо окружающей его природы и обстановки: онъ могутъ играть здѣсь роль вспомогательную для самого автора; ему можетъ быть легче и доступнѣй изображать душевную драму въ условіяхъ данной среды, жизни, или режима. Но отъ него же зависитъ—воспользоваться этимъ средствомъ, или нѣтъ, прибѣгнуть къ такому приему, или отказаться отъ него, какъ въ его же власти описывать внѣшность своего героя, или пренебречь этимъ совсѣмъ.

Съ трудомъ читаемый г. Шулятиковъ, напримѣръ, послалъ недавно Чехову укоръ въ томъ, что у него нигдѣ нѣтъ подробнаго описанія внѣшняго вида героевъ. (*«Очерки реалистическаго міровоззрѣнія»*, В. Шулятиковъ. *«Возстановленіе разрушенной эстетики»* (о современныхъ идеалистическихъ теченіяхъ въ русской литературѣ) стр. 585—655).

Но что же теряютъ отъ этого рассказы Чехова? И развѣ они стали бы лучше, художественнѣй, глубже отъ того, что намъ было бы показано, какого роста приватъ-доцентъ Ковринъ, погибшій отъ умственного переутомленія, видѣнія котораго посѣщалъ черный монахъ? Неужели усугубилась бы драма студента, попавшаго въ домъ терпимости и дошедшаго до припадка? Нужно ли знать цвѣтъ глазъ тринадцатилѣтней няньки Варьки,—не вѣдавшей сна и убивающей ребенка,—чтобы почувствовать весь страшный смыслъ разыгрывающейся передъ нами трагедіи?

Былыя мѣрки критики устарѣли совсѣмъ, для ея выдыхающихся точекъ зрѣнія нѣтъ приложенія, ея аршины стали лживы, невѣрны и коротки. Новыхъ судей ищутъ новыя направленія, они еще ждутъ своихъ цѣнителей и комментаторовъ; только эхомъ искусства была его критика, и напорившіяся пѣсни породятъ новое эхо...

II.

«Повидимому, ни въ какіе вѣка и ни въ какихъ странахъ критикамъ «по профессіи» не суждено проникать въ глубь литературныхъ теченій, они всегда на поверхности. Но когда эти дутые, пустые полавки въ движеніи, это вѣрный знакъ близящейся бури. И когда въ наши дни критики всего міра, отъ Нордау до Буренина, яростно колыхаясь на зыби современной литературы, кричатъ о безнравственности новаго искусства,—все понимаютъ, что надъ областями творчества вѣетъ свѣжій живительный вѣтеръ...»

Это изъ статьи Валерія Брюсова: «Вѣхи», посвященной «признанію равноправности тѣла, тѣлеснаго начала» *). Готовый во многомъ не соглашаться съ авторомъ и многое оспаривать у него, обѣими руками подписываюсь я подъ этими вѣрными строками о профессиональной критикѣ и, въ особенности, о нашей русской.

Въ сущности, о проникновеніи «въ глубь» не слѣдовало бы и говорить: вопросъ идетъ о кое-какомъ пониманіи, объ относительной эстетической чуткости, о чувствѣ правды. Но въ большинствѣ случаевъ нѣтъ и ихъ. О литературѣ у насъ говорятъ больше, чѣмъ о чемъ-нибудь другомъ, много пишутъ; судьями ея смѣло выступаютъ иногда люди, никогда до тѣхъ поръ не державшіе въ рукахъ пера, и отважно рядятъ, цѣнятъ, признаютъ и бракуютъ. Кто не умѣетъ дѣлать ничего больше, тотъ начинаетъ «дѣлать» критику. О, это такъ легко! Чтобы пуститься въ разговоръ о математикѣ, объ астро-

*) «Вѣсы» № 8. «Вѣхи». I. Страсть.

номіи, о людяхъ, о земскихъ дѣлахъ, о скульптурѣ,—нужны знанія, требуется эрудиція, долженъ быть на лицо опытъ, по крайней мѣрѣ, глазъ. Но, чтобы толковать о литературѣ, объ искусствѣ слова, о тонкихъ линияхъ молодой, красивой мысли, о талантахъ и исканіяхъ новыхъ піонеровъ слова и его музыки; о скрытыхъ, незримыхъ, но чувствуемыхъ глубинахъ взволнованной художественной души,—о! для этого, конечно, ничего не нужно. Была бы элементарная грамотность, чтобы читать, и языкъ, чтобы повторять давно затверженные клише старыхъ приговоровъ, навязшихъ въ ушахъ, потерявшихъ цвѣтъ, какъ вылинявшій товаръ въ магазинной витринѣ; да еще умѣнье и способность ставить ковычки—ничего больше!

«Противорѣчь мнѣ немного»,—говорило одно историческое лицо своему лакею,—«чтобы казалось, что насъ двое...»

И чтобы не затерялись ничтожныя слова нашего сужденія, мы бросаемъ кругомъ *осужденія*: вѣдь, это—внушительный и громче, ибо ограниченъ лексиконъ хвалящихъ словъ, но странно узаконенный кодексъ порицаній многотоменъ. Ничего нѣтъ проще и легче, какъ «сѣю рукопись читать и Содѣржаніе Онной Нѣ Одобрить», ибо самое доступное дѣло стать «Милостивымъ Государемъ Пѣтромъ Зудотѣшинымъ».

Но ничего нѣтъ сложнѣй и труднѣй, какъ проникновенное пониманіе внутренней красоты и чутъ изящнаго: рѣдко чувство красоты, и часты оттого шаблонныя приговоры. Постигать и слышать трепетанье тонкихъ крыльевъ—даръ исключительный, какъ все божественное,—и оттого такъ легко плодятся критики, и такъ рѣдки писатели, и такъ много злыхъ выходецъ пошлости и почти нѣтъ судей истинныхъ.

У Островскаго странница увѣряла, что въ одной странѣ, гдѣ царствуетъ «Махнуть персидскій» и «Махнуть турецкій» всѣ, кто судится, пишутъ: «Суди меня, судья неправедный»,—и ихъ судятъ, и, надо думать, всегда именно такъ, какъ они просятъ,—неправедно.

Это, конечно, забавный анекдотъ только, но современная литературная дѣйствительность сдѣлала изъ него фактъ, полный горькой истины, ибо «нѣтъ повѣсти печальнѣе на свѣтѣ, чѣмъ повѣсть о нынѣшнемъ поэтѣ» и вообще всякомъ, имѣющемъ касательство къ художественной литературѣ.

Помилуйте, люди принуждены искренно радоваться (и, въ самомъ дѣлѣ, радуются!) когда критикъ—имя рекъ—ихъ, «разнесетъ».

«Невѣроятно, но фактъ», ибо извѣстная часть критики становится именно такимъ «Махнутомъ персидскимъ»: «Это что! мало попасть въ большой и хорошій журналъ, нужно, вѣдь, чтобы васъ обругалъ еще такой-то». Сначала изумляются, потомъ задумываются, присматриваются и, наконецъ, убѣждаются: правда!

Извѣстность, популярность, санкція имени даются хлесткой плетью стараго критика: будто по пословицѣ,—что за битаго двухъ небитыхъ даютъ. И цѣлый рядъ истинно талантливыхъ работниковъ слова прошли черезъ эти темныя корридоры инквизиціонныхъ пытокъ, и только тогда, обруганные и оклеветанные, осмѣянные и измученные, стали учителями и извѣстностью, приобщились къ именамъ, нашли своего друга—читателя.

Горькій, Андреевъ и Бальмонтъ, Мережковскій и Чеховъ—всѣ, въ свой чередъ, по одну отъ пятицѣ,—были сѣкомы и заушаемы на протяжении одного, или нѣсколькихъ фельетоновъ искуснѣйшимъ подборомъ грубыхъ и наглыхъ словъ, издѣвательскимъ хохотомъ и подлыми подножками.

День-ото-дня падаетъ престижъ критики и, вопреки старой традиціи, рѣзкость перестала отвѣчать читательскому вкусу, а хлесткость сдѣлалась лучшимъ доказательствомъ личныхъ счетовъ, несправедливаго отношенія, поверхностнаго легкомыслія, неглубокаго и незрѣлага приговора. О самихъ

распятихъ и распинаемыхъ нечего и говорить: давно уже всѣ пишущіе не смотрятъ на критику, какъ на учителя, и давно утеряна надежда встрѣтить въ ней справедливую оцѣнку и опредѣленіе. Критика—реклама, бесплатное объявленіе на видномъ мѣстѣ газеты,—вотъ значеніе, которое только и признаютъ пишущіе за такими критическими упражненіями: пусть говорятъ, а чтѣ—это рѣшительно не важно,—лишь бы не молчали.

И, вотъ, я прошу за послѣдніе пятнадцать-двадцать лѣтъ назвать мнѣ хотя одно имя, хотя бы одного, хотя-бы начинающаго, совсѣмъ молодого, шатающагося въ своей неустойчивости, ищущаго и совсѣмъ не установившагося автора,—беллетриста, или поэта,—у котораго направленіе, характеръ, или выборъ темы измѣнился отъ тѣхъ или иныхъ указаній присяжной критики. Но такихъ нѣтъ, ни одного такого имени нельзя назвать, и ни загадочнаго, ни страннаго, ни грустнаго, тутъ нѣтъ рѣшительно ничего. Наоборотъ: именно этому, именно такому пренебрежительному невниманію обязаны мы тѣмъ, что среди молодыхъ литературныхъ дарованій у насъ одинъ за другимъ вырабатываются и вырастаютъ смѣлые таланты и дерзающіе искатели.

Нельзя отлить разъ навсегда формы и для всѣхъ отпустить одну и ту же политуру; бесполезно и невозможно наставлять доктринерскимъ тономъ: «пишите такъ; изображайте этакъ; оттуда-то берите темы; въ такомъ-то освѣщеніи разрабатывайте ихъ..» Смѣшно и претенціозно разстилать веревочки и коврики и сердито приказывать ходить по нимъ, не глядя по сторонамъ, и присѣдать всегда на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ.

Есть что-то узкое и до крайности нелѣпое въ этомъ связываніи и окандаливаніи свободнаго творчества свободныхъ душъ, свободной жизнью живущихъ, въ вольныхъ стремленіяхъ открыть и найти новыя пѣсни, иные углы зрѣнья, новыя краски и контуры!

Что за странная дамская нервность,—не выносить яркости и зажмуривать глаза отъ непривычныхъ сочетаній линій, фигуръ, словъ и образовъ!

Жизнь бѣжить, и надо стеречь этотъ нервный, трепетный бѣгъ. Наши мысли, наши чувства не засиживаются, какъ ночныя бабочки: ихъ надо ловить, надо стеречь ихъ быстрый, капризный полетъ. А насъ тоненькими-тоненькими, рѣжущими тѣло веревочками привязываютъ къ старымъ разваливающимся тачкамъ и, грозя пальцемъ, говорятъ: «смотрите же, безъ тачекъ—ни на шагъ!».

И отъ этого происходитъ то, что въ хорошемъ журналѣ начинаетъ находить себѣ пріютъ не талантъ, а послушаніе, не собственная, настоящая фizioномія, а вытянутое отраженіе въ зеркалѣ чужой критической воли,—рабъ и послушникъ чужой указки.

Давно извѣстны трафареты, отлиты клише и установленъ шаблонъ: садись и пиши.

Вотъ одинъ изъ ходкихъ сюжетовъ.

Жила-была сельская учительница, и такая прекрасная душа у нея цвѣла и радовалась въ изможденномъ, конечно, тѣлѣ, всегда отраженная въ парѣ спокойныхъ глазъ, большихъ и голубыхъ (ради Бога, голубыхъ!), что сомнѣнья не оставалось въ томъ, что она черезъ мѣру довольна, и своей жизнью, и своимъ дѣломъ, и своей наружностью, и своимъ умомъ. А когда пріѣхалъ попечитель, то она, за какую-то безтактную выходку «срѣзала» его, хотя при этомъ рисковала мѣстомъ.

Въ заключеніе: «А на небѣ плыли грозныя тучи», долженствующія изображать надвигающуюся на голову учительницы опасность...

Вотъ другая тема, не менѣ популярная.

Въ холерный край, рискнувъ своей жизнью, пріѣхалъ врачъ. Всѣхъ

онъ лѣчилъ, спалъ чуть ли не восемь минутъ въ сутки, заразился и умеръ. Врачъ былъ хорошій, наружности, правда, невзрачной, и ума не Богъ въстѣ какого, но душа,—душа!—въ немъ была такая, что онъ, не ропща, удовлетворялся и восемью минутами сна, и наружностью своей, и холерой, и умомъ. А когда его несли на кладбище (онъ умеръ, конечно), «вдали зловѣще вспыхивали... красныя зарницы».

Ну, и т. д., и все, тому же подобное, и всегда въ томъ же родѣ.

Ахъ, знаю, понимаю, всѣмъ существомъ своимъ чувствую, какъ прекрасны, богоподобны и велики подвиги сердца человѣческаго, и человѣческое самоотверженіе, и борьба, и смерть на посту; но не вижу, не понимаю, и никогда не пойму необходимости загонять искусство въ одинъ ужасный, по своей узости, шаблонъ, выкованный уставшею силой давно потухшихъ огней отжившей традиціи.

Вѣдь, если вдуматься, если просто стать безпристрастнымъ и искреннимъ, и непостыдно, смѣло оцѣнить всѣ эти темы, надо же сказать открыто и прямо: ложь это, фальшь и неправда, ибо всякая учительница хочетъ жить и любить и такъ же, какъ всѣ мы, мечтаетъ объ отдыхѣ, о радостяхъ, о золотыхъ снахъ счастья; какъ всѣ, надѣется на лучшее, на свое собственное лучшее, и также жалуется (и должна въ ея положеніи жаловаться!) на грязь, и на бѣдность, и на недостатокъ денегъ, и имѣетъ всѣ права быть недовольной своимъ настоящимъ, и проклинать его.

Пусть, съ извѣстной точки зрѣнія, жизнь выше искусства, пусть искусство играетъ всего только служебную роль, пусть даже оно должно быть только хорошенькой горничной у этой жизни и служить только ея общественнымъ идеаламъ—но ради же всего святого—слѣдуетъ ли изъ этого, что произведенія искусства въ угоду теоріи могутъ быть лживы, лицемѣрны, должны искажать жизнь и ея правду?

Не то. Не то...

Знайτε, что возжечь огонь святого недовольства, не допустить читателя до позорнаго примиренья съ жизнью, вызвать вздохъ изъ груди, исторгнуть сожалѣніе о сумрачности и ночныхъ тѣняхъ этой жизни—значитъ заставить его желать, искать и дерзать. А въ этомъ—все; въ этомъ—залогъ грядущаго, въ этомъ—предчувствіе торжества вѣчнаго, въ этомъ—радость, и, какъ въ каждой попыткѣ искренности—красота. Психологическимъ комментариемъ души писателя должна сдѣлаться критика, стать толмачемъ его образнаго языка линій и красокъ, а не судьей жизни по произведеніямъ, не деспотическимъ педагогомъ, велящимъ изображать натуралистическіе видики будто бы живой, а на самомъ дѣлѣ, натурализованной дѣйствительности. Смѣлость и отвагу, оригинальность и непохожесть—вотъ что должна поддерживать критика. Изыскивать новые пути, направлять фантазію къ вѣчной свободѣ полета—вотъ чему должна учить истинная критика, вотъ ея идеальная задача.

Такъ извращены понятія у публики, долгіе годы вѣрившей неискренней критикѣ, что ложь о маленькихъ удовольствіяхъ у маленькихъ героевъ, ложь объ учительницахъ—она читаетъ съ маниловски-сладкой улыбкой самообольщенія, а громовую силу уличающаго человѣческую низость художественнаго и правдиваго пафоса встрѣчаетъ кислой миной трусливаго ропота: «не бываетъ... не можетъ быть»...—Все бываетъ, милостивые государи, и все можетъ быть,—только вотъ мы цвѣтной ваткой уши затыкаемъ, потому что такъ покойнѣй и проще, потому что обычное и привычное не нарушаетъ любезной тишины нашихъ сѣрыхъ сумерекъ, ибо такъ совѣтъ дремлетъ крѣпче и ровнѣй бываетъ аппетитъ.

Но безсильны уже уханья и нестрашны пожиманья узкихъ плечъ.

Слишкомъ долго художественная литература рабствовала передъ страхомъ авторитета публицистической критики, но ничего, кромѣ паденія, изъ этого идейнаго крѣпостничества не получилось, и произошло возстаніе рабовъ. Рабъ поднялся и за долгіе годы смиренія онъ воздалъ дерзостью...

III.

Не нужно, однако, вычурности, чтобы быть и новымъ, и оригинальнымъ. Мистическая жизнь духа, съ его исканьями—вездѣ, вокругъ: это показалъ намъ Л. Андреевъ въ своемъ «Василіи Ойвейскомъ», это же показываетъ и Маркъ Криницкій въ «Тора-Аможе» («Новый Путь» № 8).

Красивъ, правдивъ, полонъ глубокаго смысла рассказъ г. Криницкаго. Умеръ Карабашъ, братъ маленькаго Елыша. И отецъ теперь, въ испугѣ передъ смертью, пробуетъ отдать себѣ ясный отчетъ въ происшедшемъ таинственномъ актѣ и не можетъ: «Зачѣмъ Карабашъ померъ? Какъ крестился, на Рождество мясо бѣлъ—Карабашъ померъ». Смутно представленіе о Богѣ и у отца, и у Елыша: отцу все чудятся по ночамъ татары: «Плохъ богъ Миколай. И Божія Матерь—то же слабый богъ»,—одна надежда на стараго Большого Семена. И онъ пришелъ, этотъ вотякъ-волшебникъ, сграшнѣйшій, всклокоченный и сѣдой: «Жеребенка подавай,—сказалъ онъ, наконецъ, хлопнувъ шапкой по столу,—на которомъ самъ ѣздилъ, давай. Курицу колотъ давай. Гуся лить воду давай. Все давай. Много молиться надо. Кереметь велить»... Тихо Степанъ, братъ Елыша, убѣждаетъ старика не рѣзать лошади—все напрасно: надо бѣжать на кладбище «кричать Карабаша». И Елышъ съ отцомъ ѣдутъ зимней ночью на кладбище, чтобы успокоить и умиловить безпокойный духъ умершаго Карабаша: главный смыслъ рассказа—въ ощущеніяхъ и мысляхъ полусоннаго и напуганнаго кладбищенскими видѣньями ночи Елыша...

Въ скрытыхъ глубинахъ народнаго духа, въ тайникахъ темныхъ мозговъ хоронится исканіе Бога и вѣры, невѣдомые страхи, мистическая боязнь жизни и смерти. Не на однихъ интеллигентныхъ высотахъ работаетъ ищущая религіозная мысль.

И трагедіи чистоты и красоты тоже не на однихъ высотахъ.

Вотъ улыбнувшееся-было Свисташкѣ «счастье», ради котораго онъ чуть не загубилъ совѣсть и жизнь своей жены. Рѣдко трогательный образъ женщины нарисовалъ г. Первухинъ въ своемъ рассказѣ «Свисташкино счастье». («Міръ Божій» № 9). Но, быть можетъ, именно неувѣренность въ своихъ силахъ заставила его кончить свисташкиной неудачей. Весь во власти мечты о собственномъ «отелѣ», этотъ типичный лакей въ душѣ уже готовъ соблазниться предложенной ему тысячею, чтобы продать жену пріѣхавшему въ гостиницу графу, но авторъ заставилъ его опоздать: когда ее, заплаканную, Свисташка приводитъ къ графу, у того уже нѣтъ денегъ, и рухнувшія лакейскія мечты Свисташки могутъ только мстить: «Свисташка взмахнулъ кулакомъ и опустилъ его на лицо жены»... «Кулакъ Свисташки еще разъ мелькнулъ въ воздухѣ и ударилъ по головѣ женщины»...

У г. Первухина есть замыслы, но всѣ они скованы робостью, и потому блѣдны его краски, отсутствуетъ въ рисункѣ смѣлый размахъ, чувствуется боязнь изобразить трагическую потрясающую картину.

А онъ уже подошелъ къ этому почти вплотную, и какъ жаль, съ художественной точки зрѣнія, что недостатокъ авторской смѣлости привелъ Марусю къ графу съ такимъ запозданіемъ. Не надо быть особеннымъ любителемъ мелодрамы, или поклонникомъ жестокости въ талантѣ, чтобы отъ души пожалѣть загубленную картину невольнаго принужденнаго паденія

женщины, брошенной любимымъ человекомъ въ оплаченные объятія чужого. Тутъ всѣ условія для автора, чтобы обнаружить размахъ, вскрыть трагическія бездны, показать потрясающую борьбу чистоты съ грязью жизни. Не пренебрегъ бы такой темой Достоевскій, не прошелъ бы мимо нея и Андреевъ. Есть положенія, есть темы, къ которымъ съ болью и дрожью подходитъ современный беллетристъ, но, разъ подойдя къ нимъ, отступать нельзя. И изъ разсказа г. Первухина выносишь поэтому только презрѣніе къ фактору гостиницы, жена котораго выше и лучше его... Но какъ же это мало!

На созвучную тему, только гораздо смѣлѣй, интереснѣй и красочнѣй, написанъ разсказъ «Дневникъ Олены» («Правда» № 8).

Меня ни на минуту не смущаетъ, а, наоборотъ, очень прельщаетъ въ данномъ случаѣ форма дневника. Прельщаетъ потому, что здѣсь это самая трудная форма для автора. Помилуйте: простая деревенская баба ведетъ мемуары! Правда, докторша ей платитъ «гонораръ»—за каждый листъ—тридцать копеекъ. Но развѣ отъ этого автору легче вести разсказъ отъ имени простой женщины и—какой разсказъ! Ни одного факта—новаго, ни одного новаго чувства, все—на старую тему о загубленной женской долѣ, объ ужасномъ положеніи женщины въ деревнѣ. И все-таки все здѣсь ново, все—интересно, а языкъ—не придумаешь похвалъ—такой, онъ свободный, смѣлый, легкій, живой и сочный. Рѣшительно, никакъ иначе не могла выражаться деревенская авторша. Только въ одномъ мѣстѣ ясно чувствуешь, какъ трагическая картина опростилаь и поблѣднѣла именно по винѣ этого языка и всей этой формы—«дневника». Съ мужемъ, Романомъ и дядей, Данилой,—двумя столичными «озорниками»—возвращается Олена съ фабрики: они ее провожаютъ, пьютъ водку и поютъ пѣсни. «Выбрали мѣстечко повыше, сѣли и опять за водку взялись», заставили пить и Олену, но тутъ Данило начинаетъ приставать къ ней: «прижимается и рукавъ волю даетъ». Какъ ни отбивается Олена, «Данила не отстаетъ, такъ и лапить». Мужъ попробовалъ заступиться, «а Данило какъ цыкнетъ на него: «Цыцъ, Романъ, помни». Онъ и смякъ опять. Рванулась я, да бѣгомъ черезъ кусты»...

Послѣ паденія въ яму, какъ только встала Олена,—Данила «тутъ какъ тутъ... беретъ меня на руки». «А у меня ужъ силы нѣтъ ни чуточки, и крику нѣтъ, только въ головѣ звонъ, какъ въ колокола».

Вотъ и все!.. И слѣдующая записъ, трогательная и короткая, поднимаетъ надъ этой драмой только чуть-чуть покровъ: «Какъ вы велѣли, я ничего никому не говорила»,—пишетъ Олена докторшѣ. «Скажу только попу на духу, потому что томно мнѣ очень. А Романъ не знаетъ, думаетъ, что я тогда схоронилась. Да и боится онъ Данилы до страсти»...

Затушеваль бездну авторъ, забросалъ ее какими-то полевыми цвѣточками,—главнаго, серьезнаго, важнаго онъ не далъ. Молчаливо прошелъ онъ мимо тмы и ужаса, а форма дневника избавила его отъ заманчивой необходимости показать читателю первыя минуты тоски, боли и стыда. Что думала Олена, идя домой въ эту темную-темную ночь? Какіе призраки вставали предъ ея глазами? Мысли о смерти? Желаніе наложить на себя руки? Повиниться мужу? Какъ поднималась ея грудь и какія слова отчаянія, злобы, униженія оглашали, какъ вой, спящую поляну и тихую избу?

Ничего, ничего не показалъ авторъ и, выбравъ трудную стилистически задачу—вести дневникъ деревенской бабы—упростилъ тайныя, глубокія, скрытыя драмы...

Автора—и по имени и по его языку, и по темѣ—я встрѣчаю впер-

вые,—онъ подписался «Мужикъ»,—и эта первая встрѣча заставляетъ ждать второй, услышать настоящія *авторскія* слова, обязываетъ посоветовать: бросить форму дневника, какъ бы ему ни удавалась она.

Слишкомъ суживаетъ авторскій размахъ эта форма, отучаетъ отъ эпитета, опрощаетъ внѣшность разсказа. Не нужно ея: пришла пора—*показывать*, а не разсказывать. Извѣаннымъ долженъ стоять предъ читателемъ художественный образъ. Совсѣмъ ничего не говорить эпитетъ, если его не индивидуализировать. Всѣ эти «*одухотворенныя*» лица, «*милостивыя черты*», и проч. нѣмы, они никому ничего не объясняютъ, какъ ни для кого не дѣлаетъ болѣе яснымъ будто бы разговорный, а, въ сущности, плохой русскій языкъ съ разными: «какъ бы это назвать», съ этими кавычками, чѣмъ грѣшитъ г. Евг. Лундбергъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что это за описаніе: «Вошедшій былъ Александръ Семенычъ Сомовъ, человѣкъ очень большой души»? Или: «какъ-то инстинктивно, верхнимъ чутьемъ я почувствовалъ» и т. д. Если г. Лундбергъ, дѣйствительно, чувствуетъ, пусть покажетъ это, а такъ, на слово, хотя бы и съ упоминаніемъ о «верхнемъ чутьѣ», ничему нельзя вѣрить.

Есть анекдотъ о неопитѣ науки: онъ долго доказывалъ какую-то теорему, но ни одного изъ присутствующихъ ученыхъ не могъ убѣдить. И тогда онъ молитвенно сложилъ персты, и сотворивъ крестное знаменіе, поклонялся именемъ Бога, что онъ—правъ.

Развѣ это убѣдительно?

Неопитамъ литературнымъ надо знать и помнить, что у искусства есть свои методы доказательства, внѣ которыхъ нѣтъ художественной убѣдительности, что эти увѣренія въ «очень большой душѣ» Александровъ Семенычъ производятъ только одно грустное впечатлѣніе неумѣлости; что говорить за себя можетъ только самъ образъ, а не авторскія клятвы.

Въ разсказѣ г. Лундберга («*Однажды вечеромъ*», «Журналъ для всѣхъ», № 8) только одно хорошее мѣсто,—въ началѣ, гдѣ онъ тонко подмѣчаетъ «странное свойство», которое имѣютъ различные часы сутокъ: «Они направляютъ теченіе нашихъ мыслей, смягчаютъ, или усиливаютъ чувства» и т. д.... И недурной намекъ сказанъ еще въ концѣ: «Когда на слѣдующій день утромъ я уходилъ на службу, то наткнулся въ передней, подъ вѣшалкой, на пару калошъ съ буквами Сомова»...

Есть странная сила художественныхъ мелочей, дорисовывающихъ картину смѣлѣй и легче, чѣмъ тысячи строкъ длинныхъ «разсказываній». Но тайну эту постигаютъ только настоящіе, а не псевдо-художники...

IV.

Почти вся молодая русская литература—въ росткахъ.

Если исключить два-три установившихся имени, вся она — одни только побѣги. Какъ-то ясно примѣчается ея общая подчиненность чеховскимъ пріемамъ, чеховской манерѣ, чеховскимъ настроеніямъ. Еще слишкомъ свѣжо впечатлѣніе этой невыразимо-обидной смерти, чтобъ говорить опредѣлительно о размѣрахъ вліянія этого крупнаго художника; но ужъ нѣтъ никакихъ сомнѣній, что одинъ изъ періодовъ русской литературы будетъ носить имя «чеховскаго». «Наслѣдный принцъ литературныхъ королей» — назвалъ Андреевскій Чехова, и это въ высшей степени и умно, и мѣтко, потому что именно онъ, навѣки нашъ Чеховъ, сроднилъ и сблизилъ молодые побѣги съ прежней литературой, онъ явился золотымъ мостомъ, по которому прошли старыя вѣянія въ новый вѣкъ. Будущему литературному историку предстоитъ интересная, и вовсе не трудная задача

разобраться въ полученномъ Чеховымъ наслѣдствѣ и опредѣлить ту реформаторскую миссію, которую онъ выполнилъ, передавъ новымъ беллетристическимъ поколѣніямъ преобразованную и претворенную художественную правду прошлаго.

Совершенно бесспорно опредѣлится вліяніе на Чехова Льва Толстого, вліяніе и стилистическое, и идейное; безъ труда выяснятся тургеневскія воздѣйствія; въ высшей степени увлекательнымъ дѣломъ предстанетъ стремленіе установить, откуда пришли и въ какой мѣрѣ захватили автора «Чайки» совсѣмъ юныя символистическія настроенія. И то, что Чеховъ былъ первымъ миниатюристомъ въ русской литературѣ—и по времени, и по искусству своему—будетъ комментироваться впослѣдствіи не однимъ только участіемъ его въ ежедневной прессѣ: мало, развѣ, печатается въ ней и по сію минуту не то, что «большихъ», а прямо огромныхъ романовъ, да и Чеховъ, уйдя изъ ежедневной прессы въ ежемѣсячную, остался вѣрнымъ себѣ миниатюристомъ.

Въ лежащихъ предо мной августовскихъ книжкахъ журналовъ вездѣ статьи о Чеховѣ. Въ «Вѣсахъ»—Андрея Бѣлаго, въ «Правдѣ»—г. Невѣдомскаго, въ «Журналѣ для всѣхъ»—Волжскаго.

Послѣднія—лучше другихъ.

Вмѣстѣ съ г. Невѣдомскимъ Волжскій—одинъ изъ наиболѣе интересныхъ критическихъ писателей. Всегда вѣтъ отъ его статей вдумчивостью, чуткостью, талантомъ. Отъ прежней манеры критики онъ такъ же далекъ, какъ близокъ къ чему-то совсѣмъ своему, собственному, новому. Быть можетъ, онъ—на самой границѣ порога: дальше будутъ уже философски-эстетическіе тезисы; Волжскій—наканунѣ широкой художественной формуды: смѣлость пытливыхъ исканій критической мысли выдають его писанія. Однако, онъ слишкомъ мягко указываетъ на близорукость критики, долгіе годы не признававшей Чехова: «Часто огромная изобразительная сила, мощь бытописательства заслоняетъ отъ вниманія критики художественную философію автора, душу его произведеній. Быть можетъ, всего чаще такъ случалось съ критикой Чехова».

О, еслибъ только такъ случалось!

Но было иначе, до жестокости иначе, до оскорбительности, до равнодушнаго нежеланія понять и вдуматься, до высокомернаго третированія. Собственно говоря, до сей минуты почти никто не отнесся съ должной любовью къ писателю, никто достаточно почтительно не собрался заглянуть въ его темы, чтобъ разставить вѣхи его философіи, разгадать скорбный міръ его воззрѣній. Исключеніе—Волжскій, у котораго есть единственная въ этомъ родѣ книга: «Очерки о Чеховѣ».

Ни Андреевскій, писавшій о Чеховѣ случайно, кстати, главнымъ образомъ, имѣя въ виду московскій художественный театръ, ни Андреевичъ въ своей, видимо, насильно составленной изъ торопливыхъ журнальныхъ статей «Книгѣ о Горькомъ и Чеховѣ» не подошли даже близко къ основной канвѣ думъ автора, къ его грустящимъ исканіямъ, къ его религіи и философіи. А до Волжскаго это были, вмѣстѣ съ Гольцевымъ, наиболѣе восторженные критики покойнаго писателя, потому что рѣдко вдумчивый Михайловскій до самаго конца не измѣнилъ своему скептическому отношенію къ автору «Холодной Крови», а г. Скабичевскій умѣлъ только сожалательно отзываться о немъ въ своей «Исторіи новѣйшей литературы» за будто бы отрывочность его писаній, за ихъ газетность, за отсутствіе въ нихъ цѣльнаго общественнаго міросозерцанія; статью же свою, какъ началъ загадочнымъ вопросомъ: «Есть ли идеалы у Чехова»,—такъ и кончилъ ее, оставивъ писателя подѣ сомнѣніемъ, и не сдѣлавъ ни единой

серьезной попытки опредѣлить ни психологіи его образовъ, ни синтеза его настроеній.

М. Протопоповъ искренно считалъ Чехова «жертвой безвременья», и лаялась даже маленькая «Недѣля» со своей пренаипаскуднѣйшей «реабилитацией дѣйствительности». Блѣдно въ послѣдніе годы писалъ о Чеховѣ г. Перцовъ, въ своемъ «Первомъ Сборникѣ», хотя лѣтъ десять тому назадъ его статья о Чеховѣ въ «Русскомъ Богатствѣ», послѣ статьи Д. Мережковского въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», была едва ли не единственной (исключеніе—Гольцевъ), ободрившей и одобрявшей автора «Дуэли» и «Иванова».

Все-таки до самаго послѣдняго времени Чехову приходилось выслушивать порицающіе отзывы.

Смѣло поплеывая, появился на рынкѣ нѣкій Качерець со своимъ «Опытномъ» (1902), а, можно сказать, на дняхъ мы имѣли маловознагражденное терпѣніе прочесть нападки на великаго художника въ статьѣ умничающаго Шулятикова, выступившаго со своимъ пятилистнымъ псевдо-ислѣдованіемъ въ упоминавшихся уже здѣсь «Очеркахъ реалистическаго міровоззрѣнія».

Несмотря на явный импрессионизмъ и неоспоримое тяготѣніе къ символическимъ настроеніямъ, Чеховъ не встрѣтилъ серьезнаго признанія ни въ «Новомъ Пути», ни въ «Вѣсахъ», какъ не встрѣчалъ его и въ публицистической критикѣ. Даже послѣ смерти, уже въ некрологахъ, его не встрѣтили оба молодые журнала безъ ограничительныхъ оговорокъ, безъ «но» и сожалѣній. Надо сказать правду, изъ всѣхъ здѣсь писавшихъ лучше и тоньше другихъ понялъ Чехова г. Андрей Бѣлый, съ большей искренностью сознавшійся: «если творчество Чехова порой и могло намъ казаться товарнымъ поѣздомъ, и мы спѣшили за экспрессомъ, въ настоящую минуту слѣдуетъ признаться въ томъ, что многіе изъ насъ остались далеко позади, со своими «экспрессами», а «товарный поѣздъ», перегнавъ, врѣзался жизнью въ неизмѣримыя дали душевныхъ пространствъ».

Въ рѣдко маленькой замѣткѣ г. Юр. Череды («Новый Путь», № 8) я встрѣтилъ упоминаніе о томъ, что Чеховъ всегда мечталъ о большомъ романѣ. Новость это для меня, но это могло быть. Ничего, конечно, не измѣнилъ бы такой романъ въ характеристикѣ Чехова. Все тѣмъ же миниатюристомъ остался бы онъ и въ многолистномъ повѣствованіи, какъ и въ своихъ милыхъ граціозныхъ новеллахъ. Также возобладали бы детали и тамъ, какъ и тутъ; также характерное было бъ въ мелочахъ и частностяхъ, также коротки и молніеносны остались бы его вспыхивающія и гаснущія сравненія и совсѣмъ-совсѣмъ отсутствовали бъ длинноты, подробныя описанія, фотографически-обстоятельныя воспроизведенія внѣшности дѣйствующихъ лицъ; и лунная ночь, если бы встрѣтилась, была бъ представлена по-тригорински, а не по-треплевски—однимъ мазкомъ, пустой съ виду мелочью, легкимъ взмахомъ привычной кисти. Въ итогѣ, и большой романъ, подъ перомъ Чехова, вышелъ бы рядомъ миниатюръ, сведенныхъ подъ однимъ общимъ заголовкомъ, объединенныхъ общей идеей*).

Къ этому уже подходитъ новая литература. Въ сущности, и шести-

*) Еслибъ взглядъ автора, совершенно упускающаго изъ виду предъявляемое настоящему «роману» серьезное требованіе—служить пластическимъ выраженіемъ эпохи, отраженіемъ общественныхъ теченій, и чуть ли не сводящаго понятіе романа, просто, къ «большому» произведенію,—могъ быть—принять читателями, а, съ другой стороны, еслибъ мы согласились, что Чеховъ только и былъ способенъ написать «рядъ миниатюръ, сведенныхъ подъ однимъ общимъ заголовкомъ, объединенныхъ общей идеей», то намъ, пожалуй, пришлось бы прійти къ заключенію, что Чеховъ, дѣйствительно, романа написать не могъ... Редакция.

листный «Василій Оивейскій» является рядомъ короткихъ разсказовъ, въ ихъ манерѣ написанъ,—возможно, и созданъ, какъ большая картина, изъ ряда подготовительныхъ этюдовъ. Ничего, ничего не прибавилъ и не убавилъ бы возможный чеховскій романъ, о которомъ слышу впервые, и чему готовъ вѣрить, хотя слышалъ и знаю о другомъ затаенномъ желаніи Чехова,—о миниатюрѣ «въ ладонь».

Суровая жизнь его не дала осуществиться этой мечтѣ въ длинномъ рядѣ такихъ короткихъ произведеній, но послѣ его смерти мы уже видимъ нѣсколько такихъ опытовъ, какъ видѣли ихъ, впрочемъ, изрѣдка и при его жизни, но тогда они преемственно шли отъ тургеневскихъ стихотвореній въ прозѣ, и это было не одно и то же.

Не на двухъ-трехъ страницахъ хочется говорить о Чеховѣ, не вскользь мечтается остановиться на грустной исторіи несправедливой къ нему критики. Въ этой несправедливости есть симптоматичность. Она характерный признакъ деспотіи публицистическихъ требованій отъ искусства, и въ главѣ будущей литературной исторіи: «Чеховъ передъ судомъ критики» съ горькой усмѣшкой остановится потомокъ на мысли о тѣхъ карантинныхъ препятствіяхъ, которыя приходилось преодолевать художнику нашего времени въ борьбѣ съ равнодушіемъ присяжныхъ цѣнителей литературы.

«Чеховъ—знатокъ быта, историкъ, психологъ, но при всей реальности своихъ образовъ и картинъ, при всей несомнѣнной объективности ихъ, онъ только на половину реалистъ».

Это станетъ особенно дорогимъ для грядущаго историка—публициста.

А то, что «внутри его реализма родился и выросъ импрессионистскій символизмъ», вызоветъ чувство глубокой сыновней благодарности у историка настроеній. Онъ признаетъ, что Чеховымъ была спасена честь знамени всѣхъ молодыхъ школъ, что онъ примирилъ съ ними вкусы публики и далъ этимъ теченіямъ право на исторію, котораго не имѣли бы они, оставаясь въ пылкихъ и дрожащихъ рукахъ увлекающихся крайностями декадентовъ. Очень непростъ талантъ Чехова, очень сложна канва его творчества. Въ паутинный рисунокъ его вплелись золотыя нити предчувствій, прозрѣніе вѣчнаго, исканіе Бога, жажда вѣры.

Въ широкой картинѣ его сложной писательской психологіи слилось много перспективъ. Разнообразнѣй его творчества трудно себѣ представить. Вѣчно неспокойная душа его была всегда въ работѣ. Отъ горькаго порой юморизма въ началѣ, черезъ углубившійся и изрывшій его трепетную душу скептицизмъ, стоя на краю бездны невѣрія, Чеховъ подошелъ къ providѣнціи свѣтлыхъ зорь будущаго, розовыхъ далей обновленныхъ грядущихъ временъ. Серьезная и любовная критика, вдумчиво и долго анализируя его книги, съ изумленіемъ увидитъ, что ни въ одномъ изъ 250 разсказовъ, повѣстей и драмъ Чеховъ сумѣлъ ни разу не повториться,—не въ смыслѣ сюжета, конечно, а въ смыслѣ вѣчнаго совершенствованія, вѣчнаго обновленія, непрестаннаго развитія своихъ взглядовъ и своего міроотношенія: «шагъ на мѣстѣ» ему былъ неизвѣстенъ совсѣмъ.

Если хотите, Чеховъ и въ самомъ дѣлѣ «жертва безвременія», однако, совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ это М. Протопоповъ. При огромномъ талантѣ, при рѣдкой художественной воспримчивости Чеховъ, этотъ принцъ-реформаторъ эстетическихъ формъ, могъ такъ долго и такъ туго расти въ мнѣшии читающаго общества только въ безвременье. Давно, сравнительно, засвѣтились какіе-то сторожевые огни, не одинъ годъ русское общество живетъ чаяніями, и не вчера только началось его пробужденіе. На смѣну былому идеалу подчиненія явилась индивидуалистическая пропаганда освобожденія личности, зародилась потребность героич-

ческаго славословія жизни, силѣ и человѣку, пришелъ чередъ неоромантическаго искусства. Молодые силы бросились на эту дорогу, создалась цѣлая школа писателей-индивидуалистовъ, росли успѣхи, а Чеховъ пребывалъ все тѣмъ же прежнимъ грустящимъ о несовершенствахъ, и злѣ, и тягости этой жизни художникомъ-лирикомъ, оставаясь на посту служенія «чувству совѣсти», но не «чувству чести».

Никогда не былъ онъ протестующимъ вожакомъ, огненнымъ Савонароллою, дерзкимъ повстанцемъ, или романтическимъ вождемъ. И надъ нимъ сбылось грустное пророчество Гоголя: не за нимъ побѣжали толпы. А въ то время, какъ молодые авторы быстро проходили къ славѣ, возбуждая толки и отклики, о Чеховѣ писалось мало, говорилось безъ дикихъ восторговъ,—только по поводу его пьесъ упоминанія умножались, но о пьесахъ, вѣдь, и вообще у насъ толковъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, и Чеховъ не былъ исключеніемъ среди другихъ драматурговъ.

Помните, въ «Чайкѣ»: «Холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно». Но уже нехолодно, и непусто. и нестрашно то будущее, которое стоитъ теперь передъ именемъ Чехова.

Въ величавомъ свѣтѣ неугасимой славы будетъ сіять трогательный образъ этого рѣдкаго, единственнаго, ни на кого не похожаго русскаго писателя. Со страдальчески-грустной улыбкой всепрощенія, безъ демоническихъ позъ, воистину человѣчнымъ образомъ, встанетъ его фигура въ вѣкахъ.

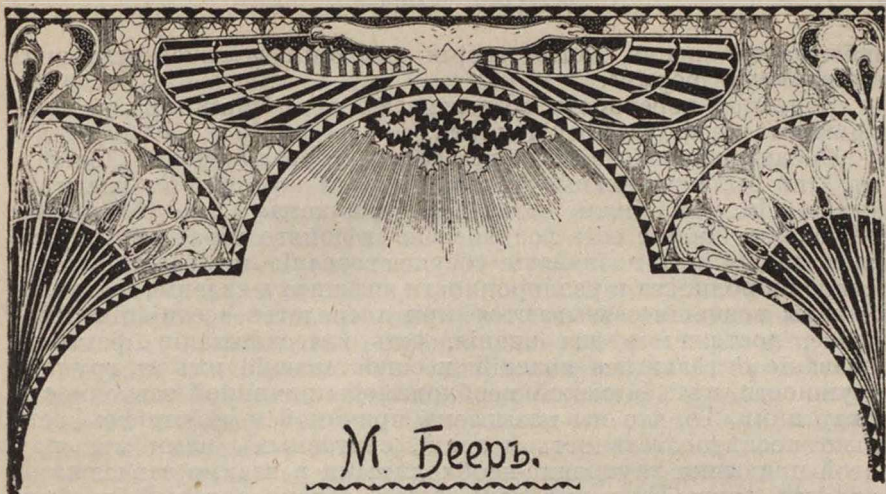
И придутъ поклониться его тихой, но вѣчной памяти и тѣ лишніе перекаати-поле, которыхъ такъ любилъ онъ, которыхъ умѣлъ такъ жалѣть и прощать. Придутъ русскія женщины, какъ Вѣрочки обманутыя; измученныя, какъ три сестры.

И новые Тригорины и Трепелевы, молодые русскіе писатели, поклонятся его на вѣки незатеривающейся могилѣ: ихъ онъ писать научилъ, отвелъ отъ широкихъ дорогъ старой рутины, далъ просторъ ихъ будущему, открылилъ своимъ примѣромъ на долгій и терпѣливый, упорный трудъ безъ дешевой славы, безъ веселаго гомона покорной толпы.

Имъ показалъ онъ, какъ растеть и побѣждаетъ молодое, какъ рушатся замки старой эстетики...

П. Пильскій.

М. Бееръ.

Жизнь и учение Терберта Спенсера*).

4. Учение Спенсера **).

Социальная и устенная атмосфера, въ которой созрѣвалъ талантъ Спенсера, была въ общихъ чертахъ слѣдующая. Средній классъ, творецъ современной индустріи и либерализма, достигъ политическаго господства и, съ цѣлью окончательно низвергнуть аристократію, довершалъ свои послѣдніе труды—борьбу противъ хлѣбныхъ пошлинъ. Въ то же время возникалъ чартизмъ, вновь разрушавшій социальное равновѣсіе, которое, казалось, было установлено буржуазіей. Эти социальные конфликты поколебали много политическихъ, моральныхъ, экономическихъ и религіозныхъ доктринъ и привели всю жизнь Англіи въ броженіе, продолжавшееся съ 1820 по 1845 г. Этотъ процессъ броженія ясно обнаруживается у Дж. Ст. Милля, который былъ на 14 лѣтъ старше Спенсера. Въ статьѣ ***), „Англійскіе утилитаристы“ говорилось: „Нѣсколько лѣтъ спустя по смерти своего отца (1836 г.), Дж. Ст. Милль выступилъ въ качествѣ критика утилитаристовъ. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что всѣ вопросы о политическихъ институтахъ относительны, а не абсолютны, и что различнымъ ступенямъ человѣческаго прогресса присущи различные институты... Равнымъ образомъ онъ увидалъ въ діалектикѣ нѣмецкой философіи реакцію противъ материалистической философіи энциклопедистовъ, которые считали свои воззрѣнія вѣчно-истинными. Диалектическая школа, несомнѣнно, отвергала то, что онъ называлъ развитіемъ человѣчества. Это была критическая точка зрѣнія. Онъ видѣлъ, что нѣмецкая школа владѣетъ теоріей эволюціи. Впрочемъ, подъ этимъ понималось диалектическое развитіе—развитіе идей, разума. Въ такомъ толкованіи теорія эта казалась мистической. Въ этой формѣ она была, дѣйствительно, несовмѣстима съ наукой, хотя

*) Перев. съ нѣм. П. Эссена. Окончаніе. См. «Вѣстн. Эн.» № 10.

**) A System of Synthetic Philosophy: First Principles, 1862 г.; Principles of Biology, 1864—1867 г.; Principles of Psychology (появ. первоначально въ 1855 г., затѣмъ переработано); Principles of Sociology, 1876 г.; Principles of Ethics, 1892—1893 г.; Essays. Höffding. Исторія новой философіи. II. «Edinburgh Review», № 408.

***) М. Беера.

приближалось время, когда теорія эволюціи должна была принять научную форму.

Коренной переворотъ во взглядахъ на внѣшній міръ не могъ не повліять на философскія науки.

Среди философскихъ наукъ господствовали ученія Локка и Юма. Они были признаны утилитаристскою школою. Въ главнѣйшемъ и Дж. Ст. Милль оставался ученикомъ Юма. По ученію этой школы, знаніе есть воздѣйствіе внѣшняго міра на разумъ. Всякое знаніе есть познаваніе сосуществованія и послѣдовательности, однородности и разнородности внѣшнихъ явленій, и отдѣльные акты познанія связываются при посредствѣ ассоціаціи. Наивысшее, достижимое для знанія, есть классификація фактовъ: познаваніе отдѣльныхъ явленій и сопоставленіе ихъ въ группы. Въ сущности, нѣтъ никакой необходимой причинной зависимости между ними. То, что мы называемъ причиной и дѣйствіемъ, есть только послѣдовательность явленій, считаеваемыхъ нами въ силу долгой привычки внутренне-необходимыми и взаимно зависящими другъ отъ друга. Нѣтъ никакого общаго закона, который бы обнималъ весь міръ, никакой всеобщей силы, къ которой можно бы было свести и изъ которой бы выводились всѣ явленія. Въ подобной наукѣ, которую можно назвать лишенной основныхъ положеній, единственнымъ логическимъ методомъ является, очевидно, индукція. Равнымъ образомъ, при подобнаго рода воззрѣніяхъ невозможно дать общую картину міра. Но въ то время, какъ Милль излагалъ эти мысли въ своей логикѣ, — въ ученіи о неорганической и органической природѣ былъ достигнутъ значительный прогрессъ. Прежде всего въ эту пору получилъ опытное обоснованіе законъ сохраненія энергіи, и при помощи его стало возможнымъ показать единство явленій природы. Одновременно, идея развитія была подкрѣплена теоріей клѣточекъ Schwann'a, убѣдившей въ полной идентичности растительнаго и животнаго царства и доказавшей единство органическаго міра. Милль воспользовался этими новыми открытіями лишь настолько, чтобы модифицировать свои психологическія, логическія и естественно-научныя воззрѣнія, вполнѣ же эти открытія были использованы, главнымъ образомъ, его преемниками въ исторіи мысли Англіи: Спенсеромъ и Дарвиномъ.

Спенсеръ принялъ законъ сохраненія энергіи, сдѣлалъ его конечной, постоянной причиной всѣхъ вещей и связалъ его съ идеей развитія. Вновь выработанное общее міровоззрѣніе должно было привести его къ мысли, что космосъ есть не сосуществованіе и послѣдовательность явленій, а внутренне-связанный, причинно-совершающійся процессъ. Поэтому онъ не могъ принять утилитаристской психологіи и логики. Равнымъ образомъ онъ не могъ удовлетворяться классификаціей и группировкой явленій, какъ не удовлетворялся и одной индукціей. Напротивъ того, въ политикѣ онъ оставался утилитаристомъ, быть можетъ, вслѣдствіе своего нонконформистскаго происхожденія, полнѣйшей неспособности къ историческому мышленію и недостатка социально-экономическихъ познаній. Эти три основныя идеи: сохраненіе энергіи, процессъ развитія природы и политическій индивидуализмъ составляютъ содержаніе его „Системы синтетической философіи“.

Помимо его метафизическихъ спекуляцій о непознаваемомъ или абсолютномъ, которыя онъ, по собственному признанію въ автобіографіи, предпослалъ своей системѣ только для того, чтобы не казаться матеріалистомъ, — его система содержитъ слѣдующія идеи:

Міръ является нашему духу въ общихъ формахъ пространства, времени, матеріи, движенія и силы. Эти общія формы, обу-

словливающія наше мышленіе, основаны на опытномъ познаніи нами силы. Сила постоянна, т. е. общая сумма матеріи и движенія, которыя обнаруживаютъ для насъ силу, не можетъ быть ни увеличена, ни уменьшена.—потому что, если бы сила уничтожалась и вновь создавалась, то космосъ былъ бы хаосомъ, и научное мышленіе было бы невозможно; потому что мы мыслимъ только въ отношеніяхъ между вещами, когда ставимъ *нѣчто* въ отношеніе къ *иному*. Если бы сила или, что тоже, матерія и движеніе могли быть уничтожены, то мы бы стали въ отношеніе къ *нѣчто* и *ничто*, т. е. самыя отношенія уничтожились бы. Если же сила постоянна, то космосъ—единъ (einhettlich), всевозможныя явленія въ немъ—только фазы превращенія силы и перераспредѣленія матеріи и движенія. Эти перераспредѣленія матеріи и движенія образуютъ космическій процессъ развитія, котораго законы Спенсеръ и формулируетъ. Онъ называетъ развитіемъ перераспредѣленіе матеріи и движенія, ведущее къ концентраціи элементовъ. Онъ называетъ уничтоженіемъ перераспредѣленіе матеріи и движенія, которое ведетъ къ распаденію элементовъ тѣла. Развитіе есть интеграція матеріи, которая до того была разсѣяна, при одновременной разсѣянности движенія. „Если на небѣ образуется облако или на берегу—куча песку, то имѣетъ мѣсто развитіе простѣйшаго рода, въ которомъ процессъ почти исключительно состоитъ въ отдѣленіи и накопленіи. Такого рода процессъ конденсаціи, по гипотезѣ Канта и Лапласа, имѣлъ мѣсто при первоначальномъ возникновеніи нашей солнечной системы изъ звѣздной туманности, части которой до тѣхъ поръ находились въ болѣе разрозненномъ состояніи. Всякій органическій ростъ состоитъ въ томъ, что органической тканью воспринимаются элементы, находящиеся передъ тѣмъ разрозненно въ окружающемъ мірѣ. Психологическій примѣръ мы имѣемъ во всякомъ обобщеніи, въ каждомъ составленіи общихъ понятій и законовъ: мы при этомъ концентрируемъ въ одной единственной мысли цѣлый рядъ различныхъ вѣроятностей и представленій. Соціальное развитіе состоитъ прежде всего въ томъ, что взаимно объединяются индивидуумы или группы индивидуумовъ, жившіе до того болѣе разрозненно“ (Höffding). На ряду съ этимъ процессомъ интеграціи совершается другой: матерія переходитъ изъ состоянія неопредѣленной, несвязанной однородности въ состояніе опредѣленной, связанной разнородности. „Во время развитія солнечной системы происходило обособленіе различныхъ небесныхъ тѣлъ, изъ которыхъ каждое имѣло свои особенности. Органическое развитіе идетъ отъ однородной почки до организма, состоящаго изъ различныхъ родовъ тканей и разнодѣйствующихъ, различнаго строенія органовъ... Въ процессѣ соціальнаго развитія путемъ раздѣленія труда образуются различныя сословія и классы“ (Höffding).

Развитіе есть, такимъ образомъ, процессъ конденсаціи разрозненныхъ, лишенныхъ формы и взаимной связи частей и дифференціація концентрированного цѣлаго на взаимосвязанныя и имѣющія опредѣленную форму части. Этотъ процессъ развитія царствуетъ во всей вселенной и доказывается у Спенсера какъ индуктивнымъ, такъ и дедуктивнымъ методомъ (изъ закона сохранения энергіи). Во всей части „First Principles“ этотъ законъ примѣненъ къ образованію земли, въ „Principles of Biology“—къ ученію о жизни. Жизнь есть непрерывное приспособленіе внутреннихъ условій къ вѣшнымъ. Такъ какъ въ ходѣ развитія разнородность вѣшняго міра возрастаетъ, то равнымъ образомъ должна возрастать и разнородность организмовъ, вѣдѣствіе ихъ усилій приспособиться къ вѣшнему міру. Измѣненія вѣшняго міра вызываютъ у организмовъ нужду въ новыхъ функціяхъ, а

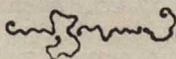
эти послѣднія—нужду въ новыхъ органахъ. Этотъ процессъ совершается не только путемъ „прямого“ приспособленія, но и путемъ косвеннаго, когда организмы, не могущіе приспособиться, вымираютъ. Это—ученіе о „переживаніи сильнѣйшаго“, вновь встрѣчаемое у Дарвина въ видѣ ученія о „естественномъ подборѣ“. Психологія Спенсера, по меньшей мѣрѣ, такъ же оригинальна, какъ и біологія. Духъ есть часть органической жизни. Въ стремленіи приспособиться къ вѣшнему міру и установить связь между вѣшними и внутренними актами возникаютъ прежде всего рефлективные движенія, которыя, немного усилившись, становятся инстинктами; съ возрастаніемъ разнородности и сложности вѣшнихъ условій установленіе связи между ними и внутренними условіями становится труднѣе, продолжительнѣе и прерывается короткими паузами, въ теченіе которыхъ работа духа становится частью сознанія. Такимъ путемъ возникаютъ память, разсудокъ, чувства и воля. При этомъ всегда нужно имѣть въ виду, что эта духовная работа приспособленія дѣлаетъ необходимыми новыя духовныя функціи и поэтому модифицируетъ строеніе нервной системы, матеріальнаго субстрата духа. Такимъ образомъ обоснованъ человѣческій духъ. Это ученіе Спенсера даетъ *эволюціонную теорію познанія*, отличающуюся отъ теорій Юма и Канта. Спенсеръ сказалъ бы кантіанцамъ и нео-кантіанцамъ: то, что вы называете въ познавательной способности внутренними формами приспособленія и категоріями,—является продуктомъ длительныхъ вліяній правильно и безпрестанно повторяющагося раздражительнаго дѣйствія вѣшняго міра на нервныя конечности, а слѣдовательно, на духъ; а работа приспособленія духа ведетъ къ модификаціямъ въ строеніи нервной системы, которое передается индивидууму по наслѣдству. Духъ человѣчества всегда зависитъ отъ вѣшняго міра: формы и процессы мышленія возникаютъ всегда *a posteriori*. Пространство и время, причинность, качество, закономерность существуютъ внѣ человѣческаго духа и становятся субъективными формами мышленія только потому, что существуютъ объективно. Но духъ человѣческой особи обладаетъ ими *a priori*: въ этомъ пунктѣ Спенсеръ идетъ противъ англійскихъ эмпириковъ, которые ставили индивидуальный духъ,—а они признавали только индивидуальный,—въ полную зависимость отъ вѣшняго міра.

Значеніе Спенсера—въ его біологическихъ и психологическихъ изслѣдованіяхъ. Формула интеграціи и дифференціаціи, которой Спенсеръ придавалъ чрезвычайную важность, была фактически для него лишь вспомогательными средствами, а для насъ въ настоящее время—только жалкіе лѣса научнаго зданія. Возможно, что онъ только потому держался ея, что она политически соотвѣтствовала его либеральному индивидуализму. Въ соціологіи Спенсеръ сдѣлалъ очень немного. Его аналогія между человѣческимъ обществомъ и біологическимъ организмомъ съ клѣточками въ видѣ орды, племенъ или расъ,—съ эктодермой, энтодермой и мезодермой въ видѣ военной силы, рабочаго класса и класса капиталистовъ—это игра словъ, не заслуживающая теперь серьезнаго вниманія. Также мало значенія имѣетъ его крупная соціологическая анти-теза между милитаризмомъ и индустриализмомъ. Это не болѣе, какъ прикрашенный взглядъ фритредера, что феодализмъ—война, а торговля—миръ народовъ. Спенсеръ достаточно долго жилъ, чтобы видѣть несостоятельность своей убѣжденности въ мирной роли капитализма. Онъ также совершенно не понималъ новѣйшихъ имперіалистскихъ теченій. Они были для него только возвращеніемъ къ періоду варварства. Однакоже его соціологія является извѣстнымъ прогрессомъ для соціальныхъ убѣжденій утилитаристовъ. Философскій радикализмъ раздроблялъ общество на индивидуумовъ,

отрицать всякое коллективное регулирование и социальную закономерность и, по меньшей мере, делать только частную попытку разрешить вопрос об общественной закономерности. Утилитаристы иногда намекали, что эту закономерность слѣдуетъ искать въ ходѣ торговли, въ мировой экономіи. Въ сущности, принципъ *laissez faire* выражаетъ неясный экономическій матеріализмъ. Если сторонники этого принципа говорили, что міръ регулируется самъ собой, то они подъ этимъ разумѣли, что человѣческому хозяйству присущи опредѣленные законы, которые господствуютъ надъ общественной жизнью людей. Мы наталкиваемся на такого рода намеки то здѣсь, то тамъ въ литературѣ фритредерства и либерализма. Однако же нигдѣ не встрѣчается систематической разработки дѣйствія имманентныхъ социально-экономическихъ законовъ. Въ общемъ и цѣломъ фритредерство и либерализмъ считаютъ личный интересъ, стремленіе къ благополучію психологическимъ факторомъ, регуляторомъ общественной жизни людей. Однако личный интересъ оказывается неспособнымъ замѣнить коллективное регулирование. А о государствѣ утилитаристы не хотятъ ничего знать. Спенсеръ, какъ утилитаристъ, съ самаго начала занимался этой проблеммой. Вспомнимъ только о его первыхъ журнальных работахъ въ 1842 году. Онъ искалъ общаго закона природы, чтобы быть въ состояніи отвергнуть государственные законы. И онъ былъ убѣжденъ, что законъ этотъ найдеть имъ въ біологіи: социальный организмъ живетъ своей собственной жизнью, какъ біологическій организмъ; болѣе того: социальный организмъ есть біологическій организмъ и, слѣдовательно, не нуждается въ государствѣ. Спенсеръ оставлялъ безъ вниманія дѣйствующіе въ обществѣ имманентные экономическіе законы, на которые неопредѣленно ссылались утилитаристы. Онъ не былъ ни экономистомъ, ни историкомъ. Его центральной наукой была біологія, и онъ повсюду думалъ найти ея законы.

* *

Спенсеръ пережилъ крупныя превращенія въ своихъ философскихъ, социальныхъ и политическихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ. Его философія, бывшая первоначально монистической, потомъ стала дуалистической. Какъ политикъ, онъ былъ сначала радикаломъ и требовалъ всеобщаго избирательнаго права; позднѣе онъ сдѣлался умѣреннымъ либераломъ и видѣлъ благо общества въ парламентской защитѣ общихъ и профессиональных интересовъ. Врагъ государственной дѣятельности,—онъ оставался таковымъ всю свою жизнь, но мотивы его враждебнаго отношенія мѣнялись очень характерно. Его вражда къ государству зародилась первоначально въ борьбѣ за полное освобожденіе индивидуума; потомъ явился мотивъ: боязнь захвата неограниченной государственной власти рабочимъ классомъ. Извѣстно его превращеніе изъ коллективистическаго сторонника земельныхъ реформъ въ послѣдовательнаго защитника частной собственности. Однимъ изъ послѣднихъ его дѣлъ (дѣломъ 1902 года) было присоединеніе своей подписи къ воззванію противъ передачи муниципалитетамъ управления промышленными и торговыми предпріятіями. Утилитаристская политика Спенсера все болѣе и болѣе теряла оптимистическій характеръ, присущій борющейся и возвышающейся промышленной буржуазіи. Она становилась политикой господствующаго класса, которому угрожаютъ новыя социальныя силы. Поэтому его политика перестала быть революціонной. Въ сравненіи съ обоими Миллями Спенсеръ въ политикѣ и религіи прямо реакціонеръ.

Прив.-доцентъ К. Харичковъ.

Кавказская Швейцарія

Изъ путешествія по Чечнѣ и Дагестану.

I.

Маленькая нефтяная столица.—Превращеніе города въ станицу.— Слобода Воздвиженская.—Одинъ изъ фактовъ, выражающихъ симпатіи горцевъ къ завоевателямъ.— Что караулятъ въ Воздвиженской.—Забутый край и Новый эдемъ.—Что такое абреки и какъ ихъ создаютъ.

Многіе восхищаются и увлекаются красотою и достопримѣчательностями военно-грузинской дороги. Дѣйствительно, этотъ путь черезъ гигантскій горный кряжъ есть одна изъ гордостей Кавказа. Въ немъ отпечатлѣлась вѣковая побѣда человѣческой настойчивости надъ могучею стихіей. Не будетъ ересью, однако, утверждать, что военно-грузинская дорога пролегаетъ далеко не черезъ самыя живописныя мѣстности Кавказа, что среди необъятнаго Кавказа можно указать много интересныхъ мѣстностей, болѣе эффектныхъ, хотя и менѣе восхваляемыхъ, чѣмъ тѣ, которыя пересѣкаются знаменитымъ горнымъ трактомъ между Европой и Азіей. Въ подтвержденіе попросимъ читателя послѣдовать за нами въглубь хребта по мало извѣстному и совершенно не описанному Шатоевскому тракту, представляющему собой недостроенную кратчайшую перевальную дорогу черезъ главный кавказскій хребетъ, параллельную военно-грузинской, а также дорогу къ мало извѣстному дачному мѣсту „Ведено“, расположенному по пути къ альпійскому озеру „Эденамъ“.

Исторія этого недостроеннаго и недоконченнаго пути весьма поучительна. Проектъ перевальнаго пути по направленію Грозный—Воздвиженская—Тифлисъ возникъ, кажется, еще въ 50-хъ годахъ. Этотъ, въ свое время много общавшій шоссеинный путь доведенъ до Евдокимовскаго укрѣпленія (85 верстъ отъ Тифлиса), но совершившееся въ 1877 году проведеніе дороги отъ Ростова до Владикавказа, начальнаго пункта военно-грузинской дороги, заставило прекратить дальнѣйшія работы. Въ результатъ, въ качествѣ памятника грандіознаго, но погибшаго проекта осталась эта не-

доконченная дорога, по красотѣ неизмѣримо превосходящая военно-грузинскую, принимая во вниманіе, что много воспѣтыя красоты послѣдней являются какими-то отрывочными и спорадическими, тогда какъ Грозно-Евдокимовскій трактъ, начиная отъ рѣки Боргуна есть непрерывное олицетвореніе чего-то волшебнаго поэтическаго и даже поражающаго живописностью мѣстности, мало описанной, но во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательной и обильной такими чудесами природы, какъ минеральныя (сѣрныя) рѣки.

Нашъ путь начинался отъ Грознаго. Этотъ городъ, знаменитый своими нефтяными источниками и извѣстный, какъ маленький Баку, поражаетъ своимъ крайне невыгоднымъ расположеніемъ, на равнинѣ, въ самой низменной части ската холмовъ, носящихъ громкое названіе „Сунженскаго хребта“ (отъ рѣки Сунжи). Трудно было выбрать болѣе неудачное мѣсто для города, служащаго, въ буквальномъ смыслѣ слова, сточной канавой для всей окружающей мѣстности. Климатическія условія здѣсь незавидныя: африканская жара лѣтомъ, сырость и невылазная грязь зимой съ неизбѣжной маляріей донимаютъ обывателя.

До проведенія Петровской вѣтви и открытія нефтяныхъ промысловъ, Грозный былъ зауряднымъ и совершенно безвѣстнымъ захолустьемъ. О немъ если и говорили, то на короткое время по поводу одной некрасивой исторіи, кончившейся крахомъ грозненскаго общественнаго банка, дополнившимъ собой эпопею, завязанную Юханцевымъ и Рыковымъ.

Любопытно, что въ грозненскомъ крахѣ не оказалось виновныхъ: всѣхъ отцовъ города, преданныхъ суду по дѣлу банка, оправдали... по безграмотности, такъ какъ они единогласно заявили, что не могли разобрать подносимыхъ имъ для подписи бумагъ и счетовъ и машинально ставили на нихъ кресты (настоящіе „крестоносцы“), а за нихъ, какъ безграмотныхъ, подписывались другіе. Слѣдовало найти этихъ „другихъ“, но они успѣли въ продолженіе процесса, длившагося 15 лѣтъ, покинуть нашъ бранный міръ.

Нужно замѣтить, что „крестоносцы“ составляютъ подавляющее большинство грозненской думы и усиленно поддерживаютъ въ ней консерватизмъ, который настойчиво проводитъ требованіе жить такъ, какъ жили наши отцы, упорно сопротивляясь не только возникновенію такого учрежденія, какъ городская бібліотека, но даже отрицая насущность элементарныхъ удобствъ, какъ мостовыя и освѣщеніе. Дѣйствительно, во время распутицы здѣсь по улицамъ, кромѣ 2—3 мощеныхъ, нельзя ѣздить, а ходить можно лишь на ходуляхъ.

Впрочемъ, такое неустройство маленькой нефтяной столицы, кромѣ косности обывателей, объясняется также недостаточностью матеріальныхъ средствъ и тѣми ненормальными отношеніями, которыя сложились между мирнымъ и военнымъ населеніемъ, т. е. терскимъ казачьимъ войскомъ. Оно владѣетъ выгонами, нефтяными промыслами, на войсковой же землѣ находятся станція и всѣ заводы.

Казачество не довольствовалось отнятіемъ у города выгоновъ, но заявило притязаніе даже на самую городскую территорію и ведетъ въ этомъ направленіи процессъ съ городомъ, которому угрожаетъ опасность остаться безъ выгоновъ, безъ собственной земли и превратиться въ станицу. „Все мое, сказалъ булатъ“—это классическое выраженіе такъ и запечатлѣно во всей этой исторіи антагонизма между гражданскимъ и казачьимъ сословіемъ.

Мы слышали, что, къ сожалѣнію, эта распря между мирнымъ и военнымъ (казачьимъ) сословіемъ разрѣшена не въ пользу горожанъ, и больше $\frac{1}{2}$ всей городской территоріи признана принадлежащей войску. Такимъ образомъ, весьма вѣроятно, что намъ

придется быть очевидцами единственнаго въ исторіи зрѣлища, именно превращенія города въ станицу, т. е. деревню. Всѣ эти факты, конечно, не требуютъ никакихъ комментаріевъ и, конечно, не приходится при столь ненормальныхъ условіяхъ удивляться отсутствію прогресса на Кавказѣ и малому приобщенію туземцевъ къ цивилизаціи.

Это раздѣленіе русскихъ жителей на привилегированную и въ то же время воинствующую и на мирную или обывательскую касты приводитъ къ большимъ аномаліямъ и въ экономическомъ отношеніи. Несмотря на миллионные обороты по нефтянымъ операціямъ, городъ остается бѣднымъ, а бюджетъ его нищенскимъ. Ни желѣзная дорога, ни нефтяная промышленность не приносятъ въ кассу ни одной копейки. Мало того, войско, благодаря правамъ давности и другимъ юридическимъ основаніямъ лишило городъ выгоновъ. Обывателямъ негдѣ пасти скотъ, да и чувствуетъ онъ себя какъ бы въ осадѣ со стороны христолюбиваго терскаго воинства. Невольно бросается въ глаза такое извращеніе основной цѣли казачества защищать границы и служить оплотомъ противъ хищныхъ азіатскихъ племенъ, но вмѣсто этого занимающагося притѣсненіемъ и разореніемъ своихъ же мирныхъ соотечественниковъ, имѣвшихъ несчастье поселиться на Кавказѣ.

Среди грозненскихъ обывателей есть одинъ вымирающій, но очень интересный элементъ,—это отставные военные временъ покоренія Кавказа или, какъ ихъ иногда называютъ, кавказскіе герои. Эти почтенные граждане днемъ занимаются чтеніемъ „Сына Отечества“, а вечеромъ благодушно играютъ въ лото со ставками не болѣе одной копейки,—чтобы не проиграть много. Между героями встрѣчаются курьезные типы, но всѣмъ присуща общая черта—при случаѣ съ увлеченіемъ разсказывать минувшіе эпизоды покоренія Кавказа съ неизбѣжными прикрасами и дополненіями изъ области собственной фантазіи, обязательно выдвигая свою персону на первый планъ во всѣхъ событіяхъ. Напр., одинъ изъ этого почивающаго въ отставкѣ воинства, чиномъ не старше майора, чистосердечно увѣрялъ меня, что если бы не онъ,—русскіе до сихъ поръ не покорили бы Кавказа!

Выѣхавъ изъ Грознаго и обогнувъ цѣлую серію огородовъ и городскую рошу, т. е. правильнѣе, цѣлый лѣсъ, мы поѣхали на широкую Воздвиженскую дорогу; минувши частныя владѣнія съ живописными рощами и оригинальнымъ мусульманскимъ фамильнымъ кладбищемъ, мы простились съ древесной растительностью почти до самой слободы Воздвиженской. На протяженіи почти 20 верстъ, по обѣ стороны широкаго, въ чисто русскомъ духѣ, тракта, уставленнаго телеграфными столбами и почти на всемъ протяженіи пересѣкающаго поля кукурузы и проса не было ни одного дерева. Общая обстановка и впечатлѣніе такое, какъ будто бы ѣдешь по бойкому тракту Новороссіи или Бессарабіи; и только неясные силуэты горъ, то ласкающихъ своимъ зеленымъ покровомъ, то чарующихъ своей гигантской высотой съ ослѣпительно бѣлыми конусообразными снѣжными вершинами, напоминаютъ путнику, что онъ находится на Кавказѣ.

При проѣздѣ экипажа, цѣлая стаи горлицъ пугливо выпархивали изъ кукурузы, такія же стаи беззаботно дремали на телеграфныхъ проволокахъ и какъ-то лѣниво перелетали дальше при нашемъ приближеніи. Вообще, мѣстности, прилегающія къ Воздвиженской дорогѣ, очень заманчивы для охотниковъ.

Совершивши легкой, почти незамѣтный подъемъ въ гору, мы прибыли въ слободу Воздвиженскую. Этотъ уголокъ Кавказа, расположенный на преддверіи къ горному кряжу, производитъ пріятное впечатлѣніе зеленью своихъ садовъ и тѣнистыми аллеями то-

полей и акацій. Кромѣ мягкаго климата, такимъ результатамъ благопріятствовало обиліе прѣсной родниковой воды. Здѣшніе сады даютъ прекрасный урожай фруктовъ, а многочисленные баштаны—столь же обильный урожай арбузовъ и дынь. Нѣкоторые жители даже промышляютъ экспортомъ фруктовъ, терпя однако же всѣ неудобства колеснаго пути въ Грозномъ, особенно чувствительныя во время распутицы. Безспорно, здѣсь имѣются всѣ данныя для развитія и всѣхъ другихъ отраслей сельскаго хозяйства, на примѣръ, пчеловодства, молочнаго дѣла и лѣсоводства. Мы не сомнѣваемся, что прокладкѣ хотя бы узко-колейнаго пути къ этой малоизвѣстной житницѣ доставила бы много продуктовъ на кавказскіе и южнорусскіе потребительскіе рынки. Кромѣ того, какъ мѣстность съ мягкимъ климатомъ, не столь знойнымъ какъ низменности Терской области *), Воздвиженская могла бы привлечь дачниковъ и даже постоянныхъ жителей. Польза такой рельсовой вѣтви оправдывается еще необходимостью сдѣлать болѣе доступными тѣ мѣстности, чудныя и оригинальныя по своей природѣ и климату и, можетъ быть, ископаемымъ богатствамъ, описаніе которыхъ представимъ дальше. Лѣсныя богатства смежныхъ горныхъ мѣстностей также обезпечили бы грузъ для желѣзной дороги. Многія достоинства сл. Воздвиженской были оцѣнены военной администраціей, устроившей здѣсь зимнюю и лѣтнюю стоянку войскъ. Для зимней стоянки кажется болѣе, чѣмъ на 2 полка пѣхоты и кавалеріи, выстроены вмѣстительныя казармы, цейхгаузы, конюшни и др. сооруженія, внѣшній видъ которыхъ свидѣтельствуешь какъ о широкихъ планахъ строителей, такъ и о внушительности положенныхъ здѣсь капиталовъ, вѣроятно достигающихъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей. Квартировавшія въ Воздвиженской войска вносили въ свое время значительное, хотя и нѣсколько одностороннее, оживленіе. Еще большее оживленіе создавали лагери, въ которыхъ сосредоточивалось до 20.000 войска.

Теперь сл. Воздвиженская въ смыслѣ военного лагеря забыта и заброшена, вѣроятно, потому, что смѣнившій ее Пятигорскъ представляетъ болѣе удобства и, между прочимъ, въ смыслѣ представляемой этимъ моднымъ центромъ возможности соединить пріятное съ полезнымъ. Также опустилась Воздвиженка и въ отношеніи зимней стоянки, такъ какъ вся масса войскъ, нужная въ свое время для охраны большого района, выведена отсюда и здѣсь остался одинъ или 1½ баталіона для несенія караульной службы. Мы полагаемъ, что проведеніе здѣсь давно желаемой рельсовой вѣтви доставитъ возможность утилизировать хотя бы въ качествѣ жилыхъ домовъ и желѣзнодорожныхъ складовъ эти пустующія каменные постройки, на которыя, къ сожалѣнію, время наложило уже печать.

Разсказываютъ объ одномъ прискорбномъ инцидентѣ, случившемся въ 1886 г. во время дивизіонныхъ лагерей, доказывающимъ, что враждебное чувство къ завоевателямъ еще не вполне остыло у горцевъ. Въ одинъ прекрасный день вода въ бассейнѣ, проведенная по гончарнымъ трубамъ съ горъ, оказалась темно-сѣраго цвѣта и насыщенной мыломъ. Какъ выяснилось, это было шалостью горцевъ, впусившихъ въ источникъ цѣлый пудъ мыла и совершенно испортившихъ воду. Само собою разумѣется, что такая шутка доставила немало хлопотъ военному начальству.

Этотъ забытый и заброшенный лагерь находится по пути дальнѣйшаго слѣдованія, т. е. по Шатоевскому тракту. Насаженный солдатами питомникъ успѣлъ разростись въ цѣлую обширную рощу, почти сливающуюся съ рощей изъ ольхи, дуба и орѣшника,

*) Гдѣ расположены Грозный и Кизляръ.

среди которыхъ въ большомъ изобиліи разсѣяны плодовые деревья—алыча, груши и яблони. Алычи особенное изобиліе, ея никто не собираетъ, да и некому, кажется, собирать эти грандіозные, не имѣющіе владѣльца, т. е. никому не принадлежащіе, запасы. Дѣйствительно, въ отношеніи изобилія фруктовъ и всякихъ „плодовъ земныхъ“—здѣсь просто рай земной. Сезонъ начинается полевой земляникой, затѣмъ на сцену выступаютъ вишни, а заканчивается алучей, жерделами и др. плодами, частью дикорастущими орѣхами и, наконецъ, дикой ежевикой, этой наиболѣе поздней ягодой, вѣнчающей сезонъ фруктовъ и ягодъ. Здѣсь приходится видѣть такія картины, какъ, напр., пріѣздъ цѣлыхъ обозовъ для собиранія дикорастущихъ и никому не принадлежащихъ фруктовъ. И, конечно, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ разсказахъ о томъ, что кочевники и абреки въ этомъ новомъ эдемѣ „не сѣютъ и не жнутъ“, а сама природа кормитъ ихъ.

Винограда въ этой мѣстности мало: какъ здѣсь, такъ и въ Грозномъ и окрестностяхъ, онъ страдаетъ отъ паразитовъ, а въ Грозномъ филлоксера истребила безвозвратно цѣлый виноградный районъ, и мѣстные культуртрегеры-казаки, какъ и водится при такомъ бѣдствіи, погубившемъ цѣлое достояніе, не ударили палецъ о палецъ!

Сл. Воздвиженская для Шатоевскаго тракта имѣетъ такое же значеніе, какъ Владикавказъ для военно-грузинской, благодаря своему положенію близъ начала живописнаго Аргунскаго ущелья, образуемаго двумя грядами горъ, покрытыхъ листовымъ лѣсомъ, и прорѣзываемаго рѣкой Аргуной, принимающей въ этомъ мѣстѣ притокъ Шаро Аргунъ.

Здѣсь, въ самой широкой части ущелья, пріютился чеченскій аулъ, по минованіи котораго опытный въ знаніи мѣстности извозчикъ предупредилъ, что тутъ могутъ быть абреки и посовѣтовалъ зарядить наши охотничьи двухстволки.—„Очень здѣсь пошаливаютъ, а въ аулѣ самый притонъ конокрадовъ“.

Абрекъ—это названіе, приводящее въ трепетъ путешественника по Кавказу, но мало понятное для некавказца. Абрекъ не просто разбойникъ, а нѣчто болѣе сложное и мало постижимое, порожаемое мѣстными условіями. Проникнутый сознаніемъ нелегальности своего существованія, не дорожающій жизнью, а потому способный на самыя отчаянныя поступки, онъ очень хорошо понималъ психологию страха и усвоилъ девизъ: натискъ и неожиданность, при которой у настигнутой жертвы не будетъ даже возможности подумать о сопротивленіи. Мало того, сюрпризы вродѣ внезапнаго появленія точно изъ земли выросшаго вооруженнаго субъекта съ занесеннымъ кинжаломъ или взведеннымъ куркомъ револьвера и мгновенно возникшій страхъ за жизнь парализуютъ у застигнутой жертвы всякую способность соображенія. Только подобнымъ психическимъ состояніемъ можно объяснить невѣроятные факты, напр. ограбленіе цѣлаго каравана тремя абреками, при чемъ даже вооруженные пассажиры безропотно позволяли обобрать себя до ниточки, и только впослѣдствіи, оставшись безъ всего, соображали, что они могли не только оказать сопротивленіе, но даже въ буквальномъ смыслѣ шапками закидать. Тѣмъ же психическимъ состояніемъ объясняется возможность ограбленія цѣлаго казначейства среди бѣла дня, при массѣ пассивныхъ зрителей, каковой случай имѣлъ мѣсто въ Поти.

Въ текущей прессѣ посвящается много мѣста вопросу объ искорененіи разбоевъ, этой язвы Кавказа, противъ которой всѣ принятые до сихъ поръ мѣры оказались крайне неэффективными. Впрочемъ такой результатъ не удивителенъ. Всѣ эти мѣры сводятся къ запугиванію карами прогрессивно возрастающей же-

стокости, начиная отъ тюрьмы и включительно до смертной казни, присуждаемой военными судами по законамъ военного времени. Къ такимъ, чисто первобытнымъ приемамъ и сводится борьба съ разбоями. Правда, наряду съ призывами къ „вѣшанію“ приходится въ текущей прессѣ встрѣчать и разумные совѣты, ставшіе, впрочемъ трюизмомъ,—о необходимости поднятія уровня благосостоянія и просвѣщенія. Но кромѣ общихъ причинъ малой культурности мѣстности, есть еще и другія соціальныя условія, которыя, по нашему мнѣнію, создаютъ и поддерживаютъ разбой—это неприспособленность нашихъ юридическихъ положеній, а въ особенности—пенитенціарной системы (системы наказаній къ условіямъ инородческаго быта.

Прежде всего спросимъ, кто является обыкновенно абреками? Большею частью, люди бѣглые, ссыльные и каторжники, вообще—люди, надъ которыми тяготѣетъ какое-нибудь преступленіе въ прошломъ. Что побудило ихъ бѣжать на Кавказъ и превратиться въ разбойниковъ? Представить себѣ это не трудно. Если каторга и послѣдующая за нею ссылка для сѣверянина—лютые наказанія, то для кавказца лишиться на всю жизнь горъ, теплаго южнаго солнца и чарующаго величія Кавказа—хуже самого лютаго наказанія. Для русскаго Сибирь—злая мачиха, а для горца она хуже преисподней. Бѣжать изъ ссылки и поселенія, по нашимъ законамъ,—преступленіе, тяжело и сурово наказуемое, а для горца это—физиологическая необходимость.

Мы полагаемъ, что если разбой не исчезнуть окончательно, то по, крайней мѣрѣ, контингентъ абрековъ сократится тогда, когда будутъ сданы въ архивъ ложно-культуртрегерскія привычки приводить къ одному знаменателю всѣ юридическія отношенія, не взирая ни на различіе нравовъ и быта, ни на этнографическія особенности. Если лишеніе свободы есть неизбѣжное послѣдствіе преступленія, то во всякомъ случаѣ имъ слѣдуетъ пользоваться не для того, чтобы ожесточать и развивать чувство мстительности и ненависти къ цивилизації въ такой первобытной натурѣ, какъ горецъ. На этомъ основаніи мы осмѣливаемся утверждать страшный вредъ такой мѣры, какъ поселеніе послѣ отбытія каторжныхъ работъ. Обязательно слѣдуетъ послѣ всякаго наказанія, влекущаго за собой лишеніе свободы, поставить осужденнаго приблизительно въ тѣ же условія, въ какія онъ былъ поставленъ раньше. Суровыми мѣрами ничего нельзя исправить, съ усиленіемъ ихъ, какъ показываютъ факты послѣдняго времени, только усиливаются и учащаются случаи разбойничьихъ нападеній, принимающіе нерѣдко характеръ настоящихъ партизанскихъ набѣговъ. Таковъ характеръ нашумѣвшаго въ свое время набѣга на потійское казначейство или случившагося въ іюнѣ этого года нападеніе на почтовый поѣздъ въ 11 верстахъ отъ областного города—Владикавказа!

Единственный вѣрный путь къ устраненію подобныхъ ненормальностей—это обратиться къ мѣрамъ культурнаго характера, основаннымъ на изученіи Кавказа и анализѣ своеобразныхъ бытовыхъ и экономическихъ особенностей этого дѣвственнаго края.

Для развитія чувства гражданственности, нужно прежде всего привить уваженіе къ закону, но съ такою задачей совѣтъ не вяжется превращеніе суда въ простую формальность, каковою въ сущности и является сужденіе въ мирное время по законамъ военного времени.

II.

Сѣрная рѣка.—Шатоевскій трактъ.—Греческія башни.—Стрѣльба по историческимъ памятникамъ.—Слобода и крѣпость Шатой.—Край чудной красоты.—Чортовъ мостъ и самобытное строительное искусство.—Горская любовь.—Забытый трактъ и для какой цѣли его использовали во время холерной эпидеміи.—Какъ упорядочить горныя дороги на Кавказѣ.

Подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ мыслей и разсказовъ объ абрекахъ вѣхали мы въ Аргунское ущелье. Съ обѣихъ сторонъ передъ нами высились двѣ зеленыя гряды горъ, отлого спускающіяся къ долинѣ, представляющей расширенное русло рѣки Аргунъ. Далѣе эта долина становилась уже и уже, преобразаясь мало-помалу въ настоящее ущелье съ стремительно несущейся на днѣ его рѣкой, сила теченія которой уничтожаетъ все препятствія и прокладываетъ пути черезъ горы.

Въ 9-ти верстахъ отъ Воздвиженской, спустившись съ горы, мы перѣхали большой Аргунскій мостъ, а немного погодя, очутились около лѣсничества, при которомъ устроено одно изъ мало извѣстныхъ учебныхъ заведеній на Кавказѣ, —именно Воздвиженская лѣсная школа, уютно расположенная около холоднаго родника. Затѣмъ, почти до самаго Шатоя не разставались съ берегомъ р. Аргуна то крутымъ и скалистымъ, то отлогимъ и густо поросшимъ лѣсомъ, но всегда—очень высокимъ и спускающимся къ рѣкѣ грандіозною пропастью. Эти крутые скаты большею частью не отгорожены, ѣздить по нимъ не всегда безопасно, но всегда очень жутко, въ особенности подъ впечатлѣніемъ разсказовъ о всякихъ трагическихъ происшествіяхъ, напр., сорвавшихся въ пропасть экипажахъ съ пассажирами, обвалахъ и оползняхъ, нерѣдко тоже—съ человѣческими жертвами.

Говорятъ, никто не умѣетъ такъ искренно молиться, какъ путешественникъ на морѣ, во время бури. Мы думаемъ, столь же искренно должны молиться путники, впервые проѣзжающіе надъ этими безднами, всецѣло ввѣрившіе свою жизнь кучеру и тройкѣ умныхъ животныхъ.

Начиная съ Аргунскаго моста, чувствовался все усиливающийся запахъ сѣро-водороднаго газа (тухлыхъ яицъ), распространяемый водами быстро текущаго Аргуна. Этимъ газомъ, приносимымъ выпадающими въ верховьяхъ сѣрными родниками, обильно пропитаны воды Аргуна. Эта сѣрная рѣка, насыщающая сѣроводороднымъ газомъ окрестности на большое разстояніе, представляетъ одно изъ рѣдкихъ и замѣчательныхъ явленій природы. Принимая во вниманіе громадное насыщеніе воды Аргуна сѣрнисто-водороднымъ газомъ, слѣдуетъ, въ свою очередь, заключить о значительной крѣпости (въ смыслѣ содержанія этого газа) питающихъ рѣку источниковъ. Было бы весьма интересно сдѣлать изслѣдованіе воды какъ самихъ источниковъ, такъ и рѣки, и выяснитъ, сколько сѣры, въ видѣ сѣрнистаго водорода, уносится и непроизводительно теряется *).

Вѣроятно, дѣятельности источниковъ, прекратившихся въ давнее время, благодаря вулканическимъ пертурбаціямъ, обязаны происхожденіемъ залежи сѣры, найденныя на одной изъ горъ на берегу Аргуна и одно время разрабатывавшіяся. Но теперь эти залежи заброшены, такъ какъ оказались неблагонадежными, что

*) Весьма вѣроятно, что обиліе сѣрныхъ источниковъ является указателемъ такого же обилія и другихъ полезныхъ ископаемыхъ. По крайней мѣрѣ, современная химія объясняетъ образованіе сѣрнистаго водорода въ источникахъ процессами возстановленія сѣрнистыхъ солей, въ которыхъ не малая доля участія должна принадлежать нефти. Весьма возможно, что и здѣсь, какъ и почти вездѣ на Кавказѣ, сѣрные источники являются показателемъ находенія богатыхъ залежей нефти въ этихъ горахъ.

можно было, а priori, предвидѣть, судя по происхожденію ихъ. Кромѣ того, дѣло это было обставлено большими трудностями: сырую руду пришлось спускать съ горы жолобами и съ большими трудностями переправлять на другую сторону Аргуна, гдѣ расположенъ былъ заводъ близости шатоевскаго тракта.

Значительная примѣсь сѣрнистаго водорода къ воздуху ущелья не осталась безъ послѣдствій въ смыслѣ отсутствія птицъ и всякаго живого населенія, безъ сомнѣнія, не выносящаго примѣсь этого ядовитаго газа. Однако же растительное царство въ этомъ отношеніи гораздо выносливѣе, одѣвая сплошнымъ лѣсомъ гористые берега сѣрной рѣки. Мѣстами попадаются настоящіе альпійскіе дуга съ ихъ характерной ярко-зеленой окраской. Флора большей частью отличается разнообразіемъ, но имѣетъ вполне альпійскій характеръ, выдвигая виды, несвойственные низинамъ. Въ сравненіи съ послѣдними характерно, обиліе тайнобрачныхъ: хвощей и низкорослыхъ папоротниковъ. Среди зеленого ковра травянистыхъ растений, застилающихъ лѣсные склоны, преобладаютъ сложноцвѣтныя *Solidago* и нѣкоторые рѣзко волосистые виды *Pulmonaria*; среди этой флоры пріятно ласкаетъ взоръ небесно-голубая *Primula*, тоже одинъ изъ альпійскихъ видовъ. Было бы весьма интересно выяснитъ, могла ли повліять на подборъ флоры особенность атмосферы Аргунскаго ущелья, насыщенной сѣродороднымъ газомъ.

Во всемъ теченіи Аргунъ, благодаря большой высотѣ паденія воды, представляетъ значительную живую силу, которая, безъ сомнѣнія, сослужитъ цѣнную службу въ ту давно ожидаемую счастливую эпоху, когда этотъ оригинальный, но дикій край станетъ болѣе заселеннымъ и культурнымъ. Пока же вся утилизація теченія Аргуна ограничивается 2-мя—3-мя крайне примитивными лѣсопилками, распиливающими по одной доскѣ въ часъ. Безъ сомнѣнія, въ случаѣ проведенія рельсовой вѣтви отъ Грознаго до Воздвиженской, потекутъ къ нему, кромѣ другихъ достояній природы, также обширныя лѣсныя богатства, которыя будутъ вѣчными, при умѣломъ пользованіи ими съ соблюденіемъ законовъ о защитѣ лѣсовъ отъ хищнической эксплуатаціи.

Послѣ труднаго и рискованнаго подъема вверхъ по ущелью, сдвигавшему взоръ, мы выѣхали на просторную поляну, окаймленную тѣми же ослѣпительно зелеными холмами. Вдали виднѣлись жилыя строенія. Несомнѣнно было, что мы подъѣзжаемъ къ Шатою. Не доѣзжая слободы, среди балки, на противоположномъ берегу Аргуна, обрисовываются двѣ старинныхъ каменныхъ башни, называемыхъ здѣсь греческими. Такія же постройки часто встрѣчаются по военно-грузинской дорогѣ и во многихъ мѣстахъ Закавказья (знаменитая башня Тамары). Безъ сомнѣнія, это—остатки старины глубокой, но только изслѣдованіе специалистовъ можетъ пролить свѣтъ на происхожденіе этихъ башенъ и выяснитъ, построены ли онѣ греками, или генуэзцами, или относятся ко временамъ популярной царицы Грузіи, Тамары. По назначенію, это, вѣроятно, сторожевыя башни, въ виду положенія ихъ въ проходѣ между горами, что, въ свою очередь, указываетъ на пользованіе этимъ проходомъ прежними обитателями края.

Представляется просто невѣроятнымъ, что столь интересный историческій памятникъ, какъ эти сторожевыя башни, не сумѣли оцѣнить, и ими воспользовались, (какъ мнѣ рассказывали люди, которымъ не имѣю права не вѣрить) ни болѣе ни менѣ, какъ въ качествѣ мишени для стрѣльбы. Одна изъ башенъ отъ такого прощипаннаго примѣненія сильно пострадала, но не разрушилась окончательно,—вѣроятно, благодаря значительной прочности сооруженія.

Слобода Шатой мало отличается по обстановкѣ отъ хорошихъ и благоустроенныхъ деревень. Постройки уютныя и весьма приличные, свидѣтельствующія о зажиточности слобожанъ. Но русское населеніе незначительное—всего 14 семействъ, преобладающій же контингентъ населенія—горцы, чеченцы. Здѣсь же расположена крѣпость, т. е. рядъ построекъ, обнесенныхъ рвомъ и кирпичной стѣной съ амбразурами. Русское населеніе состоитъ преимущественно изъ служащихъ и отставныхъ нижнихъ чиновъ. Мѣстность кругомъ слободы очаровательная. Зеленыя горы гордо возвышаются надъ обширной горной площадью, гдѣ раскинулись строенія, такая же зеленая гряда окаймляетъ мѣстность съ востока и съ запада, а съ юга высятся коническія снѣжныя вершины. И среди этого ландшафта на днѣ глубокой пропасти шумно струится сѣрная рѣка. Чудный воздухъ и прекрасный климатъ при обилии плодовъ земныхъ дополняютъ прелесть этого очаровательнаго уголка.

По прибытіи въ слободу, я встрѣтилъ знакомаго учителя съ супругой—это были единственные дачники, проводившіе здѣсь лѣто. Подумаешь, какой абсурдъ и какая въ то же время жестокая иронія! Этотъ край чудной красоты, эта дивная Швейцарія дана намъ природой только для того, чтобы два человѣка могли воспользоваться ея райскими прелестями! Не считаемъ, конечно, случайныхъ туристовъ, а также лицъ, пребывающихъ здѣсь по неволѣ, какъ солдаты, офицеры и другія должностныя лица. Между тѣмъ, сколько удовольствія и пользы для больного и переутомленнаго человѣчества могла бы доставить эта чудная мѣстность, если бы стала болѣе доступной и, кромѣ того, болѣе извѣстной. Все здѣсь благоприятствуетъ учрежденію „воздушнаго курорта“ *). Вътѣ на Воздвиженскую, кромѣ другихъ экономическихъ послѣдствій, способствовала бы разрѣшенію и этой задачи, хотя отчасти. Съ другой стороны, возникаетъ вопросъ, неужели же такъ трудна задача дальнѣйшаго продолженія скорого и удобнаго пути. Въдѣ современная техника выдвинула много способовъ сообщеній въ горныхъ мѣстностяхъ, какъ, на примѣръ, зубчатыя, подвѣсныя и др. дороги. Неужели же эксплуатація ихъ не удешевится пользованіемъ даровой силой горной рѣки, при превращеніи ея въ электрическую энергію? Впрочемъ, предоставляемъ судить объ этомъ специалистамъ-инженерамъ.

Послѣ кратковременнаго отдыха, подали намъ новую смѣну лошадокъ, и мы продолжали путь до завѣтной цѣли для всѣхъ туристовъ, до Чортова моста. Снова покатили по ущелью, проложенному невѣроятнымъ трудомъ людскимъ и кровью, съ неизмѣнными пропастями и горными видами, еще болѣе дивными и величественными, чѣмъ въ Шатоевскомъ трактѣ.

Черезъ часть мы очутились въ горскомъ аулѣ, въ которомъ находится знаменитый мостъ. Вскорѣ весь аулъ—старъ и младъ высиналъ лицезрѣть рѣдкое событіе—пріѣздъ русскихъ туристовъ. Насъ обступили взрослые жители, съ симпатичнымъ, благородной наружности, муллой во главѣ, приглашая насъ слѣдовать по указываемой ими дорогѣ къ замѣчательному сооруженію. Все привѣтливыя добродушныя лица. Оставивши имъ на попеченіе лошадей, мы отправились къ мосту.

Непривычному человѣку нужно много набираться храбрости, чтобы рѣшиться перейти черезъ этотъ висящій мостъ, гнущійся подъ ногами пѣшехода и непрерывно качающійся. Но

*) О такомъ давно пора бы подумать, принимая во вниманіе, что Желѣзноводскъ давно уже пересталъ удовлетворять требованіямъ и не въ состояніи вмѣстѣ всѣхъ желающихъ проводить тамъ лѣто.

наши любезные провожатые наперерывъ доказывали, что такой переходъ не страшенъ и въ подтвержденіе нѣсколько разъ цѣлыми группами перебѣгали черезъ него, а нѣкоторые пустились даже плясать на мосту.

Чортовъ мостъ представляетъ истинную достопримѣчательность, такъ какъ служить образцомъ туземнаго, доморощеннаго и вполне самобытнаго строительнаго искусства. Этимъ сооруженіемъ гордятся жители аула: они вложили въ него все свои познанія, заимствованныя отъ предковъ, все остроуміе и много труда.

— Въ этомъ мосту нѣтъ ни одного желѣзнаго гвоздя,—говорилъ мнѣ почтенный мулла.

Дѣйствительно, отдѣльныя составныя части скрѣплены попросту деревянными, довольно толстыми дубовыми клиньями. Это и понятно. Желѣзо здѣсь весьма дорого и его трудно подвезти, зато лѣса—большое изобиліе. Но достается этотъ матеріалъ тоже не легко: его нужно вырубать на горныхъ склонахъ, подчасъ трудно доступныхъ, и спускать внизъ, по склону горы.

Общій принципъ устройства этого дивнаго моста представить не трудно. На берегу наложенъ параллельно ущелью рядъ толстыхъ бревенъ. Сверхъ нихъ кладутся перпендикулярно такія же основательныя бревна, прикрѣпляемые, какъ выше сказано, деревянными клиньями и выступающія надъ пропастью. Эта система бревенъ засыпается балластомъ и утрамбовывается. Выступающіе надъ пропастью концы балокъ и являются мѣстомъ прикрѣпленія поперечныхъ жердей, на которыя настлана плетеная настилка моста, утланная, въ свою очередь, шелевками. Перила незатѣйливыя, плетенныя, и едва ли могутъ оказать препятствіе для того, кто потеряетъ равновѣсіе и волею судебъ вынужденъ будетъ совершить воздушную прогулку на дно пропасти съ 75-ти саженной высоты.

Послѣ осмотра этого интереснаго сооруженія и обратнаго перехода по мосту въ аулъ, къ намъ посыпались приглашенія въ гости—напиться чаю, посмотреть туземную пляску, женщинъ и т. п. Все эти любезныя приглашенія пришлось отклонить, въ виду надвигавшихся сумерекъ и затруднительности путешествовать по горнымъ дорогамъ въ ночное время. Своею совершенно безкорыстной любезностью, предупредительностью и привѣтливостью эти добродушные горцы произвели самое благопріятное впечатлѣніе. Но жутко было вспомнить, что исторія сношеній съ этимъ добрымъ народомъ запечатлѣна желѣзомъ и кровью. Еще болѣе жутко и даже нѣсколько совѣстно за нашу культуртрегерскую дѣятельность почувствовалось, когда я узналъ, что въ селѣ нѣтъ школы, что грамотныхъ только—мулла, да еще 2—3 человѣка, и что культурная раса, подчинившая горныя племена, не внесла ничего новаго и совершеннаго въ этотъ быть, укрѣпленный преданіями и сложившійся въ безвѣстной глубинѣ вѣковъ.

При взглядѣ на здѣшнія лица, безусловно бросается въ глаза весьма совершенный индо-европейскій типъ. Не только здѣсь, но и почти нигдѣ на Кавказѣ я не встрѣчалъ монгольскихъ типовъ. Повидимому, далеко не легкая историческая задача выяснить происхождение и генеалогію этихъ кавказскихъ племенъ,—представляютъ ли они осѣвшихъ въ горахъ и обособившихся древнихъ колонистовъ, или же зашли сюда во время великаго переселенія народовъ.

Съ такими мыслями я простился съ симпатичнымъ муллой и его любезными единоплеменниками.

Шоссейная дорога, столь же замѣчательная по ландшафту, простирается до Евдокимовскаго укрѣпленія, откуда начинается

переваль въ мѣстности по ту сторону кавказскаго хребта. Увѣряютъ, что отъ этого крайняго пункта шоссе до Тифлиса не болѣе 75 верстъ, но дорога ненадежная и доступная лишь въ хорошую погоду. Эта недостроенная и неоконченная дорога была намѣчена въ качествѣ перевальной между Сѣвернымъ Кавказомъ и Закавказьемъ, но проведеніе рельсоваго пути до Владикавказа направило все грузовое и пассажирское движеніе черезъ военно-грузинскую дорогу. Впрочемъ, было одно событіе прискорбнаго характера, которое заставило вспомнить объ этой забытой и заброшенной дорогѣ—именно, холерная эпидемія 1892 года. Въ то время, какъ въ разгаръ эпидеміи по желѣзнымъ дорогамъ и наиболѣе оживленнымъ трактамъ учреждены были карантинныя и обсервационныя пункты, здѣсь, въ горныхъ тѣнинахъ, проходъ былъ свободенъ для каждаго, и если были препятствія, то исключительно—созданныя природой. Мнѣ рассказывали, что этимъ обстоятельствомъ пользовались пассажиры, отбывавшіе карантинъ близъ Тифлиса, и перебирались черезъ горы до Грознаго, чтобы продолжать путь на Владикавказъ и далѣе. Паническій страхъ былъ столь значителенъ, что никогда не садившіеся на лошадей рѣшались ѣхать верхомъ по горной тропѣ, съ большой опасностью для жизни. Въ подобномъ сообщеніи нѣтъ ничего невозможнаго, и оно доказываетъ лишь, какъ мало-дѣйствительны карантинныя мѣры противъ заноса эпидемій, такъ какъ нельзя же разставить стражу на каждой проселочной межѣ и на каждой тропинкѣ.

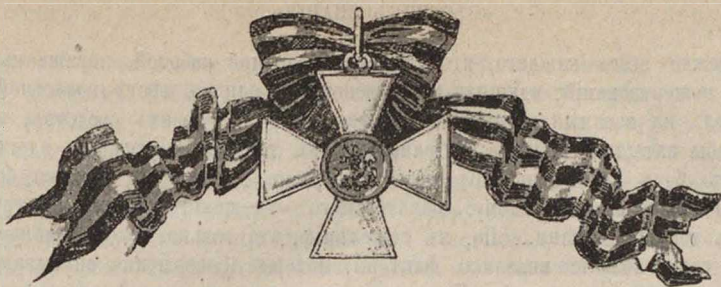
При проѣздѣ черезъ такія горныя укрѣпленія, какъ Шатой и Евдокимовская, весьма любопытно также изучить бытъ военнаго населенія этихъ укрѣпленій, отрѣзаннаго отъ культуры и живущаго здѣсь безвыѣздно, особенно во время распутицы.

Вспомнилъ я одинъ фактъ изъ путешествія въ Саксонскую Швейцарію. Тамъ мнѣ показывали чудныя дороги, проведенныя руками солдатъ-пionеровъ. Невольно думается, не полезнѣе ли было бы, вмѣсто сидѣнія въ крѣпостныхъ стѣнахъ, использовать военную силу для борьбы съ природой, для постройки дорогъ и мостовъ въ здѣшнихъ мало доступныхъ мѣстностяхъ. Для здѣшнихъ мѣстностей полезенъ былъ бы типъ воина-работника, а не воина караульщика, пригвожденнаго къ крѣпости. Объ этомъ слѣдовало бы подумать. Времена битвъ и военныхъ стычекъ давно уже прошли для Кавказа, и пора смѣнить эту эпоху періодомъ строительства и культивированія края.

Въ Шатоѣ меня удивило еще одно обстоятельство. Во время ночлега на постояломъ дворѣ насъ предупреждали, что не нужно закрывать на ночь окна—предосторожность, которую мы считали до сихъ поръ вездѣ и всюду необходимой и обязательной. Пріятно было хоть одну ночь провести, не прибѣгая къ обычнымъ культурнымъ приемамъ ночлега—запиранію оконъ, ставенъ, даже форточекъ и чуть ли не закупориванію всѣхъ малѣйшихъ отверстій. Ясно было, однако же, что обязаны мы такой безопасностью жизни мѣстнымъ экономическимъ условіямъ и общему настроенію жителей.

Подъ очаровательнымъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и испытаннаго возвращались мы, весело катя подъ гору, въ Грозный, для того, чтобы оттуда начать путь въ другія интересныя мѣстности Кавказской Швейцаріи—слободу Ведено и озеро Эзенамъ.

Х. Подборовскій.

Вопросы русско-японской войны въ современной деревнѣ.

Много громкихъ фразъ, красивыхъ позъ благороднаго негодованія найдете вы въ газетномъ листѣ съ тѣхъ поръ, какъ завязалась у нашей родины тяжелая борьба на далекой окраинѣ. И трудно тутъ бываетъ часто разобраться, гдѣ бьетъ дѣйствительное живое чувство, а гдѣ только шумъ маленькаго человѣчка, взбравшагося на большія ходули, чтобы тѣмъ лучше использовать крупныя историческія событія и показать свой товаръ лицомъ. Къ обычной сумятицѣ газетнаго листа, живущаго въ сумеркахъ современной дѣйствительности, прибавляется, такимъ образомъ, вся неурядица данной тяжелой минуты и еще больше запутывается и безъ того неясныя положенія нашей жизни. Задача публицистики—сумѣть разобраться въ текущей путаницѣ явленій, отвести каждому факту свое мѣсто, дать правильное освѣщеніе всему происходящему на нашихъ глазахъ,—анализомъ хотя бы отдѣльныхъ уголковъ злобы дня. Мы хотимъ поговорить здѣсь о томъ, что знаетъ наша деревня о такомъ выдающемся явленіи, какъ настоящая война, откуда она почерпаетъ свои свѣдѣнія и какими путями эти свѣдѣнія до нея доходятъ, и съ этой цѣлью попробуемъ перебрать цѣлую кипу газетнаго матерьяла и выдѣлить изъ него то, что представляетъ наибольшую цѣнность въ смыслѣ правильнаго рѣшенія поставленной нами задачи.

Какъ только мы бросились въ это газетное море, мы со всѣхъ сторонъ были оглушены патріотическими криками нашихъ газетныхъ воителей: Россія... народъ... русская земля... родина...—вотъ тѣ коллективныя единицы, отъ имени которыхъ говорить, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, нашъ газетный листъ.

«Россія исполнилась гнѣвомъ»... такъ, или почти такъ, помнится, напримеръ, озаглавила «Русь» одну изъ своихъ шумныхъ статей послѣ первыхъ событій въ Портъ-Артурѣ и Чемульпо. И, каемся, съ горькой усмѣшкой читали мы эту тираду... «Россія?!» думалось намъ и невольно приходили на память знаменитые стихи Некрасова:

«Въ столицахъ шумъ, гремятъ витія,
Кипитъ словесная война,
А тамъ, во глубинѣ Россіи—
Тамъ вѣковая тишина...

И, думалось намъ, неужели же и теперь, когда наша родина поглощена уже не «словесной», а настоящей... кровавой войной, «тамъ, во глубинѣ Россіи», подъ соломеннымъ кровомъ крестьянской избы, все та же «вѣковая тишина»? И съ новымъ любопытствомъ мы стали пересматривать кипы газетъ за послѣдніе три мѣсяца войны.

Прежде всего каждого, кто займется подобной работой, поражаетъ обиліе мелкихъ пожертвованій, идущихъ изъ деревни. Въ одномъ мѣстѣ волостной сходы ассигновалъ на военныя нужды замѣтную сумму изъ своихъ средствъ, въ другомъ—бабы натащили полотна для раненныхъ, въ третьемъ—успѣшно идти среди крестьянъ сборъ на Красный Крестъ и т. д., и т. д. Чего бы, кажется, болѣе... прямой показатель, повидимому, сознательнаго отношенія деревни къ труднымъ минутамъ текущей жизни... Но, къ сожалѣнію, это только: «повидимому», такъ какъ въ само явленіе ввелись факторы, которые совершенно спутываютъ всѣ расчеты въ этомъ отношеніи. Да вотъ судите сами по цитатѣ, заимствованной нами изъ источника, который въ данномъ случаѣ не можетъ вызывать къ себѣ ни малѣйшихъ сомнѣній,—я имѣю въ виду «Гражданинъ» кн. Мещерскаго, писавшаго о деревенскихъ пожертвованіяхъ слѣдующее *):

«До меня доходятъ изъ провинціальной деревенской глуши письма, изъ которыхъ можно заключить, что вопросъ о пожертвованіяхъ на войну въ деревнѣ стоитъ нѣладно.

Мнѣ представляется, что неладъ начинается съ минуты, когда въ деревнѣ, гдѣ, увы, слишкомъ рѣдко бываетъ земскій начальникъ для того, чтобы узнать, нѣтъ ли у крестьянъ къ нему нуждъ, онъ является для сбора пожертвованій. Съ этой минуты, очевидно, пожертвованіе перестаетъ быть добровольнымъ, а превращается въ удобный для земскаго начальника поводъ выслужиться передъ начальствомъ посредствомъ насильственнаго сбора крестьянскихъ приношеній. Еще болѣе неладнымъ является вопросъ о пожертвованіяхъ въ деревнѣ, когда появится уѣздный исправникъ съ приказаніями старшинъ да, кетати, и уряднику собирать съ крестьянъ пожертвованія» **).

«Инспекторъ народныхъ училищъ мѣстнаго района разослалъ *подъдомоственнымъ ему учителямъ циркуляръ*, коимъ приглашаетъ ихъ дѣлать посильныя пожертвованія на военныя нужды, а также *побуждать* учащихся жертвовать для той же дѣли».

Какъ извѣстно, харьковскій губернаторъ счелъ необходимымъ выступить съ циркуляромъ, воспреещающимъ подобныя насильственные сборы. Несомнѣнно, что настоятельная нужда въ подобныхъ же циркулярахъ ощущается не въ одной Харьковской губ. «Русь», по крайней мѣрѣ, удостовѣряетъ (въ номерѣ отъ 31-го Марта), что пожертвованія на Красный Крестъ, какъ пишутъ имъ вѣрные люди, приняли подобное же направленіе и въ Тульской, и въ Новгородской губ. «Вѣроятно, и въ другихъ губерніяхъ», прибавляетъ по этому поводу г. Артемьевъ, «происходило нѣчто подобное же».

Вотъ эти то соображенія и заставили насъ сначала отнестись скептически, а затѣмъ и вовсе оставить весь матеріалъ о «добровольныхъ» пожертвованіяхъ нашей деревни на военныя нужды и Красный Крестъ.

О томъ, какъ мало крестьянская масса знаетъ про настоящую войну и про все, что съ нею непосредственно связано, можно судить уже по тому, что самое имя Краснаго Креста и его печать вызываютъ, по крайней мѣрѣ, въ иныхъ мѣстахъ толки совершенно нелѣпныя.

«Моему отцу, сельскому старостѣ», рассказываетъ обыватель деревни Малое Васильево, Семен. у., Нижегород. губ.***): «былъ выданъ отъ семеновскаго комитета общества «Краснаго Креста» подписной листъ для пожертвованій раненымъ воинамъ на Дальнемъ Востокѣ. Въ нашемъ обществѣ, состоящемъ болѣею частью изъ старовѣровъ, нѣкоторые этотъ Красный Крестъ приняли чуть не за антихристову печать и потому никто не пожертвовалъ ни копѣйки. 29-го февраля былъ собранъ волостной сходы Хвостиковской волости; на сходѣ земскій начальникъ объяснилъ что такое этотъ Красный Крестъ, и тогда пожертвовали съ души по 10-коп... (кур. нашъ).

*) Цитирую по «Курьеру» № 89.

**) Полезно было бы не забывать этихъ замѣчаній и другимъ вѣдомствамъ. Такъ, напримѣръ, въ «Приб. Кр.» было напечатано въ корреспонденціи изъ Валка, Лиф. губ. (Цитируемъ по «Рус. Вѣд.»—курсивъ нашъ):

***) «Нижегородская Земская Газета», № 13.

Но это часто полное невѣдѣніе у народа тѣхъ огромныхъ историческихъ событій, которымъ, повидимому, суждено сыграть большую роль въ жизни его, которые затронуть, вѣроятно, самые устои его,—отнюдь не говорить за то, что народъ и не интересуется этими событіями. Нѣтъ, полоса полной индифферентности народныхъ массъ къ исторической драмѣ, въ которой имъ суждено принимать участіе, уже миновала,—по крайней мѣрѣ, для многихъ уголковъ нашего отечества, для многихъ группъ деревенскаго населенія... А разъ миновало у народа безразличное отношеніе къ своей судьбѣ, то является уже нѣкоторая надежда на то, что скоро народныя массы захотятъ принять и активное участіе въ своей судьбѣ. Вотъ почему мы рекомендуемъ читателю отнестись съ особымъ вниманіемъ къ тѣмъ показаніямъ, которыя даетъ намъ въ этомъ отношеніи газетный листъ. А показаній такихъ много; мы, конечно, можемъ взять всего нѣсколько примѣровъ этого рода, такъ какъ особенно увлекаться цитатами намъ не позволяетъ мѣсто.

О томъ, что за послѣдніе мѣсяцы появился въ народѣ усиленный интересъ къ войнѣ, говоритъ ростъ за эти мѣсяцы газетнаго дѣла, движеніе газеты въ деревню и симпатіи деревенскаго обывателя къ газетному листу.

«Русско-японская война», пишутъ, напримѣръ, изъ Коломенскаго уѣзда Московской губерніи *):—возбуждаетъ большой интересъ между крестьянствомъ нашего уѣзда, и во многихъ деревняхъ крестьяне выписываютъ газеты вскладчину, собираясь кружками читать извѣстія съ Дальняго Востока»...

«Интересъ крестьянскаго населенія волости къ событіямъ на Дальнемъ Востокѣ,—сообщаетъ корреспондентъ Азрапинской волости Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губерніи **):—такъ великъ, что крестьяне массами осаждаютъ мѣстное волостное правленіе съ просьбами дать почитать газетку, или, если газетка взята, разказать новости о ходѣ войны. Крестьяне ждутъ съ нетерпѣніемъ времени открытія бібліотеки, въ которой будутъ приняты мѣры къ возможно большей выпискѣ газетъ, журналовъ и брошюръ, касающихся событій Дальняго Востока».

«Теперь, если васъ знаютъ за человѣка, получающаго газеты,—разсказываетъ корреспондентъ В.Е.Метелевъ ***):—уже не такъ скоро пройдешь въ базарный день по площади: при встрѣчахъ, послѣ обычнаго здравствованія, вы непременно услышите вопросъ: «ну, что, какъ у насъ тамъ?» И начинается разговоръ о голяхъ, о японцѣ, китайцѣ и объ «англичанкѣ», которая только и знаетъ, что мутить

— Да крещенные ли они? (англичане).

— Конечно, крещенные,—отвѣчаешь на вопросъ.

— Такъ какъ же, этакъ-то?!—недоумѣваетъ вопрошающій.

Не успѣли вы собраться отвѣтить, какъ смотришь, человѣкъ по человѣку, собралась около васъ толпа, слушающая со вниманіемъ, при чемъ справа и слѣва такъ и летятъ вопросы на всевозможные лады, вопросы, не лишеныя часто курьеза и показывающіе, какъ мы, крестьяне, еще мало научены отличать быль отъ небылицы, возможное отъ невозможнаго.

Если вы постоянный житель деревни и не отворачивались отъ жизненныхъ интересовъ мужика, то вы не удивитесь никакимъ вопросамъ, какъ бы они не показались вамъ странными, зная, что масса неграмотна, что просвѣтиться ей не отъ кого... Гдѣ этой массѣ взять «газетокъ»? Духовенство изъ экономіи газетъ не получаетъ, войной и разными тамъ японцами не интересуется, да и разговоръ объ этомъ считаетъ лишнимъ, не входящимъ въ кругъ его дѣятельности.

Зная это, вы не удивитесь, если разговоръ съ вами начнется съ подобнаго вопроса:

— А правда ли, что «японечъ» палилъ изъ орудіевъ, такъ 800 (восемьсотъ) дыръ на одномъ нашемъ солдатѣ надѣлалъ?

— А правда ли, сказываютъ (или этта портные, ночевали у насъ, такъ сказывали), правда ли, что турокъ на насъ поднимается, а китаецъ ныряетъ подъ насъ, да дена у кораблей прошибаетъ? Ну, да гдѣ имъ нашу силу перебить.

Вопросы, кажется, нехитрые и отвѣчать на нихъ нетрудно: сказалъ,—нѣтъ, молъ, это неправда, да и дѣлу конецъ; а на практикѣ выходитъ совсѣмъ иначе. Надо показать невѣроятность восьмисотъ дыръ на одномъ солдатѣ, а то иначе число дыръ и еще увеличится; надо и о Турціи кое-что сказать: гдѣ она, далеко ли

*) «Рус. Вѣд.» отъ 7-го марта.

**) «Нижегородская Земская Газета» № 10.

***) «Вятская Газета» № 8.

отъ войны; надо и о томъ поговорить, «какъ японцы ныряютъ и дена в кораблей выбиваютъ», т. е. хотя кратко познакомить слушателей съ тѣми взрывными снарядами, которые сами движутся подъ водой и, попавши въ корабль,—подъ водой же взрываются.

Много приходится объяснять этимъ бородастымъ дѣтямъ. Жаль становится человека, если онъ на вопросъ не получить толковаго отвѣта, и досадно, и стыдно сдѣлается за себя, когда не знаешь, что отвѣчать.

Кто хоть разъ увидитъ, съ какою вѣрою слушаютъ cadaго читающаго газеты, тотъ непременно пожелаетъ больше знать и читать, чтобъ было чѣмъ поѣлиться съ другими.

У насъ все-таки найдутся грамотные, которые могутъ почитать «газетикъ»; но вся бѣда въ томъ, что этихъ *газетиковъ*-то нѣтъ.

Наша волость растянулась на 35 верстъ, и въ ней людей болѣе 11,000; три села, а выписывается всего крестьянами 3 экземпляра «Биржевыхъ Вѣдомостей». Спросишь, бывало: да почему вы не выпишете газету вскладчину?

— Да есть, говоритъ, у нашего Петра Сидорова «Вѣстникъ», да тамъ этого ничего нѣтъ; вонъ, и въ «Вятской Газетѣ» объ этомъ тоже почти что ничего не пишутъ.

— Дай хоть одинъ «газетикъ»,—заключаетъ мужичокъ,—у меня парень прочитаетъ намъ о дѣйствіяхъ-то.

Что тутъ станешь дѣлать? Дать одинъ номеръ—мало, а всѣ—нельзя, потому что ждешь, что придетъ солдатъ Григорій Видуловичъ и скажетъ:

— У меня ужъ полная изба народу собралась слушать, такъ ужъ сдѣлайте милость, не откажите въ газетахъ.

Ну, и даешь не тому, кто въ 10 верстахъ отъ тебя, а этому, сосѣду, у котораго уже и народъ собрался.

Или воть еще голосъ изъ далекой деревенской глуши *) (Сардыкбажская волость, Малмыжскаго уѣзда, Вятской губерніи):

«Видимо, населенію интересно знать, что творится на бѣломъ свѣтѣ, какъ живутъ люди въ другихъ мѣстахъ. Усиленно выписываютъ газеты въ настоящее время по случаю войны съ Японіей.

Всѣмъ хочется знать, что-то дѣлается на Дальнемъ Востокѣ, не идетъ ли дѣло на миръ. Газеты идутъ въ нашу волость самыя разнообразныя, начиная съ «Русскаго Слова» и «Петербургскихъ Вѣдомостей» и кончая «Родною рѣчью» и «Дружескими Рѣчами».

Выписываютъ у насъ и журналы: «Образованіе» и «Вѣстникъ Знанія». Часто выписка журналовъ и газетъ производится вскладчину.

и т. д., и т. д.

Повторяемъ, мы особенно подчеркиваемъ это стремленіе народа къ газетѣ, это желаніе его отдать себѣ отчетъ въ крупнѣйшихъ событіяхъ современной жизни. Какихъ-нибудь 25 лѣтъ тому назадъ ничего подобнаго среди крестьянской массы не наблюдалось. За этотъ періодъ и деревня, и русское общество подверглось усиленному воздѣйствію со стороны такихъ факторовъ, о которыхъ дореформенная Русь и не слыхивала. Всеобщая воинская повинность, облегчивъ тяготы тѣхъ, кого судьба кинула въ ряды войскъ, равномернѣе распредѣлила отправленіе этихъ функцій среди всего населенія. Сокращеніе срока службы и отчисленіе въ запасъ разбросало по всему лицу нашего отечества великое множество лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ ходѣ войны, такъ какъ каждую минуту ихъ могутъ оторвать отъ дѣла, отъ семьи и забросить за много тысячъ верстъ въ условія, полныя всякихъ неожиданностей и опасностей. Смѣна натурального хозяйства денежнымъ, безповоротнo завершившаяся въ большинствѣ случаевъ даже въ удаленныхъ деревенскихъ захолустьяхъ, поставила крестьянское хозяйство въ болѣшую зависимость отъ полученія денежнаго мірового рынка; въ томъ же направленіи дѣйствовало развитіе отхода и переселенческаго дѣла,—и, такимъ образомъ, крупныя политическія событія, отзывавшіяся на биржѣ и устойчивости торгово-промышленныхъ предпріятій, невольно должны будутъ привлекать къ себѣ вниманіе населенія. Наконецъ, ростъ грамотности, развитіе школьнаго дѣла и внѣшкольнаго образованія народа, увеличеніе числа газетъ,

*) «Вятская Газета» № 10.

приумноженіе общедоступныхъ изданій—все это должно было повысить средній культурный типъ деревенскаго жителя, несмотря на всѣ тѣ препятствія, которыя постоянно встрѣчаются на пути культурныхъ начинаній нашего общества.

Чтобы ясно представить себѣ всю ту пропасть, которая отдѣляетъ современную деревню отъ деревни семидесятыхъ годовъ, когда шла тяжелая русско-турецкая война, мы приведемъ свидѣтельство Г. И. Успенскаго, котораго никто не заподозритъ въ желаніи сгустить по отношенію къ народу, именно, темныя краски.

«Я три мѣсяца *), жилъ въ деревнѣ въ то время, какъ наши войска переходили Дунай, дрались, умирали, тонули, покоряли и покорялись. Три мѣсяца вся читающая городская Россія уже жила тревожными интересами войны, и въ теченіе такихъ-то трехъ мѣсяцевъ, я ни отъ кого, не исключая писарей, учителей, даже іерея, не слыхалъ здѣсь ни единого слова о томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Газетъ никто никакихъ не получаетъ, а въ городъ или на станцію никто не ѣздилъ: огороды, косяба, словомъ—хозяйство. «Собрать рекрутовъ призыва такого-то года»... «Произвести приемку лошадей, выбранныхъ тогда-то и тогда-то»...—вотъ что доходить въ деревню отъ самыхъ крупныхъ историческихъ событій; и, кромѣ этихъ официальныхъ требованій, вовсе ничего не говорящихъ о значеніи переживаемой минуты, ничего, ровно ничего и никому не извѣстно, и ровно ни откуда не придти въ деревню такого, что бы показало значеніе этого призыва или покупки казною лошадей въ общей картинѣ совершающихся событій. Человѣкъ, который черезъ недѣлю, черезъ двѣ будетъ защищать Шипку или Карсъ, или освобождать Болгарію, уходя изъ села, по совѣсти, можетъ пожалѣть только о томъ, что сапожные инструменты пришлось отдать за безцѣнокъ и что нескоро опять заведешь эти инструменты; но ни о Шипкѣ, ни о Болгаріи, ни о причинѣ, требующей его на защиту кого-то,—ничего этого ему не извѣстно, никто объ этомъ ему не скажетъ ни единого слова, а главное—онъ самъ *отвыкъ* разспрашивать объ этомъ и узнавать».

Измумительное равнодушіе къ крупнѣйшимъ событіямъ своей родины было типичною чертою не только рядового крестьянства, но и для тѣхъ деревенскихъ жителей, которые по самому роду своихъ занятій приходили въ частое прикосновеніе съ городомъ, стояли головою выше окружающей деревенской темноты. Мы не можемъ здѣсь не напомнить читателю, еще одного въ высшей степени типичнаго разговора, который приводитъ Г. И. Успенскій въ своемъ деревенскомъ дневникѣ **).

«Что въ Плевнѣ? Что въ Карсѣ? Что въ Александринкѣ?»—и ни откуда нѣтъ отвѣта! Ни лавочникъ, ни батюшка, ни волостной старшина, ни, тѣмъ паче, обыватель деревни, крестьянинъ, никто не отвѣтитъ ни на одинъ вопросъ... Всѣ они «рады бы радостью» помочь вамъ, но не могутъ, потому что у нихъ свои дѣла, свои заботы...—Были вы на станціи, Иванъ Ивановичъ? вѣсите вы къ лавочнику.—Только сейчасъ вернулся...—И не стыдно вамъ не зайти на почту, не взять газетъ?—Изъ ума вонъ!.. Совсѣмъ изъ ума вонъ!.. Да все съ этими раками...—Какими раками?—Да раковъ отправляли въ Питеръ, пять тысячъ, такъ цѣлый Божій день бился, какъ собака... Подите-ка, отвѣдайте, каково съ нашими-то первоначальниками-то дорожными!.. Тутъ не до газетъ!..

«Отвѣчая на ваши вопросы, лавочникъ норовитъ уйти къ амбару и нетерпѣливо вертѣть въ рукахъ ключи: ему нужно тамъ что-то гораздо болѣе важное, чѣмъ то, о чемъ вы его разспрашиваете. Очень хорошо вы видите нетерпѣніе, съ которымъ онъ отвѣчаетъ на ваши разспросы; но утопающій хватается за соломинку, и вамъ нѣтъ никакой возможности отпустить его на волю».

— Не слыхали ли, по крайней мѣрѣ, чего-нибудь?—Нѣтъ... что-то быто не слышно. Расшибли говорятъ!..—Кого? Гдѣ расшибли?— Да болтали тамъ, на станціи, наши быто расшибли... что-то... Муки говорятъ, сблаговѣстили у турокъ очень до-вольно...—Да гдѣ? Кого кто расшибъ-то?—А ужъ не могу вамъ въ точности... слышно, что сорокъ быто тысячъ... Не то муки, не то въ плевнѣ... али какъ... Ужъ точно не могу вамъ... Я сейчасъ! вдругъ вырываясь изъ неловкаго положенія, въ которое вы поставили его своими разспросами, и проворно убѣгая въ сторону, ужъ издала кричить вамъ лавочникъ.—Я сію минутою, только вотъ насчетъ солонины... какъ бы не попортилась... духъ дала... сію минутую!..

«Но, ужъ будьте увѣрены, вамъ не дожидаться его возвращенія»...

Но если тогда и интересовались войной деревенскіе обитатели, то исключи-

*) «Изъ деревенскаго дневника», т. II, стр. 20.

**) Т. II, стр. 35.

тельно съ узкой, грубо-эгоистической точки зрѣнія. «Я помню», говоритъ крестьянинъ В. Е. Метелевъ, котораго мы уже цитировали выше *): «въ турецкую войну... Нѣтъ, не было тогда такого интереса, охватывающаго *всю массу* населенія; тогда интересовались только тѣ, у кого на войнѣ былъ *свой* человѣкъ, т. е. интересовались тогда не войной, не общимъ русскимъ дѣломъ, а «своимъ» человѣкомъ; живъ ли онъ. Теперь масса русскаго народа не та; не объ одномъ «своемъ человѣкѣ» думаетъ она, а любопытствуетъ и объ общемъ русскомъ дѣлѣ, насколько это доступно ея пониманію».

Мы видимъ, что и съ внѣшней, и съ внутренней стороны запросы деревни измѣнились кореннымъ образомъ. Въ количественномъ отношеніи они поразительно выросли; крестьянинъ не жалѣетъ теперь заплатить даже нѣсколько рублей изъ скуднаго своего бюджета, чтобы выписать вскладчину газету, которая затѣмъ обходитъ всю деревню, пересчитывается десятками лицъ, переслушивается сотнями. Онъ торопится остановить знающаго человѣчка и повыспросить насчетъ волнующихъ его вопросовъ—и вопросы эти, какъ мы видѣли, ставятся уже на общую почву.

Правда, деревня, повидимому, полна всякаго рода нелѣпыми слухами и легендами о настоящей войнѣ. Но винить за нелѣпость этихъ слуховъ и легендъ деревню нельзя—почему, мы увидимъ ниже. А затѣмъ и самая наличность этихъ слуховъ и легендъ оказывается типичной для современной деревни. Мы знаемъ изъ показаній Г. И. Успенскаго, что онъ втеченіе трехъ мѣсяцевъ года русско-турецкой войны не только слуховъ или легендъ никакихъ объ этомъ событіи не слышалъ, но и простыхъ разговоровъ даже. А тутъ народъ за такой же короткій срокъ успѣлъ создать даже цѣлая легенды. Присмотримся же, хоть немного, къ этимъ легендамъ и слухамъ о настоящей войнѣ.

Прежде всего интересно отмѣтить, что въ основу большинства легендъ легли факты, дѣйствительно имѣвшіе мѣсто на полѣ военныхъ дѣйствій и успѣвшіе уже проникнуть въ глубину деревни, поразить воображеніе крестьянъ и вызвать работу народнаго творчества **). Такъ, напримѣръ, имѣется легенда объ японскихъ лошадахъ, переработавшая газетное сообщеніе о томъ, какъ наши казаки отбили въ сѣверной Корей японскій транспортъ и сто лошадей; имѣется далѣе сказаніе о похоронахъ русскихъ моряковъ, опирающееся несомнѣнно на дѣйствительные факты; переработаны въ видѣ сказки и слухи о томъ, что наши купцы пытались и пытаются извлечь изъ трудной минуты, переживаемой родиной, крупные барыши путемъ искусственнаго повышенія цѣнъ; обработаны народной фантазіей и рассказы о попыткахъ японцевъ загородить нашей портъ-артурской эскадрѣ выходъ въ море и о потопленіи нами японскихъ брандеровъ, и о назначеніи генерала Куропаткина главнокомандующимъ маньчжурской арміей, и о симпатіяхъ англичанъ по отношенію къ японцамъ.

Какъ же отражается въ этихъ легендахъ народная душа современнаго русскаго крестьянства?

При первомъ же и самомъ бѣгломъ знакомствѣ съ матеріаломъ вы поражаетесь полнымъ отсутствіемъ какого бы то ни было шовинизма. Такъ, въ одной изъ сказокъ на предложеніе жениться на японкѣ плѣнный морякъ разсуждаетъ: «Отчего же не жениться? Коли баба хорошая да работающая, такъ я ее къ своимъ отвезу»... Но это отнюдь не исключаетъ горячей преданности родинѣ и ея интересамъ.

«Жилъ себѣ русскій морякъ въ японской землѣ», разсказывается въ одной

*) «Вятская Газета», № 8.

**) Источниками намъ служили главнымъ образомъ: «Народныя легенды о русско-японской войнѣ» г-на Лп-ва въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» 1-е изд.;—«Легенда о бѣломъ генералѣ» въ «Бирж. Вѣд.» № 71;—«Японская хитрость и русская обертка» А. Фаресова, «Русь» № 66;—«Новая легенда о японцахъ» изъ «Восточ. Обзор.», цитировано по «Курьеру»;—и затѣмъ различныя мелкія корреспонденціи въ различныхъ газетахъ.

изъ сказокъ: «рыбу ловилъ, на корабляхъ плавалъ. И не слышалъ онъ, что японецъ съ нами сражаться вздумалъ. Пришелъ разъ морякъ домой, сѣлъ ужинать, вдругъ слышитъ—нальба идетъ. «Онъ къ окну, а его не пушаютъ.—Теперь,—говорятъ ему,—выходить тебѣ изъ дому нельзя, потому что какъ война съ вашими началась. «А онъ, какъ услышалъ это, залился слезами да и говоритъ: Простите, братцы, меня въ землю русскую, кровь хочу свою пролить. «Его не пустили, связали ему ноги веревкою и потащили въ полицію. А тамъ пристава злющіе.—Такъ и такъ,—говоритъ ему приставъ,—не ушелъ во время съ земли японской, такъ принимай нашу вѣру.—Что вы,—говорить,—стану я свою христіанскую вѣру на вашу поганую мѣнять. Ни за что»...

Предательство своему родному краю въ какомъ бы то ни было видѣ, противно здоровому чутью народной массы. И куда въ этомъ отношеніи она стоитъ выше,—если судить по ея сказаніямъ и легендамъ,—всѣхъ этихъ г.г. коммерсантовъ, которые принимали такое дѣятельное участіе во всей патріотической шумихѣ, поднявшейся въ началѣ войны, и вмѣстѣ съ тѣмъ не упустили удобнаго случая здорово пожитья и на провіантѣ, и на одеждѣ, и на обуви, и на всемъ прочемъ. Соответственная сказка съ негодованіемъ клеймитъ такое предательство родины и не допускаетъ и мысли, чтобы простой человѣкъ,—не записной коммерсантъ,—согласился бы принять участіе въ такого рода темныхъ предпріятіяхъ.

«Жилъ-былъ богатый купецъ. Прослышалъ онъ, что японецъ пошелъ войною на насъ и задумалъ онъ пожитьяся. Снарядилъ пароходы торговые, нагрузилъ ихъ разную живностью, созвалъ приказчиковъ и такой приказъ отдалъ:—Ѣдемъ мы въ сторону военную, гдѣ русскій съ японцемъ бьются не на животъ, а на смерть. А торговцы тамошніе всѣ испугались и домой разѣхались. Нечего русскому воинству ѣсть. Вотъ и снарядилъ я пароходы торговые, нагрузилъ ихъ разную живностью. Смотрите за хозяйскими барышами: ни копѣйки не уступать. Будетъ нажива хорошая—вась я наградою не оставлю: всѣхъ по золотому одарю.

Вышелъ тутъ старшій приказчикъ, поклонился хозяину до земли и проговорилъ: Не сердись, хозяинъ, а мнѣ ѣхать съ тобою несподручно, потому какъ время—военное, въ походъ идти—желательно. А съ тобою ѣхать—православныхъ обижать—дѣло для меня недостаточное.

Вышелъ другой приказчикъ, помладше, да и говорить:—Побойся, хозяинъ, Бога,—грѣхъ своихъ обманывать; не пойду я, коли пѣну не сбавишь.

Такъ всѣ приказчики и отказались».

Итакъ, съ одной стороны мы встрѣчаемъ безпредѣльную и неподкупную преданность своей родинѣ, а съ другой—полное отсутствіе націоналистической озлобленности къ своему врагу—вотъ двѣ характерныя черты всѣхъ этихъ сказаній и это несмотря на то, что народъ нашъ отчетливо представляетъ себѣ своего врага не только иноплемennымъ, иноязычнымъ, но и иновѣрнымъ. Въ одной изъ легендъ, напримѣръ, царь японскій съ такою рѣчью обращается къ своимъ подданнымъ, когда тѣмъ не удалось свести своихъ счетовъ съ морскими силами русскихъ: «Какъ же это вы такъ, а еще японцами прозываетесь, а дѣла своего не знаете. Да и врите вы, собачьи дѣти, что русскіе корабли изъ стали-жельза сдѣланы, мачты на нихъ чугунныя, паруса желѣзомъ окованы. Развѣ видано, чтобы желѣзо на водѣ плавало. Просто, боязно вамъ—креста Господня пугаетесь»... Въ другой легендѣ японскій генералъ хвалитъ своихъ солдатъ за то, что русскихъ матросовъ похоронили они по японскому, а не по русскому обычаю: «Молодцы, что хоронили ихъ не по русскому, а то у нихъ, вишь, и мертвые воскресаютъ (курс. нашъ). Глядь еще встанутъ да на насъ пойдутъ. Не смотри, что они—мертвые!»

Попытки разобраться въ причинахъ, которыми обуславливается подобное отношеніе русскаго народа къ своему врагу, приводятъ насъ къ убѣжденію, что здѣсь главнѣйшими являются слѣдующія два условія: во-1-хъ, народъ не видитъ, чтобы эта война была связана съ какими-нибудь его кровными интересами. Бесѣды В. И. Немировича-Данченко со случайными спутниками во время его пе-

реэдовъ во внутренней Россіи заставили его сдѣлать заключеніе, что настоящая война представляется народу далекой и непонятной *).

— Какъ народъ къ войнѣ относится?—спрашивалъ онъ.

— Говорятъ: Господь бѣдой посѣтилъ. Всѣ—какъ на тяжелое испытаніе!

Никому война нелюба и нежелательна. Она вызвана не нами, мы идемъ туда поневолѣ. Монахъ въ Пензѣ объяснилъ солдатамъ: «Великое послушаніе на васъ за грѣхи всей Россіи. Съ чистымъ сердцемъ надо итти на тяжкую кару Господню. За вашу муку Онъ и насъ помилуетъ».

Что-то надвинулось неизбежное, страшное. неожиданное.

Про Сибирь же, особенно, про тѣ захоласты, по которымъ проложенъ великій желѣзнодорожный путь,—и говорить не приходится.

Какъ относится населеніе къ солдатамъ воинскихъ поѣздовъ?—спрашиваетъ тотъ же писатель.

«Отъ Сибири равнодушно. Да и самый великій здѣшній путь проложенъ по снѣжнымъ пустырямъ, всѣ крупные центры остались отъ него въ сторонѣ. Тутъ нельзя и видѣть, какъ смотритъ нашъ окраинникъ на своего зауральскаго собрата. Встрѣчаютъ воинскіе поѣзда только сибирскія бабы, являющіяся издали на станціи съ шангачами, творогомъ, молокомъ, всевозможного жареного птицы, булками и т. д. Это, вѣрно, и есть тѣ самыя деликатныя дамы, что изъ-подъ подола бутылочками торгуютъ. Для этихъ, солдатъ—предметъ наживы, и никакихъ иныхъ «настроений» баба-торговка не имѣетъ. Видятъ воинскій поѣздъ по татарскому краю киргизы, двигающіеся съ верблюжьими караванами по Акмолинской области,—но и этимъ что за дѣло до христіюбиваго воина: ни народъ къ нему, ни онъ къ народу, благодаря инженерамъ-строителямъ, никакого касательства не имѣетъ».

Надо, впрочемъ замѣтить, что сибирякамъ, по крайней мѣрѣ, изъ нѣкоторыхъ мѣстностей, благодаря тому, что ихъ совсѣмъ еще недавно отрывали отъ семей, отъ дѣлъ во время послѣдняго столкновенія съ китайцами, положеніе вещей представляется болѣе близкимъ и важнымъ. Правда, и имъ война едва понятна, чѣмъ крестьянину изъ Европейской Россіи, но зато она ему ближе и въ территоріальномъ отношеніи, и въ экономическомъ. Вотъ почему сибирякъ, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ корреспондентъ „Русск. Вѣд.“, идетъ на войну съ твердой увѣренностью, что надо покончить со всѣмъ этимъ безпокойствомъ разъ навсегда: чѣмъ бы ни была вызвана война, но надо устроиться такъ, чтобы больше отъ дѣла и отъ семьи мирнаго труженика не отрывали.

То же незнакомство съ истиннымъ положеніемъ вещей въ области политическихъ и экономическихъ отношеній создаетъ и вторую причину, опредѣляющую благодушное настроеніе нашего крестьянства: народъ нашъ увѣренъ, что японецъ не самъ полѣзъ на войну съ Россіей, что это его подучила «англичанка», за которой сохранилась и до настоящаго времени традиціонная слава смутьянницы.

Еще за 10—20 дней—читаемъ мы въ «Вирж. Вѣд.»**)—до начала войны, когда «образованная» часть нашего общества даже не допускала вѣроятности войны, баба-поденница въ селѣ, стирая бѣлье у мѣстнаго «панка», сообщала:

— Большая, говорятъ, война будетъ!..

— Откуда ты это взяла?

— Такъ... въ народѣ говорятъ...

— Да, говорятъ, «англичанка» написала нашимъ, что придетъ и въ три дня Москву разорить. Да только ей отвѣтили: сиди себѣ лучше смирно дома, а то наложишь запретъ на хлѣбъ, такъ недолго тебѣ и жить-то останется. А намъ хлѣба на 26 лѣтъ хватить!...

Советомъ и помощью не оставляетъ японцевъ эта «англичанка» и въ теченіе войны, стараясь выручить ихъ изъ различныхъ затруднительныхъ положеній, дѣлая все это, конечно, изъ соображеній узко-эгоистическихъ и даже корыстныхъ ***).

«Собрали японцы советъ, рассказываетъ одна изъ новѣйшихъ народныхъ легендъ:—какъ имъ желѣзные корабли сжечь?—вѣдь желѣзо не горитъ, а вода подъ

*) См. «Русское Слово».

**) „Вирж. Вѣд.“ № 64.

***) Выше цитированная статья Лп—ва.

руками—взялъ да и затушилъ. Думали-думали, головы ломали, а ни до чего додуматься не могли.

Вотъ на третій день приходитъ къ нимъ нѣкая японская старуха—въ обѣдь сто лѣтъ.

— Эхъ вы, люди добрые,—говорить,—ни до чего вы додуматься не можете. Послушайте меня: пошлите пословъ въ пещеру горную; живетъ въ ней англичанка, еще плѣнницей ее въ Севастополѣ взяли; дайте посламъ по холщевому мѣшку, а въ каждый мѣшокъ положите по сту рублей, да смотрите, не бумажками, а настоящими кругляками.

Послушались японцы, послали въ пещеру горную пословъ съ холщевыми мѣшками, да съ серебряными рублями.

— Такъ и такъ,—говорятъ,—помоги намъ русскіе корабли съечь: сдѣланы они изъ стали-желѣза, мачты чугунныя, паруса желѣзомъ окованные. Ни въ водѣ не тонуть, ни въ огнѣ не горятъ. Сдѣлай милость,—пособи.

А англичанка—хитра-востра: прежде рублевика оглядѣла, зубами ихъ потрогала, видитъ—не фальшивые.

— Хорошо,—говорить,—помогу я вамъ. А какія, говорить,—скамейки на корабляхъ желѣзныя аль деревянныя?

— Деревянныя,—отвѣчаютъ,—потому какъ на желѣзныхъ сидѣть холодно—иззябнешъ въ морѣ-то.

— Ладно,—говорить англичанка,—порылась въ карманѣ и вытащила оттуда огниво.—Вотъ,—говорить,—пользуйтесь: какъ завидите русскіе корабли, такъ и потрафляйте на ихнія скамейки. Да смотрите—раньше времени изъ кармана не вынимайте, а то сами сгорите и утопитесь».

Обращаемъ вниманіе, между прочимъ, на чрезвычайно мѣткую и вѣстѣ съ тѣмъ добродушно-ироническую характеристику международной политики Англіи: «а англичанка—хитра-востра; прежде рублевика оглядѣла, зубами ихъ потрогала, видитъ—не фальшивые». И опять-таки ни ненависти, ни злобы, ни проклятій,—простое констатированіе факта: корыстная, молъ, душа; что съ ней подѣлаешь.

Впрочемъ, не всѣ вѣрятъ, чтобы помощь этой хитрой и коварной союзницы принесла японцамъ существенную пользу *).

— Англичанка сунулась—было «апону» черезъ Индію помогать. Да Индія говоритъ: «Нѣтъ! шалишь, обидчица!»—и не пустила...

— Почему же обидчица?

— Да извѣстно, забиваетъ... Вотъ, и недавно народы какіе-то заобидѣла...

Впрочемъ, и на почву экономическихъ толкованій войны переносить иногда обитатель нашей деревни вопросъ о причинахъ настоящей войны; и, конечно, комментаторы попадаютъ при этомъ иногда въ самыя рискованныя положенія.

«Мордвинъ немного задумывается и вдругъ все лицо его озаряется догадкой,—разсказываетъ «Нижегородскій Листокъ» **).

— А можетъ оттого, что насъ много... дѣловъ нехватка... Война, вотъ, слышь началась... убавятъ кой-кого, значить... ну и полегче будетъ насчетъ заработковъ...

— Дур-раки!—выпаливаетъ въ упоръ костромичъ:—убавятъ... А это какъ же, если у моего брата двѣ Машки да Гришка останутся... малышами... да мать старуха... да пустой сусѣкъ... То-то! дура съ печя!

— Совсѣмъ дура и уши холодныя!—острять плюгавенькій парень. Всѣ смѣются.

— А Богъ инъ то знаетъ... темны мы больно...—виновато моргаетъ мордвинъ: голова-то у насъ вродѣ худого котла... не варить...»

Отмѣчаемъ этотъ случай, между прочимъ, и потому, что этотъ доводъ мордвина, такъ удачно парированный костромичемъ, является, какъ мы убѣдились, далеко не единичнымъ мнѣніемъ. Но и здѣсь опять-таки какъ будто бы нѣтъ основаній возлагать отвѣтственность на японца за настоящую войну: у насъ дѣла плохи, намъ надо поубавить народа.

Это спокойное отношеніе народа къ Японіи и ея народу позволяетъ нашему крестьянству уловить въ своихъ характеристикахъ часто довольно правильные черточки японскаго характера и житія-бытья.

Такъ, напримѣръ, въ одной легендѣ высказывается убѣжденіе, что японцы—

*) «Бирж. Вѣд.» № 64.

**) Цитируемъ по «Петербургскимъ Вѣдомостямъ» № 38.

народъ богатый *). Пришлось какъ-то одному казаку вступить въ единоборство съ семью японскими молодцами. «Какъ пришли семь японскихъ молодцовъ, а у каждаго, у молодца, по горячему жеребцу съ серебряными уздечками да колокольчиками. Поглядѣлъ казакъ на ихъ коней, думаетъ:

— Славные кони, отъ нихъ не уйдешь. Куда моей кобылѣ съ ними равняться?

Но вмѣстѣ съ тѣмъ русскому человѣку хорошо извѣстны и физическія особенности японскаго народа **). Когда матросу пришлось выбрать себѣ невѣсту изъ тринадцати японскихъ дѣвушекъ, то онъ сталъ въ совершенный тупикъ, на которой изъ нихъ остановиться: всѣ онѣ оказались такія «худыя да щуплыя!»

Знаетъ также русская легенда и то, что земледѣльческая культура Японіи зиждется на совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ у насъ на Руси. «Вздумавъ мы,—разсказываютъ казаки:—по японской землѣ семь дней, а ни ржи, ни пшеницы не попадается...»

Мы отмѣчаемъ эти реалистическія черты нашихъ новѣйшихъ легендъ именно потому, что, несмотря на всѣ затрудненія, которыми обставлена просвѣтительная дѣятельность среди народныхъ массъ, въ эти массы, часто невѣдомыми для насъ путями, въ обходъ всевозможныхъ преградъ, проникаютъ здоровые, правильные взгляды на жизнь. И проникаютъ быстро: настолько самой народной интеллигенціей здѣсь налаженъ механизмъ для передачи идей, настолько въ самой массѣ пробуждена жажда познанія...

Далеко не такъ объективно относится наша легенда къ вопросу о сравнительныхъ достоинствахъ обѣихъ армій. Здѣсь національная гордость уже замѣтно даетъ себя чувствовать.

«Прислалъ японскій государь русскому царю кварту мака (а по другимъ версіямъ—рису) и говорить:

— Вотъ, погляди, сколько у меня войска есть!

Нашъ царь позвалъ гонца и велѣлъ ему къ японскому царю везти гарнецъ перцу да сказать:

— А ты попробуй, какое у насъ вкусное войско!»

Какъ бы иллюстраціей къ этому положенію является сказаніе о томъ, какъ одинъ казакъ побѣдилъ семь японскихъ молодцовъ.

«Вскочилъ казакъ на свою кобылку мохнатую, далъ ей три раза погайкой по крутымъ бедрамъ. Какъ взвѣется кобылка и понесла казака. Японскіе молодцы за ней не угонятся.

Вѣжигъ кобылка, а японскіе молодцы другъ за другомъ скачутъ, словно гуси на прудъ идутъ.

И говорить кобылка казаку:

— Смотри, хозяинъ, не теряй время!

Повернулъ казакъ обратно, на встрѣчу японскимъ молодцамъ, и началъ колоть ихъ пикой вострою: сперва одного, потомъ другого, такъ всѣхъ на землѣ и оставилъ».

Отголоски этихъ убѣжденій чувствуются, конечно, и въ частныхъ разговорахъ. Заимствуемъ у г. Забрженева ***) отрывокъ изъ бесѣды съ возницей, молодымъ парнемъ.

«— А слышь, баринъ! А еще тутъ одинъ на постояломъ говорилъ, что у японцевъ кораблей много. А чортъ ли въ этихъ корабляхъ, когда нашъ броненосецъ пальнетъ, а ихъ посудина проклятая сейчасъ и на утекъ. Вѣрно я говорю? А?

По увѣренію легенды, этой сметки и оборотистости русскаго человѣка боятся и сами японцы.

На волнахъ качаются трупы двухъ русскихъ матросовъ. Ихъ прибываетъ къ берегу. Заглядѣла ихъ японская рать. Вотъ начальникъ ея и говоритъ:

*) Вспомнимъ хотя бы фельетоны г. Сѣрошевскаго въ «Рус. Инв.», который настаиваетъ на томъ, что Японію совершенно ошибочно считаютъ страной бѣдной.

**) См. данныя доктора Бельца въ статьѣ А. Павловскаго «Земля и люди Японіи».

***) «Русь» № 53.

«— Знать, это русскіе матросы-утопленники. Только смотрите — ружей въ козлы не составляйте, вольно-оправся не стойте: русскій хитерь,—онъ и мертвымъ прикинется.

Немудрено, что при этомъ вѣсть о побѣдѣ опережаетъ въ деревнѣ часто весьма печальныя въ дѣйствительности событія.

«А что, господинъ, какъ пишутъ въ вѣдомостяхъ, въ Портъ-Артурѣ?» остановилъ такимъ вопросомъ крестьянинъ корреспондента «Курьера» *).—Ничего, говорю, пока все спокойно.—Намедни у насъ въ деревнѣ баяли, что будто ужъ стычка была, и тысячь пятнадцать наши японцевъ побили; вѣрно аль нѣтъ?»

Такъ же велика готовность русскаго крестьянства постоять за свои интересы и интересы родины. Любопытную въ этомъ отношеніи картинку мы находимъ въ «Вѣстникѣ Казачьихъ Войскъ» **).

«Въ районѣ Тургайской области, Актюбинскаго уѣзда, по линіи Оренбургъ-Ташкентской желѣзной дороги, на станціи Акбулакъ, въ прошломъ 1903 г. самовольно поселилось болѣе 100 дворовъ крестьянъ и мѣщанъ со всѣхъ концовъ Россіи. Народъ темный, непросвѣщенный. Вѣсть о возникшей между Россіей и Японіей войнѣ достигла и до поселка. На первой недѣлѣ Великаго поста среди населенія Акбулака прошесть слухъ о движеніи японскихъ войскъ по Тургайской области, по тракту чрезъ г. Актюбинскъ, ст. Акбулакъ, на г. Ишунь. Слухъ этотъ крайне смутилъ населеніе Акбулака; 11 февраля, подъ предводительствомъ избраннаго ими старосты, создали сходъ для изысканія мѣръ обороны отъ неожиданныхъ гостей, на случай нападенія ихъ на Акбулакъ. На сходъ собрались всѣ безъ исключенія мужчины, были и любопытныя женщины и дѣти. Когда сходъ собрался, староста обратился къ народу съ рѣчью:

— «Господа! Вамъ, усѣмъ известно, шо на нашу матушку Расею идетъ войной якій-то выхристъ Японій; бають, шо війска его идуть отуть де-то, ныдалече (староста показалъ по направленію на г. Актюбинскъ); якъ бы нынѣ ночью ни дойшли до насъ, бисовы сыны».

Толпа запумѣла и заговорила; наконецъ, умолкла.

Кто-то изъ толпы крикнулъ: «господа, надоть послать гонцовъ къ губернатору за орудіями, а то шо мы сидаемъ съ голыми руками».

— Вирно, вирно ты, Тышка, говоришь, надоть посылать,—заговорила толпа. Наконецъ, изъ толпы вышелъ впередъ молодой паренъ и, обращаясь къ старостѣ, сказалъ:

— Ну, шожъ, пошлемъ мы за орудіями, а де мы ихъ будемъ содержать: зиланки у насъ грязни и мокры, попортимъ ихъ, а они, чай, ни дешево стоятъ...

Порѣшили ночью всѣмъ мужчинамъ выйти на Актюбинскую дорогу и ждять непріятели.

Рѣшеніе обывателей Акбулака было твердо; они три ночи подрядъ выходили на актюбинскую дорогу съ дубинами, ломами, вилами и проч., кто съ чѣмъ могъ.

Не скоро, и опять-таки по слухамъ убѣдились акбулацки, что около ихъ палестины никакого японца ждять не приходится, и вздохнули свободно».

Но вѣсть объ успѣхахъ японскихъ войскъ также уже прорвалась широкой волной въ народныя массы и задѣла національное самолюбіе. Легендамъ пришлось такъ или иначе считаться съ фактами. Признать фактъ за голый фактъ было больно, и народное воображеніе стало искать обходныхъ путей и нашло ихъ въ колдовствѣ и прочихъ мистическихъ тайнахъ, которыми такъ богаты всѣ наши народныя сказки.

«Есть у японцевъ одна японка, повѣствуетъ одна изъ легендъ. И все эта японка видѣть можетъ. Посадять ее на корабль, а она ужъ знаетъ, что и какъ у русскихъ: кто спитъ, кто отдыхаетъ, много ли у нихъ орудій и припасовъ и прочаго.

«Оттого японцы и суда наши повредили, иначе не допустили бы. Да, говорятъ, нонѣ та японка померла, а другой у нихъ такой не находится. Вотъ и тонуть ихніе пароходы».

Такъ объясняетъ себѣ народъ прекрасную постановку развѣдочной службы въ японской арміи.

Вообще же всякая побѣда японцевъ надъ русскими, по убѣжденію нашихъ легендъ,—результатъ чуть не черной магіи. Въ этомъ отношеніи большого вни-

*) «Курьеръ», № 105.

**) Цитируемъ по «Курьеру».

манія заслуживаетъ легенда о таинственномъ магнитѣ, охватившая, повидимому, широкіе слои крестьянства.

«Магнитъ такой у нихъ полагается,—объявляетъ рассказчикъ,—у каждого генерала по магниту. Онъ его нажметъ, суденышко русское ко дну и клонится.

Что ихніе корабли топить да хрещеныхъ губить?—отнять у нихъ этотъ самый магнитъ надоть, тогда намъ и дѣлать нечего будетъ, безъ магниту онъ какъ безъ рукъ».

Эта легенда, повидимому, настойчиво повторяется въ различныхъ вариантахъ и пытается объяснить этимъ чудодѣйственнымъ магнитомъ не только наши неудачи на морѣ, но и на сушѣ. Вотъ что рассказываетъ сотрудникъ «Восточнаго Обозрѣнія».

«Будетъ неллишнимъ передать легенду, которую пришлось услышать недавно отъ одного изъ призванныхъ на службу запасныхъ нижнихъ чиновъ, человѣка, хорошо знакомаго мнѣ до призыва, вообще, очень смысленнаго, бойкаго, немного грамотнаго російскаго мастерового. Рассказывая о своемъ теперешнемъ житіи-бытіи на сборномъ пунктѣ и разспрашивая о ходѣ военныхъ дѣйствій, Иванъ,—такъ назову его,—знавшій о первыхъ дѣйствіяхъ японцевъ, привелъ, оказывается, совершенно готовое у него объясненіе. Японцы, по его словамъ, во-первыхъ, очень „хитро“ ведутъ дѣло, а во-вторыхъ, они сами хитрые, «не такъ, какъ нашъ русскій человѣкъ». Тотчасъ же онъ пояснилъ, что хитрость японцевъ совсѣмъ особеннаго свойства: «у нихъ, потому, есть такой особенный махнитъ, и они его наводятъ на нашихъ. Какъ наведутъ, нашъ солдатъ ничего и не можетъ уже дѣлать: глаза не видятъ, руки опускаются, ноги подкашиваются». Мое возраженіе, что это—явный вздоръ, глупая сказка, оказалось очень необудительнымъ: «Всѣ говорятъ... «Одинъ вернулся изъ Портъ-Артура самъ видѣлъ»... «землякъ самъ слышалъ, какъ офицеръ рассказывалъ» и проч.... Я предложилъ дать магнитъ и самому на опытъ убѣдиться, что подобнаго дѣйствія онъ не оказываетъ. Иванъ тогда возразилъ: «Ну, значить, тогда у нихъ не махнитъ, а какая-нибудь другая выдумка... они ужъ хитрые, мы развѣ знаемъ какой... а только есть».

Мои объясненія явно не могли уже имѣть никакой власти надъ его умомъ, скованнымъ дикимъ, но совершенно законченнымъ представленіемъ».

Только здѣсь, гдѣ затронуты національное самолюбіе, крестьянскій міръ отказываетъ своему врагу во всякой справедливости: по тѣмъ легендамъ, которые прошли здѣсь передъ нашими глазами и русскій человѣкъ—хитеръ, и японецъ—хитеръ. Въ этомъ отношеніи они какъ-будто другъ друга стоятъ. Но на повѣрку дѣла выходитъ иначе. Русская хитрость не то, что хитрость японская. Русскому со своею хитростью не за чѣмъ обращаться къ какимъ-либо таинственнымъ,—нечистымъ,—силамъ. Хитрость его—продуктъ его ума, смѣтки; это,—скорѣе, простое умѣнье быстро ориентироваться среди всякихъ обстоятельствъ и вѣщательствомъ своей воли, своего ума расположить всѣ послѣдующія обстоятельства въ свою пользу. Другое дѣло—японецъ. Ему не приходится разсчитывать только на свой умъ; ему необходимо овладѣть сначала какой-нибудь чудодѣйственной силой; вся хитрость его не въ немъ самомъ, а внѣ его, въ той нечистой силѣ, которую онъ сумѣлъ заставить служить себѣ. Быть можетъ, увѣренность нашего крестьянства въ томъ, что японцу служить таинственная сила—сила колдовства,—сложилась не только подъ вліяніемъ неожиданныхъ побѣдъ этого маленькаго государства-муравейника, но и подъ давленіемъ слуховъ о томъ, что японцы—язычники, а слѣдовательно, по воззрѣніямъ нашей церкви,—люди нечестивые; подъ давленіемъ тѣхъ отрывочныхъ, преувеличенныхъ рассказовъ о необычайности японской культуры,—рассказовъ, которые по лицу земли русской разносятся нашими моряками, возвратившимися со службы.

И намъ именно здѣсь чудится наиболее опасная сторона процесса народнаго творчества. Нашъ народъ, какъ мы можемъ судить на основаніи его легендъ, совершенно не зараженъ шовинизмомъ. Снѣ искренно преданъ своей родинѣ, онъ готовъ каждую минуту выйти, хотя бы съ вилами и топорами, по примѣру двѣнадцатаго года, на защиту ея и своихъ интересовъ. Но шовинизма, этого бича нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ, повторяемъ, въ у него не замѣ-

тите; нѣтъ у него и увлеченія милитаризмомъ: онъ готовъ послужить родинѣ, но войну онъ отнюдь не восхваляетъ, не видитъ въ ней своего провиденціальнаго назначенія. Подчеркиваніемъ же «нечисти» японцевъ легенда можетъ вызвать и шовинизмъ, и увлеченіе милитаризмомъ. Дайте же нашему народу здоровую духовную пищу—правдивую, хорошую книжку и газету, трактующія о текущихъ событіяхъ, и вы убережете его и отъ шовинизма, и отъ милитаризма. А и то, и другое будетъ великимъ зломъ для Россіи. Зломъ потому, что русскому человеку волей исторіи приходится жить бокъ-обокъ и съ евреями, и съ нѣмцами, и съ поляками, и съ латышомъ, и съ эстонцемъ, и съ цыганомъ... Зломъ потому, что великой нищетою и истощеніемъ силъ грозитъ Россіи настоящая война, и нужна будетъ огромная, плодотворная внутренняя работа, не отвлекаемая никуда на сторону. Позаботьтесь же о хорошей книжкѣ и доступной, честной газетѣ для народа!

А пока—что мы скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ обстоитъ въ современной деревнѣ дѣло съ газетой и книгой, трактующей о войнѣ.

Мы уже говорили, что въ деревнѣ съ самаго начала войны начинается возрастать спросъ на газету. Явленіе—вполнѣ понятное и, кромѣ поощренія, казалось бы ничего иного не заслуживающее уже по одному тому, что при помощи газеты будутъ разсѣиваться массы нелѣпныхъ слуховъ, ни на чемъ не основанныхъ надеждъ, ничѣмъ не пробѣренныхъ опасеній.

Такъ именно и смотрятъ люди въ данномъ отношеніи не предубѣжденные. Вотъ, напр., приказъ *) ген. Сухотина, изданный для Степного Края. Въ этомъ своемъ приказѣ ген. Сухотинъ предлагаетъ крестьянскимъ и уѣзднымъ начальникамъ, участковымъ врачамъ, учителямъ народныхъ школъ, а также всѣмъ инымъ должностнымъ лицамъ Степного Края, соприкасающимся по служебнымъ дѣламъ съ крестьянскимъ и киргизскимъ населеніемъ, при всякомъ удобномъ случаѣ знакомить населеніе съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ устраненіе распространенія ложныхъ слуховъ, подрывающихъ довѣріе къ силѣ и успѣхамъ русскаго оружія. О томъ же просилъ онъ станичныхъ и сельскихъ пастырей церкви.

Казалось бы, что этому разумному примѣру должны были бы послѣдовать всѣ административныя учрежденія, соприкасающіяся съ крестьянской жизнью. Казалось бы, что при такомъ положеніи дѣла газета будетъ являться въ деревнѣ желаннымъ гостемъ, которому будетъ оказано всяческое содѣйствіе. Но, къ сожалѣнію, логика разума и логика дѣйствительности не всегда совпадаютъ, что и обуславливаетъ еще большую сумятицу жизни и мысли.

Пояснимъ наше положеніе нѣсколькими иллюстраціями. Вотъ, напр., эпизодъ, который разсказывается «Самарской Газетой».

«Въ глухую степную деревушку П—ку Самарскаго уѣзда неожиданно-негаданно кѣмъ-то была завезена газета.

Что могло быть удивительнаго и необыкновеннаго въ небольшомъ печатномъ листѣ бумаги? Однако появленіе его среди п—цевъ произвело сенсацию.

«Газета... Писано въ этой газетѣ про войну Россіи съ Японіей... Сраженіе было... Пипуть, даже бились... слышится смутный говоръ изъ толпы собравшихся мужиковъ.

— Читай, Тереха, а мы послушаемъ... Читай... Какъ наши азіята мутятъ...

Старъ и младъ съ захватывающимъ интересомъ слушаютъ несвязное чтеніе Терехи; у нѣкоторыхъ отъ наплыва чувствъ вырываются невольныя восклицанія: «такъ ихъ и надо! За насъ Царица Небесная... А, враги нехристи!».

Медленно и нудно льется тягучее чтеніе п—скаго грамотея; кругомъ торжественная тишина; на лицахъ слушателей и напруженное вниманіе и прорывающаяся наружу радость и умиленіе.

— Что собрались? а? Зачѣмъ собрались?—вдругъ раздался окрикъ откуда-то влетѣвшаго урядника.

*) Цитирую по «Руси».

Мужики стаскиваютъ шапки и кланяются.

— А вотъ газету слушаемъ.

— Какую газету? Давай сюда газету!

— Какъ же это... Послушать еще охота...

— Подай сюда, говорить... Газета... Газетчики какіе... Время за папшу приниматься, а они газе—ету...

Газета въ рукахъ «начальства».

— Да, почтенный, хотъ дочитать-то бы даль... Любопытно...

— Я вамъ дочитаю!..—угрожающе сказалъ урядникъ и усккалъ.

И пропала къ огорченію п—цевъ чудомъ попавшая къ нимъ газета, а выдастся ли случай еще разъ услышать желанный вѣсти оттуда, гдѣ совершается великое міровое событіе, куда обращено вниманіе всего міра—сомнительно...

Глушь степная, неисхоженная, неизъѣзженная...

Или вотъ второй не менѣе поучительный примѣръ подобнаго поощренія деревенскаго прогресса и удовлетворенія духовныхъ запросовъ деревенскаго жителя. Извѣстно, какъ крестьяне любятъ совмѣстныя чтенія. Исслѣдованія «Вятской Газеты», «Хуторянинъ», Полтавскаго Губернскаго Земства показали, что такимъ путемъ до чрезвычайности повышается использование печатнаго слова. И до сихъ поръ противъ этихъ пріемовъ домашняго обихода крестьянина какъ будто не раздавалось никакихъ протестовъ, да судя по существу, и не могло быть никакихъ протестовъ. Но вотъ послушайте сами.

«Что можетъ быть, повидимому, проще чтенія газетъ—писать г.Альфъ.*),—особенно въ наше военное время, когда новостями интересуется каждый житель Россіи? Стремленіе выписать и почитать газету, а если самъ неграмотенъ, то послушать ее,—нынче развито въ особенности. Во многихъ деревняхъ болѣе зажиточные крестьяне выписываютъ газету сами,—тѣмъ болѣе, что это и не такъ ужъ дорого,—а другіе собираются и выписываютъ газету складчину на имя одного какого-либо грамотнаго лица. Затѣмъ всѣ они собираются къ этому грамотному, онъ имъ прочитываетъ новости съ войны, новости вообще...

Что можетъ быть проще и естественнѣе этого и,—прибавлю еще,—утѣшительныя и отрадныя? А вотъ подите же... Недавно, наприм., мы уже приводили случай, какъ какой-то изъ писарей убѣждалъ крестьянскихъ парней лучше «свиней пасти», чѣмъ газеты читать; теперь же изъ глухого села Березовки, Аткарскаго уѣз., Саратовской губ., къ намъ доносятся еще болѣе «убѣдительные» факты.

Чтеніе газетъ не поправилося мѣстнымъ стражникамъ. Мѣстные стражники усмотрѣли въ этомъ нѣчто «недозвожденное». И вотъ, вмѣсто того, чтобы слѣдить за конокрадами, да за полицейской своей службой, они принялись разгонять читающихъ газеты крестьянъ...

Двѣ компаніи крестьянъ черезъ двухъ мѣстныхъ болѣе грамотныхъ крестьянъ выписали газеты и въ свободные часы собирались у тѣхъ грамотеевъ. Эти прочитывали имъ газеты, а тѣ, выслушавъ чтеніе, расходились.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ одинъ прекрасный день крестьяне появились къ грамотею, а тотъ ихъ въ шею...

— Убирайтесь вонъ! — говорить, — не буду я вамъ читать, да и собираться вамъ тутъ нечего...

— Какъ такъ нечего? Вѣдь, газета-то наша общая...—удивились мужички.

— Ну, такъ что же, что общая... А вотъ не приказано, и все тутъ!..

— Какъ не приказано?..

— А такъ не приказано. Пришелъ земскій стражникъ и воспретилъ... Не смѣй, — говорить, — «мужиковъ» у себя собирать и «мужикамъ» газету читать, а то будешь ты у меня въ отвѣтъ, говорить. Я, говорить, такого безпорядка не потерплю...

— Диковинно это, — говорятъ крестьяне, — и не можетъ этого быть, чтобы нельзя было газету читать или, какъ читаютъ ее, слушать...

Однако, грамотей уперся и газеты имъ не читаль...

— Пойдемъ, братцы, къ другому грамотею—порѣшили крестьяне.

Пошли... Ничего... Почитали...

Только это вышелъ, анъ, на порогъ къ грамотею гость-стражникъ, значить...

— Ты что это, — говорить, — у тебя мужики въ избѣ собираются?..

— Какъ же, собираются!—отвѣчаетъ тотъ.

— А по какому такому праву? Почему такое «безобразіе» допускаешь?..

— Никакого безобразія у меня нѣтъ!—отвѣтилъ обиженно грамотей:—собираемся не пьянствовать, не безобразничать, а газету почитать, послушать какъ Ба-

*) «Бирж. Вѣд.», № 84.

тюшка-Царь со врагами русской земли справляется, да узнать, что на Божьемъ свѣтѣ дѣлается...

— А зачѣмъ вамъ это знать?!—строго кричитъ начальство:—Я этого не приказываю!.. Слышишь? Не пр-р-ри-казываю...

— Да, вѣдь, не пьянствуемъ мы...

А ты лучше пьянствуй, а не читай тамъ...—отвѣчаетъ тотъ...—Да! да!.. пьянствуй, а то читать...

Для г. Альфа «не подлежитъ никакому сомнѣнію», что здѣсь намъ приходится имѣть дѣло съ «усердіемъ не по разуму». Но мы, вспоминая одну изъ предыдущихъ статей тѣхъ же «Биржевыхъ Вѣдомостей»*), позволяемъ себѣ высказать догадку, не переусердствовалъ ли самъ г. Альфъ въ своемъ стремленіи представить все дѣло такъ, чтобы и «волки были сыты, и овцы—дѣлы»: извѣстное дѣло, во всемъ виноватъ стрѣлочникъ.

Вотъ, съ какимъ фактомъ встрѣчаемся мы въ названной статьѣ.

«При описаніи въ прошломъ году похоронъ землевладѣльца Саратовской губернии, К. Ф. Агринскаго, мы отмѣтили, что одною изъ заслугъ покойнаго было распространеніе мѣстныхъ газетъ въ своемъ округѣ, т. е. въ нѣсколькихъ, ближайшихъ къ г. Аткарскому волостяхъ, и даже остальной части Аткарскаго уѣзда и въ смежныхъ уѣздахъ. К. Ф. Агринскій довольно много писалъ въ саратовскихъ газетахъ. Въмѣсто гонорара, онъ выговаривалъ себѣ право на извѣстное количество экземпляровъ, которые потомъ дарилъ крестьянамъ разныхъ деревень. Число этихъ годовыхъ экземпляровъ доходило до 100 и больше.

Это продолжалось лѣтъ пять-шесть подъ рядъ, и многіе крестьяне успѣли привыкнуть къ газетѣ, полюбить ее. Такъ какъ газета предназначалась для всей деревни—адресаты выбирались лишь изъ наиболѣе солидныхъ крестьянъ,—то скоро установилась практика общаго чтенія. Даже въ лѣтние вечера собирались группы большихъ и малыхъ, старыхъ и юныхъ слушателей, жадно внимавшихъ чтенію новостей. Одною изъ новостей, въ «сферѣ вліянія» покойнаго Агринскаго, была Сластужинская, въ Аткарскомъ уѣздѣ. Теперь изъ саратовскихъ газетъ я узнаю, что мѣстный земскій начальникъ П. А. Слѣпцовъ легализировалъ то, что прежде, при Агринскомъ, дѣлалось во многихъ деревняхъ, ближайшихъ къ Аткарскому волостямъ.

Именно, разрѣшено групповое чтеніе газетъ, которое производилось иногда школьнымъ учителемъ, иногда мѣстнымъ землевладѣльцемъ или другимъ деревенскимъ «интеллигентомъ», а то и просто хорошо грамотнымъ и сравнительно развитымъ крестьяниномъ. Земскій начальникъ пріурочилъ эти чтенія къ правамъ или обязанностямъ членовъ-сореизователей мѣстнаго попечительства о народной трезвости, но это сущности дѣла не мѣняетъ, такъ какъ въ составъ попечительства входятъ, вѣроятно, и нѣкоторые изъ прежнихъ деревенскихъ чтенцевъ».

Изволите ли видѣть, читатель приглашается выражать свои восторги по поводу того, что г. земскій начальникъ «легализировалъ» групповое чтеніе газетъ,—легализировалъ то, что само по себѣ совершенно легально. Да, чортъ возьми, кто же мнѣ смѣетъ воспретить читать газету у себя дома вслухъ, кто же смѣетъ вырвать у меня изъ рукъ легальную газету? Вѣдь, это возможно только въ нашей совершенно безправной деревнѣ. Вѣдь, если признавать подобную легализацію, а не считать ее за возмутительное недоразумѣніе, то тогда,—чего добраго,—придется и вышеприведенныхъ два случая—отнятія газеты и угрозы грамотеямъ—признать законными дѣйствіями, а не возмутительнымъ насилиемъ надъ личностью крестьянина!

Вотъ въ какую обстановку иной разъ попадаетъ газета въ современной нашей деревнѣ. О томъ, насколько подобное положеніе вещей можетъ содѣйствовать распространенію газетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правильныхъ взглядовъ на текуція событія, говорить, полагаю, не стоитъ.

Но какъ ни желательна полная свобода распространенія въ народѣ всѣхъ изданій, касающихся войны, тѣмъ не менѣе можно рекомендовать интеллигентнымъ силамъ деревни останавливаться и на газетахъ, и на книгахъ съ извѣстнымъ выборомъ для того, чтобы и средства, и время деревенскаго жителя были использованы возможно лучшимъ образомъ. А то на книжный рынокъ въ на-

*) «Газета въ деревнѣ» № 59.

стоящее время выбрасывается о войнѣ много такого, что ниже всякой критики.

Для образчика приведемъ характеристику, сдѣланную г. А. Косоротовымъ *) лубочнымъ изданіемъ Морозова, посвященнымъ вопросамъ войны. Мы не будемъ останавливаться на возмутительномъ качествѣ бумаги и печати, на полномъ неумѣннѣ выражаться толково и ясно для неподготовленного читателя. Мы приведемъ лишь одну выдержку изъ указанной статьи г. Косоротова,—выдержку, прекрасно характеризующую научную цѣнность тѣхъ свѣдѣній, которые здѣсь предлагаются г. популяризаторомъ.

«А вотъ книжка того же морозовскаго изданія о томъ, что такое Японія, подъ громкимъ заглавіемъ: «Японцы бахвалыные, да неохвалыные островитяне». По этой книжкѣ у японцевъ «вѣтъ Бога», а есть только «чертовщина».—«Эта религія, скорѣе безтолочь, обратилась исключительно въ шутовскую обрядность».—«Буддизмъ,—религія *нѣсколько* возвышенная, проникнутая *нѣкоторой* моралью, погрязла въ грубыхъ умозрѣніяхъ».—«Японецъ хуже даже какого-либо туркмена или ахаль-текинца». Его нельзя считать «ни *сколько-нибудь* правственнымъ, ни развитымъ, ни богатымъ».—«Нечистота жилищъ отвратительная».—«Въ театрахъ представляютъ большею частью всякую безнравственную белиберду».—«Въ японцѣ много «воровской юркости».—«Японцы, вообще, народъ жидкій и не особенно выносливый, что зависить, вѣроятно, и отъ *физической природы* (преlestно!) и отъ дурного питанія» и т. д. *).

Не менѣе развязна и лубочная картина, которая сотнями тысячъ идетъ въ народъ. Съ фактами здѣсь уже совершенно не переменяются. А, кромѣ того, не мало силъ и средствъ употребляется и на то, чтобы разжечь самыя дурныя стороны души: жестокость, дикость. Запретительными мѣрами тутъ, конечно, ничего не подѣлаешь, такъ какъ подъ гнетомъ цензуры печатное слово можетъ только падать и развращаться, а никакъ ужъ не бороться съ нежелательными явленіями литературы.

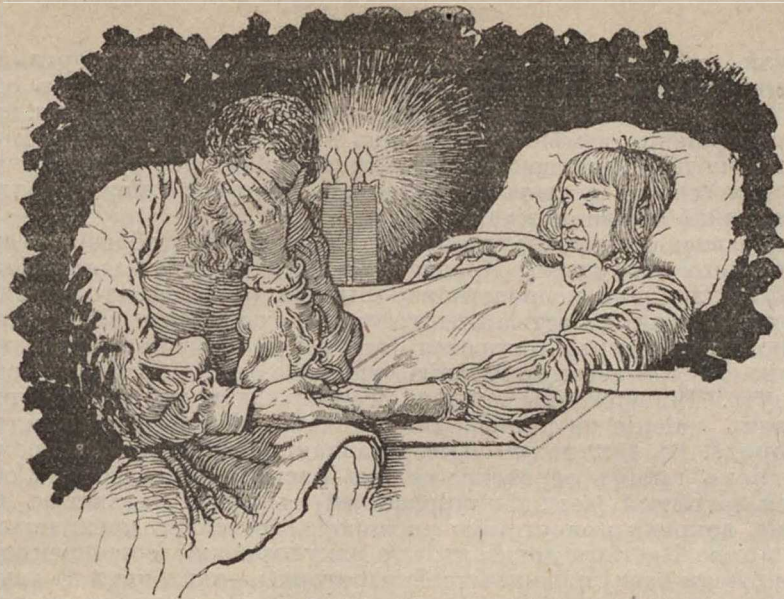
На этомъ мы и покончимъ свою настоящую бесѣду.

Х. Подборовскій.

*) «Русь», № 116.

**) Для того, чтобы оцѣнить по достоинству развязность этого лубочника, рекомендуемъ прочесть очерки «Земля и люди Японіи», А. Павловскаго.

Проф. Р. Боммели *).

Спутники смерти.

Долгое время представлялся загадочнымъ извѣстный всѣмъ фактъ, что вслѣдъ за наступившею смертію на трупахъ растительнаго и животнаго царства замѣчается появленіе новой дѣятельной жизни, появляется, такъ сказать, многообразная „трупная фауна“. Кажется, будто смерть пробуждаетъ новыя творческія силы, или что смерть и тлѣніе не что иное, какъ преобразование „жизненной силы“. Общее мнѣніе было таково, что изъ гніющихъ органическихъ веществъ появляются непосредственно путемъ самопроизвольнаго зарожденія (*generatio spontanea* или *aequivoca*), низшія животныя, какъ-то черви, мухи, осы, пчелы и даже лягушки и змѣи: это мнѣніе и до сихъ поръ широко распространено въ народѣ, въ особенности среди крестьянъ. Алхимики же, вродѣ Филиппа Теофраста Парацельза Гогенгеймскаго, Гельмонта и доктора Фауста, тѣ даже надѣялись создать, путемъ смѣшенія субстанцій броженія съ химическими ингредиентами, человѣчка—*Homunculus*—какъ будто для этого не существуетъ лучшаго способа.

Позднѣйшіе естествоиспытатели объясняли процессъ разложенія органическихъ тѣлъ, какъ чисто химическое явленіе, на подобіе вывѣтриванія, ржавленія и сгорания, какъ явленія окисленія, на которыя такъ назыв. „работѣ смерти“ не имѣютъ рѣшительно никакого вліянія. Обыкновенно рассуждали такъ: въ живомъ организмѣ животныхъ и растений химическіе элементы приведены въ особыя, такъ назыв. органическія соединенія (крахмалъ, сахаръ, жиръ, бѣлокъ и т. д.); смерть уничтожаетъ связь, соединяющую эти элементы; послѣдніе подвергаются свободному дѣйствію своихъ притягательныхъ силъ и, вслѣдствіе этого, переходятъ въ новыя, болѣе простыя соединенія. При этомъ кислородъ

*) Пер. Е. Рахмиловича.

воздуха, имѣющій къ отдѣльнымъ элементамъ мертвaго организма сильное сродство, стремится соединиться съ ними. Такимъ образомъ происходятъ смѣшенія, разложенія и новообразованія, которыя совершенно измѣняютъ составъ мертвaго организма. Многочисленныя низшія существа, какъ, напр., бактеріи гніенія, находятъ для себя въ новыхъ соединеніяхъ богатую пищу и поэтому чрезвычайно размножаются.

Появление этихъ бактерій считалось, такимъ образомъ, явленіемъ чисто побочнымъ. Правда, уже сто лѣтъ тому назадъ итальянецъ Спалланцани посредствомъ опытовъ доказалъ, что животныя и растительныя вещества, подвергнутыя въ ретортѣ и затѣмъ тщательно закупоренныя, остаются безъ измѣненія и не подвергаются гніенію. Но химическую теорію гніенія онъ не сумѣлъ опровергнуть. Приверженцы послѣдней утверждали, что въ подобныхъ случаяхъ гніеніе не происходитъ только вслѣдствіе недостатка кислорода. Въ 1837 году опытъ Спалланцани былъ резюмированъ Шванномъ такимъ образомъ: путемъ нагреванія въ ретортѣ образуется нагрѣтый (дезинфицированный) воздухъ, вслѣдствіе чего гніеніе, вопреки присутствію кислорода, все равно прекращается. Еще позже Пастеръ доказалъ, что закупориваніе совершенно излишне, если загнуть внизъ шейку реторты,—такъ какъ въ такомъ случаѣ зародыши грибовъ осаждаются на стѣнкахъ загнутой шейки и внутрь не попадаютъ. Этимъ окончательно было доказано, что безъ микроорганизмовъ не наступаетъ никакого гніенія или тлѣнія.

При тлѣніи дѣло не въ простыхъ химическихъ разложеніяхъ и соединеніяхъ кислорода, а въ запутанныхъ фізіологическихъ процессахъ, конечный результатъ которыхъ, во всякомъ случаѣ, тотъ же, что и при соединеніяхъ съ кислородомъ и горѣніи. То, что производитъ огонь въ теченіе нѣсколькихъ часовъ или минутъ, достигается путемъ броженія, гніенія и тлѣнія лишь годами или даже въ теченіе столѣтій, при чемъ въ промежуткахъ появляется множество отвратительныхъ продуктовъ. Это разложеніе можно раздѣлить на три категоріи: *броженіе* въ тѣсномъ смыслѣ, *гніеніе* и, въ-третьихъ, *тлѣніе*.

Подъ *броженіемъ* въ тѣсномъ смыслѣ, или *ферментацией*, разумѣется вызванное микробами разложеніе свободныхъ отъ азота тѣлъ, напр., сахаристыхъ веществъ, крахмалистыхъ, декстрина и т. п., каково превращеніе молочнаго сахара въ молочную и масляную кислоты, винограднаго и фруктоваго сахара въ спиртъ, угольную кислоту, янтарную кислоту, глицеринъ и уксусную кислоту. Терминомъ *гніеніе* опредѣляютъ разложеніе азотистыхъ веществъ, при которомъ появляются угольная кислота, вода, аміакъ, азотная кислота, сѣрнистый водородъ и фосфорная кислота. Гніенію подвергается, между прочимъ, особенно бѣлокъ, казеинъ (бѣлковое вещество молока, свертывающееся при закисаніи), фибринъ (бѣлковое вещество крови, свертывающееся на воздухѣ; водородъ крови), легуминъ (растительный казеинъ, бѣлковое вещество, получаемое изъ бобовыхъ растений—гороха, бобовъ, чечевицы и др.) и дающія клей вещества. Гніеніе, также называемое гнилостнымъ броженіемъ, вызывается специфическими гнилостными бактеріями и заявляетъ о себѣ распространеніемъ зловонныхъ газовъ. Каждой стадіи гніенія соотвѣтствуетъ опредѣленный родъ бактерій, такъ что различныя формы и поколѣнія слѣдуютъ такимъ образомъ другъ за другомъ. Собственно *тлѣніе* составляетъ заключительный процессъ разложенія. Оно состоитъ въ томъ, что органическіе остатки соединяются съ кислородомъ, поэтому тлѣніе представляетъ собою медленное окисленіе. Конечные продукты всего этого суть угольная кислота и вода. Возбу-

дители броженія, гніенія и тлѣнія вообще необходимы: безъ нихъ поверхность нашей земли давно представляла бы собою огромное кладбище, которое неспособно было бы производить никакой новой жизни.

Но въ уничтоженіи труповъ участвуютъ отнюдь не одни только низшіе организмы, какъ клинообразные, отростковые или плѣсневые грибки, но также и высшія существа, особенно насѣкомыя. Послѣднія обыкновенно и подразумеваются, когда идетъ рѣчь о „трупной фаунѣ“ или о „рабочихъ смерти“. Ихъ различные виды слѣдуютъ другъ за другомъ въ законѣмѣрномъ порядкѣ, такъ что, по мѣрѣ ихъ появленія, можно судить о времени существованія трупа, т. е. опредѣлить время, когда смерть наступила. Каждый видъ имѣетъ свои особыя потребности и появляется какъ разъ въ тотъ моментъ, котораго достигло необходимое для него состояніе трупа.

Среди изслѣдователей, занятыхъ изученіемъ этой стороны біологіи, слѣдуетъ указать на французскаго ученаго Менъена (Ménin), издавшаго весьма интересный трудъ о „трупной фаунѣ“.

По Менъену, шестіе рабочихъ смерти открывается мухами, и именно извѣстной комнатной мухой, обыкновенной сѣрой и синеvато-черной, появляющейся обыкновенно на сыромъ мясѣ. Вся забота этихъ двукрылыхъ сосредоточивается всецѣло на ихъ потомствѣ. Подобная нѣжная мать старается всегда положить свои яйца въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бы будущіе дѣтеныши—личинки—тотчасъ по вылупленіи нашли для себя подходящую пищу. Чтобы достигнуть этого, она не останавливается ни предъ какими трудностями, обнаруживая притомъ трогательныя для біологовъ находчивость и упорство,—качества, менѣе, однако, привлекательныя для кухарокъ. Благодаря удивительно тонкому чутью, муха на весьма далекомъ разстояніи пронюхиваетъ кусокъ мяса въ кухонномъ шкафу и не успокаивается до тѣхъ поръ, покуда не обложитъ его своими яйцами. Лейпцигскій зоологъ Маршаль поймалъ однажды въ буфетѣ такую „мясную“ муху, сдѣлавъ на ней знакъ красною краскою и вышвырнулъ за окно. Понятно, муха эта тотчасъ же вернулась обратно въ то мѣсто, гдѣ былъ спрятанъ кусокъ мяса. Исторію эту естествоиспытатель повторилъ 32 раза, пока это ему не надоѣло. „Ибо—прибавляетъ Маршаль—какъ я ни восхищался терпѣніемъ и женскимъ упрямствомъ этой ворчуньи, бифштексъ свой я ѣмъ все же охотнѣе безъ примѣсы ея зародышей“.

Личинки вылупляются уже спустя 24 часа послѣ кладки яицъ и обнаруживаютъ тотчасъ такую баснословную прожорливость, что въ теченіе 48 часовъ увеличиваютъ свой первоначальный вѣсъ въ 400 разъ. По истеченіи одной—двухъ недѣль, личинка превращается въ куколку, а еще черезъ 2 недѣли появляются молодыя мухи. По видимому, мокрыя выдѣленія личинокъ и вызываютъ главнымъ образомъ процессъ разложенія.

Начинающій появляться „трупный запахъ“ служить уже приманкой для новыхъ видовъ мухъ: сюда относятся зеленые, металлически блестящіе свѣтляки и нѣкоторые виды изъ породы саркофаговъ (мясоистребителей). Ихъ личинки, извѣстныя подъ именемъ „трупныхъ червей“, относятся, однако, само собою разумеется, не къ типу червей, а къ классу насѣкомыхъ. Упомянутая порода саркофаговъ производитъ на свѣтѣ живыхъ дѣтенышей и, слѣдовательно, также относится къ разряду живородящихъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, подъ влияніемъ микробовъ броженія, появляются кислотные жиры (трупный жиръ), вслѣдствіе чего чувствуется запахъ прогорклаго масла. На этотъ запахъ идутъ жировые тараканы, сальные жуки и родственные имъ виды, коихъ

личинки любятъ всякія жировыя вещества, какъ сало, масло, жиръ. Почти одновременно съ жировыми броженіемъ наступаетъ броженіе сырное, которое привлекаетъ къ себѣ любителей сыра, и среди нихъ въ особенности сырныхъ мухъ, бѣлыя, блестящія личинки которыхъ—весьма подвижныя существа.

Вслѣдъ за упомянутыми двумя процессами броженія наступаетъ амміачное броженіе (собственно гніеніе), при которомъ оставшіяся еще части мяса превращаются въ отвратительную черную жирную массу. Тогда за трапезу усаживается пятая группа рабочихъ смерти,—это выпуклыя мухи, жуки-могильщики и круглые жуки. Ихъ личинки пожираютъ остатки трупа въ конецъ почти до самыхъ костей.

Шестой отрядъ рабочихъ—это акариды, питающіяся трупною жидкостью и способствующія высыханію послѣднихъ остатковъ мяса. Между прочимъ, акариды появляются на трупѣ уже до начала гніенія; онѣ проникаютъ въ мускулы сквозь кожу, страшно размножаются тамъ и, высасывая всю жидкость тѣла до конца, тѣмъ самымъ препятствуютъ дальнѣйшему разложению. Кожа получаетъ видъ пергамента, и трупъ становится похожимъ на мумію.

Закрываютъ шестіе этихъ непріятныхъ, мрачныхъ спутниковъ смерти салыны жуки, жуки-кабинетчики жировые тараканы, моли, жуки-сверлильщики и тѣневые жуки. Среди этихъ, какъ видно, находятся и такіе, которые появились уже въ предыдущей стадіи разложения, какъ, напр., салыны жуки и жировые тараканы. Жуки-кабинетчики, сверлильщики и тѣневые очищаютъ все до корня; они пожираютъ послѣдніе куски кожи, волосы, сухожилія и хрящи; остаются только начисто обглоданныя кости и выдѣленія (экскременты) безчисленныхъ разрушителей труповъ.

Такова, по мнѣнію Менъена, участь вовсе непреданныхъ землѣ или неглубоко зарытыхъ труповъ, куда имѣютъ свободный доступъ самые разнородные микробы и трупныя насѣкомыя. Само собой разумѣется, что приведенная схема не во всѣхъ случаяхъ одинаково строго послѣдовательна. Многое зависитъ отъ времени года, отъ расположенія страны въ томъ или другомъ поясѣ, отъ климатическихъ условій: въ тропическихъ странахъ одни трупопожиратели, въ умѣренномъ поясѣ—другіе, въ холодномъ—опять другіе. Въ безводной пустынѣ процессъ разложения совершенно иной, чѣмъ въ болотистой странѣ; зимою иной, чѣмъ лѣтомъ; въ періодъ дождей иной, чѣмъ въ засуху; но въ общемъ и цѣломъ этотъ процессъ почти одинъ и тотъ же. Все это относится даже къ тѣмъ трупамъ, которые тщательно погребены въ землѣ. Во такихъ трупамъ количество видовъ насѣкомыхъ меньше, а число отдѣльныхъ личинокъ одинаково велико,—фактъ, легко понятный. Полчища рабочихъ въ такихъ трупамъ несмѣтны, но зато разнообразны: Менъень насчитываетъ четыре вида мухъ, два—жуковъ и два блохъ. (Къ послѣднимъ относится, между прочимъ, глеть черная блоха и всѣмъ знакомая бѣлая, блестящая, серебристая рыбка, такъ называемая, сахарница). Въ качествѣ первоначальныхъ возбудителей процесса броженія и гніенія функционируютъ и здѣсь безчисленные микробы, виды и роды которыхъ слѣдуютъ и тутъ другъ за другомъ въ извѣстной законсообразности.

Непосредственно вслѣдъ за погребеніемъ начинаютъ свое дѣло разрушенія бактеріи броженія, сѣрыя мухи и синія мясныя мухи. За ними слѣдуютъ цвѣточныя мухи, жуки изъ отряда ризофаговъ (корнеядныхъ), равно какъ и бактеріи гніенія и тлѣнія. Часть трупа превращается въ гнилую застоявшуюся жидкость и впитывается землею, чему часто способствуетъ подпочвенная вода. Другая часть превращается въ бродильный, гнилостный и тлѣный газы, которые частью всасываются водою и землею, частью

перемѣшиваются съ атмосферой. Наконецъ, часть превращается при помощи личинокъ въ жизнетворческую субстанцію и затѣмъ кружится въ воздухѣ въ образѣ мясныхъ, сѣрыхъ, цвѣточныхъ мухъ, трупныхъ жуковъ и т. п. красивыхъ живыхъ существъ. Даже дождевые черви, вѣчно роющіе почву и пропускающіе черезъ свой пищеварительный аппаратъ пропитанную органическими веществами землю, и тѣ принимаютъ участіе въ этомъ процессѣ. *Sic transit gloria mundi* (такъ проходитъ земная слава)! Вообще организмъ растений, животныхъ и людей создается изъ одинаковыхъ веществъ, которые находятся въ постоянномъ обмѣнѣ и въ безпрестанномъ обращеніи какъ въ водѣ, такъ и въ атмосферѣ нашего земного шара.

Возникаетъ, естественно, вопросъ: какимъ путемъ проникаютъ упомянутые „рабочіе смерти“ въ землю къ погребеннымъ трупамъ? Менъенъ отвѣчаетъ: бактеріи броженія и гніенія какъ бы вездѣ сущи; онѣ находятся въ воздухѣ, въ водѣ и землѣ; слѣдовательно, попадаютъ на трупъ при всѣхъ обстоятельствахъ, разъ ихъ можно встрѣтить на тѣлѣ каждаго живого существа. Сѣрыя мухи и синія мясныя мухи кладутъ свои яйца еще до погребенія, часто даже еще до наступленія смерти и обыкновенно у носа и у рта покойника или умирающаго. Личинки ихъ развиваются въ гробу. Однако, ихъ можно найти только на трупахъ умершихъ въ теплое время года, но ихъ не бываетъ на трупахъ въ зимнее время. Нѣкоторыя мухи и жуки кладутъ свои яйца въ землѣ, гдѣ и развиваются ихъ личинки и по запаху трупныхъ газовъ проникаютъ въ глубь. Благодаря влажности и давленію массы земли, гробы въ невѣроятно короткое время распадаются, и такимъ образомъ личинки наѣдомыхъ получаютъ возможность проникнуть къ самымъ трупамъ. Даже самые прочные гробы не въ состояніи помѣшать этому, дѣло только въ большей или меньшей продолжительности времени. Достойно вниманія то, что нѣкоторыя личинки встрѣчаются только на жирныхъ трупахъ, другія, напр., личинки цвѣточныхъ мухъ—только на худыхъ. Поэтому дородный бонвиванъ подвергается нѣкоторымъ образомъ другой „развязкѣ“, нежели исхудалый голодный пролетарій. Извѣстное сословное различіе продолжается и въ гробу. Конечный результатъ, во всякомъ случаѣ, одинъ и тотъ же.

Джонъ Антуанъ Но.

Враждебная сила*).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

IV.

Одиннадцать часовъ утра. Я выхожу изъ конторы Антильскаго судоходства, гдѣ меня направили къ капитану «Августины Бурдонъ», отходящей черезъ два дня на Гваделупу.

Направляясь на набережную, я замѣчаю на Страссбургскомъ бульварѣ два слишкомъ хорошо знакомыхъ силуэта. Я невольно замедляю шагъ. Но они останавливаются передъ зданіемъ почтамта и начинаютъ медленно приближаться ко мнѣ... Повидимому, Элеазаръ и Раула не ожидаютъ сюрприза...

Кмогунъ беспокоится:

— Отколоти-ка хорошенько обоихъ!—бормочетъ онъ.

Одно мгновѣніе я почти готовъ послѣдовать этому совѣту, потому что лицо Элеазара сіяетъ добротой; оно дышитъ откровенностью, а глаза говорятъ:—«Я строгъ, но справедливъ»; подобно тому, какъ жедѣзо притягиваетъ молнію, такъ эта фizioномія притягиваетъ мой кулакъ.

Выраженіе лица несравненной Раулы также способно внушить отвращеніе. Легко понять, что она чувствуетъ себя безупречной и чудной женщиной и благодаритъ небо за то, что всѣ ея чувства элегантны, благородны и восхитительны... Иду имъ навстрѣчу, поднимая трость!

Узнавъ меня, оба дѣлаютъ совершенно отчетливо одно движеніе: полагаю, что если бы они были менѣе *distingués*, они повернули бы мнѣ спину и удрали бы, какъ зайцы. Но инстинктъ приличія придаетъ имъ храбрость, и они такъ мило улыбаются мнѣ, что я теряюсь. Мнѣ ужасно совѣстно за мою поднятую палку.

Не зная, что съ ней дѣлать, я нѣсколько разъ ударяю ея по тротуару. Слова сами просятся у меня на языкъ. Они прямо требуютъ, чтобы я ихъ произнесъ. Кмогунъ подстрекаетъ меня быть смѣлѣе, и я говорю, но далеко не грознымъ тономъ:

— Канальи! Негодяи! Поймалъ я васъ, разбойниковъ! воровъ!

Они дѣлаютъ видъ, что принимаютъ это за шутку.

— Что за выраженія!—пронически говоритъ Элеазаръ.—Почему не сказать въ приличной формѣ, что ты сердишься за то, что мы не навѣ-

*) См. «Вѣстн. Зн.» № 10.

стили тебя больше въ Бассето? Но мы были такъ заняты! А то, повѣрь, мы не заставили бы тебя скучать...

— Я не люблю грубыхъ выражений. Они мнѣ испортили удовольствіе нашей встрѣчи!—поетъ Раула.

— Я былъ очень обрадованъ, узнать, что докторъ Ле-Лансье выпустилъ тебя... по моей просьбѣ...—сказалъ Роффе.

— Ты ничего не знаешь, что произошло въ Бассето? А Расскажи-ка лучше, что ты сдѣлалъ въ Парижѣ, у моего банкира?

— То, за что ты меня въслѣдствіи будешь отъ души благодарить,—говорить мой кузень.—Я рѣшился перенести все, твой гнѣвъ—хуже того—твое презрѣніе!—но я твердо рѣшилъ защитить тебя отъ тебя самого; если ты хочешь оскорбить меня, изволь, я готовъ снести всякое оскорбленіе. Я готовъ все снести, но я не могъ не оказать тебѣ этой братской услуги.

— Мы и не надѣялись на благодарность!—трагически восклицаетъ Раула.—Мы имѣли въ виду только ваши интересы. Вы можете насъ оскорблять; прости его, Элеазарь!

У меня опускаются руки (они меня простили!!). Я съ трудомъ собираюсь съ мыслями:

—... Нѣтъ, это черезчуръ! Я уничтоженъ,—боленъ,—убить! Сколько въ нихъ нахальства!

Я поворачиваюсь на каблукахъ и, отойдя на нѣсколько шаговъ, слышу, какъ Элеазаръ, въ первый разъ въ жизни утратившій равновѣсіе, кричить двумъ полиціанамъ:

— Хватайте его! Это бѣглый сумасшедшій!

Тогда я снова направляюсь къ нему. Онъ успѣваетъ скрыться въ зданіи почты. Если я произведу скандалъ въ общественномъ мѣстѣ, меня арестуютъ. Поэтому я снова иду своимъ путемъ. Элеазаръ не станетъ меня преслѣдовать. Однако, я все же спѣшу и отъ времени до времени оборачиваюсь. Никого. Но въ безопасности я чувствую себя, только спустившись въ каюту «Августины Бурдонъ».

Запахъ дегтя, пота, вина и табаку.

При зеленоватомъ свѣтѣ, проникающемъ сквозь иллюминаторы и люки, я вижу на фонѣ деревянной панели, выкрашенной въ бѣлую краску съ желтыми жилками, капитана, человѣка лѣтъ пятидесяти съ огромной растрепанной бородой, въ которой не зацвѣли еще осеннія маргаритки: онъ пьетъ грогъ изъ глубокаго стакана. Капитанъ взглянулъ на меня съ негодованіемъ и обратился ко мнѣ не слишкомъ кроткимъ тономъ:

— Кто вамъ позволилъ таскаться по моей лѣстницѣ и пачкать полъ въ комнатѣ?

— Я—отъ м-г Бурдонъ.

— А! чортъ возьми! Это другое дѣло. Вы любите грогъ?

Капитанъ подаетъ мнѣ сигару такой толщины, что, закуривъ ее, я начинаю понимать, что такое горячіе вѣтры...

— Да, люблю... но поменьше сахару.

— Хорошо. Усаживайтесь. Снимайте шляпу. Объясните мнѣ причину вашего посѣщенія, милый мой.

Капитанъ дѣлается слаще самаго сладкаго грога.

— Капитанъ, м-г Бурдонъ говорилъ мнѣ, что вы примете меня на судно въ качествѣ лоцманскаго ученика.

— Боже мой! П вамъ не стыдно въ ваши лѣта!

Вся любезность капитана исчезаетъ. Онъ пододвигаетъ мнѣ мой грогъ, но видъ его ясно говоритъ при этомъ: налилъ, такъ ужъ пей!

— Но, капитанъ, когда м-г Фьялиньи сдѣлался лоцманскимъ ученикомъ, ему было сорокъ лѣтъ, а мнѣ нѣтъ и тридцати пяти.

— Да, но это легендарная личность въ исторіи торговаго флота; благодаря ему, у насъ явился очень нежелательный прецедентъ. Что вы будете дѣлать на суднѣ? Вы ничего не умѣете.

— Я живо выучусь, у меня здоровыя руки.

— Хорошо! А сколько же хочеть съ васъ получать въ мѣсяцъ м-г Бурдонъ?

— Двѣсти франковъ, такъ какъ я уже не молодъ. Молодыхъ онъ принимаетъ за половинную цѣну.

(Увы, да! Когда я прибуду на мѣсто, у меня въ карманѣ не будетъ и пяти луи).

— Двѣсти франковъ! Недурно! Вы знаете, что, становясь лоцманскимъ ученикомъ, вы замѣняете настоящаго *человѣка*, которому бы мы платили. Это испортитъ мнѣ весь экипажъ. А я-то надѣялся на этотъ разъ обойтись безъ лоцманскаго ученика: мы отправляемся послѣзавтра, и у меня уже полный комплектъ людей. А теперь мнѣ придется отпустить *человѣка*, который записался еще недѣлю назадъ. Но тѣмъ хуже для васъ! Вы ничего не знаете, а между тѣмъ вамъ придется работать, какъ будто вы все знаете... а не то я... прикажу васъ сковать! Хотите еще грогу? Таковъ ужъ мой характеръ! Я требователенъ, очень требователенъ—и вы въ этомъ скоро убѣдитесь, мой милый. Хотите еще грогу?

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Хорошо! въ такомъ случаѣ убирайтесь; завтра въ семь утра будьте на мѣстѣ. Купите себѣ морскіе саногы, ваксу, рубашки изъ толстой фланели и одѣяло для вашей койки. Вы принесете все это, а сами явитесь въ синемъ полотняномъ костюмѣ. Это форма на моемъ суднѣ. Вы будете помогать грузить овощи.

V.

Не могу ничего сказать о Пуэнтъ-а-Питрѣ. Я былъ боленъ все время, пока шла разгрузка... Мы пошли на Мартинику, куда прибудемъ сегодня утромъ. (Я узналъ, что м-ше Лешелье, жена Гваделупскаго губернатора тоже больна—бѣдная, маленькая принцесса!—и отправилась въ Сентъ-Пьеръ для поправленія здоровья. Вотъ почему я все еще нахожусь на палубѣ «Августины Бурдонъ»). У меня пять франковъ, съ которыми я долженъ устроиться на Мартиникѣ, такъ какъ я заплатилъ капитану за мѣсяцъ десять луидоровъ. На переходъ отъ Гавра сюда мы употребили ровно тридцать дней.

Кажется, не принято платить на суднѣ, всѣ уплачиваютъ на возвратномъ пути. Но я заявилъ капитану, что, будучи легкомысленъ, боюсь надѣлать на берегу глупостей, и онъ согласился освободить меня отъ опаснаго металла. Такимъ образомъ, я не обворую пароходную компанію,—вы, вѣроятно, угадываете впередъ, что я не собираюсь возвращаться на палубу этого трехмачтоваго судна.

Не могу сказать, чтобы со мной тутъ дурно обращались. Капитанъ безусловно добрый малый, временами не безъ причудъ, но въ общемъ полный добродушія, несмотря на то, что языкъ его отличается грубостью.

Капитанъ теряетъ терпѣніе въ ожиданіи доктора, котораго задержали два проклятыхъ суденышка съ Новой Земли, привезшихъ грузъ инфуэнцы и заразнаго воспаленія легкихъ; передо мной проходятъ воспоминанія объ этомъ странномъ путешествіи, хотя въ то же время мы съ

Кмогуномъ не перестаюмъ восторгаться невѣроятной красотой пейзажа: на фонѣ прозрачной синевы неба зелень всѣхъ оттѣнковъ; высокія кокосовыя пальмы, огромный, многоцвѣтный городъ, небрежно раскинувшійся среди свѣта и тѣней, среди изумрудной зелени.

Да, это было странное путешествіе! Я грузилъ овощи и уголь для повара, я убиралъ мусоръ съ палубы и изъ каюты, я научился скоблить по утрамъ съ матросами палубу, убирать днемъ съ этихъ розовато-бѣлыхъ досокъ слѣды... собакъ капитана. Я чистилъ куриныя клѣтки,—чудесный спортъ! Мнѣ приходилось лазить на мачты. Я съ трудомъ могъ привыкнуть къ этимъ воздушнымъ упражненіямъ, и моя трусость часто вызывала смѣхъ у болѣе здоровыхъ товарищей. Но первые разы это было дѣйствительно ужасно.

Такимъ образомъ я приобрѣлъ множество талантовъ. Но, несмотря на то, что я вполнѣ доволенъ собой, мнѣ не удастся привести къ тому же капитана. Нерѣдко, покончивъ съ какой-нибудь работой, я ощущаю гордость—а капитанъ только пожимаетъ плечами.

Должно быть онъ правъ, но все же я досаую на него.

Передъ Асорекими островами мы провели нѣсколько непріятныхъ ночей. Вообще, темные часы въ открытомъ океанѣ — далеко не веселое время, особенно, въ такъ называемомъ, умѣренномъ поясѣ. Опаковыя сумерки, ни одной, самой маленькой звѣздочки, безпокойный и какъ бы враждебный холодъ, однообразный и печальный плескъ волнъ, выкрикиванія лощмана, ежечасный бой склянокъ—все это говоритъ о смерти и неизмѣримой безднѣ. Но если къ этому присоединяется еще вѣтеръ, жизнь становится прямо невыносимой. Усталые, мы засыпали подъ нашими одѣялами, дрожа отъ холода—и вдругъ эта ужасная команда:—Всѣ на палубу! Я чувствовалъ себя способнымъ на убійство, я готовъ былъ задушить капитана, его помощника и боцмана. Мы соскакивали со своихъ кооекъ, полуодѣтые, въ панталонахъ и фуфайкѣ, безъ сапогъ и кидались на палубу. Шатаясь, мы ступали по палубѣ, которую заливали ледянныя волны, стланивались другъ съ другомъ, падали, снова поднимались, толчки, паденія, эпилептическіе прыжки по скользкимъ доскамъ, безумныя приказанія, отмѣна ихъ, гимнастическія упражненія по мачтамъ, холодныя душъ... точно у Бидгома.

А тамъ надо взбираться наверхъ въ темноту, среди урагана и вѣтра. Пальцы отказываются служить, засмоленные канаты выскальзываютъ изъ рукъ, но проходитъ секунда, и снова они безумно цѣпляются за нихъ.

Утромъ оказывается, что одна шлюпка исчезла, а рубка наполовину разрушена. И мы принимаемся за работу, натягиваемъ паруса и плывемъ по ланисъ-лазурному морю, по которому еще ходятъ небольшія волны.

Во всякомъ случаѣ изъ меня не могъ бы выйти хорошій морякъ. Капитанъ старался вразумить меня, возмущенный моею неловкостью и глупостью; послѣ того, какъ я совершилъ два раза глупости черезчуръ большого калибра, онъ приказалъ сковать меня. Но должно быть онъ потерялъ надежду сдѣлать изъ меня мало-мальски порядочнаго матроса и потому ограничивался теперь тѣмъ, что поручалъ мнѣ самую грязную работу. Но повторяю, онъ недурной неловѣкъ, и я сохранию о немъ воспоминаніе, въ которомъ не будетъ горечи.

А Кмогунъ? Этотъ эскъ-пожиратель живыхъ ткукрійцевъ притворяется мертвымъ, его не существуетъ. Только наканунѣ нашего прибытія въ Пуэнтъ-а-Питеръ, когда море было совершенно спокойно, а на небѣ весело сверкали смѣющіяся здѣзды, онъ пробудился, чтобы сдѣлать мнѣ упрекъ, достойный жителя Ткукры.

— Твой гнусный страхъ такъ силенъ, что онъ заразилъ въ концѣ концовъ и меня, храбрѣйшаго изъ храбрыхъ тукрійцевъ!

Это прямо смѣшно. Онъ самъ былъ настолько уничтоженъ страхомъ, что не имѣлъ даже мужества бѣжать въ Парижъ, скрыться отъ бури!

Зато я на нѣсколько часовъ, хотя и помимо своей воли, ускользнулъ отъ него во время послѣдней ночи, проведенной въ морѣ, при переходѣ отъ Гваделупы на Мартинику.

Не думаю, чтобы то, что я видѣлъ въ эту ночь, было сномъ. Мы только что встали на смѣну первой вахтѣ. Была полночь, но ночная синева отличалась такой яркостью, что минутами мнѣ казалось, что я въ центрѣ огромнаго, дивно прозрачнаго сафира. Я работалъ на мачтѣ. Вдругъ я почувствовалъ, что я расту, поднимаюсь на воздухъ, затѣмъ я начинаю ясно сознавать, что отдѣлился отъ своего тѣла, вижу его подъ собой, это тѣло: оно дѣлаетъ тѣ же движенія, которыя подсказывала ему обыкновенно моя инстинктивная воля. Мало по малу оно становится все меньше и, наконецъ, исчезаетъ... А я самъ, невѣсомый и непредѣльный, парю среди атмосферы, которая становится все голубѣе; я пересекаю свѣтозарныя пространства, въ которыхъ дрожатъ длинные лучи: голубые, зеленые, серебристые, блѣдно-золотые, опаловые. Это чудно красиво, но, несмотря на мое нематеріальное состояніе, я еще слишкомъ полонъ земной жизнью, чтобы не страдать боязнью пространства и ощущеніемъ потерянности въ этой дивной безконечности. Кто отыщетъ меня среди безграничнаго пространства, кто сжалится надо мной? Чей-то голосъ старается успокоить меня: какъ будто голосъ Жанны Штольцъ, когда то любимой мной женщины, которую предназначалъ мнѣ въ жены великодушный Элеазаръ? нѣтъ, такъ чей же?... Эти слова—ихъ смыслъ мало понятенъ моему слабому разуму; но я угадываю приблизительно слѣдующее: нѣкоторыя человѣческія души,—онѣ составляютъ исключеніе,—слишкомъ прекрасны, чтобы существовать исключительно въ грустной тѣлесной тюрьмѣ; у каждой изъ нихъ есть двойникъ, подобный сверкающимъ звѣздамъ, недоступный для земли. Я лечу къ звѣздному отраженію Ирены. Я быстро разсѣкаю огромныя пространства среди свѣта, который становится все болѣе восхитительно ужаснымъ. Ночь пустоты не существуетъ больше для меня среди этого архипелага міровъ: вотъ солнечныя системы, которыя останутся навсегда недоступны астрономамъ нашей планеты, вотъ міриады звѣздъ, какъ бы сотканныхъ изъ драгоценныхъ камней (какое мѣщанское сравненіе!...). Вдругъ среди головокружительнаго пространства я замѣчаю, что навстрѣчу мнѣ плыветъ звѣзда; она растетъ, растетъ, сейчасъ она совѣмъ окутаетъ меня своимъ сіяніемъ. Массы розовато-золотого свѣта уже вокругъ меня; сейчасъ онѣ поглотятъ меня. Мнѣ кажется, что я качусь, верчусь въ волнахъ свѣта, который становится все мягче... Наконецъ, я касаюсь прекрасной любимой звѣзды,—да, любимой потому, что между ею и Иреной существуетъ зависимость...

Какой-то призракъ удаляется; не Жанна ли это Штольцъ? онъ весь одѣтъ лучами, сотканными изъ солнечнаго свѣта. Можетъ быть, Жанна умерла, а, можетъ быть, ея душа пришла мнѣ на помощь изъ глубины лучезарнаго океана снова?

Моя умственная низость мѣшаетъ мнѣ вполне насладиться окружающимъ. Я убѣжденъ, что въ моемъ описаніи вся эта красота получила каррикатурный, мелочной, матеріальный характеръ. Въ этой незнакомой и почти не поддающейся описанію обстановкѣ, столь превосходящей все, что я способенъ обыкновенно видѣть, мнѣ представляются (въ этомъ виновата, разумѣется, моя слѣпая грубость), вещи, имѣющія отдаленное сходство

съ тѣмъ, что я видѣлъ *самого прекраснаго въ подлунномъ мірѣ*. Я вижу растительность: огромные лѣса съ деревьями, похожими на цвѣты; лепестки, вѣнчики, душистыя чашечки, раскачиваемыя ароматнымъ вѣтеркомъ, который тоже какъ бы сотканъ изъ аромата цвѣтовъ, — сладкаго ихъ дыханія. Эти гигантскіе трепещущіе букеты представляютъ все оттѣнки розоваго цвѣта; нѣкоторыя изъ этихъ розъ, цвѣта *губъ брюнетки*, такъ невѣроятно сладострастны, если можно такъ выразиться, что моя душа обновляется при видѣ ихъ. Нѣкоторые цвѣты стоятъ отдѣльно, какъ деревья, — формы ихъ такъ прекрасны, ароматъ такъ привлекаетъ, что струящійся вокругъ нихъ воздухъ могъ бы убить всякое нормальное человѣческое существо. Но, освободившись отъ земной оболочки, я могу вдыхать его безнаказанно и даже погружаться, не помня себя отъ счастья, въ его опьяняющую, свѣтло-алую атмосферу. Огромныя призматическія птицы летаютъ среди верхушекъ деревьевъ-цвѣтовъ, на которыя они временами опускаются свѣтозарной лаской. Ихъ медлительное пѣніе пробуждаетъ воспоминаніе о магическомъ прошломъ, еще болѣе очаровательномъ, чѣмъ это дивное настоящее. Небо розовато-золотистаго цвѣта, кругомъ бьютъ розовыя ключи, пересѣкаемые потоками струящагося золота; музыку ихъ журчанія можно уподобить лишь звукамъ арфы съ хрустальными струнами, — это абсурдъ, знаю, но готовъ сказать еще большій абсурдъ: живыми хрустальными струнами. Вся эта природа сіяетъ, и въ то же время она проникнута нѣжной веселостью. Я тону въ ароматѣ розъ, ароматѣ лѣса, въ умиротворяющихъ лучахъ полей, во всей этой атмосферѣ нѣжности и красоты, являющейся прообразомъ безконечной доброты.

Но, несмотря на безумное желаніе никогда не покидать этой страны наслажденій, о которой я не умѣю дать мало мальски вѣрнаго представленія, я чувствую себя негармоничнымъ, грубымъ, чувствую, что въ этой средѣ черезчуръ эфирной красоты — я не на мѣстѣ. Какая то добродѣтельная сила толкаетъ меня почти помимо своей воли отсюда, хотя я угадываю, что ей грустно лишать меня радостей, которыхъ я не достоинъ.

Но, въ моментъ разставанія съ чудесной звѣздой, которая стала блѣднѣть еще раньше, чѣмъ я ее покинулъ, — передо мной вдругъ выросли чудесныя, невѣроятныя дворцы и растенія, еще болѣе прозрачныя и воздушныя, чѣмъ вся эта сверхестественная обстановка: это воображаемая владѣнія моей принцессы...

...Нѣсколько въ сторонѣ виднѣется большая Антильская вила; очертанія ея болѣе ясны, веранды и пилястры какъ бы сотканы изъ бѣлаго свѣта. Солнечное море достигаетъ своими волнами широкаго снѣжнаго подъѣзда, убранаго пурпуровыми розами, и осыпаетъ дождемъ радужныхъ брилліантовъ кокосовый лѣсъ, сжимающій домъ въ своихъ объятіяхъ и ласкающій высоты галлерей своими золотисто-зелеными перьями.

Мнѣ кажется, что я уже видѣлъ все это, но гдѣ? во снѣ или въ какомъ-нибудь иномъ мірѣ?..

Я проснулся (?) на мостикѣ «Августины Бурдонъ» — меня разбудила команда: «смѣнить вахту!..».

...Какъ пріятно мнѣ сознаніе, что я на берегу въ томъ самомъ уголкѣ земли, куда прибыла для поправленія здоровья моя маленькая принцесса, но у меня всего сто су въ карманѣ, и я не знаю, гдѣ мнѣ удастся переночевать. Нечего и думать о томъ, чтобы заснуть подъ открытымъ небомъ — на этомъ островѣ змѣи любятъ совершать прогулки въ торже

ственной ночной тишинѣ. Я иду въ тѣни деревьевъ по широкой дорогѣ и, наконецъ, истомленный усталостью, перестаю думать обо всемъ на свѣтѣ, кромѣ угла, гдѣ я могъ бы уснуть. Вонъ домикъ, привѣтливый на видѣ. Крыша закрыта вьющимися растеніями, голубыми отъ луннаго свѣта; узкія колонки, поддерживающія галерею, обвиты длинными кистями цвѣтовъ.

Жители этого дома—чернокожіе съ открытыми смѣющимися лицами,—встрѣчаютъ меня дружески. На Мартиникѣ развито гостепрѣимство, и мнѣ даютъ чашку кофе, немножко рому и большую тарелку ухи.

Меня не спрашиваютъ ни о томъ, что я здѣсь дѣлаю, ни о моихъ планахъ на будущее. Меня устраиваютъ на ночлегъ, и я засыпаю подъ тихое пѣніе и болтовню моихъ хозяевъ.

На утро я ухожу, пожавъ руку хозяину.

Мнѣ кажется, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ болѣе доброй націи, чѣмъ та, которая населяетъ Мартинику. Не знаю, отправиться ли теперь прямо въ Фортъ-де-Франсъ или начать съ того, что поразспросить, гдѣ живетъ жена Гваделупскаго губернатора—ее должны всѣ знать. Оба рѣшенія нигде не годятся. Иренѣ не для чего было бы селиться такъ далеко, въ Фортъ-де-Франсъ. Вся колонія отличается замѣчательно здоровымъ климатомъ, за исключеніемъ двухъ или трехъ пунктовъ. А если я, бродяга, начну разспрашивать про супругу важнаго лица,—я могу навлечь на себя подозрѣнія. Какое-то неясное предчувствіе говоритъ мнѣ, что я долженъ вернуться въ Сенъ-Пьеръ. Самое лучшее бросить жребій; до сихъ поръ случай отлично руководилъ мною. Я бросаю маленькую монету, которую сегодня далъ мнѣ на прощанье мой хозяинъ: она будетъ для меня талисманомъ; если—орелъ, пойду на сѣверъ; рѣшетка—на югъ. Рѣшетка! Значить, надо идти въ Сенъ-Пьеръ.

Передо мной развѣваются султаны кокосоваго лѣса, осыпанные бриллиантовыми росинками—это брызги огромныхъ волнъ съ бѣлыми гребнями, бующихъ въ маленькой бухтѣ, отливающей берилломъ, бирюзой и серебромъ. Огромная вила, какъ бы сотканная изъ бѣлаго свѣта, выглядываетъ изъ за золотисто-зеленыхъ вѣтокъ и пурпуровыхъ розъ, пытающихся залить кровью бѣлоснѣжную веранду. Это тотъ самый домъ, который я видѣлъ сегодня на дивной звѣздѣ. Готовъ поклясться, что Ирена близка отъ меня, я ее увижу...

Въ галереяхъ снуютъ слуги всѣхъ расъ и оттѣнковъ кожи, на лѣстницѣ, въ окружающемъ виллу саду. Я не смѣю обратиться къ кому-нибудь съ вопросомъ, но я все больше убѣждаюсь, что не ошибся и прячусь за группой апельсиновыхъ деревьевъ, высокихъ, словно кедры; я долго жду—и начинаю уже отчаиваться: удастся ли мнѣ увидать сегодня мою принцессу. Вдругъ передо мной вырастаетъ Шипитель, старый слуга Роффе, а нынѣ камердинеръ Лешелье:

— М-г Вельи! Вы здѣсь и—въ костюмѣ моряка!..

Услышавъ мое объясненіе, онъ продолжаетъ:

— ...Правъ, значить, былъ Леонардъ изъ Вассето, когда говорилъ, что мадаме вамъ очень нравится. Вѣдь отъ береговъ Сены сюда не ближній свѣтъ.

Кмогунъ, который молчалъ съ той сцены, которую онъ мнѣ устроилъ наканунѣ прибытія на Антильскіе острова, начинаетъ смѣяться. Этотъ смѣхъ совершенно беззвученъ, но онъ дѣйствуетъ мнѣ на нервы сильнѣе, чѣмъ если бы орала цѣлая сотня пьяныхъ разгильдяевъ.

Боюсь, что дикое и испуганное выраженіе моего лица заставитъ обратиться въ бѣгство доброжелательнаго Шапителя. Мнѣ надо поразеспросить его о важныхъ вещахъ. Сдѣлавъ надъ своей волей страшное усиліе, я успокаиваюсь и прерываю потокъ его рѣчей, прося разсказать мнѣ что-нибудь объ Иренѣ.

— Ей гораздо лучше! Она больше не сумасшедшая, нѣтъ! Теперь она взяла верхъ надъ мужемъ. Сначала онъ дурно обращался съ ней, ругалъ ее, бросалъ ей въ голову чѣмъ попало—у нея даже осталось два-три шрама на лицѣ. Но нашлась одна старая негритянка, колдунья, которая дала ей какое-то зелье, благодаря которому она-таки побѣдила monsieur. О! онъ теперь съ ней очень милъ, а ей приходится только стараться не показывать виду, что ей хотѣлось бы, чтобъ онъ убрался подальше...

Видя, что не добьюсь отъ него ничего, кромѣ бессмысленной болтовни—я снова прерываю рѣчь Шапителя.

— ...Она гуляетъ иногда днемъ?

— Понятно, она сейчасъ выйдетъ. Какъ только начинается дуть морской вѣтерокъ, она отправляется по дорогѣ къ Сень-Пьеру, скрываясь отъ жары въ тѣни кокосовъ и магнолій.

Я разстаюсь съ Шапителемъ, увѣривъ его, что долженъ еще до наступленія ночи вернуться на палубу корабля. Мнѣ не повезло (увы! это вѣрная подробность!), и я эмигрирую (куда же я эмигрирую?)... А!.. въ Венецуэлу, гдѣ только что открыта золотая руда...

Описавъ огромный кругъ, я пробираюсь къ виллѣ съ другого конца и прячусь среди высокой, густой тропической растительности, раскинувшей огромные бѣлые цвѣты; мимо меня протекаетъ узкая тропинка, на которой царитъ зеленоватый сумракъ.

Здѣсь меня не отыщутъ. Въ такіе заросли забредаютъ развѣ одни бродяги, охотники за черными ласточками или индусы, собирающіе пальмовую капусту...

Между тѣмъ я могу наблюдать за всѣмъ, что происходитъ въ томъ бѣломъ, свѣтозарномъ домѣ. Проходятъ невѣроятно долгіе часы или—минуты.

Наконецъ, показывается женщина, которую я и узнаю и—не узнаю; я задыхаюсь! Мое сердце бьется рѣдкими глухими толчками, потрясающими и разбивающими все мое тѣло: по ступенямъ веранды спускается Ирена, одѣтая въ розовую кисею; она одна.

Она ли это? Не знаю! Да, это она! Но что такъ смущаетъ меня въ ней? Она идетъ берегомъ моря; она направляется въ мою сторону; она все ближе, ближе.

Въ пяти шагахъ отъ тропинки она вдругъ останавливается и начинаетъ вглядываться въ эту темную аллею, защищенную широкой листвою; какая-то сила тянетъ и отталкиваетъ ее одновременно. Ея фигура ярко освѣщена, я жадно вглядываюсь въ ея черты; да, жадно! Если бы я не боялся показаться грубымъ, то написалъ бы, что мои глаза голодны и жаждутъ ея! Но, что это, Боже мой! Издали я узналъ ее послѣ короткаго колебанія. А теперь, когда она уже близко, я не ощущаю той радости, которой страшился,—радости, самое ожиданіе которой вселяло въ меня восхитительный ужасъ... Это Ирена и не Ирена въ то же время! Неужели я такой отверженный и безчувственный человѣкъ, что люблю ее меньше, потому что она страдала—и много страдала? Она все еще хороша, но иначе хороша, чѣмъ въ тѣ дни, когда она проникла въ меня не такъ, какъ, по выраженію божественнаго Бодлера, проникаетъ ножъ, но какъ сладкій и сильный ароматъ, наполнившій все мое существо. Магическая ночь ея

глазъ такъ же темна и сіяюща, какъ и прежде. Если она и поблѣднѣла, если цвѣтъ ея лица какъ-то угасъ, зато онъ приобрѣлъ нѣжность умирающаго цвѣтка. Ея лицо напоминаетъ цвѣтъ чайной розы, лепестки которой покрыты едва замѣтнымъ бархатистымъ налетомъ золотой цвѣточной пыли. Ея ротъ съ жестокими и прелестными розовыми губками такъ же свѣжъ, какъ и прежде. Всѣ черты сохранили свою чистоту. Я узнаю ихъ—(вѣдь съ того дня прошло меньше года)—узнаю, но почему въ общемъ она производитъ на меня чуждое впечатлѣніе? Въ ней нѣтъ никакой замѣтной перемѣны—и все же передо мной другая женщина. Въ ея красотѣ нѣтъ ничего болѣзненнаго (напротивъ; Ирена располнѣла, сдѣлалась энергичнѣе; въ глазахъ ея явилось выраженіе гордой воли, котораго я не замѣчалъ раньше). Это красота ослабительная, торжествующая, великолѣпная—и все же, въ глубинѣ души я сознаю, что она много страдала, что въ ней произошла какая-то перемѣна, совершенно преобразовавшая ея внутреннее существо. Я убѣжденъ, что та дивная звѣзда,—которую я видѣлъ,—ея прежнее отраженіе, а не теперешнее.

Она все еще обворожительна, но прелесть ея иная и, съ моей точки зрѣнія, менѣе привлекательная. На мгновеніе я воображаю, что моя любовь преобразается, что я питаю къ ней новую страсть, но это не та страсть, которая наполняла меня содроганіемъ, безумно опьяняющимъ и дивно безпокойнымъ счастьемъ. Зачѣмъ обманывать себя? Нѣтъ, я люблю не эту женщину, но прежнюю Ирену,—ту, исчезнувшую! *Эту* Ирену я пожираю глазами, ища въ ней чего-нибудь, что возродило бы прежнюю страсть, но это не *моя Ирена!*

Значитъ, конечно! Я люблю несуществующую женщину. Теперь у меня не будетъ даже надежды отыскать ее въ иномъ мірѣ, потому что самый принципъ ея существа, исходившій отъ нея, какъ ароматъ отъ цвѣтка, измѣнился. Она больше не она! Она никогда не будетъ ею!.. Стоитъ ли жить послѣ этого!.. И мной овладѣваетъ не страданіе, но какое-то мертвящее равнодушіе ко всему! Ничто не можетъ меня больше интересовать. Конечно! Моя пѣсенка спѣта!..

Я хохочу такъ громко, что Ирена направляется въ мою сторону, приподнимаетъ занавѣсъ изъ лѣанъ и склоненныхъ листьевъ и видитъ меня. Она удивлена, но не испугана. Нѣтъ! Она больше не похожа на себя! Что осталось отъ маленькой, божественно-женственной и боязливой принцессы? Лицо ея становится энергичнымъ, почти угрожающимъ; голосъ, все еще сладкій, но болѣе громкій повелительно звучитъ въ тишинѣ высокоствольнаго лѣса.

— Ваша шутка прямо глупа! Вы хотѣли меня испугать, не правда ли? Это вамъ не удалось, но я все-таки угадываю ваше отвратительное намѣреніе. Уходите, да скорѣе! Слышите!

Эти слова возбуждаютъ во мнѣ безумное, неистовое бѣшенство. Кмогунъ не упускаетъ случая и подзадориваетъ меня. Несмотря на свое отвращеніе, я читаю, я вынужденъ читать въ душѣ ткукрійца лучше, чѣмъ въ своей собственной. Онъ тоже взбѣшенъ противъ этой женщины, которая позволила себѣ предстать передъ нимъ, не похожая сама на себя; она не сможетъ уже доставить ему совершенно тѣ же наслажденія, какъ въ ночь... моего заключенія въ одиночную камеру; онъ взбѣшенъ противъ этой женщины которая осмѣливается послѣ всего говорить съ нами, какъ съ собаками!—Выведенные изъ себя, мы кидаемся на Ирену; я хватаю ее за локти и волоку въ чашу. О нѣтъ! я не жажду ея больше. Нѣтъ.—Я хочу ее убить, наказать за ея лживое тѣло,—да, лживое, потому что

оно не даетъ мнѣ прежней иллюзіи; мнѣ хочется избить ее самымъ ужаснымъ образомъ, какъ билъ, мстя за долгую измѣну, человѣкъ каменнаго вѣка свою угрюмую подругу.

И я бью ее, я мучаю ее съ грубой утонченностью, хотя мое поведение возбуждаетъ отвращеніе во мнѣ самомъ.—Происходитъ то, что я смутно предчувствовалъ, не смѣя себѣ признаться въ этомъ: она меня узнала и удерживается отъ стоновъ, чтобы кто-нибудь не пришелъ ей на помощь, чтобы меня не убили, какъ бѣшеное животное. Да, въ Вассето я осквернилъ ее; а теперь мучаю, какъ палачъ! Но тогда, въ Вассето, я сталъ ее собственностью, я, который считалъ, что овладѣлъ ею—и она защищаетъ меня своимъ молчаніемъ.

Отвратительный злодѣй, я радуюсь, видя, какъ изъ глазъ ея катятся крупныя слезы, какъ она сжимаетъ челюсти, чтобы не кричать. Я ломаю ей кисти рукъ, я кусаю ихъ; я впиваюсь ногтями ей въ горло. Сначала она пытается вырваться, но я рву ея щеки, давлю грудь, терзаю ногтями все тѣло, и она умолкаетъ! О какое наслажденіе доставляютъ мнѣ ея подавленные рыданія! Какъ я страдаю ея страданіемъ, но какъ это дико хорошо! А! вотъ идея! сейчасъ возьму ножъ и немножко надрѣжу ей кожу, чтобы показалась кровь; я не собираюсь убивать ее такъ скоро; я хочу продлить удовольствіе!.. И я плачу вмѣстѣ съ нею... О, какая сладостная пытка побѣдить въ себѣ ужасную жалость! Я плачу, но ликую!.. Прена видитъ, какъ блеснуло лезвіе. Глаза ея выражаютъ безконечный ужасъ,—и умоляющую нѣжность! Что это, она, кажется, снова сходитъ съума? Она обнимаетъ меня одной рукой за шею и обжигаетъ мнѣ губы—о, какимъ поцѣлуемъ!—А! Понимаю; она хочетъ спасти свою жизнь, отдавшись мнѣ. Мое поведение въ Вассето было ей больше по вкусу; это было веселѣе! И я до крови кусаю ея губы!..

Мое бѣшенство вдругъ проходитъ. Истинная, безумная жалость овладѣваетъ мною, наполняя мое сердце такой острой болью, что я готовъ закричать.

Кмогунъ, ледяной призракъ съ кровавой планеты, вышелъ изъ меня, навсегда освободилъ меня отъ своего присутствія, такъ онъ—по крайней мѣрѣ сказалъ уходя. (Мнѣ кажется, что на этотъ разъ я *матеріально* слышалъ его голосъ).

Уходитъ ли онъ счастливый тѣмъ, что привелъ меня, къ чему долженъ былъ привести,—или я испугалъ его своимъ преступленіемъ, которому нѣтъ имени, и которое я совершилъ по задуманному имъ плану, на поцѣлуй я отвѣтилъ укусомъ—злодѣяніе, быть можетъ, не имѣющее себѣ подобнаго въ исторіи міровъ.

У меня едва хватаетъ силы продолжать свою повѣсть послѣ этого признанія: кажется, это самое ужасное, что я совершилъ въ теченіе всѣхъ своихъ существованій...

Мнѣ помнится, что я кинулся къ Ирентъ, покрывая ея тѣло нѣжными и рыдающими ласками... Да, я убѣжденъ въ этомъ. Она еще разъ поцѣловала меня своими израненными губами; въ этомъ поцѣлѣ было прощеніе.

Прена была въ обморокъ. Я думалъ, что она умерла. Я слышалъ голоса... ее искали... мои крики донеслись до виллы. Отчаяніе и ужасъ снова сдѣлали меня безумнымъ. Я почувствовалъ себя гонимымъ животнымъ... Что же произошло дальше? Кажется, я долго скрывался въ за-

росляхъ странныхъ лѣсовъ и велъ феерическую жизнь: ѣлъ странные плоды, пилъ воду изъ ручья, а по ночамъ спалъ на деревьяхъ, выбирая самыя прочныя сучья... Въ одинъ прекрасный день меня изловили на лѣсной полянѣ, на берегу моря... Помню какой-то портъ, дома, виллу... Меня повели, связавъ, какъ живую обезьяну, и бросили въ маленькой темной комнатѣ. Должно быть, меня снова засадили въ сумасшедшій домъ, такъ какъ я часто слышалъ такія же женскіе крики, какъ въ Вассето. Сколько времени я пробылъ тамъ? Какимъ образомъ мнѣ удалось снова бѣжать? Не знаю...

Я оказался на одномъ суднѣ, потомъ на другомъ, машинально выполняя свою работу, скорѣе поглупѣвшій, чѣмъ безумный: сумасшедшаго бы не завербовали! Дурака, другое дѣло! Кажется, я побывалъ въ Гвіанѣ, въ Ла-Платѣ, на Малуинскихъ островахъ, въ Южномъ Чили, въ Вальпарайзо...

Въ одной изъ американскихъ республикъ я узналъ новость, которая меня поразила. Полномочный французскій министръ, нѣкій Лешелье, бывшій губернаторъ Гваделупы, перешедшій на дипломатическую карьеру съ той легкостью, которая характеризуетъ нашихъ политиковъ—обвиненъ въ секвестраціи *) своей жены...

... Черезъ нѣсколько недѣль послѣ серьезнаго медицинскаго изслѣдованія и леченія меня признали страдающимъ обыкновенной (?) неизлечимой формой кретинизма—совершенно безвредной для лицъ, вооруженныхъ здоровой палкой... и вотъ, что я увидѣлъ черезъ нѣсколько дней послѣ своего освобожденія.

Я вышелъ утромъ, чтобы сѣсть на пароходъ, отправляющійся въ портъ Мандеросъ. Дорога шла экваторіальнымъ лѣсомъ, послѣ дождя освѣщеннымъ міриадами изумрудовъ и брилліантовъ—былъ какъ разъ періодъ дождей. Въ тотъ самый моментъ, когда я, восхищенный, любовался огромными цвѣтущими деревьями, какъ бы осыпанными розовымъ снѣгомъ, когда я съ сладострастной радостью вдыхалъ ихъ райскіе ароматы,—вдыхалъ разлитое въ воздухѣ счастье,—изъ оврага въ двухъ шагахъ отъ меня вышли два человѣка съ головами каторжниковъ; они несли обнаженное тѣло, изъ котораго сочилась кровь, тѣло прекрасной, но исхудалой женщины; волосы ея волочились по землѣ.

Кажется, въ мой мозгъ вселилось новое безуміе? Эти люди—сторожа того госпиталя, изъ котораго я только что вышелъ.

Они грубо бросили мертвую въ фургонъ, котораго я не замѣтилъ сначала, и раньше, чѣмъ я успѣлъ очнуться отъ своего оцепѣненія, лошадь тронулась по грязной дорогѣ. Полетѣли комья грязи, испепѣившіе фургонъ желтоватыми пятнами... и все исчезло.

Часы проходили за часами, а я все лежалъ въ грязи въ припадкѣ дикаго отчаянія... Въ тотъ моментъ, когда тѣло пронесли мимо меня, я, несмотря на ея растрепанные волосы и ужасную худобу, узналъ черты когда-то горячо любимой Ирены, моей маленькой принцессы. И я не могъ сдѣлать ни одного движенія, не могъ нанести ударъ палачамъ (да, палачамъ—вѣдь я не забылъ того ужаснаго видѣнія)...

Не знаю, какъ я вернулся во Францію. Я увидался съ братомъ и, какъ онъ меня ни убѣждалъ, я настоялъ, чтобы меня увезли въ Вассето, котораго больше не покину. Эти огромныя бѣлыя зданія и тѣнистые сады для меня будутъ вѣчно полны ею, прежней Иреной, которая снова стала

*) Лишеніе свободы.

похожа на себя. Она улыбается мнѣ, освѣщенная лучами солнца и розовыхъ розъ, сидя у того окна, гдѣ я увидѣлъ ее впервые.

Леонардъ попросилъ, чтобы его снова приставили ко мнѣ. Онъ сталъ уважать меня, узнавъ о причинѣ моего побѣга. Я ничего не сказалъ ему о томъ, чѣмъ кончился мой сонъ, моя мечта!

У него теперь свѣтло-лиловый котелокъ, подарокъ одного больного, уроженца республики Либеріи,—и онъ беретъ уроки рисованія акварелью (клянусь, что я не сочиняю!) у одного славнаго сумасшедшаго, получившаго когда-то медаль въ *Palais de l'Industrie*; единственная цѣль этихъ уроковъ — имѣть возможность самому подправлять свою великолѣпную шляпу, подмазывая ее кистью!

Я больше не видѣлъ м-ме Робине, вступившей во второе супружество съ какимъ-то учителемъ! Теперь къ ея услугамъ черная доска и цѣлыя залежи мѣлу.

Жалѣю учениковъ ея мужа.

VII.

Письмо доктора.

Monsieur!

Разбирая бумаги въ комнатѣ, которую въ теченіе многихъ лѣтъ занималъ вашъ дальній родственникъ, Эмольфъ Жигонъ, находившійся на излеченіи въ Вассето, я нашелъ довольно объемистую рукопись (черновую) подъ заглавіемъ «Враждебная сила». Въмѣстѣ съ ней я нашелъ и письмо за вашей подписью и прочелъ его. Въ немъ вы говорите именно объ этой рукописи.

Вы сообщаете м-г Жигону, что намѣреваетесь издать этотъ литературный трудъ (?), *) вашу общую работу, какъ только найдете издателя.

Разрѣшите мнѣ представить вамъ нѣкоторые вѣрныя и необходимыя примѣчанія на случай, если бы вы вздумали осуществить этотъ планъ.

1. Больница Вассето основана не докторомъ Фруэнгомъ, а мною, нижеподписавшимся.

2. Докторъ Фруэнъ, ассистентъ его Бидгомъ и госпожа Ле-Лансье и Баружъ никогда не входили въ составъ администраціи. Напротивъ, больные Фруэнъ, Бидгомъ, Ле-Лансье и Баружъ, *нынѣ уже умершіе, но предвѣстительно радикально излеченные* *), пользовались моими попеченіями въ теченіе многихъ лѣтъ.

3. Имена сторожей и сидѣлокъ вымышлены.

4. Приписываемые имъ подвиги немыслимы при строгой дисциплинѣ, царящей въ Вассето. Сидѣлки и больные никогда не входятъ въ сношенія съ сторожами и больными, благодаря принятымъ мною предосторожностямъ. Сцены разгула, описанныя въ рукописи, есть, слѣдовательно, плодъ вашей фантазіи.

5. Въ моемъ заведеніи никогда не было больныхъ, носившихъ фамилію Вельи или Ниго. Но вашъ сотрудникъ, м-г Жигонъ, называлъ себя разными именами: Вельи, Ниго и Жигонъ въ разные періоды своего умственного разстройства. Доктора Маня я совершенно не знаю. Единствен-

*) Вопросительный знакъ поставленъ докторомъ, который очевидно, мало образованъ.

**) Это я подчеркнулъ (Но).

ный, находившійся у меня на излеченіи докторъ (не считая врачей Фруэна и Бидгома) носилъ фамилію Кракусине. *Равно я не имѣлъ удовольствія знать м-г Кмогуна съ Ткукры *)*.

6. Больные, находящіеся на излеченіи въ моемъ заведеніи, ни подѣ какимъ видомъ не подвергаются пыткамъ водой. Даже душъ примѣняется въ очень рѣдкихъ случаяхъ. *(Аппараты, которыми мы пользуемся при этомъ, являются послѣднимъ словомъ науки)*.

7. Со стороны м-г Жигона разсказъ о бѣгствѣ изъ Вассето—чистое хвастовство. Изъ моего заведенія бѣжать невозможно. Впрочемъ, онъ часто бредилъ о Южной Америкѣ и Антильскихъ островахъ, гдѣ бывалъ въ молодости.

8. Я никогда не пользовался услугами крестьянъ для поимки больныхъ.

9. М-ме Лешелье—очень уважаемая сумасшедшая старушка съ лицомъ колдуньи—м-г Жигонъ могъ видѣть ее только издали. Мужъ этой дамы уже въ теченіе многихъ лѣтъ обрабатываетъ зеленые поля Новой Каледоніи, находясь въ пожизненной ссылкѣ.

10. Пока я живъ, мои сторожа ни на минуту не могутъ предаться бесполезнымъ занятіямъ, а въ особенности артистическимъ (какъ живопись—хотя бы и только акварельная). Кромѣ того, я воспретилъ имъ ношеніе головныхъ уборовъ страннаго или необыкновеннаго цвѣта.

11. Все сказанное вами объ м-г Элезарѣ Рофье,—чистая клевета. Онъ женатъ не на Раулѣ Фромажъ, а на моей дочери Гастоніи, не имѣетъ ничего общаго съ семьей Жигонъ и служить надзирателемъ въ Вассето. Эта послѣдняя подробность избавляетъ меня отъ необходимости говорить объ его достоинствахъ.

12. Подъ моей кровлей поджигатели никогда не находили пріюта.

Прошу васъ помѣстить это письмо въ концѣ вашей книги, снабдивъ ее также краткимъ предисловіемъ, для предупрежденія тѣхъ терпѣливыхъ читателей, которые не оттолкнутъ отъ себя съ негодованіемъ послѣ первой же страницы эти грубые и непристойныя строки, пусть имъ будетъ извѣстно, что ваша «Враждебная Сила» не документальное, а фантастическое произведеніе.

М-г Эмольфій Жигонъ видѣлъ все въ уродливомъ освѣщеніи. Онъ былъ не мономанъ *), а—если мнѣ будетъ позволено употребить образное выраженіе—прямо оркестръ безумія.

Мнѣ очень прискорбно, что я въ заключеніе вынужденъ обвинить васъ въ вѣроломствѣ. Вы воспользовались тѣмъ, что я разрѣшилъ вамъ частыя посѣщенія вашего родственника и приняли участіе въ сочиненіи вредной и ложной книги.

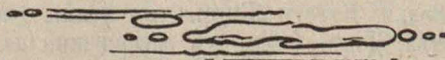
Не буду официально протестовать противъ ея изданія, не желая доставить ей незаслуженный успѣхъ.

Прошу не отказать въ моихъ справедливыхъ требованіяхъ и принять увѣреніе въ моемъ почтеніи въ той степени, въ какой вы его заслужили.

(Подпись). Докторъ *Ле-Жуз-Д'Энавъ*».

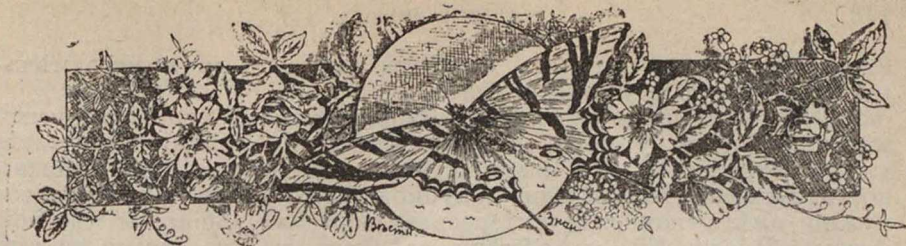
Я исполнилъ ваше приказаніе, господинъ докторъ.

Конецъ.

*) Это подчеркнуто мною (Но).

**) Помѣшанный на одномъ предметѣ.

А. К. Смоликовъ.

I. Занятія энтомолога.

Опредѣленіе бабочекъ, обмѣнъ, продажа и покупка. Цѣнность бабочекъ. Литература.

При наличности хорошаго атласа или коллекціи бабочекъ для сличенія, опредѣленіе дневныхъ бабочекъ не трудно; исключеніе представляютъ только пестрянки и маленькія дневныя бабочки изъ семейства *Lycaena*, которыя по лицевому рисунку и окраскѣ иной разъ мало отличаются другъ отъ друга, но разница заключается въ рисункѣ и окраскѣ нижней стороны крыльевъ. Ночницы-совки опредѣлять труднѣе, и есть семейства настолько близко похожія, что опредѣлить ихъ можетъ только опытный энтомологъ. Въ особенности трудно различить виды варьирующіе по окраскѣ и рисунку. Есть еще способъ опредѣленія по жилкованію крыльевъ. Опредѣленіе по жилкамъ можно производить, смачивая при помощи тонкой кисточки нижнюю сторону крыльевъ ксилоломъ. Пока не испарится ксилолъ, крыло дѣлается прозрачнымъ и на свѣтъ можно хорошо видѣть жилки. Но для этого нужно знать хорошо жилкованіе, или пользоваться руководствомъ Гейнемана или А. Бау. Энтомологи обыкновенно очень охотно дѣлаютъ опредѣленіе бабочекъ, въ томъ числѣ и пишущій эти строки. Въ Губенѣ существуетъ международное энтомологическое общество, насчитывающее болѣе 1000 членовъ. Это общество опредѣляетъ бабочекъ желающимъ и является посредникомъ при мѣнновыхъ и торговыхъ сношеніяхъ энтомологовъ между собою (Gubeu, Präsident Herr Postsekretär H. Redlich), а также фирма д-ра О. Штаудингера (Dr Staudinger, Blasewitz-Dresden). Последняя фирма ежегодно выпускаетъ прейскурантъ бабочекъ съ обозначеніемъ цѣны на каждую (см. „Вѣст. Знанія“ № 9 сего года, „Взаимопомощь“). Цѣны этихъ прейскурантовъ не вполнѣ соотвѣтствуютъ рѣдкости видовъ, а скорѣе спросу на ту или другую бабочку, но съ теченіемъ времени корреспонденты приравниваются къ этому недостатку прейскуранта и тогда, ставъ на твердую почву, легко учитываютъ разницу въ оцѣнкѣ. Если же рѣчь идетъ о бабочкѣ, которой нѣтъ въ спискахъ, то ей дѣлаютъ собственную оцѣнку въ указателѣ дубликатовъ. Когда посылаютъ бабочекъ для опредѣленія, то каждую снабжаютъ номеромъ, который накалываютъ подъ бабочками, и прилагаютъ списокъ всѣхъ номеровъ,

съ прибавленіемъ данныхъ о мѣстѣ поимки и личными замѣчаніями; этимъ облегчается опредѣленіе.

Когда собиратель имѣетъ много видовъ, свойственныхъ мѣстной фаунѣ, у него возникаетъ желаніе приобрести и такіе виды, которые въ его мѣстности не встрѣчаются. Этого можно достигнуть обмѣномъ или покупкою. Для обмѣна или продажи нужно имѣть наиболѣе интересные виды или варіететы мѣстной фауны. Предлагать къ обмѣну слѣдуетъ только самые чистые экземпляры, исключая только большихъ рѣдкостей, при чемъ всѣ дефекты, недостатки должны быть указаны. Мѣняться можно или бабочка за бабочку, или считая по той цѣнѣ, которая указана въ послѣднемъ каталогѣ Штаудингера. Для покупки можно рекомендовать *Staudinger, Emile Deyrolle (les fils)*. Paris, rue de Bac. *Wilhelm Schlüter*. Naturalien und Lehrmittelhandlung in Halle auf dem Saale. *Linnaea*. Naturhistorisches Institut in Berlin, N. W. 6, Luisenplatz, 6. Есть еще много частныхъ лицъ, которые могутъ купить или доставить болѣе рѣдкихъ бабочекъ за умѣренную цѣну. Что же касается продажи, то она производится такъ же, какъ и покупка, но только по нѣсколько меньшей цѣнѣ. Пересылка бабочекъ уже наколотыхъ и расправленныхъ производится такимъ образомъ. Берутъ ящичекъ высотой въ 1 вершокъ, на дно котораго наклеиваютъ пробку или торфъ. Сверху кладутъ слой ваты, а затѣмъ плотно вкалываютъ бабочекъ нѣсколько косо—такъ, чтобы конецъ брюшка лежалъ на ватѣ. Для лучшаго его укрѣпленія, по бокамъ его вкалываютъ 2 булавки. Затѣмъ ящичекъ заклеиваютъ и вкладываютъ въ другой ящикъ—большій, окруживъ маленькій сѣномъ, стружками или мятую бумагой. Если же отправлять за границу, то слѣдуетъ въ маленькомъ ящикѣ, сверху, сдѣлать окошечко и вставить стекло (для таможни). Извѣстные и излишніе виды бабочекъ пересылаются въ конвертахъ. Берется продолговатый кусокъ нетонкой бумаги и сгибается на срединѣ наискось (по діагонали) пополамъ. Бабочка кладется туловищемъ на сдѣланный изгибъ, со сложенными вверхъ крыльями, причемъ усики приподнимаются къ краямъ крыльевъ. Конвертъ закрываютъ, загибая излишніе края бумаги въ противоположныя стороны (можно даже заклеить), на конвертъ же на уголокъ ставится мѣсяць, число и мѣсто поимки. Затѣмъ слѣдуетъ взять произвольной величины ящичекъ, положить слой ваты, затѣмъ сложить конверты съ бабочками, сверху другой слой ваты, посыпанный нафталиномъ и, заколовъ такъ, чтобы конверты не болтались, сдать на почту. Такой способъ пересылки очень дешевъ и принятъ всѣми натуралистами. Продажа, покупка и обмѣнъ принято производить въ зимніе мѣсяцы (октябрь, ноябрь и декабрь), такъ какъ эти мѣсяцы для энтомоловъ болѣе свободны. Кромѣ бабочекъ, мѣняють и покупають живыхъ куколокъ, пересылая ихъ въ ноябрѣ, предварительно списавшись. Куколки пересылаются въ жестяныхъ коробкахъ съ исколотыми боками, въ сыромъ мхѣ, наблюдая при этомъ, чтобы куколки не соприкасались и въ ящикѣ не болтались. Жестяной ящичекъ съ куколками обертывается травой и зашивается въ рѣдкій холстъ.

Изъ списковъ, опредѣлителей и руководствъ на русскомъ языкѣ можно указать слѣдующія книги и статьи. *Аксаковъ, С.* Собираніе бабочекъ. Семейная хроника и воспоминанія. *Алфераки, С.* 1) Чешуекрылыя Сѣв. Кавказа. Труды Русс. Энтомолог. Общества, X, 1876 г. 2) Чешуекрылыя окрестностей Таганрога. Тамъ же, VIII, X и XI, 1874—1880 г. 3) Кульджа и Тянь-Шань. Путевыя замѣтки Зап. Отд. Русс. Геогр. Общества XXIII, 1891 г. *Блэгерь, Г.* 1) Новые данныя о фаунѣ чешуекрылыхъ С.-Петербургской губ. *Norae Soc. Ent. Ross.* XXX, 1897 г. 2) *Macrolepidoptera* изъ Воронежской,

Харьковской и Екатеринославской губ. Зоолог. изслѣдованія Лѣснаго Департамента. Труды Эксп. Лѣсн. Деп. Научн. Отд. IV, 1898 г. *Богдановъ, А.* Таблицы Гейнемана для опредѣленія *Macrolepidoptera*, Москва, 1861 г. *Бутлеровъ, А.* Дневныя бабочки Волго-Уральской фауны. Казань, 1848 г. *Хомяковъ, М.* Списокъ дневныхъ бабочекъ Рязанской и Тульской губ. Москва, 1862 г. *Энонъ Бессеръ А.* Энтомологическая фауна Средняго Урала. Зап. Урал. Общ. Любит. Естеств., XX, 1898. *Ершовъ, Н.* Каталогъ чешуекрылыхъ Росс. Имперіи. Труды Русс. Энт. Общ., IV, 1869 г. *Голубиовъ, В.* Чешуекрылыя Красноуфимскаго уѣзда Зап. Урал. Общ. Люб. Ест., VII, 1892 г. *Грумъ-Гржимайло, Г.* Описаніе Амурской области. С.-Петербургъ, 1894 г. *Гюнтеръ, А.* Списокъ бабочекъ Олонецкой губ., 1868 г. *Гофманъ, Э.* Бабочки Европы. Переводъ Н. Холодовскаго. С.-Петербургъ, 1897 г. *Гюберъ, А.* О ловлѣ ночныхъ бабочекъ. Труды Русс. Энт. Общ., IV, 1870 г. Саратов. Губ. Вѣдом., 1861 г. *Кеппенъ, Ф.* Вредныя насѣкомыя. III томъ, С.-Петербургъ, 1883 г. *Меліоранскій, В.* Къ фаунѣ дневныхъ бабочекъ южнаго берега Крыма. *Notae Soc. Ent. Ross.*, XXX, 1897. *Мельниковъ, Н.* Каталогъ коллекціи бабочекъ А. М. Бутлерова. Казань, 1887 г. *Россинскій, Д.* Бабочки Курской губ. Изв. Общ. Люб. Ест., Антр. и Энт., 1887 г. *Соколовъ, Д.* Списокъ бабочекъ предгорья Урала. Оренбургъ, 1897 г. Остальная литература на иностранныхъ языкахъ, преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ.

А. Смоликовъ.

Вопросы народного образования и—библиографіи.

А. А. Николаевъ.

Школа и общество.

(По поводу рѣчи, произнесенной 19 сентября с. г. министромъ народного просвѣщенія генераль-лейтенантомъ Глазовымъ).

Бесѣдуя о положеніи низшей школы, мы не разъ имѣли возможность указывать на то, что дѣло народного образованія является настолько скромнымъ, настолько сложнымъ, настолько насущнымъ, что при его разрѣшеніи нельзя полагаться на нашу бюрократическую машину, разсчитывать только на чиновничьи силы, и что только привлеченіе къ нему широкихъ общественныхъ силъ и инициативы можетъ двинуть его сколько-нибудь значительно впередъ. Мы не разъ твердили на страницахъ «Вѣстника Знанія», что достаточное для всеобщаго обученія количество школъ, необходимое число библиотекъ и читаленъ, сѣть народныхъ аудиторій, улучшеніе положенія учащихся, расширеніе программы, усовершенствованіе методовъ преподаванія, облегченіе для бѣднѣйшихъ учениковъ доступа въ школу—все вопросы первой важности и могутъ реализоваться въ жизни только при участіи возможно большаго количества мѣстныхъ общественныхъ силъ, при наличности возможно тѣснаго союза между семьей и школой. Мы съ удовольствіемъ теперь видимъ, что эта мысль не остается достояніемъ только текущей литературы, что она все сильнѣе и сильнѣе притягиваетъ къ себѣ вниманіе руководителей правительственной машины. Въ этомъ отношеніи значительный интересъ представляетъ рѣчь, произнесенная 19-го сентября министромъ народного просвѣщенія при приѣмѣ директоровъ гимназій, реальныхъ и другихъ училищъ г. Петербурга.

«Въ настоящее время»,—говорилъ генераль-лейтенантъ Глазовъ:—«со стороны общества къ школъ предъявляются большіе запросы, но не всё еще они получили должное удовлетвореніе. Причина этому—настоящая тяжелая экономическая условія; но мы съ вами хорошо знаемъ, что успѣхъ учебнаго дѣла зиждется не на матеріальномъ только основаніи, а главнымъ образомъ, на духовномъ. Школа—непосредственная преемница родительской власти надъ дѣтьми, продолжательница дѣла воспитанія, поэтому между школой и родителями необходима самая тѣсная связь, которой однако не существуетъ. Какъ со стороны прессы, такъ и со стороны родителей учащихся раздается немало нареканій противъ педагогическаго персонала, самый фактъ которыхъ говоритъ о существованіи розни между семьей и школой... *Вотъ эту-то разнь между семьей и школой*

нужно постараться прекратить»... Такова—благодарная и благородная задача, выдвинутая теперешним министром народного просвѣщенія... задача, правда, не новая (почти годъ тому назадъ, бывшій министр народного просвѣщенія Зенгеръ говорилъ въ своемъ циркулярѣ, что семья «можетъ стать наиболѣе вліятельною и благородной союзницею школы»), но впервые,—въ наше время,—поставленная съ высоты министерскаго поста съ такою ясностью и категоричностью. Объ этой-то задачѣ единенія семьи и школы мы и хотимъ на этотъ разъ побесѣдовать.

Особенно ярко и опредѣленно выступаетъ значеніе этой задачи въ жизни средней школы, такъ какъ руководители и преподаватели этой школы принадлежатъ къ тому самому общественному слою—средняго интеллигента, къ которому относятся и громадное большинство родителей дѣтей, обучающихся въ названныхъ школахъ. Такимъ образомъ, фактическое сліянiе двухъ враждующихъ лагерей—педагоговъ и родителей—здѣсь можетъ произойти легче, естественнѣе и прочнѣе. Вотъ почему мы будемъ здѣсь имѣть въ виду пока—только среднюю школу.

Но если сліянiе двухъ указанныхъ враждебныхъ элементовъ здѣсь можетъ произойти быстрѣе въ силу, такъ сказать, естественнаго положенія вещей, то не надо забывать, что именно здѣсь вражда съ обихъ сторонъ достигаетъ наибольшаго своего напряженія. Намъ невольно вспоминается живая сценка, которой г. А. Яблоновскій заканчиваетъ свои правдивые и талантливые очерки «изъ гимназической жизни».

Гимназисты покончили свои выпускные экзамены и получили свои аттестаты, ради которыхъ въ теченіе восьми лѣтъ подчинялись истинно арестантскому режиму, установленному въ силу разныхъ циркуляровъ ретивыми «халдеями». И вотъ теперь свободные, торжествующіе, смѣющіеся и счастливые вырываются они съ демонстративнымъ пѣніемъ «gaudeamus» изъ стѣнъ томившаго ихъ заведенія.

«Только на улицѣ прекратилось пѣніе,—разсказываетъ г. Яблоновскій,—да и то потому, что Савицкій (одинъ изъ окончившихъ) потребовалъ вниманія и командовалъ всѣмъ построиться въ одну шеренгу!

— Черти! Строй-ся!...

Возбужденные, до послѣдней степени расшалившіеся, хохочущіе «черти» покорно построились, предвидя, что Савицкій, имѣя какой-нибудь особый планъ, выкинетъ какую-нибудь штуку.

— Господа! Мы въ послѣдній разъ переступаемъ порогъ этого заведенія,—гаркнулъ Савицкій и широкимъ жестомъ руки указалъ на зданіе гимназій.—Отрясемъ же прахъ отъ ногъ своихъ. Тряси, ребята, лѣвую!

Взрывъ дружнаго, единодушнаго хохота встрѣтилъ это оригинальное предложеніе и тридцать ногъ, точно по командѣ, поднялось и замелькало въ воздухѣ.

— Пра-авую!—командовалъ дальше Савицкій.

Проходившая публика съ изумленіемъ останавливалась вокругъ странныхъ молодыхъ людей, старательно отряхавшихъ свои ноги, и долго не могла понять, въ чемъ дѣло»...

И сколько ихъ,—молодыхъ людей,—отряхающихъ ежегодно прахъ свой отъ того ненавистнаго учебнаго заведенія, въ которомъ «содержали» ихъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ отрочества, когда воспримчивость такъ сильна, чувство такъ напряженно. Нѣтъ, не забудутъ они того чувства отвращенія, которое сумѣли вызвать въ нихъ зарвавшіеся «халдеи», и унесутъ они это чувство въ ту общественную жизнь, равноправными членами которой они станутъ черезъ какія-нибудь пять-шесть лѣтъ. Вотъ откуда беретъ свои истоки эта вражда, раздѣляющая семью и школу. Что же нужно сдѣлать для того, чтобы затушить, уничтожить это ужасное чувство?

II.

Прежде всего, конечно, необходимо освѣжить атмосферу, въ которой приходится жить современному учительскому персоналу. Въ настоящее время высшія руководящія должности въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ очень часто находятся не въ подходящихъ рукахъ. Слишкомъ душна атмосфера недовѣрія, сыска и формализма, въ которой приходится дѣлать свою карьеру педагогическому персоналу для того, чтобы даже у тѣхъ, кто обладаетъ живой и дѣятельной душой, не опустились руки послѣ ряда бесплодной борьбы и усилий. Прекрасную иллюстрацію даетъ намъ въ этомъ отношеніи только что вышедшая интересная книжечка г-жи Ольги Давыдовой «Изъ воспоминаній учительницы»¹⁾. Въ ней передается повѣсть неудачной педагогической карьеры молодой, энергичной и образованной дѣвушки, хотѣвшей отдать всѣ свои силы воспитанницамъ той женской провинціальной гимназіи, куда ее закинула судьба.

Въ качествѣ классной дамы одного изъ старшихъ классовъ, ей пришлось съ первыхъ же дней быть свидѣтельницей всей постановки преподаванія, находившагося въ рукахъ педагоговъ, часто пробывшихъ на своемъ дѣлѣ по многу лѣтъ и заслужившихъ славу «опытныхъ и искусныхъ» преподавателей. И вотъ то общее впечатлѣніе, которое она уносила съ собой послѣ перваго дня соприкосновенія съ педагогическимъ міромъ гимназіи, которая, ничѣмъ, вѣроятно, была ни лучше, ни хуже множества такихъ же гимназій: «Теперь уже не тоскливая муть,—говоритъ нашъ авторъ,—поднималась въ душѣ, а тоска, настоящая тоска росла и крѣпла, и большимъ и сильнымъ кольцомъ охватывала мозгъ. Бѣдныя, милыя дѣвочки,—проносилось у меня въ головѣ. И неужели все это непоправимо? Неужели я не смогу вамъ дать, что нужно для васъ взамѣнъ этой рутинѣ?»

Однако на этотъ вопросъ отвѣта пришлось ждать недолго. Съ первыхъ же шаговъ выяснилась вся та «нищета философій», которой питался этотъ маленький мірокъ провинціальной гимназіи. Особенно типична въ этомъ отношеніи встрѣча молодой учительницы съ директоромъ гимназіи, пожелавшимъ сразу поставить на путь истинный молодую дѣвушку.

— Вотъ,—подавая мнѣ книгу, сказалъ онъ,—это III томъ, откройте, гдѣ заложено, прочтите статью 705, тутъ отмѣчено, читайте вслухъ!

— «Общія качества каждаго лица, состоящаго на гражданской службѣ,—начала я читать,—и общія обязанности, которыя должны быть всегда зеркаломъ...

— Слышите—зеркаломъ!—прервалъ меня Иванъ Михайловичъ (директоръ).

— «.... всѣхъ его поступковъ,—продолжала я,—суть: 1) здравый разсудокъ, 2) добрая воля...

— Погодите, погодите,—прервалъ онъ меня снова.—Разберемъ первые два пункта: «здравый разсудокъ» это вамъ понятно?

— Понятно.

— Ну, а «добрая воля»? Что такое вообще «добрая воля»,—испытующе смотря на меня, спросилъ Иванъ Михайловичъ...

— Добрая воля,—повторила я,—да, пожалуй, та, что стремится принести людямъ добро.

— Позвольте! я вотъ стремлюсь принести людямъ добро, Лидія Антоновна Куссе (начальница) стремится, вы стремитесь, всѣ мы стремимся, и каждый, если бы по своему стремился,—нѣтъ, это не годится! Богъ знаетъ, что вышло бы! Нѣтъ, вы подумайте хорошенько.

— Я не знаю, въ какомъ здѣсь смыслѣ сказано, Иванъ Михайловичъ,—позвольте, я дочитаю.

¹⁾ Изданіе В. И. Раппъ, В. И. Потапова и С. Г. Лозинскаго. Кіевъ. 1904 г., ч. 30 к.

— Погодите, погодите!—прервалъ меня Иванъ Михайловичъ, прикрывая ладонью злополучную статью.—Слушайте! Добрая воля у всѣхъ у насъ одна—это воля нашего начальства. У васъ—моя, у меня—моего начальства, у моего начальства—воля высшаго начальства и т. д. Вотъ оно, зеркало-то!—торжествующе смотря на меня, произнесъ онъ.

— Выходить—что у насъ у всѣхъ нѣтъ своей доброй воли?—улыбаясь, спросила я.

— Позвольте! какъ же это выходить?—обидѣлся Иванъ Михайлычъ.—Вы подчиняетесь мнѣ во всемъ неуклонно—въ томъ ваша добрая воля, я—другимъ—въ этомъ моя добрая воля. А вы говорите: нѣтъ! Понятно, кажется, все! Какой же вамъ еще своей воли надо?

Читатель, надѣмся, не посѣтуетъ на насъ за то, что мы привели эту сценку, выхваченную изъ самой жизни, во всей ея колоритности. И эта теорія, столь возлюбленная нашей бюрократіей и такъ часто дающая чувствовать себя въ нашей дѣйствительности, далеко не является пустымъ звукомъ. О, нѣтъ! обезличенный и бездарный учительскій персоналъ, который такъ часто встрѣчается въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и вотъ уже столько лѣтъ служить источникомъ для типовъ жалкихъ, запуганныхъ, безвольныхъ людей—наглядное доказательство того, что эта теорія «доброй воли», выболтанная бездарнымъ директоромъ, находитъ себѣ въ нашей жизни широкое примѣненіе.

Воспоминанія г-жи Ольги Давыдовой даютъ намъ въ изобиліи типы того же рода. «Уютъ ихъ собственной маленькой и несложной жизни—вотъ, казалось, къ чему сводились всѣ интересы моихъ сослуживцевъ», съ горечью замѣчаетъ авторъ. Истинные интересы школы, истинныя задачи воспитанія—все это отодвинулось куда-то вдаль, затуманилось. На первый планъ выдвинулась «добрая воля» начальства, которая и заняла всю авансцену педагогическихъ интересовъ. А что это за начальство,—мы видѣли на директорѣ, мы видимъ и на начальницѣ... «Она, знаете», рекомендовала ее одна изъ сослуживицъ нашего автора, «совершенно случайно попала на мѣсто начальницы, по протекціи, послѣ смерти мужа, и вотъ, теперь, не имѣя ни малѣйшихъ педагогическихъ склонностей, ни малѣйшаго такта и опыта—она не чувствуетъ подъ собой твердой почвы». А сколько ихъ, такихъ начальницъ!

Результаты такого положенія вещей на лицо: преподаваніе ведется кое-какъ, задачи воспитанія педагогическимъ персоналомъ или вовсе игнорируются или исполняются такъ, какъ подсказываютъ ему шкурные интересы, ученики и ученицы покидаютъ среднюю школу безъ солидныхъ знаній, безъ достаточнаго развитія, общество, оттортое отъ близкаго и дорогаго ему дѣла, озлобляется на школу.

Лучшія силы, конечно, бѣгутъ изъ этой душной атмосферы, а если не бѣгутъ, то выбрасываются вонъ или усваиваютъ себѣ циничную точку зрѣнія.

— Ну знаете, трудно у васъ жить,—сказала я,—читаемъ мы у того же автора.

— Нѣтъ, ничего, жить можно!—весело и увѣренно отвѣтилъ Кострицынъ (одинъ изъ наиболее умныхъ и живыхъ преподавателей).—Обтерпимся, пригладимся,—такъ, такъ ли еще заживешь! Мы, вѣдь, тоже не деревянные,—а живемъ же. Главное—поплевать надо на все больше»...

Вотъ къ чему привело выдѣленіе учительскаго персонала въ особую замкнутую корпорацію. Узкіе взгляды, себялюбивые мотивы заполнили все. Надо дѣйствительно широко открыть въ этотъ міръ двери обществу, печати. Только такимъ средствомъ можно освѣжить эту застоявшуюся атмосферу.

III.

Но мѣры въ данномъ направленіи нужны быстрыя и энергичныя. Не слѣдуетъ забывать, что такой строй отношеній слагался исторически, что въ теченіе нѣсколькихъ десятиковъ лѣтъ среднюю школу гнули именно подъ такіе шаблоны, что всѣ недостатки ея и все недовѣріе къ ней общества пустили въ жизнь глубокіе корни.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ наша средняя школа не представляла такой однообразно унылой картины общаго упадка *). «Въ сороковыхъ и въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія», говоритъ проф. Клоссовскій: «въ духъ, характеръ и постановкѣ гимназій существовала, если можно такъ выразиться, огромная пестрота». Бюрократія не успѣла еще наложить своей все нивелирующей длани. Педагогическому персоналу предоставлена была относительная свобода, какъ въ учебномъ, такъ и въ воспитательномъ отношеніяхъ. Общій фонъ русской жизни того времени отличался грубостью и невѣжествомъ; онъ, само собою разумѣется, сильно давалъ себя чувствовать и на общій постановкѣ дѣла среднихъ учебныхъ заведеній. Но среди невѣжественнаго и грубаго персонала учительскихъ кадровъ того времени время отъ времени встрѣчались отдѣльныя свѣтлыя личности преподавателей, искренно преданныхъ дѣлу воспитанія юношества. Вотъ эти-то лучшіе лкди и давали подроставшему поколѣнію направленіе, оставляли въ его душѣ неизгладимый слѣдъ. «Вѣчная память вамъ, добрые и честные безвѣстные труженники, дѣлавшіе въ тиши свое колоссальное культурное дѣло!»—восклицаетъ проф. Клоссовскій:—«эти руководители внушали своимъ питомцамъ то глубокое уваженіе и почтеніе къ наукѣ, къ университету, которымъ были проникнуты студенты 50—70-хъ годовъ и которое въ настоящее время почти совершенно потеряно. Замѣтимъ, что *свое святое дѣло лучшіе преподаватели того времени могли дѣлать, благодаря лишь значительному простору, дававшему возможность проявлять индивидуальныя способности и несковывавшему умъ и сердце сухимъ формализмомъ*» (курсивъ нашъ). Такъ вотъ, даже въ тѣ ужасныя времена кусочекъ простора, ускользнувшій какъ-то отъ вниманія могущественной и тогда бюрократіи, открывалъ возможность работать и приносить обществу дѣйствительную пользу его живыми силами. Въ настоящее время, конечно, общій уровень жизни поднялся, запасъ живыхъ силъ общества сталъ неизмѣримо больше, но зато и бюрократія стала внимательнѣе и опытнѣе: она сплошнымъ прослойкомъ легла между школой и обществомъ, она совершенно разъединила механизмъ школьнаго дѣла отъ тѣхъ живыхъ общественныхъ силъ, которыя одиѣ только могли бы заставить работать этотъ механизмъ быстро, ровно и продуктивно.

Школа и общество жили тогда одною жизнью. Подъемъ общества тотчасъ же отражался и на подъемѣ средней школы. Такъ, то оживленіе общественной дѣятельности, которое сказалось въ русскомъ обществѣ тотчасъ же послѣ крымской войны, не прошло безслѣдно и для средней школы: связи между школой и обществомъ были слишкомъ прочны и достаточно обильны. «Лучшіе и наиболѣе талантливые люди»,—замѣчаетъ про этотъ періодъ проф. Клоссовскій (стр. 19): «не только не избѣгали педагогической дѣятельности, но, напротивъ того, неудержимо стремились занять учительскія каѳедры, сознавая, что на этомъ именно поприщѣ съ наибольшей пользой можно послужить родинѣ... Вообще, періодъ отъ 1858 по 1864 г. былъ расцвѣтомъ въ жизни русской средней школы. Гимназическая молодежь этого времени научалась любить науку, уважать своихъ наставниковъ, неукротимо рвалась къ высшему образованію, насквозь пропитыва-

*) «Матеріалы къ вопросу о постановкѣ средняго образованія въ Россіи» А. Клоссовскаго, заслуженнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго Университета. Одесса. 1904. стр. 12 и слѣд.

лась стремленіемъ къ труду на пользу общества. Довѣріе къ гимназіямъ возросло. Въ этомъ именно періодѣ получали свое гимназическое образованіе дѣятели, внесшіе на своихъ плечахъ великія реформы 60-хъ годовъ».

Но медовые мѣсяцы русской общественности прошли, какъ извѣстно, довольно быстро. Уже въ 1864 г. началась реформа гимназій, которая и закончилась къ 1871 г. полной побѣдой классицизма, проводимаго въ жизнь небольшимъ кружкомъ правительственныхъ чиновниковъ, сгруппировавшихся вокругъ графа Толстого, лично очень мало знакомаго съ древними языками. Русское общественное мнѣніе и русская интеллигенція были рѣшительно противъ новой реформы. Указывали на несоответствіе односторонняго увлеченія классицизмомъ запросамъ времени, на реакцію противъ него въ западной Европѣ, на отсутствіе классиковъ, которые могли бы провести, какъ слѣдуетъ, реформу, на неблагоприятное вліяніе классицизма на развитіе и образованіе учениковъ. Всѣ эти предсказанія и сбылись очень быстро, но тогда на нихъ правящія сферы не хотѣли обращать никакого вниманія. Классицизмъ былъ взятъ подъ особое покровительство правительства: всякая критика его въ печати была запрещена. Да оно и понятно. «Школу»,—говорить (стр. 21) проф. Классовскій:—«пытались сдѣлать орудіемъ политики. Новая система, старалась отвлечь вниманіе подросткающаго поколѣнія отъ вопросовъ дня. Явно проглядывала тенденція по возможности затруднить доступъ въ среднія и, тѣмъ самымъ, въ высшія учебныя заведенія, что достигалось повышеніемъ платы за право ученья, непомерной строгостью при переходныхъ и, особенно, окончательныхъ испытаніяхъ, введеніемъ особой системы письменныхъ испытаній. Требовали, чтобы зоркій глазъ педагога ни на минуту не упускалъ изъ вида питомца; его старались оградить даже отъ вліянія семьи, путемъ вѣтшкольнаго надзора. Рядомъ циркуляровъ окончательно сковано было всякое проявленіе индивидуальности, какъ въ учащихся, такъ и въ учащихся. Преподаватели, подавленные массой циркуляровъ, должны были стать въ положеніе нѣмыхъ исполнителей формальнаго, сухого отношенія къ дѣлу. Живая душа и сердце были изгнаны изъ школы. Очевидно, подобное положеніе не могло установить добрыхъ отношеній между обществомъ и школой. Они стали въ положеніе двухъ враждебныхъ, вѣчно воюющихъ сторонъ. Между школой и обществомъ наступилъ полный разладъ. Вслѣдствіе этого, было постепенно распатано и потеряно довѣріе къ школѣ вообще, а затѣмъ исчезло и частное довѣріе, существовавшее раньше къ отдѣльнымъ личностямъ»...

Такъ подошли мы къ тому невыносимому,—по свидѣтельству официальныхъ представителей правительства—положенію средней школы, которое она переживаетъ въ настоящій моментъ. Нужны реформы, коренныя реформы, которыя сблизили бы школу съ обществомъ.

IV.

Реформы и выдвигаются... Кое-что ими сдѣлано весьма существенное: такъ, ненавистному классицизму нанесенъ непоправимый ударъ. Однако этого мало... однако реформы затрогиваютъ только вопросы программы, а не самой конструкціи школы и школьныхъ отношеній. Такого рода измѣненія создаютъ переходное время, одинаково не удовлетворяющее ни сторонниковъ, ни противниковъ реформы. Неустойчивость положенія средней школы доходитъ до того, что распределение уроковъ въ гимназіяхъ, исходящее всегда отъ центральной власти, дѣлается всего на годъ, что свидѣлствуетъ объ отсутствіи твердо выработанныхъ взглядовъ у самихъ руководителей школьной политики. Конечно, не такъ-то легко выйти изъ этого переходнаго времени. Для новой конструкціи школы необходима огромная работа, которая бы произвела переорѣнку всѣхъ сторонъ школьнаго дѣла. До сихъ поръ реформа производилась келейнымъ путемъ, исходила исключительно изъ тайственныхъ нѣдръ канцелярій. Но очевидно, что такая огромная работа совершенно непосильна одной бюрократіи. Для такого важнаго,

для такого отвѣтственнаго дѣла необходимо мобилизовать всѣ общественныя силы. Нельзя поэтому не привѣтствовать всѣ указанія, которыя дѣлаются въ этомъ направленіи. Ихъ еще немного, но они уже есть. Такъ, напр., еще въ прошломъ году комиссіей по народному образованію Курскаго Губернскаго Земства былъ принятъ докладъ г-жи Л. Н. Рутцень, одно изъ положеній котораго гласитъ: «ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы проектъ реформы (средней школы) былъ выработанъ, какъ специалистами въ лицѣ представителей, выбранныхъ отъ педагогическихъ совѣтовъ учебныхъ заведеній и отъ ученыхъ Обществъ, такъ и представителями земскихъ учреждений». И, дѣйствительно, это былъ бы въ данномъ случаѣ единственно вѣрный путь. Надо помнить, что бюрократія не только стѣснена въ своемъ отношеніи къ жизни тѣми рамками «доброй воли», о которой такъ распространялся описанный въ воспоминаніяхъ г-жи Давыдовой директоръ, но она еще представляетъ и слишкомъ громоздкій механизмъ для того, чтобы поспѣвать за жизнью тамъ, гдѣ нужна быстрая и энергичная работа. Обильныя доказательства въ этомъ отношеніи даетъ само министерство народнаго просвѣщенія. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, сколько разъ земства получали разрѣшенія на учительскіе курсы послѣ того, какъ проходили всѣ сроки, возможные для устройства такихъ курсовъ; сколько разъ факультеты получали разрѣшеніе на перестановку тѣхъ или другихъ лекцій, послѣ того какъ учебный годъ, на который разрѣшеніе испрашивалось, былъ законченъ, и т. д., и т. д.! Если такимъ же путемъ пойдетъ и реформа средней школы, то долго еще мы не выберемся изъ этого переходнаго, сумбурнаго времени. Еще хорошо, что печати теперь дали хоть нѣкоторую возможность принять участіе въ обсужденіяхъ, касающихся жизни и судьбы средней школы. А совсѣмъ еще недавно и этого не было!

Большее довѣріе къ обществу въ дѣлѣ народнаго образованія необходимо далѣе и въ силу того, что только такимъ путемъ, — какъ это блестяще доказало министерство финансовъ своими коммерческими училищами, — могутъ быть привлечены къ дѣлу народнаго образованія достаточныя средства. Средства сейчасъ нужны огромныя. Среднеучебныхъ заведеній гораздо меньше того, чѣмъ это необходимо по тому спросу, который существуетъ въ настоящее время въ обществѣ на среднее образованіе; классы вездѣ переполнены; помѣщенія являются совершенно неудовлетворительными съ гигиенической точки зрѣнія; учительскій персоналъ получаетъ совершенно недостаточное вознагражденіе и перенагруженъ работой; на постановку правильнаго физическаго воспитанія, на экскурсіи, на бібліотеки, на наглядныя пособія — средствъ почти нигдѣ не достаетъ. Бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія скуденъ и играетъ ничтожную роль въ общемъ бюджетѣ имперіи. Такъ, въ среднемъ за 34 послѣднихъ года онъ составлялъ 2,3% всего обыкновеннаго государственнаго бюджета. Въ отдѣльные годы это процентное отношеніе давало нѣкоторыя колебанія (отъ 1,6 до 2,7%); за послѣдніе же годы нѣсколько даже понизилось противъ средняго до 2,1—2,0%. Въ то время, какъ общіе имперскіе расходы въ 1897 г., составляли на человѣка 10 р. 17 к., — на народное образованіе изъ этой суммы приходилось 29 коп. На быстрый ростъ бюджета министерства народнаго просвѣщенія рассчитывать при нынѣшнихъ тяжелыхъ условіяхъ не приходится. Остается опять-таки единственный путь — привлечь къ дѣлу общественныя симпатіи, общественную инициативу. А между тѣмъ мысль эта далеко не усвоена многими изъ нашихъ официальныхъ представителей. Укажемъ для примѣра хотя бы недавній случай съ гадяцкимъ уѣзднымъ земствомъ (Полтавской губерніи), предполагавшимъ открыть у себя торговую школу и встрѣтившимъ протестъ губернатора. Исторія эта не лишена общественнаго значенія. Вотъ что писалъ корреспондентъ «Рус. Вѣд»:

«Вопросъ объ учрежденіи торговой школы баллотировался въ земскомъ собраніи дважды, при чемъ въ другой разъ прошелъ громаднымъ большинствомъ

въ закрытой баллотировкѣ въ экстренномъ собраніи, когда стало извѣстно, что уставъ школы утвержденъ министерствомъ финансовъ, и что послѣднее дало согласіе на субсидированіе школы (4 тыс. руб. ежегодно). Изъ объясненій, данныхъ въ губерискомъ собраніи председателемъ гадячской управы и другими гласными, оказалось слѣдующее. Уѣздное собраніе, зная отношеніе министерства народнаго просвѣщенія къ открытію среднихъ учебныхъ заведеній, потеряло надежду имѣть хотя бы неполную гимназію въ Гадячѣ, а потому остановилось на устройствѣ торговой школы, дающей все-таки общее образованіе и позволяющей расширить въ будущемъ программу общеобразовательныхъ предметовъ. Главнымъ противникомъ учрежденія торговой школы все время былъ председатель земскаго собранія, уѣздный предводитель дворянства, г. Аршуковъ, собравшій 84 подписи для жалобы губернатору, которая и привела къ опротестованію постановленія собранія. Кромѣ предводителя дворянства, жалоба подписана еще только двумя гласными. Въ доказательство того участія, которое принималъ предводитель въ собраніи подписей къ жалобѣ губернатору, председателемъ управы были прочитаны въ собраніи обращенія предводителя къ земскимъ начальникамъ и мѣстнымъ землевладѣльцамъ. Указывалось таже, что въ одномъ печатномъ мѣстномъ органѣ, выписываемомъ обыкновенно волостными правленіями, печатались статьи, направленные противъ учрежденія въ Гадячѣ торговой школы, а когда председатель управы попробовалъ-было послать свою замѣтку по этому вопросу, то замѣтка не была напечатана. «Если при такихъ условіяхъ было собрано 84 подписи среди лицъ разныхъ сословій, знакомыхъ и родственниковъ, то одно это обстоятельство говоритъ лишь въ пользу сознательнаго отношенія земства къ учрежденію торговой школы»,—замѣтилъ председатель гадячской управы. Старѣйшій изъ гласныхъ, г. Масюковъ, гласный гадячскаго земства, обратилъ вниманіе собранія на крайне печальный образъ дѣйствій земскихъ людей во всей этой исторіи. «Я служу здѣсь болѣе 30-ти лѣтъ,—говорилъ г. Масюковъ,—но чтобы свои люди примѣняли такіе способы борьбы, этого я еще не видѣлъ. У земскихъ гласныхъ есть одинъ способъ для недовольныхъ—приложеніе къ журналу особаго мнѣнія. По выслушаніи объясненій предводителя дворянства г. Аршукова и гласнаго Барсукова (земскаго начальника) собраніе большинствомъ противъ 8-ми постановило признать постановленіе гадячскаго земства объ открытіи торговой школы не нарушающимъ интересовъ мѣстнаго населенія».

Эти препятствія, которыя мѣстная инициатива и дѣятельность встрѣчаютъ въ области народнаго образованія со стороны официальной Россіи, тѣмъ любопытнѣе, что они не находятъ никакого основанія въ законѣ*). Наше законодательство никогда не смотрѣло на народное просвѣщеніе, какъ на столь же необходимый институтъ народной жизни, какими оно считаетъ судъ, администрацію, земство и т. д. Министерство Народнаго Просвѣщенія, согласно ст. 3424 Св. Зак. т. XI ч. I, «только оказываетъ помощь, не выходя изъ размѣра общей, ассигнуемой въ его распоряженіе, суммы, тѣмъ сельскимъ, волостнымъ, городскимъ и земскимъ общественнымъ управленіямъ, а равно частнымъ лицамъ и обществамъ, кои будутъ ходатайствовать объ открытіи школъ и сдѣлаютъ при этомъ для школы въ той или другой формѣ извѣстное матерьяльное пожертвованіе». Такимъ образомъ инициатива цѣлкомъ, по закону, переносится на мѣстное населеніе, министерство же должно только содѣйствовать этой инициативѣ... Каковымъ въ дѣйствительности оказывалось это содѣйствіе, мы уже видѣли...

IV.

Но вопросъ о слияніи семьи и школы можетъ быть разрѣшенъ весьма разнообразно. Въѣдъ и «халден» г. Яблоновскаго тоже хлопотали о такомъ

*) См. «Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ по 49 губерніямъ Европейской Россіи».—«Просвѣщеніе». Составилъ Н. Л. Петерсонъ, стр. 162 и слѣд.

сближеніи, стараясь попасть въ тонъ всякаго рода циркулярамъ. Но только изъ ихъ статей ничего, кромѣ новой тяготы, не вышло.

Стремленіе къ сближенію этихъ двухъ враждующихъ лагерей,—школы и общества,—должно быть, употребляя наиболѣе ходкія въ настоящій моментъ въ официальномъ краснорѣчій выраженія, искреннимъ и благожелательнымъ, т. е., обществу должно быть предоставлено не только участіе денежными средствами и, такъ сказать, декоративная часть, но и инициатива, и контроль, и критика надъ школьнымъ дѣломъ. Иначе дѣло не пойдетъ; всякая другая постановка дѣла будетъ палліативомъ, не разрѣшитъ запутавшагося положенія, не привлечетъ дѣйствительно активнаго отношенія общества къ школѣ, не примиритъ общества со школой. Есть въ данномъ отношеніи прекрасная иллюстрація у Г. И. Успенскаго, о которой очень кстати будетъ теперь напомнить. Вотъ какъ рассуждаетъ одинъ изъ его героевъ *).

«Напримѣръ, устраиваю я школу, покупаю книги, катехизисы, арифметику, приплачиваю учителю своихъ десять-двадцать рублей, словомъ—устроиваю дѣло елико возможно хорошо, и тутъ же чувствую, что—нѣтъ!—все дребезжитъ что-то, гдѣ-то ужъ треснуло... Разумѣется, направленіе сельской школы, выборъ учебниковъ и т. д. принадлежитъ не мнѣ. Но, несомнѣнно, мнѣ принадлежитъ какое-то тайное согласіе съ избраннымъ не мною направленіемъ для школы. Я, желающій или, по крайней мѣрѣ, думающій, что дѣлаю дѣло общественное, полезное народу, чувствую одновременно двѣ такія вещи: я вижу, положимъ, что учитель беретъ мѣсто потому, что ему нечего ѣсть и надобно что-нибудь дѣлать и чѣмъ-нибудь жить до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ дьяконскаго мѣста и не найдетъ невѣсты. Положимъ, я кромѣ того вижу, что учебный кругъ предметовъ, преподаваемыхъ крестьянскимъ дѣтямъ, ничего не прибавитъ въ ихъ развитіи, ни на одну каплю не прояснитъ окружающаго,—положимъ, что я въ этомъ убѣжденъ... но все-таки я устраиваю эту школу... Я чувствую, что дѣлаю вздоръ, что вмѣсто дѣла выходитъ какая-то декорация съ усерднѣйше преданной фигурой учителя, съ кротко благословляющимъ дѣтей батюшкой, съ этими дѣтьми, вступающими на новый путь»...

Понятно, что при такихъ условіяхъ ничего путнаго не выйдетъ, палліативъ вскорѣ раскроетъ свое пустое содержаніе, и ничего, кромѣ новой тяготы и новаго озлобленія въ результатъ не получится. Для того, чтобы между обществомъ и средней школой произошло дѣйствительное сближеніе, дѣйствительно заполнилась та пропасть, которая раздѣляетъ два этихъ враждующихъ лагеря, надо дать обществу широкій контроль надъ всѣми сторонами школьной жизни, надо возложить на общество всю отвѣтственность за успѣхъ школьнаго дѣла, надо и въ этой области искреннее и благожелательное отношеніе правящихъ сферъ къ обществу...

Окинемъ же въ заключеніе общимъ взглядомъ тѣ пожеланія, которыя наше общество уже успѣло высказать по отношенію къ средней школѣ. Эти пожеланія прекрасно сформулированы въ упомянутой уже работѣ проф. Клосовскаго.

«1) Школа должна быть *единая*; она расположена по цикламъ, изъ которыхъ каждый даетъ опредѣленное законченное образованіе.

2) Система самостоятельныхъ отдѣльныхъ цикловъ устраняетъ одинъ изъ крупныхъ недостатковъ современной школы, а именно сліяніе возрастовъ и вызванныя съ этимъ дисциплинарныя трудности.

3) Для успѣшности преподаванія и поддержанія дисциплины, классы должны быть немногочисленны (не болѣе 30—35 учениковъ).

*) «Овца бѣзъ стада», т. II, стр. 223, изд. Павленкова.

4) Характеръ школы долженъ соответствовать потребностямъ и запросамъ жизни.

5) Школа, какъ въ цѣломъ, такъ и въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ, должна пользоваться довѣріемъ со стороны высшей власти и общества.

6) Авторитетъ учителя необходимо поднять возможно выше, а для этого необходимо значительно улучшить матеріальное положеніе преподавателей и предоставить имъ всѣ возможные средства для самоусовершенствованія (расширеніе библиотекъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ учреждений, экскурсій, командировки на сѣзды и т. под.).

7) Между школой и семьей должно быть установлено общеніе путемъ открытія педагогическихъ обществъ и сѣздовъ и свободного обсужденія школьныхъ вопросовъ въ печати».

Добавимъ отъ себя, что только путемъ такого тѣснаго сближенія школы и общества можетъ быть, по нашему убѣжденію, разрѣшенъ и еще одинъ изъ самыхъ насущныхъ вопросовъ школьнаго обученія: вопросъ о правѣ всѣхъ дѣтей, — богатыхъ и бѣдныхъ, знатныхъ и простонародныхъ, талантливыхъ и безталанныхъ, — получать одинаковое образованіе. Этотъ вопросъ долженъ быть вопросомъ чести и совѣсти современнаго общества, но на немъ до сихъ поръ слишкомъ мало останавливалось вниманіе достаточныхъ классовъ, пользующихся по преимуществу привилегіями средняго и высшаго образованія. Въ одной изъ своихъ бесѣдъ мы указывали на ту расточительность, съ которой въ настоящее время губится масса природныхъ талантовъ въ народной средѣ. Конечно, это — не специфическая черта именно русской жизни, то же самое, хотя въ неизмѣрно меньшей степени происходитъ и въ западныхъ культурныхъ государствахъ. Но тамъ на это невыгодное для государства положеніе вещей начинаютъ обращать серьезное вниманіе. Такъ, во Франціи недавно образовалась новая лига — лига полного равенства всѣхъ дѣтей относительно образованія (См. «Рус. Вѣд.» № 212 — 904 г.). Своей задачей она ставитъ «обезпечить всѣмъ безъ исключенія способнымъ и прилежнымъ дѣтямъ школьнаго возраста возможность получать не только среднее, но и высшее образованіе. Въ настоящее время среднія и высшія учебныя заведенія доступны лишь дѣтямъ зажиточныхъ родителей, дѣти же крестьянъ и рабочихъ, будь они семи пядей во лбу и самаго прилежнаго трудолюбія, принуждены изъ народной школы идти на ферму или въ мастерскую по той простой причинѣ, что у нихъ нѣтъ средствъ продолжать свое образованіе. Не говоря уже о несправедливости такой системы образованія, она оказывается и въ высокой степени невыгодной для самой страны, такъ какъ изъ-за нея гибнетъ масса крупныхъ и разностороннихъ талантовъ, которые, если бы имъ дали возможность развиться, сослужили бы ей великую службу и немало посодѣйствовали бы развитію ея науки, литературы, техники и вообще дѣлу человѣческаго прогресса. Лучшимъ способомъ для устраненія этого неудобства была бы организація совершенно дарового и общедоступнаго средняго и высшаго образованія, но на это потребовались бы очень значительныя средства, которыми въ настоящее время государственное казначейство не располагаетъ. Поэтому организаторы новой лиги надѣются при ея содѣйствіи хотя отчасти устранить эту несправедливость при помощи частныхъ средствъ. Они рассчитываютъ при помощи спеціальныхъ конкурсовъ наѣмать наиболѣе прилежныхъ и способныхъ изъ выпускаемыхъ изъ народной школы и доставлять имъ возможность продолжать образованіе. Въ то же время они проектируютъ добиваться при помощи газетъ и народныхъ собраній, чтобы начатое ими дѣло взяло въ свои руки государство. Новая лига до такой степени отвѣчаетъ общественнымъ взглядамъ и требованіямъ, что ея появленіе очень сочувственно привѣтствуютъ даже консервативно-республиканскія газеты, которыя тоже находятъ, что отсутствіе возможности учиться для способныхъ и прилежныхъ дѣтей крестьянъ и рабочихъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заве-

деніяхъ составляетъ вопіющую несправедливость и великую потерю для страны, онѣ возмущаются только противъ участія въ этомъ дѣлѣ государства. Но въ демократическихъ кругахъ совершенно справедливо разсуждаютъ, что, разъ какая-нибудь вопіющая и притомъ еще убыточная для страны несправедливость не можетъ быть устранена частными лицами и средствами, за ея устраненіе обязательно должно взяться само государство».

Мы глубоко вѣримъ, что и наше общество сумѣетъ поставить передъ собой эту великую и справедливейшую задачу и въ концѣ концовъ добиться ея разрѣшенія. Необходимо только приучить его считать дѣло народнаго образованія своимъ дѣломъ, гордиться его успѣхами и болѣть его неудачами.

А. Николаевъ.

Справочный отдѣлъ по народному образованію *).

◆ *Изъ свѣдѣнію русской молодежи.* — Въ берлинскомъ и, вообще, въ германскихъ университетахъ условія приѣма русскихъ подданныхъ съ каждымъ годомъ становятся строже и суровѣе. Въ предстоящій зимній семестръ, начинающійся официально съ 16 октября, будутъ допускаться къ имматрикуляціи въ число студентовъ берлинскаго университета только тѣ изъ русскихъ подданныхъ, которые окончили полный курсъ русской классической гимназій и имѣютъ аттестатъ зрѣлости. Это, какъ заявилъ секретарь университета—основное требованіе касательно молодежи изъ Россіи. Въмѣстѣ съ аттестатомъ зрѣлости необходимо представить въ университетскій секретариатъ русскій заграничный паспортъ, метрическое свидѣтельство и свидѣтельство о политической благонадежности. Последнимъ документомъ необходимо заpastись даже тѣмъ русскимъ молодымъ людямъ, которые только что окончили гимназію. Сдѣлать это настоячиво совѣтуетъ секретарь университета. Само собою разумѣется, что всѣ указанныя выше бумаги должны быть представлены переведенными на нѣмецкій языкъ съ подлежащимъ официалнымъ засвидѣтельствованіемъ вѣрности и подлинности перевода. Окончившіе русскія реальныя училища, духовныя семинаріи и прочія среднія учебныя заведенія въ берлинскій университетъ теперь *не принимаются*. Такъ рѣшено, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ. Но въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ ректоръ университета или же университетскій сенатъ могутъ сдѣлать исключеніе. Бывшіе студенты, уволенные изъ русскихъ университетовъ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеній за безпорядки, въ берлинскій университетъ не принимаются. По заявленію секретаря университета, исключенія относительно такихъ лицъ, почти навѣрное, не будутъ допускаться ни ректоромъ, ни сенатомъ университета.

Для *русскихъ женщинъ* условія приѣма въ число слушательницъ берлинскаго университета, или, какъ ихъ официально называютъ, «*Gastzuhörerinnen*», въ настоящее время крайне придирчивы и строги. Свидѣтельство объ окончаніи курса русской женской гимназій или другого равнаго последней по правамъ женскаго средняго учебнаго заведенія, а равно и добавочное къ этому свидѣтельство объ удовлетворительной сдачѣ экзамена по латинскому языку не даютъ теперь права на поступленіе въ число „*Gastzuhörerinnen*“ берлинскаго университета. Мало того. Рѣшено не принимать въ университетъ даже лицъ, имѣющихъ медаль и сдавшихъ экзаменъ на учительницу, что прежде давало право на поступленіе въ послѣдній.

*) Помѣщаемыя въ настоящемъ отдѣлѣ свѣдѣнія, повторяемъ, не должны быть принимаемы въ смыслъ рекомендацій ихъ съ нашей стороны тѣхъ или иныхъ учебныхъ заведеній. (См: № 10 «Вѣстн. Зн.», стр. 198, Примѣч.).

Допускаются къ слушанію лекцій только слушательницы высшихъ бестужевоскихъ курсовъ и окончившія женскую классическую гимназію Фишера. Что же касается студентокъ петербургскаго медицинскаго женскаго института, то относительно ихъ пока еще не рѣшено ничего опредѣленнаго.

При поступленіи въ университетъ русскія женщины должны представлять тѣ же самые документы, какъ и мужчины, свидѣтельство о политической благонадежности также обязательно.

◆ *О поступленіи духовныхъ лицъ въ высшія учебныя заведенія.*—Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія былъ возбужденъ вопросъ о томъ, могутъ ли священнослужители поступать въ университеты и другія высшія учебныя заведенія. Святѣйшій синодъ, къ которому министерство обратилось за разъясненіемъ этого вопроса, высказался въ отрицательномъ смыслѣ на томъ основаніи, что для поступленія въ высшія учебныя заведенія священнослужители должны будутъ оставлять свои должности, выходить за штатъ и поступать въ вѣдѣніе тѣхъ епархіальныхъ начальствъ, въ епархіяхъ которыхъ состоятъ города съ университетами, и что наблюденіе за такими обучающимися священнослужителями для епархіальныхъ начальствъ будетъ очень затруднительно.

◆ *Педагогическіе сельско-хозяйственные курсы.* При курсахъ учебно-воспитательныхъ занятій по сельскому хозяйству и природовѣдѣнію въ Мраморномъ дворцѣ устриваются въ настоящемъ году педагогическіе сельско-хозяйственные курсы. Курсы эти имѣютъ цѣлью подготовить руководителей и воспитателей дѣтей, лекторовъ народныхъ чтеній по сельскому хозяйству, преподавателей сельско-хозяйственныхъ предметовъ и управляющихъ экономіями. Занятія начнутся 15-го ноября и будутъ вестись ежедневно отъ 10 до 7 час. вечера. Въ программу занятій, кромѣ слушанія лекцій, входятъ работы въ городскихъ садахъ и на фермахъ, а также ознакомленіе съ образцовыми хозяйствами въ окрестностяхъ столицы. На лѣтніе мѣсяцы занятія будутъ переноситься въ Сергіевскую экономію (въ Стрѣльбѣ). Курсъ 4-хъ лѣтній, безплатный, для лицъ обоего пола. Записываться на лекціи можно заблаговременно въ конторѣ курсовъ (Вас. о., Соловьевскій пер., д. 11).

◆ *Курсы для приготовления иностранныхъ корреспондентокъ.*—Цѣль курсовъ дать исполнѣ образованныхъ и подготовленныхъ корреспондентокъ для веденія иностранной корреспонденціи въ торговыхъ фирмахъ на нѣмецкомъ, англійскомъ и русскомъ языкахъ.

Курсы учреждаются для лицъ женскаго пола всѣхъ званій и сословій не моложе 16 лѣтъ, окончившихъ курсъ въ среднее учебныя заведенія и знакомыхъ съ однимъ изъ иностранныхъ языковъ, преподаваемыхъ на курсахъ. Курсы дѣлятся на спеціальныи и подготовительный.

Продолжительность спеціальнаго 1 годъ, подготовительнаго 1 годъ. Начало занятій 12 сентября, конецъ 12 мая. Предметы занятій на спеціальномъ курсѣ, читаемые на иностранныхъ языкахъ: 1) Диктовка на иностранныхъ языкахъ, если встрѣтится надобность. 2) Составленіе дѣловыхъ писемъ и письменныхъ упражненій, въ томъ числѣ: вексельное право и свѣдѣнія изъ политической экономіи, преимущественно по товаровѣдѣнію. Предметы занятій на спеціальномъ курсѣ, читаемые на русскомъ языкѣ: 1) Бухгалтерія. 2) Каллиграфія. 3) Письмо на пишущихъ машинахъ. 4) Стенографія. 5) Таможенное дѣло. На Подготовительномъ: Практическія упражненія на иностранныхъ языкахъ.

За право слушанія курсовъ и пользованіе пишущими машинами слушательницы вносятъ по 50 руб. въ годъ, за каждый иностранный языкъ по 25 руб. за каждое полугодіе впередъ. Занятія вечернія. За право слушанія подготовительнаго курса слушательницы вносятъ 35 руб. (по 17 руб. 50 к. за каждое полугодіе впередъ). Прошенія о поступленіи на курсы принимаются въ Правленіи Об-ва (Мойка 56, кв. 3) на имя предсѣдательницы Общества. Въ случаѣ

присылки денегъ и документовъ просить адресовать на имя Клары Августовны фонъ-Вицлебень, по тому же адресу. Слушательницами на курсы зачисляются лишь тѣ лица, которыя одновременно съ присылкой прошенія внесутъ впередъ три руб. Деньги эти записываются въ счетъ перваго взноса за право слушанія курсовъ. Къ прошенію прилагаются: а) метрическое свидѣтельство, и б) аттестатъ объ окончаніи курса среднѣучебнаго заведенія. Для слушательницъ устроено общежитіе по 25 руб. въ мѣсяцъ. Изъ окончившихъ курсы для приготовленія иностранныхъ корреспондентокъ получили мѣста: 4 по 100 руб. въ мѣсяцъ, 1 въ 40 р. и 1 въ 60 руб.

◆ *О преобразованіи Уральскаго горнаго училища.*—Въ одномъ изъ №№ «Собраній узаконеній и распоряженій Правител.» (№ 129, отъ 20 августа с. г.) опубликовано положеніе о преобразованномъ Уральскомъ горномъ училищѣ въ г. Екатеринбургѣ. Уральское горное училище есть среднее горное учебное заведеніе. Оно имѣетъ цѣлью подготовленіе техниковъ по рудничной и горнозаводской части для занятія должностей штейгеровъ и заводскихъ уставщиковъ. (Ст. 1). Полный теоретическій и практическій курсъ училища проходится въ четыре года. Училище раздѣляется на два отдѣленія: младшее и старшее, въ составѣ двухъ классовъ въ каждомъ, при чемъ старшее отдѣленіе подраздѣляется, кромѣ того, на два разряда: горное и заводское (ст. 15). Въ составъ учебнаго курса входятъ слѣдующіе предметы: 1) общеобразовательные: Законъ Божій, русскій языкъ, арифметика, алгебра, геометрія и тригонометрія, а также, въ качествѣ необязательныхъ предметовъ, языки французскій и нѣмецкій, и 2) спеціальныя: техническое черченіе, минералогія, основныя начала физики, химіи (съ краткими свѣдѣніями изъ органической химіи) и механики, горное искусство, геологія, горная и заводская механика, строительное искусство, въ примѣненіи къ горному и заводскому дѣлу, аналитическая химія, основныя начала электротехники, пробирное искусство, металлурія металловъ, обрабатываемыхъ на Уралѣ, химическое извлеченіе золота и другихъ металловъ изъ рудъ, краткія свѣдѣнія о горныхъ законахъ, насколько они касаются пользованія и владѣнія недрами земли, существующія законоположенія по надзору за рудниками и заводами и ученіе о подачѣ помощи при несчастныхъ случаяхъ. Сверхъ того, въ училищахъ преподаются ремесла, примѣнительно къ каждой спеціальности, и производятся практическія занятія по геодезизму и маркшейдерскому искусству, а также по металлургіи, пробирному искусству и горному искусству (ст. 16). Въ училище принимаются лица не моложе 14 и не старше 18 лѣтъ, въ особу исключительныхъ случаяхъ и старше 18 лѣтняго возраста, но не достигшіе 20 лѣтъ, окончившіе курсъ ученія въ чегырехклассныхъ городскихъ училищахъ или иныхъ, равныхъ имъ по программамъ, училищахъ (ст. 18). Лица, успѣшно окончившія курсъ въ Уральскомъ горномъ училищѣ и выдержавшія установленный выпускной экзаменъ, получаютъ аттестатъ объ окончаніи курса и, смотря по избранной ими спеціальности, званіе «рудничнаго техника» или «горнозаводскаго техника» (ст. 25). Ученикамъ, не окончившимъ полнаго курса, но прошедшимъ съ успѣхомъ два младшихъ класса и выдержавшимъ испытаніе по всѣмъ практическимъ работамъ, выдается свидѣтельство на званіе нарядчика по горной или заводской части (ст. 26). Лица, получившія аттестаты на званіе рудничнаго или горнозаводскаго техника, могутъ поступать на государственную службу и занимать техническія должности, соотвѣтствующія ихъ спеціальности (ст. 27).

3. Генеричъ.

Соціально-этическая сторона русскаго идеализма.

Въ сентябрьскомъ номерѣ „Образованія“ за текущій годъ помѣщена очень интересная статья г. Волжскаго; въ ней, между прочимъ, попадаются очень остроумныя и богатые мыслями замѣчанія относительно тѣхъ полемическихъ приѣмовъ, къ какимъ прибѣгаютъ многіе русскіе публицисты въ спорахъ съ представителями міровоззрѣнія, отличнаго отъ ихъ взглядовъ. Эта полемика представляетъ собой своего рода умственный спортъ, гдѣ дѣло рѣшается диспутъ, и гдѣ правымъ считается тотъ, кто побѣдилъ на диспутѣ. Отличительной чертой „полемическихъ красотъ“, утвердившихся въ нашей публицистикѣ, является направленскій догматизмъ, отвергающій, какъ еретиковъ, тѣхъ, кто не довольствуется готовыми схемами, а продолжаетъ искать новыхъ отвѣтовъ на волнующіе ихъ вопросы.

Эта доктринерская исключительность, видящая свѣтъ только въ одномъ окнѣ, этотъ правовѣрный фанатизмъ, готовый преслѣдовать всякую самостоятельную попытку найти правду жизни, красной нитью проходятъ въ нападкахъ позитивистовъ на представителей идеализма. Въ пылу полемической схватки—которая, впрочемъ, ведется исключительно позитивистами, такъ какъ идеалисты не имѣютъ собственнаго органа и лишь изрѣдка пускаютъ стрѣлы во враждебный лагерь,—въ пылу полемическаго задора позитивисты часто переходятъ границы справедливаго и безпристрастнаго отношенія къ противнику и бросаютъ по его адресу такія обвиненія, которыя основаны лишь на поверхностномъ и несерьезномъ знакомствѣ съ чужими мнѣніями. Тактика позитивизма въ его нападкахъ на идеализмъ далеко не всегда имѣетъ цѣлью выясненіе вопроса и часто сводится именно къ спорту, или, вѣрнѣе, къ придиричивому слѣдственному допросу и прокурорскому анализу образа мыслей противника-обвиняемаго.

Но это еще не все. Самой несимпатичной стороной этой тактики является стремленіе его адептовъ надѣть на головы представителей идеализма скуфью клерикализма и колпакъ реакціонерства, которые имъ и тѣсны и совѣтъ не къ лицу. Такъ, еще въ январьскомъ номерѣ „Образованія“ за 1904 г. одинъ

изъ критиковъ г. Булгакова назвать его систему просвѣщеннымъ клерикализмомъ, а его самого просвѣщеннымъ клерикаломъ. Но самое бѣглое знакомство со статьями г. Булгакова можетъ показать, что между нимъ и клерикалами нѣтъ ничего общаго. „Церковщина“ г. Булгакова, такъ сильно смущающая его антагонистовъ, играетъ у него чисто виѣшнюю, второстепенную роль. „Мистическія туманности“, въ которыхъ витаетъ его ищущій умъ, не заслоняютъ отъ его взора земли съ ея страданіями, къ которой онъ и возвращается.

Признаніе божественнаго разума за первооснову всего существующаго еще не есть признакъ клерикальных симпатій, а ярко выраженное прогрессивно-демократическое настроеніе, которымъ проникнуты статьи Булгакова, исключаетъ всякіе упреки въ реакціонерствѣ.

Въ своей статьѣ „Основные проблемы теоріи прогресса“ онъ говоритъ: „Свободное развитіе личности, какъ идеаль общественаго развитія, есть основная и общая тема всей классической нѣмецкой философіи. Мы думаемъ, что этотъ идеаль долженъ имѣть въ настоящее время значеніе нравственной аксіомы. Онъ есть лишь выраженіе другими словами основной мысли этики Канта объ автономности нравственной жизни, о самозаконности воли въ выборѣ добра и зла. Воля не является теперь самозаконной въ томъ смыслѣ, что всякій гнетъ политическій, экономическій, социальный, оказывая вліяніе на личность, стремится поставить чужую и властную волю туда, гдѣ должна царить и свободно выбирать между добромъ и зломъ одна самозаконная воля“. *„Освобожденіе личности, какъ этическая аксіома, придаетъ аксіоматическую непреложность современнымъ стремленіямъ къ политической и экономической демократіи, ставитъ выше всякаго сомнѣнія ихъ законность и обязательность“.*

Эти строчки могли-бы быть эпиграфомъ къ сборнику статей г. Булгакова „Отъ марксизма къ идеализму“. Онъ исповѣдуется ту мораль, которая учить, что всѣ личности равноцѣнны, что на человѣка нельзя смотрѣть только какъ на средство, но должно видѣть въ немъ и самоцѣль, что человѣческая личность должна быть автономна. Изъ этихъ этическихъ предпосылокъ съ логической необходимостью вытекаетъ отрицаніе современнаго строя, гдѣ человѣкъ поставленъ на ступень орудія производства и превращенъ въ *instrumentum vocalium*, гдѣ все и вся оцѣнивается лишь какъ предметъ эксплуатаціи, какъ средство наживы.

Этическая норма идеалистовъ отличается прогрессивнымъ характеромъ, какъ это въ болѣе точныхъ терминахъ поясняетъ г. П. Г. въ статьѣ „Къ характеристикѣ нашего социологическаго развитія *). Она есть знамя протеста противъ дѣйствительности во имя идеала, во имя должнаго—противъ сущаго. А принципомъ этого протеста является свобода личности, выработка такихъ условій, при которыхъ человѣкъ могъ бы гармонически и всесторонне развиваться. Въ этомъ смыслѣ, вся теорія естественнаго права есть лозунгъ борьбы противъ дѣйствующаго права. „Существующему, исторически сложившемуся, а потому неизбѣжно несовершенному жизненному укладу противопостав-

*) См. «Проблемы идеализма».

ляется идеальный, нормальный строй человеческих отношений, и это представление объ идеальномъ или естественномъ правѣ даетъ критерій добра и зла для оцѣнки правовой конкретной дѣйствительности“ **). „Идеальный, нормальный строй человеческихъ отношений“ выражается въ равенствѣ людей, а идея равенства, необходимо включаетъ въ себя идею свободы, такъ какъ ни одинъ человѣкъ „не имѣетъ и не можетъ имѣть естественнаго права“ подавлять личность другого.

Въ доктринѣ идеалистовъ свобода и равенство примиряются лучше, чѣмъ во всякомъ иномъ социальномъ ученіи. Человѣкъ долженъ быть свободнымъ, такъ какъ только при этомъ условіи можетъ быть реализованъ этический идеалъ; нравственная жизнь должна быть автономна, иначе она не можетъ быть нравственной. А принципъ справедливости, какъ признаніе равноцѣнности личностей, требуетъ этой свободы для всѣхъ.

Итакъ, въ своихъ общественныхъ теоріяхъ идеалисты исходятъ изъ нравственного идеала автономной личности, и въ этомъ ихъ теоретическое разногласіе съ позитивизмомъ, который не признаетъ за нравственностью самостоятельнаго значенія и выводитъ всѣ общественныя движенія изъ борьбы классовыхъ интересовъ.

Признавая нравственность независимой отъ эмпириі, идеалисты вовсе не хотятъ этимъ сказать, что нравственность есть прирожденная идея. Въ отрицаніи прирожденности нравственныхъ постулатовъ сходятся тѣ идеалисты, которые далеко не во всѣхъ вопросахъ являются солидарными. Подъ этическимъ а priori и Булгаковъ, и Бердяевъ подразумѣваютъ слѣдующее: къ эмпирически даннымъ фактамъ мы можемъ относиться не только какъ къ фактамъ, но и какъ къ принципамъ; принципиально отрицающіе одни, мы принципиально признаемъ другіе, объявляемъ одно добрымъ, а другое злымъ. Слѣдовательно, мы имѣемъ какой-то критерій для оцѣнки фактовъ, и безъ этого критерія было бы невозможно принципиальное отношеніе къ эмпирической дѣйствительности; вотъ этотъ критерій, съ помощью котораго мы оцѣниваемъ конкретные факты, и есть априорная этическая норма, априорная потому, что лишь при ея помощи возможно принципиальное отношеніе къ пестрому морю фактовъ. Эту априорность фактически признаютъ и позитивисты, которые, какъ и всѣ люди, мыслятъ абсолютами. Развѣ покойный Михайловскій не выработалъ абсолютнаго критерія для оцѣнки исторической дѣйствительности, развѣ онъ не далъ этого абсолютнаго критерія для опредѣленія прогресса?

„Прогрессъ заключается въ maximum'ѣ дифференціаціи внутри отдѣльной личности и въ minimum'ѣ дифференціаціи между личностями“, — мы прогрессируемъ постольку, поскольку въ нашей жизни осуществляется полное и всестороннее развитіе личности, богатство ея психическихъ отправленій, и поскольку уменьшается различіе между личностями.

Да проститъ мнѣ читатель это отвлеченіе въ сторону теоретическихъ разногласій: оно вызвано желаніемъ разобраться въ спорномъ и запутанномъ вопросѣ объ абсолютномъ долженствovanіи. — Возвращаюсь къ предмету своей статьи.

**, См. «Отъ марксизма къ идеализму», ст. «Социальный идеалъ».

Идеалисты выводятъ освободительныя стремленія различныхъ отбѣнковъ изъ нравственнаго сознанія человѣка, въ то время какъ позитивисты считаютъ ихъ подкладкой—классовой интересъ.

Споръ заключается въ слѣдующемъ: нельзя вывести социальный идеалъ изъ причинной связи явленій; этотъ идеалъ не эмпирическаго происхожденія, а нравственнаго; онъ диктуется нашимъ нравственнымъ міросознаніемъ. Если даже предположить, что социалистическій строй необходимо вытекаетъ изъ стихійнаго мірового процесса, то это еще не значитъ, что я признаю его желательнымъ; зная, навѣрно, что черезъ нѣсколько дней должны, положимъ, наступить зимніе холода, я ожидаю ихъ, какъ неизбежное зло, а не какъ желанное явленіе. Изъ того, что социализмъ есть необходимое звено въ цѣпи общественной эволюціи, еще не слѣдуетъ, что я его пожелаю, а не отнесусь къ нему, какъ къ неизбежному злу, передъ которымъ я чувствую свое безсиліе, но о которомъ думаю съ ненавистью. Выборъ социализма въ качествѣ идеала есть этический моментъ. Такова позиція идеалистовъ. А позитивистъ говоритъ: „Выборъ социализма и признаніе его желательнымъ есть моментъ психологическій, основанный на классовомъ интересѣ пролетаріата“.

Но, во-первыхъ, къ знамени социализма примыкаютъ не только пролетарскіе кадры,—за него борются и члены другихъ социальныхъ группъ, не имѣющіе ничего общаго съ пролетаріатомъ по своему экономическому положенію. Очевидно, они выбираютъ социализмъ, какъ общественное сredo, подъ вліяніемъ этическихъ нормъ. А развѣ рабочія группы всегда являются носителями социализма? Развѣ требованія сегодняшняго дня не встаютъ передъ рабочими, какъ самый властный интересъ, какъ самый могучій двигатель всего ихъ поведенія? Развѣ въ эссенскомъ округѣ наибольшая доля избирательныхъ голосовъ не достается частью кѣрикаламъ, частью пущечному королю Круппу, съ благосостояніемъ котораго связано благосостояніе его рабочихъ? Развѣ среди германскихъ рабочихъ мало ревизионистовъ, которые готовы удовлетвориться восьмичасовымъ рабочимъ днемъ и высокой заработной платой и забыть объ идеалахъ социализма, которые являются националистами и защищаютъ международную и внутреннюю военную политику Германіи? При чемъ тутъ классовой интересъ, какъ психологическій импульсъ, заставляющій рабочій классъ становиться подъ знамя социализма?

Этотъ классовой интересъ можетъ быть понятъ различнымъ образомъ, и вотъ что говорить по этому поводу г. Булгаковъ въ своей статьѣ „Социальный идеалъ: „Изъ всѣхъ существующихъ общественныхъ группировокъ требованіямъ справедливости соответствуютъ интересы рабочаго класса, однако, понятыя именно какъ идеальная норма“. Итакъ, социализмъ диктуется нравственнымъ сознаніемъ, онъ требуется, какъ идеалъ, какъ средство осуществленія социальной справедливости. Классовой интересъ, понятый, какъ психологическій импульсъ, какъ совокупность матеріалистическихъ потребностей, есть довольно шаткое основаніе для социализма и можетъ вывести на дорогу, не имѣющую ничего общаго съ послѣднимъ. Только этический моментъ является основой, на которой социализмъ можетъ строиться, какъ система убѣжденій, на которой онъ можетъ вырасти въ знамя борьбы

противъ существующихъ неправдъ. Итакъ, нравственные проблемы и этические критеріи не притупляютъ чуткаго отношенія къ окружающему злу, а наоборотъ, служатъ прочнымъ базисомъ для развитія общественно-прогрессивныхъ теченій.

Считая социалистическій строй общества лишь средствомъ для осуществленія свободы лица, видя въ немъ лишь необходимое условіе для свободнаго самоопредѣленія личности, для ея нравственной автономіи, идеалисты не пренебрегаютъ запросами ближайшаго будущаго и интересуются проблемами современной дѣйствительности. Они понимаютъ, что нельзя и думать о „разумно-свободной личности“ Булгакова, о „человѣко-богѣ“ Бердяева—въ то время, когда тысячи людей нищею и невозможными условіями жизни повернуты спиной къ свѣту. „Голодный нуждается прежде всего въ пищѣ, холодный въ одеждѣ, безпріютный въ кровѣ. Нищета создаетъ унижающія человѣка страданія и исключаетъ возможность собственно-человѣческой, духовной жизни. Поэтому борьба съ нищею есть борьба за права человѣческаго духа“... „Очередь высшихъ потребностей приходитъ только тогда, когда удовлетворены низшія“. На долю ближайшаго будущаго остается „борьба съ нищею и всякаго рода депотизмомъ“ *).

Ближайшія задачи русской дѣйствительности также рѣшаются идеалистами въ прогрессивно-демократическомъ смыслѣ.— „Что касается до нашего народа, то въ своемъ теперешнемъ положеніи онъ лишенъ главныхъ, хотя и отрицательныхъ, условій для своего нравственнаго самоопредѣленія. Вынужденный аскетизмъ и смиреніе, безправіе и нищета еще стоятъ на пути его развитія. Освобожденіе его, созданіе условій не зоологическаго, а человѣческаго существованія, есть насущная историческая потребность... Поднятіе личности, ея правъ, потребностей и имущественнаго благосостоянія, словомъ, нашъ русскій ренессансъ—таковъ лозунгъ нашего времени, наша историческая задача, наша гражданская обязанность“ **).

Эти слова могъ произнести не мечтатель, рвущійся въ міръ заоблачныхъ красотъ и проглядывающій реальную жизнь, а человѣкъ, имѣющій очи, чтобъ видѣть весь ужасъ нищеты и обезличенія, охватившихъ земскую Россію. „Но мы должны бороться со всей суммой зла въ настоящемъ“,—говоритъ Бердяевъ въ своей статьѣ ***).

Это-ли проповѣдь реакціонерства!

Идеалистовъ часто упрекаютъ въ томъ, что, погружаясь въ созерцаніе абсолюта или абсолютовъ, выискивая идеальныя цѣли, они способны лишь на утопическія мечтанія и лично нравственную жизнь; что, отгородившись отъ дѣйствительности призраками богочеловѣковъ и человѣкобоговъ, они не знаютъ ея нуждъ, не знаютъ средствъ, которыми она располагаетъ, и что ихъ неумѣлое вмѣшательство въ борьбу можетъ только повредить общему дѣлу. Мы уже видѣли, что идеалисты глубоко понимаютъ самыя очередныя требованія русской жизни. Но они не только пони-

*) См. «Отъ марксизма къ идеализму»—ст. «Экономическій идеалъ».

**) См. тамъ-же.

***) См. «Пробл. идеализма», ст. «Этическая проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма».

мають запросы дѣйствительности; они *теоретически* признають необходимость научнаго построенія конкретныхъ идеаловъ. „Средства для осуществленія идеала должны быть найдены при помощи научнаго анализа дѣйствительности, а не выдуманы изъ головы“ *). Такимъ образомъ, они призываютъ всѣ силы для борьбы съ современными неправдами. Освѣщая злобы дня съ точки зрѣнія великихъ всемірно-историческихъ задачъ и общечеловѣческихъ идеаловъ, они чутко отзываются на эти злобы, анализируя ту среду, отраженіемъ которой онѣ являются.

Самые видные представители идеализма, гг. Бердяевъ и Булгаковъ, отрицаютъ теоретическія предпосылки марксизма (позитивизмъ), являющіяся сторонниками социальнаго ученія Маркса, которое они обосновываютъ на этическихъ требованіяхъ. Ратуя за царство социализма, въ которомъ не будетъ ни капиталиста, ни пролетарія, но которое будетъ состоять изъ свободныхъ людей,—оба они отрицають возможность конкретной сверхклассовой политики въ современной дѣйствительности и признають только классовую политику. Оба они являются сторонниками классовой политики пролетаріата, поскольку ея требованія совпадаютъ съ требованіями социальной справедливости, поскольку она ведется подъ знаменемъ социализма. Впрочемъ, раздѣляя вполнѣ общественную доктрину Маркса, г. Булгаковъ,—какъ это онъ выясняетъ въ своей статьѣ „Реалистическое міровоззрѣніе“,—въ аграрномъ вопросѣ является сторонникомъ народничества. Статья г. Бердяева „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи“ написана въ марксистскомъ тонѣ, хотя марксизмъ г. Бердяева, какъ система социальныхъ вѣрованій, получаетъ моральную санкцію и выводится изъ этическихъ предпосылокъ.

Итакъ, политика и нравственность сливаются у идеалистовъ въ одно цѣлое. Политика является для нихъ лишь средствомъ для осуществленія ихъ нравственнаго идеала—свободы и самоцѣнности личности, автономности ея нравственной жизни. Достигимъ ли этотъ идеалъ? Въ всякомъ случаѣ, онъ можетъ служить критеріемъ для оцѣнки исторической дѣйствительности и для опредѣленія прогресса. „Онъ имѣетъ значеніе не цѣли, а регулятивнаго принципа“ *).

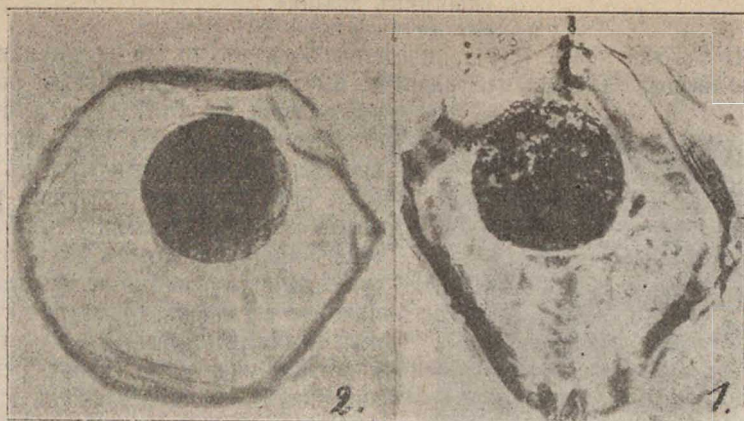
Вотъ анализъ общественнаго міровоззрѣнія русскаго идеализма. Онъ приводитъ насъ къ заключенію, что многіе идеалисты являются носителями прогрессивно-демократическихъ теченій, и что идеализмъ вовсе не связанъ логически съ обскурантизмомъ, какъ думаютъ многіе; что, наоборотъ, послѣдовательный идеализмъ, исходя изъ этическаго индивидуализма, долженъ принадлежать къ демократическому лагерю. Нужно признать, что всѣ обвиненія въ реакціонерствѣ и клерикализмѣ, которыя раздаются по адресу идеализма изъ противнаго лагеря, лишены основанія и вызваны тѣмъ направленнымъ усердіемъ, которое преслѣдуетъ всякаго, кто смѣетъ имѣть свое собственное сужденіе, противорѣчащее устарѣлымъ догматамъ правовѣрнаго катехизиса.

З. Геновичъ.

*) См. «Соціальный идеалъ».

*) «Душевная драма Герцена».

Кристаллы порфираго кварца.

1. Большая петро-клетка. 4-х угловая форма. Въ протоплазмѣ два вещества. Ядро явственно видно. Нитевидный сѣтчатый нуклеинъ. Петробласть съ ядромъ. Двѣ кристаллическія оси. Увелич. 1000.

2. То же. Клетка стремится принять гексагональную форму. Весьма явственно видно ядро, состоящее изъ 1) поверхностной оболочки, 2) петроплазматической сѣтки (нуклеинъ) 3) нуклеиновой сѣтки, 4) парануклеина. Увелич. 1125.

Ф. ди-Брацца и П. Пиреннъ.

ЖИЗНЬ ВЪ КРИСТАЛЛАХЪ.

1.

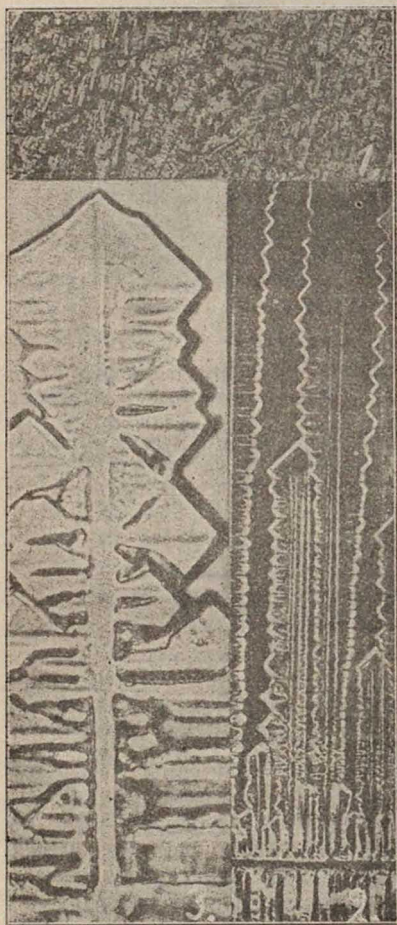
Существуетъ много способовъ объясненія жизни, проявляющейся той или иной степени въ различныхъ существахъ. Одни объясняютъ ее ростомъ, «интуссусцепціей», то-есть развитіемъ изнутри, а не—какъ думали раньше—послѣдовательнымъ наложеніемъ снаружи; другіе—движеніемъ, третьи—борьбой за существованіе. Но всѣ согласны въ томъ, что всякое *живое* существо, чтобы имѣть право называться *живымъ*, должно выполнять троякаго рода отправленія: *питательныя, образовательныя и функціональныя*. Эти отправленія подвергаются эволюціи, составляющей *жизненный циклъ*; эволюція мѣняется съ возрастомъ индивида и ведетъ его отъ жизни къ смерти.

Говорить о жизни въ кристаллахъ—это значитъ говорить о фонъ-Шренѣ, такъ какъ отъ него ведетъ свое начало эта новая теорія, поднявшая бурю противорѣчивыхъ откликовъ въ мірѣ ученыхъ и заинтересовавшая широкую публику, послѣ того какъ она попала на страницы общей печати.

Фонъ-Шренъ, директоръ патологическаго института при неаполитанскомъ университетѣ, сдѣлалъ изученіе кристалловъ своей спеціальностью. По его мнѣнію въ природѣ не существуетъ неорганическаго вещества, и все то, что входитъ въ составъ міровъ, живетъ или жило. Но если онъ глубоко убѣжденъ, что молодой кристаллъ представляетъ собой живую особь, то это не мѣшаетъ ему столь же настоятельно отрицать жизненные свойства за старымъ кристалломъ, находящимся въ ископаемомъ состояніи; другими словами, онъ полагаетъ, что всѣ жизненные явленія совершались въ кристаллахъ, иногда, однако, не захватывая всѣхъ періодовъ ихъ существованія.

Я имѣлъ честь состоять долгое время въ перепискѣ съ знаменитымъ патологомъ, и отъ него-то я и получилъ многочисленныя фотографіи; нѣкоторыя изъ нихъ приложены здѣсь. Фотографіи эти, являясь цѣнными

документомъ для новой теоріи, представляють въ то же время наиболѣе прочную основу для ея нагляднаго выраженія. Фонъ-Шренъ родился въ Баваріи въ 1837 году, и въ настоящее время ему 67 лѣтъ. Его первыя изслѣдованія относятся къ 1883 году. Его тогдашнія воззрѣнія претерпѣли полную эволюцію въ теченіе этихъ многочисленныхъ лѣтъ труда и существенно отличаются отъ нынѣшнихъ его взглядовъ. Приступая къ своимъ работамъ, фонъ-Шренъ считалъ кристаллъ инертнымъ (неподвижнымъ, лишеннымъ самостоятельности) тѣломъ, подверженнымъ лишь физическимъ и химическимъ законамъ, тѣломъ, ось котораго не болѣе чѣмъ отвлеченное представленіе нашего ума, и о жизни котораго можно было говорить лишь въ поэзіи. Но онъ долженъ былъ шагъ за шагомъ уступить передъ очевидностью объективныхъ фактовъ, представленныхъ въ видѣ 12000 микрофотографій, которыя онъ успѣлъ накопить въ теченіе долгихъ трудовъ. Эти снимки явились откровеніемъ для знаменитаго профессора. Съ этого времени кристаллъ сталъ для него организованнымъ существомъ. Подобно растеніямъ и животнымъ, кристаллъ такъ же претерпѣваетъ непрерывную эволюцію и долженъ имѣть свою біологію и свою патологию, конечно, весьма примитивную. Однимъ словомъ, кристаллъ имѣетъ право на названіе индивида. Уже въ 1883 году, одновременно съ классическими опытами Коха, фонъ-Шренъ былъ занятъ изысканіемъ средства для излѣченія ужасной болѣзни, чахотки, похищающей ежегодно столько жертвъ.

Кристаллы квасцовъ.

1. Докристаллическое состояніе. Появленіе будущихъ осей. Увелич. 345.

2. Переходная стадія. Образование главной оси. Волнообразное колебаніе матеріи. Увел. 375.

3. Переходная стадія. Образование главной оси. Матерія кажется аморфной, но въ дѣйствительности она слегка зерниста. Увелич. 1000.

много такихъ, которые состоятъ изъ бѣлковинныхъ веществъ и которые кристаллизуются. Эти кристаллы имѣютъ всѣ признаки живыхъ существъ; кромѣ того они находятся въ процесѣ непрерывнаго развитія. Сдѣлавъ это наблюденіе на органическихъ кристаллахъ, онъ перешелъ къ неорганическимъ, минераламъ, и встрѣтилъ тутъ то же самое явленіе.

II.

Первичная матерія, изъ которой состоятъ всѣ существа, носитъ до настоящего времени названіе *плазмы*. Фонъ-Шренъ называетъ ее *биоплазмой*,—

слово, болѣе соответствующее его новымъ теоріямъ. У существъ, стоящихъ на болѣе высокой ступени органическаго развитія, то-есть у растений и животныхъ, *плазма* или *биоплазма* образована изъ клѣтокъ, нитей, сосудовъ, нервовъ, которые въ совокупности составляютъ органы и ткани.

Биоплазма носитъ различное названіе въ зависимости отъ существъ, въ составъ которыхъ она входитъ. Въ примѣненіи къ растениямъ она называется *фитоплазмой*, по отношенію къ животнымъ и людямъ—*зооплазмой* или *антропоплазмой*, и, наконецъ, если рѣчь идетъ о камняхъ, то—*петроплазмой*,—слово, введенное въ употребленіе фонъ-Шреномъ. Сама петроплазма, въ зависимости отъ своего состава, носитъ различныя названія: *жаглоплазмы*—если она *однообразна*, *гранулоплазмы*—если она *зерниста*, *филоплазмы*—если она имѣетъ *нитчатую форму* и т. д. Петроплазма можетъ образовать высшую организацію, и мы тогда получимъ *петроклѣтки*, многочисленные снимки которыхъ представлены фонъ-Шреномъ.

Эти петро-клѣтки могутъ быть изучаемы съ тѣмъ болѣею легкостью, что ихъ *нуклеинъ* (вещество, образующее ядро—*nucleum*) окрашенъ въ другую цвѣтъ, чѣмъ *парануклеинъ* (вещество, образующее оболочку ядра). Растительныя же и животныя клѣтки, напротивъ того, почти всегда безцвѣтны, и ядро всѣхъ составныхъ частей ихъ нельзя изучать, не прибѣгая къ помощи спеціальнаго окрашенія.

III.

Если мы растворимъ какую-нибудь соль въ водѣ до насыщенія жидкости и затѣмъ измѣнимъ условія опыта, понижая температуру, то увидимъ образованіе многочисленныхъ кристалловъ растворенной соли. Этотъ въ общемъ столь простой процессъ, который, повидимому, подчиненъ исключительно физическимъ и химическимъ законамъ, дѣйствительно покоится—какъ мы увидимъ дальше—на цѣломъ рядѣ весьма сложныхъ жизненныхъ явленій. Наблюденія, сдѣланныя подъ микроскопомъ и при посредствѣ спеціальныхъ проекціонныхъ аппаратовъ, дали возможность фонъ-Шрену достигнуть увеличенія въ 800.000 разъ. Эти наблюденія установили однородность всякаго насыщеннаго раствора, такъ какъ въ нихъ нельзя было найти ни малѣйшей грануляціи (зернистости).

Въ началѣ кристаллизаціи отъ однообразной массы отдѣляется шарикъ, который легко узнать, такъ какъ показатель его преломленія отличается отъ показателя преломленія наблюдаемой жидкости. Присмотримся внимательнѣе къ этому шарiku: внутренность его представляетъ намъ легкую *петроплазматическую сѣточку*, что показываетъ аналогію, существующую между образованіемъ растительныхъ и животныхъ клѣтокъ—съ одной стороны, и образованіемъ клѣтокъ въ минералахъ—съ другой. И, дѣйствительно, въ теченіе всего процесса непрямого дѣленія растительныхъ и животныхъ клѣтокъ въ нихъ замѣчается легкая сѣточка хрома-

Кристаллы салициловой кислоты.

1. Докристаллическое (клѣточное) состояніе. Многополярная клѣтка. Тѣло полно петробластовъ. Въ центрѣ ядро. Увелич. 750.

2. Докристаллическое (клѣточное) состояніе. Образованіе многополярныхъ клѣтокъ, похожихъ на нервныя. Увелич. 375.

тина, напоминающая сѣтку петроплазмы въ то время, когда минеральное вещество (соль) переходитъ изъ состоянія раствора въ періодъ, предшествующій кристаллизаціи.

Затѣмъ въ петроплазматической сѣти появляются маленькія темныя точки, названныя *петробластами*. При сильномъ увеличеніи можно замѣтить, что эти петробласты расположены въ центрѣ болѣе темнаго вещества, названнаго *девторолитоплазмой*, и по периферіи другого, болѣе свѣтлаго вещества, получившаго отъ фонъ-Шрена названіе *протолитоплазмы*. Образование кристалла является результатомъ взаимодействія этихъ двухъ веществъ. Эти петробласты бываютъ трехъ родовъ. Два изъ нихъ выходятъ изъ шарика и даютъ начало зародышевымъ кристалламъ, въ то время какъ третій, находящійся внутри, также даетъ кристаллъ. Происхожденіе кристалла бываетъ различно, но здѣсь мы займемся только петроплазматическимъ его происхожденіемъ,—единственнымъ, представляющимъ наибольшій интересъ для насъ въ этой статьѣ и являющимся въ дѣйствительности болѣе общимъ. Въ борьбѣ, происходящей между двумя веществами, изъ которыхъ состоитъ петробластъ, шарикъ мѣняетъ свою форму, увеличиваясь кольцеобразно; затѣмъ кольцо видоизмѣняется въ уголъ, названный фонъ-Шреномъ *первоначальнымъ главнымъ угломъ* (*angle primitif dominant*), такъ какъ онъ даетъ направленіе будущаго кристалла; вслѣдъ за тѣмъ, противъ этого угла образуется второй уголъ, названный *диагональнымъ угломъ*; наконецъ, отъ пересѣченія плоскостей этихъ двухъ противоположныхъ угловъ образуются новые углы, получившіе названіе *вторичныхъ*. Ось, которая считалась всеми созданной лишь нашимъ воображеніемъ, оказывается существующей на самомъ дѣлѣ; она соединяетъ два угла, первоначальный и діагональный, и ясно вырисовывается на фотографическомъ снимкѣ (см. рис.).

IV.

Кристаллическій индивидъ, образовательныя стадіи котораго нами только что изложены, можетъ передвигаться; болѣе того: онъ представляетъ ту любопытную особенность, что можетъ размножаться троякимъ путемъ: путемъ дѣленія, почкованія, эндогенія (зарожденія внутри тѣла).

1. Дѣленіе: если мы возьмемъ въ специальныхъ условіяхъ свѣжій кристаллъ, то увидимъ, какъ онъ раздѣлится на два индивида, которые начнутъ удаляться другъ отъ друга вращательнымъ движеніемъ.

2. Почкованіе совершается слѣдующимъ образомъ: петробласты развиваются, достигаютъ поверхности кристалла, гдѣ продолжаютъ развиваться, и, наконецъ, отдѣляются, поднимая волны вокругъ кристалла, съ наружной его стороны.

3. Эндогенія—это, болѣе оригинальный случай: маленький кристаллъ образуется внутри материнскаго кристалла, достигаетъ поверхности послѣдняго и выходитъ изъ него, обладая двойнымъ движеніемъ: вращательнымъ и поступательнымъ.

Жизнь кристалловъ можетъ объясняться борьбой за существованіе, которая и тамъ ведется очень горячо. И дѣйствительно, если во время роста два кристалла придутъ въ соприкосновеніе между собой, то болѣе слабый окончательно исчезнетъ, поглощенный болѣе сильнымъ. Благодаря фотографіи мы имѣемъ прекрасный наглядный документъ, подтверждающій этотъ фактъ.

Итакъ, кристаллъ, повидимому, является по новѣйшимъ воззрѣніямъ настоящимъ живымъ существомъ, и какъ таковое, онъ долженъ имѣть свою специальную патологию. И онъ дѣйствительно имѣетъ ее,—говоритъ фонъ-Шренъ, установившій 15 случаевъ болѣзни у кристалловъ, изъ ко-

торыхъ большая часть наследственны; для примѣра, онъ указалъ на случаи *раздвоенія, скручиванія и вытравливанія*. Это является новымъ безспорнымъ доказательствомъ въ пользу новой теоріи.

Кристаллъ, пройдя свой жизненный путь, *стареетъ* и каменеетъ, кристаллъ становится неподвижнымъ.

V.

Здѣсь является умѣстнымъ вопросъ, откуда появляются эти маленькіе шарики, эти петро-кѣтки, о которыхъ мы говорили выше; или лучше, что является зародышемъ ихъ. Фонтъ-Шренъ, спрошенный по этому поводу профессоромъ римскаго университета Милези, отвѣтилъ такъ: «Теорія самопроизвольнаго зарожденія, столько разъ подтвержденная, никогда не могла представить достаточныхъ доказательствъ въ свою пользу, такъ что въ послѣднее время она окончательно была признана ложной, но появленіе настоящихъ кѣтокъ въ однородныхъ растворахъ солей является наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ самопроизвольнаго зарожденія, ибо наблюдая въ растворахъ солей все развитіе петрокѣтокъ, нельзя открыть ни малѣйшаго зародыша даже при самыхъ сильныхъ увеличеніяхъ». Фонтъ-Шренъ отрицаетъ вирховское «*omnis cellula ex cellula*» (всякая кѣтка происходитъ отъ другой кѣтки) и предлагаетъ замѣнить его положеніемъ: «*omne vivum ex plasmate*». (все живое происходитъ отъ плазмы). Фонтъ-Шренъ приписываетъ зародышу особую *жизненную силу*, которая проявляетъ свое дѣйствіе въ теченіе всего процесса образованія кристалла, направленію оси котораго она слѣдуетъ; сила эта, по мнѣнію фонтъ-Шрена, господствуетъ надъ матеріей и соединяетъ ее въ гармоничную форму.

Эта новая теорія была поддержана многочисленными учеными, среди которыхъ наиболѣе извѣстными являются *Бенедиктъ* (изъ Вѣны), *Камиччаро* (изъ Рима), *Кремона* и др.

Но несмотря на это и многочисленныя убѣдительныя фотографіи, опубликованныя фонтъ-Шреномъ, я все еще немного не вѣрилъ въ самопроизвольное зарожденіе, оставаясь вѣрнымъ Пастеру. Я позволилъ себѣ сдѣлать по этому поводу нѣсколько скромныхъ критическихъ замѣчаній, которые представляютъ лишь тотъ интересъ, что даютъ мнѣ возможность изложить здѣсь отвѣтъ, которымъ удостоилъ меня знаменитый патологъ.

Прежде всего, если мы вернемся на столѣтіе назадъ, то увидимъ, что *Реди*, основываясь на данныхъ своихъ изслѣдованій надъ личинками мухъ, отрицалъ самопроизвольное зарожденіе со всею свойственной ему энергіей; и дѣйствительно, онъ первый показалъ, что эти личинки, которыми кишитъ тѣло при гніеніи, не могутъ образоваться, если помѣщать мухамъ отлагать тамъ ихъ яйца. По мнѣнію этого ученаго все происходитъ отъ яйца или зародыша. *Omne vivum ex ovo*—эта формула была найдена болѣе, чѣмъ достаточной для той эпохи, особенно послѣ того, какъ *Спалланицини*, *Бальбиани*, *Пастеръ* и *Тиндаль* подтвердили ее для инфузорій и микробовъ. Но наука на этомъ не остановилась и пожелала также изучить явленія роста тканей. Эту задачу взялъ на себя *Вирховъ*, установившій, что всякая кѣтка происходитъ отъ другой кѣтки, и провозгласившій свое положеніе: *omnis cellula ex cellula*. Но тутъ сейчасъ же возникаетъ вопросъ: «Почему нельзя видѣть первоначальный источникъ зарождающейся жизни въ молекулѣ, въ этомъ безконечно маломъ элементѣ, изъ котораго образованы всѣ существа; и почему не прибавить къ прежнимъ формуламъ *Реди* и *Вирхова* новую: *omne vivum ex molecula?*» *).

На этотъ, именно, вопросъ я и желалъ получить отвѣтъ отъ фонтъ-Шрена. Отвѣтъ этотъ не долго заставилъ ждать себя:

«Самопроизвольное зарожденіе—говоритъ фонтъ-Шренъ—представляется

*) Francesco di Brazza. La vita nei cristalli e nei minerali. (Treves. 1903 s. XX).

въ соляхъ въ двухъ различныхъ формахъ: въ видѣ клѣточного самопроизвольнаго зарожденія—съ одной стороны, и въ видѣ самопроизвольнаго зарожденія индивида—съ другой. *Клѣточное самопроизвольное зарожденіе* проявляется въ томъ, что въ аморфной однородной жидкости, лишенной малѣйшихъ слѣдовъ клѣточного строенія, образуются *клетки*; *самопроизвольное зарожденіе индивида* обнаруживается въ томъ фактѣ, что въ той же жидкости образуется *кристаллическій индивидъ*, не существовавшій раньше, — если только не считать его иногда существовавшимъ до насыщенія раствора, такъ какъ самое это насыщеніе является результатомъ раствора кристалла въ жидкости. Во всякомъ случаѣ въ однородномъ аморфномъ соляномъ растворѣ кристаллическій индивидъ потерялъ свою прежнюю *опредѣленную форму*, превратился изъ *видимаго* въ *невидимый*, изъ *фактически существующаго* въ *потенціальный*, сохраняя при этомъ свои опредѣленные и наследственные свойства.

«Конечно, тотъ фактъ, что исчезающій въ растворѣ кристаллъ вновь появляется затѣмъ въ своей первоначальной формѣ, представляетъ большой интересъ; но самая замѣчательная сторона явленія заключается въ томъ, что это исчезновеніе кристалла въ растворѣ и возстановленіе его въ характерной для него кристаллической формѣ совершаются безъ опредѣленнаго порядка, при чемъ всякій разъ можно констатировать начальное появленіе нитевидной петроплазмы, на поверхности и въ центрѣ которой зарождается кристаллическое существо.

«Все это торжественно подтверждаетъ теорію самопроизвольнаго зарожденія, а моими методами безспорно доказано существованіе *настоящихъ растворовъ*, а не суспенсированныхъ *), гдѣ петробласть, петроклетки или кристаллическіе зародыши не растворены, а находятся въ подвѣшенномъ состояніи. Все это не существуетъ для меня, какъ не существуютъ для меня и молекулы, которыя должны были бы стать видимыми при достигнутыхъ мною увеличеніяхъ въ 800.000 разъ, позволяющихъ видѣть первоначальные элементы петроплазматическаго образованія, когда растворъ изъ однороднаго и аморфнаго состоянія переходитъ въ состояніе, предшествующее кристаллическому. Въ этомъ заключается и положительное и отрицательное доказательство того, что вы мнѣ говорите». (По моему мнѣнію, достигнутыя фонъ Шреномъ увеличенія были слишкомъ слабы для того, чтобы позволить открыть зародыши).

По нашему мнѣнію, теорія существованія жизни въ кристаллахъ можетъ прекрасно объяснить тѣ любопытные опыты, результаты которыхъ проф. Бусъ (Bose) (изъ Калькутты) сообщилъ на конгрессѣ физиковъ въ Парижѣ въ 1900 году, а затѣмъ въ Лондонскомъ Королевскомъ Обществѣ.

Такъ какъ всѣ кристаллы обладаютъ кристаллическимъ строеніемъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ веществъ, получившихъ аморфный видъ подъ вліяніемъ температуры), то отсюда слѣдуетъ, — если признать *теорію фонъ-Шрена*, что всѣ минералы состоятъ изъ колоній существъ, которыя живутъ или нѣкогда жили.

Всякій индивидъ въ такой колоніи держитъ себя такъ, чтобы защищать всю массу; такимъ образомъ, приспособленіе металла къ средѣ, въ которой онъ находится, и внутренняя его активность, на которой основаны опыты Буса, являются результатомъ дѣйствія не самой массы металла, но образующихъ ее индивидовъ, которые защищаютъ себя и оказываютъ сопротивленіе всему, что можетъ повлечь за собой ихъ разрушеніе.

*) Суспенсированными растворами называютъ такіе, въ которыхъ вещество не растворено, а находится, какъ говорятъ, въ подвѣшенномъ состояніи, т. е., въ видѣ крайне мелкихъ, недоступныхъ для глаза, проходящихъ черезъ фильтръ и не осаждающихся крупинокъ.

Постройка Кругобайкальской ж. д.

12-го сентября 1904 года прошел первый сквозной поѣзд по Кругобайкальской желѣзной дорогѣ; и послѣднее звено великой сибирской линіи, такимъ образомъ, окончено. Даже при бѣгломъ обзорѣ этой дороги, нужно удивляться величію человѣческаго генія и непреклонности человѣческой энергіи.

Утесы и туннели, скованные въ камень и желѣзо, говорятъ о страшной борьбѣ человѣка съ природой, и борьба эта ведется уже много лѣтъ, съ начала работъ для проведенія этой дороги.

Въ виду громадной стоимости постройки, вопросъ, въ какомъ направленіи провести желѣзную дорогу, былъ рѣшенъ не сразу. Сдѣланные изысканія дали три слѣдующихъ направленія.

Первое, воспользовавшись уже построенной вѣткой отъ Иркутска до ст. Байкаль, идетъ далѣе по берегу озера Байкала черезъ село Култукъ до ст. Мысовой Забайкальской ж. д.

Второе направленіе оставляетъ въ сторонѣ городъ Иркутскъ и желѣзнодорожную вѣтку до ст. Байкаль, сворачиваетъ въ сторону отъ станціи Иннокентьевская Сибирской желѣзной дороги, идетъ долиною рѣки Ольхи и далѣе по водораздѣлу рѣкъ, впадающихъ въ Иркутъ и Байкаль, подходитъ къ долинѣ рѣки Ильчи, по которой спускается къ Байкалу у села Култукъ.

Третье направленіе отъ той же станціи Иннокентьевской идетъ долиною рѣки Иркуты и затѣмъ, пересѣкая четырехъ-верстнымъ туннелемъ Зыркузунскій хребетъ, спускается долиною рѣки Ильчи на Култукъ.

Во всѣхъ трехъ планахъ направленіе линіи отъ села Култукъ до станціи Мысовой Забайкальской желѣзной дороги остается одно и то же. Всѣ три направленія были тщательно разсмотрѣны и изучены въ экономическомъ, техническомъ и геологическомъ отношеніяхъ, при чемъ для послѣдней цѣли были специально приглашены партіи горныхъ инженеровъ для изслѣдованія прочности каменныхъ породъ въ мѣстахъ пролеганія дороги.

Изъ трехъ предложенныхъ направленій наиболѣе желательнымъ было первое, по слѣдующимъ причинамъ: 1) оно является самымъ кратчайшимъ для постройки, такъ какъ построенная часть отъ Иркутска до Байкала при этомъ направленіи должна войти въ магистраль, 2) дорога идетъ все время по берегу оз. Байкала, т. е. по равнинѣ, что представляетъ громадныя выгоды при эксплуатаціи ея, 3) Байкаль представляетъ удобный путь сообщенія для подвоза во время постройки матеріаловъ, продуктовъ и рабочей силы и 4) городъ Иркутскъ не будетъ обойденъ, подобно Томску.

и съ постройкой дороги по первому направленію торговое значеніе его еще болѣе увеличится.

Два другихъ направленія по Олхѣ и Иркуту, кромѣ участковъ, прилегающихъ къ Иркутску, проходятъ по мѣстности совершенно дикой и безлюдной, поросшей тайгой съ вѣковыми кедрами и елями или толстымъ ковромъ мха, и по всей этой безпредѣльной тайгѣ лишь изрѣдка попадаются небольшія лачуги, носящія у сибирянъ названіе зимовья, гдѣ можно встрѣтить отдыхающаго охотника-аборигена, пришедшаго иногда за нѣсколько десятковъ верстъ отъ своей деревни или пріѣхавшаго верхомъ, съ трудомъ пробираясь по дебрямъ и звѣринымъ тропамъ на своей маленькой, косматой лошаденкѣ. Кромѣ звѣриныхъ тропъ, никакихъ болѣе удобныхъ путей сообщенія здѣсь нѣтъ. Олха и Иркутъ имѣютъ громадное паденіе; мѣстами пѣнясь, шумя, низвергаясь водопадами и круто извиваясь въ тѣсныхъ и суровыхъ ущельяхъ, эти рѣки не могутъ служить безопасными путями сообщенія.

Такимъ образомъ, по сравненіи и изученіи трехъ направленій дороги, было выбрано первое; когда же приглашенный на мѣсто работъ профессоръ Мухометовъ далъ свое мнѣніе о прочности и первозданности горныхъ породъ побережья Байкала, вопросъ о направленіи былъ рѣшенъ окончательно.

Съ цѣлью ознакомленія читателя съ характеромъ мѣстности, по которой прошла Кругобайкальская желѣзная дорога, сдѣлаю небольшое описаніе прибрежной полосы отъ ст. Байкала до села Култукъ, какъ мѣстности, представляющей въ техническомъ отношеніи наиболѣе трудныя для постройки дороги условія.

Проходя по крутымъ и утесистымъ берегамъ Байкала, въ часто пересѣкаемой ручьями, оврагами и горными мысами мѣстности, линія на протяженіи восьмидесяти верстъ имѣетъ до сорока туннелей, въ общей сложности, до семи верстъ длины. Напластованія горныхъ породъ побережья свидѣлствуютъ о вѣковыхъ геологическихъ переворотахъ, бывшихъ въ доисторическія времена.

Пласты гнейсовъ и гранитовъ имѣютъ причудливыя винтообразныя, спиралевидныя и концентрическія формы. Сдвиги и сбросы, острые грани утесовъ и столбовъ, многочисленныя щели и трещины говорятъ о продолжающемся еще процессѣ разрушенія горныхъ породъ побережья.

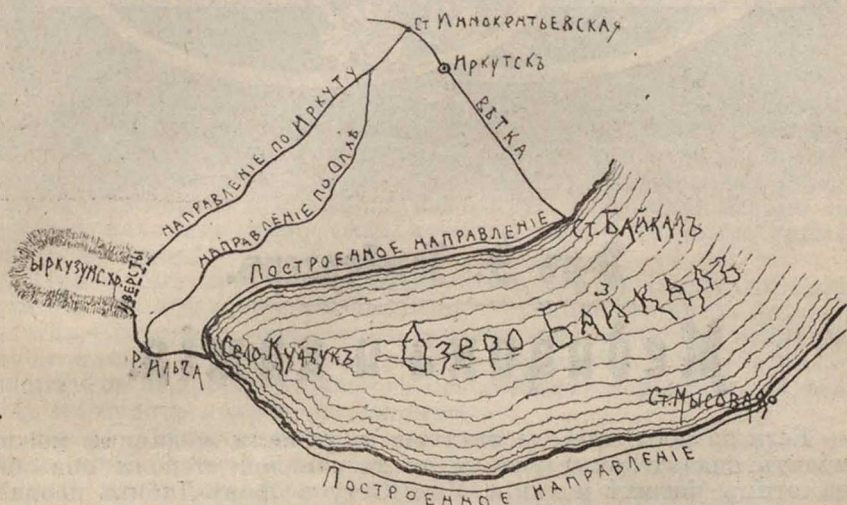
Благодаря высокимъ и крутымъ утесамъ и значительной глубинѣ у береговъ, во многихъ мѣстахъ линія проходитъ на подпорныхъ стѣнахъ и виадукахъ и на двадцать пятой верстѣ отъ станціи Байкалъ переходитъ черезъ глубокую бухту Березовую великолѣпнымъ шестидесятисаженнымъ мостомъ, перекинутымъ съ одного берега на другой, такъ какъ глубина бухты не позволяла устройства промежуточныхъ быковъ.

Березовскій мостъ представляетъ чудное по красотѣ сооруженіе и въ то же время говорить о знаніи и смѣлости русскихъ инженеровъ. Неправильность напластованій и непрочность разрушающихся горныхъ породъ явилась причиною обваловъ, высокихъ откосовъ, вымоковъ и побудила во многихъ мѣстахъ прибѣгнуть къ устройству защитныхъ галлерей и постройкѣ каменныхъ стѣнъ на откосахъ. Самые разнообразныя способы борьбы человѣка съ природой были приняты при постройкѣ Кругобайкальской желѣзной дороги, и будущее покажетъ, насколько хороши и рациональны эти способы, насколько обезпечиваютъ они безопасность движенія.

Политическое осложненіе на Дальнемъ Востокѣ вызвало необходимость скорѣйшаго безостановочнаго передвиженія войскъ и сдѣлало постройку Кругобайкальской желѣзной дороги вопросомъ особой государствен-

ной важности. Вся энергія строителей была призвана на помощь, и под личнымъ руководствомъ министра путей сообщенія князя М. И. Хилкова постройка была доведена до конца ранѣе срока на полтора года. Такимъ образомъ, завершилась постройка дороги, замѣчательнѣйшей и труднѣйшей, по мнѣнію инженеровъ, не только въ Россіи, но и за границей *).

Н. Ш.

*) Въ дополненіе къ настоящей замѣткѣ считаемъ нелишнимъ привести нѣкоторыя цифровыя данныя, заимствованныя нами изъ газетныхъ сообщеній.

Кругобайкальская дорога начата постройкою въ 1899 г и по характеру строительныхъ работъ представляетъ одно изъ труднѣйшихъ сооружений. Въ западной части дороги пробито 33 туннеля. При этомъ понадобилось, съ помощью динамита, вынуть до 400,000 куб. саж. камня; подземельное полотно дороги заняло 6,000 дес. земли, очищенныхъ отъ лѣса на протяженіи 1,509 десятинъ. Земляныхъ работъ по выемкѣ и насыпкѣ земли сдѣлано 1,005,000 кубич. саж., вынута изъ скалъ камня динамитомъ 461,700 куб. саж., а всего разработано 1,407,300 куб. саж. на сумму 11,476,000 р. или на версту пути 47,225 р.

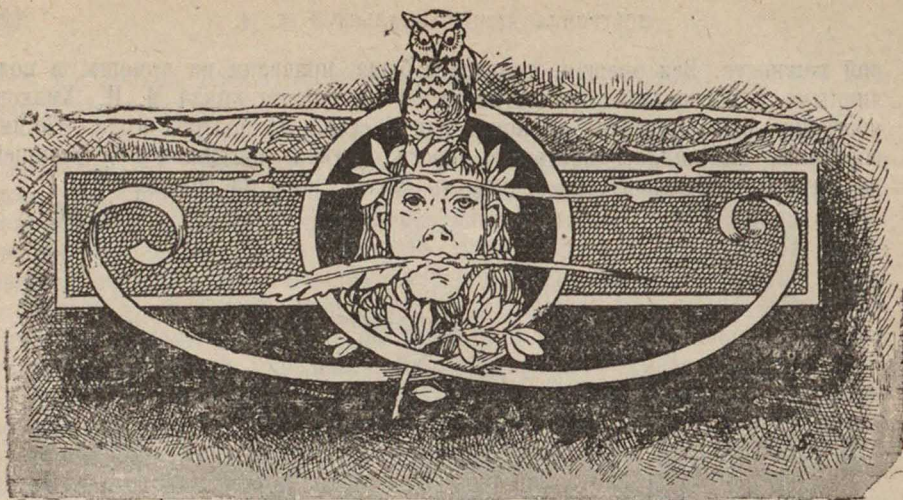
На Забайкальскій жел. дорогѣ земляныхъ работъ на версту—12,750 р. на Средне-сибирской—9,073 р. Искусственной каменной кладки, подпорныхъ стѣнокъ на цементномъ растворѣ, каменныхъ трубъ и проч. возведено 23,085 куб. саж. стоимостью въ 11,125,455 р.

Въ выполненіи работъ принимали участіе ссыльно-каторжные, трудами которыхъ исполнено 8,500 куб. саж. земляныхъ работъ, очищено отъ лѣса 100 дес. земли и выстроено 15 зданій.

Общая стоимость сооружений Кругобайкальской желѣзной дороги до сихъ поръ исчисляется въ 53,628 тыс. руб., а на версту пути 219,783 руб., которые распределяются такъ: на изысканіе затрачено 102,050 руб., собственно на постройку 48,675,350 руб., приобрѣтеніе подвижного состава 3,484,700 руб. и оборотнаго капитала 366 тыс. руб.

Дѣйствительная стоимость постройки будетъ, конечно, еще выше, такъ какъ сюда не вошли расходы по работамъ за послѣдніе мѣсяцы и расходы на содержаніе администраціи, по составленію отчета устройства переправы че езъ озеро Байкаль и приобрѣтеніе пароходовъ-ледоколовъ «Ангара» и «Байкаль», что было выполнено изъ особаго кредита въ 6,745,000 руб.

Редакція.

Д-ръ Э. Томбергерь.

Медицина и химія.

Если за послѣднія десятилѣтія въ области медицины можно отмѣтить значительные успѣхи, то въ немалой степени она обязана этимъ физикѣ и химіи. Уже Юстусъ фонъ-Либихъ неоднократно подчеркивалъ тѣсную связь между медициной и названными науками и настоятельно, хотя и не особенно успѣшно, рекомендовалъ врачамъ изученіе ихъ.

Въ послѣдніе годы это родство все болѣе и болѣе выступало наружу, и успѣшное развитіе физики и химіи сильно способствовало искусству лѣченія. Мнѣ стоитъ лишь напомнить о *рентгеновскихъ лучахъ*, практическое примѣненіе которыхъ привело къ усовершенствованію діагностики столькихъ болѣзней; мнѣ стоитъ лишь напомнить о *микроскопѣ*, благодаря которому распознаваніе заболѣвшихъ тканей и бактериологія получили такой подъемъ, о какомъ никто и не могъ подозрѣвать.

Если, съ другой стороны, противопоставить этимъ завоеваніямъ медицины успѣхи химіи, то можно было бы повторить прекрасныя слова, сказанныя въ прошломъ году проф. Виттомъ на конгрессѣ по прикладной химіи:

„Where is the country, where the single spot in land or air or water, that has no room for the application of chemistry? (Гдѣ та страна, гдѣ тотъ единственный пунктъ на землѣ, въ воздухѣ и въ водѣ, гдѣ не было бы мѣста для примѣненія химіи?) Куда только проникаетъ наша наука съ ея благотворной рукой, тамъ тотчасъ же зарождается новая жизнь изъ покоящейся матеріи. Она превращаетъ пустыя породы въ драгоценныя товары, она лѣчитъ больного и руководитъ здоровымъ въ его благотворной работѣ. Она побуждаетъ растенія расцвѣтать и давать плоды, она научаетъ насъ мудро и предусмотрительно примѣнять то, что смѣясь, бросаетъ намъ въ руки дивно цвѣтущій міръ. Да, подъ чарующимъ дѣйствіемъ ея золотого магическаго жезла міръ, милліоны лѣтъ находившійся въ застывшемъ состояніи, снова оживаетъ, пробуждается и опяняетъ насъ ароматомъ и ослѣпляетъ яркими красками“.

Да, она исцѣляетъ больного, а тамъ, гдѣ она не въ состояніи сдѣлать это, то она, по крайней мѣрѣ, облегчаетъ его страданія и дѣлаетъ для него жизнь выносимой. Съ этой цѣлью она доставила фармакологию, долгое время бывшей падчерицей медицины, огромное количество новыхъ веществъ. Конечно, возможно, что этихъ послѣднихъ появилось ужъ слишкомъ много, и что не все они достигли цѣли. Но ничто не совершенно на нашей землѣ. И она можетъ найти утѣшеніе себѣ въ природѣ, которая ежедневно совершаетъ ту же ошибку, которая также можетъ перейти мѣру цѣлесообразнаго. Еще другое основаніе заставляетъ насъ относиться снисходительно къ такому усердному созданію новыхъ веществъ.

Столь большое перепроизводство было обусловлено возможными разновидностями многочисленныхъ основныхъ веществъ: изученіе этихъ родственныхъ между собой тѣлъ дало намъ возможность узнать физиологическое дѣйствіе извѣстныхъ группъ ихъ, обнаружило внутреннюю связь между химическимъ строеніемъ и дѣйствіемъ и показало намъ путь, какъ планомерно создавать и находить новыя тѣла, которыя можно было бы примѣнять въ медицинѣ.

При этомъ мнѣ вспоминается точка зрѣнія Бинца, которую я считаю вполне правильной. „Всякое увеличеніе числа новыхъ средствъ,—говоритъ онъ,—слѣдуетъ привѣтствовать, и если изъ тысячи такихъ новыхъ химическихъ продуктовъ только одинъ приобрететъ цѣнность по своимъ цѣлебнымъ свойствамъ, то весь трудъ не будетъ потраченъ даромъ“.

Но въ дѣйствительности вовсе не существуетъ такъ много новыхъ препаратовъ, какъ объ этомъ можно на первый взглядъ подумать, читая ежедневно указанія на новыя лѣкарства. Не слѣдуетъ забывать, что въ этихъ случаяхъ рѣчь идетъ все объ однихъ и тѣхъ же основныхъ веществахъ, которыя облекаются лишь въ новую форму и, подобно блюдамъ, подаются лишь въ другомъ приготовленіи. Многія изъ этихъ новыхъ лѣкарствъ живутъ лишь одинъ день, они забываются такъ же скоро, какъ и появляются. Въ фармакологию также происходитъ своего рода борьба за существованіе, въ которой побѣда остается на сторонѣ болѣе сильныхъ средствъ. Хорошее должно уступать мѣсто лучшему. Но если уже первое тѣло какой-нибудь группы оказывается по своему физиологическому дѣйствію очень цѣннымъ, какъ напр., фенацетинъ, то дальнѣйшимъ приходится владѣть жалкое существованіе, и если они все-таки продолжаютъ существовать, то они обязаны этимъ не наукѣ, а рекламѣ.

Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать неудовлетворительнымъ современный порядокъ, по которому новыя лѣкарства можно продавать свободно, и только, когда на практикѣ оказывается, что они ядовиты, они подвергаются изъятію изъ ручной продажи. Слѣдовало бы сдѣлать какъ разъ наоборотъ: новыя лѣкарства разрѣшать къ продажѣ лишь тогда, когда они окажутся совершенно безвредными. Но и при этомъ встрѣчаются затрудненія, ибо у многихъ препаратовъ, полезное дѣйствіе которыхъ превозносилось до небесъ, оказывалось—часто послѣ многихъ лѣтъ—очень вредное побочное дѣйствіе; это случалось даже со средствами, нашедшими себѣ широкое примѣненіе. Въдѣ даже о такомъ старомъ веществѣ, какъ *борная кислота*, ученые спорятъ еще, не приноситъ ли оно вреда здоровью, ядовито ли оно или нѣтъ.

Понятіе ядовитости въ этомъ смыслѣ является весьма относительнымъ и растяжимымъ, и вполне индифферентныхъ веществъ существуетъ лишь очень мало, такъ какъ даже наши естественныя питательныя средства не могутъ быть причислены къ нимъ.

Такъ, напр., подкожное впрыскиваніе какого-нибудь бѣлковаго вещества вызываетъ лихорадку.

Такимъ образомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что многія лекарства ядовиты; увеличеніемъ же числа ихъ мы обязаны прежде всего стремленію къ ослабленію этого ядовитаго дѣйствія, а затѣмъ и къ устраненію нежелательныхъ побочныхъ дѣйствій, къ измѣненію мѣста приѣма и къ улучшенію вкуса.

Прежде мы были обречены на пользование растительными лекарствами, измѣнчивость и непостоянство которыхъ мы теперь хорошо знаемъ. Содержаніе дѣйствующаго вещества въ нихъ часто весьма разнообразно. Оно зависитъ отъ всевозможныхъ климатическихъ и метеорологическихъ вліяній, отъ почвы, мѣста нахожденія, освѣщенія солнцемъ, времени сбора, отъ разновидности растенія (дикое ли оно или культивированное), наконецъ, отъ сохраненія и обработки въ высушенномъ или свѣжемъ состояніи. Въ этомъ отношеніи *чистое производство однихъ только дѣйствующихъ составныхъ частей* является огромнымъ шагомъ впередъ.

Несмотря на это, мы и теперь еще не можемъ пренебрегать растительными препаратами, такъ какъ совокупное дѣйствіе такого препарата часто имѣетъ другой результатъ, чѣмъ химически приготовленный продуктъ, какъ показываетъ сравненіе опиума съ морфіемъ, экстракта изъ бѣшеныхъ ягодъ (*atropa belladonna*) съ атропиномъ.

Что касается въ частности изслѣдованій въ области фармакологіи, то на первомъ планѣ стоятъ препараты, помогающіе людямъ забывать заботы земного существованія и убаюкивающіе ихъ, то есть *снотворныя средства*; новѣйшимъ представителемъ этого рода веществъ можетъ служить *верональ*, приготовленный Эмилемъ Фишеромъ изъ мочевины. Большой славой и широкимъ примѣненіемъ пользуются далѣе *экстракты надпочечныхъ железъ*, обладающіе способностью увеличивать давленіе крови и сокращать сосуды. Последнее свойство ихъ оказалось полезнымъ, такъ какъ благодаря ему можно совершать операціи безъ сильныхъ кровотеченій. Но съ кокаиномъ они соперничать не могутъ, такъ какъ они не обладаютъ анэстезирующей способностью (дѣлать нечувствительными къ боли). Найти неядовитое средство со свойствами кокаина является еще задачей будущаго. Поискамъ такого средства мы обязаны *ортоформомъ*, который недавно долженъ былъ уступить свое мѣсто *анэстезину*. Оба эти вещества имѣютъ тотъ недостатокъ, что они не въ состояніи проводить свое анэстезирующее дѣйствіе сквозь слизистую оболочку и дѣлаютъ нечувствительными къ боли лишь тѣ мѣста, съ которыхъ снята верхняя оболочка. Въ качествѣ утоляющаго боль средства при ожогахъ анэстезинъ оказываетъ чудесное дѣйствіе. Онъ исполняетъ одну изъ самыхъ благородныхъ задачъ врача, а именно успокаиваетъ боль.

Этому препарату можно противопоставить другой, извѣстный подъ названіемъ *колларюль* и представляющій собой растворимую коллоидальную соль серебра, оказывающую столь же удивительное дѣйствіе при отравленіи крови. Такъ какъ уже въ высшей степени незначительныя количества этого вещества, введенныя въ кровь, которую можно измѣрять еще литрами, оказываютъ уже успѣшное дѣйствіе, то это последнее толкуютъ, какъ результатъ *каталитическаго дѣйствія*.

Для біологическихъ проблемъ имѣетъ большое значеніе *осмотическое давленіе*, законы котораго разработаны физической химіей. Ученіе объ осмотическомъ давленіи, тѣсно связанное съ именемъ Вантъ Гоффа, знаменуетъ собой для біологовъ новую эпоху въ такой же мѣрѣ, какъ и открытіе закона сохраненія энергіи.

Растворы различной концентраціи (густоты), вступающіе въ

соприкосновение другъ съ другомъ, стремятся уравнить при помощи диффузіи различія концентраціи. Если растворы отдѣлены между собой перегородкой, пропускающей лишь растворяющее, но не растворенное вещество, то растворяющая жидкость перетекаетъ отъ болѣе слабаго раствора къ болѣе сильному, пока различіе не будетъ уравнено. Этотъ процессъ, какъ извѣстно, приписывается дѣйствию осмотическаго давленія. Осмотическія давленія, дѣйствующія въ организмахъ, достигаютъ почти 10 атмосферъ; слѣдовательно, они уже довольно значительны. Какъ у растений, такъ и у животныхъ, они играютъ при различныхъ функціяхъ большую роль.

Исслѣдованія де-Фриса открыли намъ вліяніе осмотическаго давленія на упругость ткани въ растеніяхъ и ростъ отдѣльныхъ клѣтокъ.

Большой интересъ представляетъ открытіе Леба, что въ яйцахъ морскихъ ежей осмотическое давленіе можетъ отчасти замѣнить актъ оплодотворенія. Эти яйца, отложенныя въ водѣ, въ случаѣ неоплодотворенія опускаются на дно; но если увеличить осмотическое давленіе морской воды; прибавивъ къ ней различныя химическія вещества, то яйца начинаютъ развиваться самостоятельно. Развитіе, то-есть дѣленіе клѣтокъ, продолжаются вплоть до начала подвижности.

Слѣдуетъ упомянуть также работы Гейденгайна о резорпціи (воспріятіи пищевыхъ веществъ) въ тонкой кишкѣ. Въ то время, какъ этотъ ученый считаетъ нужнымъ для объясненія резорпціи прибѣгнуть къ свойствамъ живой матеріи, Океръ Бломъ находитъ, что весь процессъ резорпціи слѣдуетъ понимать какъ чисто физико-химическій процессъ, дѣятельность же клѣточной стѣнки ограничивается тѣмъ, что разложенныя въ желудкѣ и кишкѣ бѣлковыя тѣла (альбумозы и пептоны) она снова превращаетъ въ бѣлковыя тѣла, которыя не могутъ пройти черезъ клѣточную стѣнку, такъ что они не могутъ уже перетекать обратно изъ крови въ кишку.

Все эти примѣры служатъ достаточнымъ доказательствомъ того, что часть фیزیологическихъ процессовъ носить чисто-химическій характеръ.

Физическая химія не только способствовала разъясненію многихъ, оставшихся до сихъ поръ необъясненными, фیزیологическихъ процессовъ, но и принесла медицинѣ практическую пользу. Гамбургеръ показалъ вліяніе кровяной сыворотки на дѣятельность красныхъ тѣлецъ крови. Эти послѣднія находятся въ осмотическомъ равновѣсіи съ кровяной сывороткой. Если помѣстить красныя кровяныя тѣльца въ растворъ соли, болѣе концентрированный, чѣмъ сыворотка, то они свертываются и опускаются, если же растворъ менѣе концентрированъ, то они лопаются и отдають свое красящее вещество крови. Исходя изъ этихъ измѣненій красныхъ кровяныхъ тѣлецъ, Кеппе изобрѣлъ способъ опредѣленія осмотическаго давленія, при помощи котораго измѣняется объемъ тѣлецъ въ плазмѣ, далѣе онъ создалъ теорію отдѣленія соляной кислоты въ желудкѣ, описалъ новый анализъ минеральныхъ водъ и обратилъ вниманіе на различіе между естественными и искусственными водами. Когануи и Штрауссъ построили на этой же основѣ „осмотическую діалетику“; при помощи пищи и ограниченія обмѣна бѣлковыхъ веществъ понижается осмотическая работа почекъ. Ротъ далъ объясненіе впитыванія патологическихъ истеченій жидкости. Въ послѣднемъ случаѣ никогда не наступаетъ осмотическаго равновѣсія, содержаніе бѣлка въ крови всегда больше, чѣмъ въ воспалительныхъ и невоспалительныхъ истеченіяхъ; какъ результатъ этого образуется всасывающая сила. Хотя содержаніе бѣлка обуславливаетъ благодаря величинѣ своихъ молекулъ вообще незначитель-

ное осмотическое давленіе, тѣмъ не менѣе разница достаточно велика, чтобы вызвать медленную резорпцію.

Послѣднее слово о всѣхъ этихъ фактахъ еще не сказано, но изъ изложеннаго ясно, что ученіе объ осмотическомъ давленіи, возникшее всего лишь лѣтъ 15 тому назадъ, господствуетъ не только въ физиологіи, но и принесло плоды и вызвало постановку новыхъ вопросовъ и въ области патологіи. Во всякомъ случаѣ, здѣсь снова оправдались слова Либиха, сказанныя еще въ 1842 году:

„Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что съ новой физиологіей мы получимъ также раціональную патологию“.

И дѣйствительно, вѣдь патологическія состоянія являются лишь отклоненіемъ отъ нормальныхъ физиологическихъ, и мы должны всегда стремиться сводить первыя къ послѣднимъ. Но для этого необходимо точное изслѣдованіе нормальныхъ физиологическихъ процессовъ. Обогащеніемъ нашихъ познаній въ этой области мы обязаны, какъ было упомянуто уже выше, физической химіи.

Я сдѣлалъ попытку набросать картину взаимоотношеній между химіей и медициной, нисколько не претендуя на полноту ея. Я вышелъ бы изъ предѣловъ намѣченной мной въ этой статьѣ задачи, если бы я попытался перечислить въ отдѣльности заслуги всѣхъ изслѣдователей, которымъ мы обязаны нашими познаніями въ этой области. Но подобно тому, какъ имя Либиха навѣки связано съ исторіей обѣихъ наукъ, такъ и нынѣ надъ всѣми свѣтитъ имя одного изслѣдователя, идеи котораго одновременно разрабатываются теперь обѣими науками, какъ въ исторіи, такъ и на практикѣ: это имя Эрлиха.

Работы Эрлиха касаются отчасти чисто химической области, отчасти біологической. Открытіемъ новыхъ реакцій на окрашиваніе, какъ, напр., въ мочевины тифозныхъ больныхъ, онъ оказалъ услугу діагностикѣ, посредствомъ окрашиванія метиленовой синью въ живомъ тѣлѣ онъ способствовалъ раскрытію функций составныхъ частей ткани въ живомъ организмѣ, онъ разъяснилъ дѣйствіе многихъ лѣкарствъ и ихъ распредѣленіе въ тѣлѣ, а тамъ, гдѣ одного химическаго строенія оказалось недостаточно для пониманія, онъ съ цѣлью объясненія сложныхъ отношеній біологіи показалъ новый путь, путь біологическаго изслѣдованія. Въ этой области онъ приобрѣлъ себѣ безсмертныя заслуги, прежде всего въ области изслѣдованія сыворотокъ, гдѣ однимъ своимъ открытіемъ способа численнаго опредѣленія устойчивости животныхъ противъ токсиновъ, онъ прославилъ себя навсегда. Онъ этимъ заложилъ истинный фундаментъ для зданія сывороточной терапіи, и только на этой основѣ удалось Берингу обогатить человѣчество дифтеритной сывороткой.

Если мы вспомнимъ, что всѣ изложенные нами результаты были достигнуты исключительно въ послѣдніе годы, то смѣло можемъ надѣяться, что изреченіе: *nihil hominibus arduum est* *) оправдается и здѣсь, и что будутъ преодолены препятствія, которыя незадолго еще казались намъ неодолимыми.

*) Нѣтъ ничего тяжкаго для людей.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Толковый указатель книгъ для чтенія. Подъ редакціей В. П. Алексѣева, проф. А. П. Киричникова, проф. И. Х. Озерова, проф. А. Н. Реформатскаго, М. А. Сабашниковой, Н. В. Тулупова и Г. Н. Шмелева. Выпускъ I. Изд. Московскаго Столичнаго Попечительства о Народной Трезвости. М. 1904 г., ц. 75 к.—А. И. Лебедевъ. *Дѣтская и народная литература.* Выпускъ II. Старшій возрастъ. Ц. 50 к. Нижній Новгородъ 1904 г.—*Каталогъ книгъ для школьных, народных, публичныхъ и домашнихъ библіотекъ для самообразованія.* Изд. «Школьное Дѣло». Спб. 1904 г., п. 15 к.

Ростъ книжнаго рынка въ настоящее время достигъ такихъ размѣровъ, при которыхъ разобратся на немъ, какъ слѣдуетъ, открывается возможность лишь для того, кто рѣшился окунуться съ той или другой специальной задачей въ это море печатнаго матеріала. Значеніе подобныхъ указателей растетъ, конечно, по мѣрѣ того, какъ разрастается и разсѣивается въ народныхъ массахъ потребность въ книгѣ. Вотъ почему мы всегда торопились отмѣтить на страницахъ «Вѣстника Знанія» все интересное въ данномъ отношеніи. Названные въ заголовкѣ каталоги и толковые указатели заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны тѣхъ, кому приходится стоять у библіотечнаго дѣла или руководить чѣмъ-либо чтеніемъ. «Толковый указатель» московскаго столичнаго попечительства о трезвости представляетъ собою, по заявленію предисловія, «первую (кур. нашъ) попытку у насъ прийти на помощь читателямъ народныхъ библіотекъ при самостоятельномъ выборѣ книгъ, помочь имъ самимъ разобратся въ томъ матеріалѣ для чтенія, который предлагается библіотеками этого рода».

Задача весьма почтенная, но напрасно только гг. составители выдаютъ свою попытку за *первую* попытку въ этой области. Книжныя богатства, открытыя народнымъ читальнямъ, подвергались и подвергнутся весьма обширной критикѣ. Укажемъ хотя бы извѣстную работу Харьковскаго Общества Грамотности, обширныя систематическія рецензіи, помѣщенные въ выпускахъ «Общаго Дѣла», первый выпускъ систематическаго каталога г. Лебедева... Пользовались ли гг. составители всѣми этими работами?.. Боимся, что нѣтъ... или далеко не всегда... Иначе, думается, у нихъ не было бы того безусловнаго преклоненія передъ гг. Лункевичемъ, Сѣбцовою, Ю. Вагнеромъ и другими болѣе и менѣе извѣстными популяризаторами, у которыхъ на книжномъ рынкѣ есть, какъ прекрасныя вещи, такъ и никуда не годныя. (Укажемъ, хотя бы на географическія брошюры г. Лункевича, въ большинствѣ случаевъ очень слабыя и тѣмъ не менѣе рекомендуемыя даннымъ сборникомъ)... Правда, очень немногіе сборники рецензій специально посвящены тѣмъ книгамъ и брошюрамъ, которые допущены въ народныя читальни. Пересмотрѣть весь матеріалъ, приведенный въ каталогахъ этихъ учреждений, можно развѣ только съ единственной цѣлью—хоть сколько-нибудь очистить эти авгиевы

*) Для выигрыша мѣста мы «Библіографическія замѣтки о книгахъ для народа и для самообразованія» присоединяемъ къ общей «Библіографіи». Редакция.

конюшни, переполненныя всякимъ устарѣвшимъ хламомъ и негодною завалью рынка. Для этого достаточно будетъ простой группировки, которую исполняло, напр., Харьк. Общ. Гамотности; рецензій тутъ не понадобится: министерскіе каталоги для публики—величина, совершенно опредѣленная: повѣрять на слово. Другое дѣло—отобрать на полкахъ народныхъ библіотекъ, что лучшее, и провести среди этого матеріала руководящую линію—тутъ, конечно, весьма желательны и рецензіи, которыя позволили бы читателю сознательно и самостоятельно отнестись къ выбору книгъ.

Въ названномъ нами указателѣ разобрано всего 355 книгъ, которыя къ началу работъ оказались на полкахъ библіотекъ московскаго столичнаго попечительства о народной трезвости. «Желая восполнить естественный при такомъ порядкѣ вещей пробѣлъ, составители помѣстили въ каждомъ отдѣлѣ указателя еще дополнительный перечень книгъ, куда вошли указанія болѣе, чѣмъ о 800 книгахъ, подробные разборы которыхъ будутъ даны въ слѣдующихъ выпускахъ указателя». Итого, настоящая работа имѣетъ дѣло болѣе, чѣмъ съ тысячею книгъ. Указатель распадается на пять отдѣловъ: словесность, русскую исторію, естествознаніе, географію и книги для дѣтей и юношества. Каждому изъ этихъ отдѣловъ предпосланы краткія руководящія статьи, позволяющія хоть немного ориентироваться въ данной области знанія. Такъ, напр., во «вступительномъ словѣ къ чтенію книгъ по физикѣ» говорится о томъ, что такое знаніе, явленіе, наблюденіе, опытъ, законъ природы, практическое и чисто-умственное изученіе. Всѣ эти вступительныя статьи написаны простымъ, яснымъ и отчетливымъ языкомъ. Помимо рецензій въ каждомъ отдѣлѣ, какъ мы указывали, имѣются списки книгъ, рекомендуемыхъ изъ числа допущенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ безплатныя библіотеки-читальни. Для того, чтобы читатель видѣлъ, какъ конструированы эти списки, приведемъ планъ списка по отдѣлу словесности. Здѣсь мы имѣемъ: I. Для начинающихъ читателей: а) произведеніе современныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей; б) книги для ознакомленія съ произведеніями и жизнью замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей прошлаго и съ образами поэзій; II. Книги для читателей средней степени грамотности: а) произведенія русскихъ писателей изъ русской жизни; б) изъ иностранной жизни; в) произведенія иностранныхъ писателей; III. Книги для наиболѣе развитыхъ читателей: а) русскіе писатели (книги для чтенія въ первую очередь); б) русскіе писатели (книги для чтенія во вторую очередь); а) иностранные писатели; б) иностранные писатели (дополненіе). Группировка книгъ въ высшей степени приспособлена для организаціи и работы народныхъ библіотекъ-читальнъ. И «Указатель», дѣйствительно, можно рекомендовать во всякую библіотеку, всякому земству, всякому лицу, которое интересуется внѣшкольнымъ чтеніемъ народа и вынуждено, къ сожалѣнію, пользоваться министерскими каталогами.

Книги для дѣтей и юношества («Указатель» имѣетъ въ виду руководителей чтенія, а не самихъ дѣтей) раздѣлены: I—на книги для дѣтей младшаго возраста; II—средняго, —III—старшаго и подростковъ. Здѣсь затронута исключительно лишь беллетристика (а также историческіе и географическіе романы). Списокъ этотъ также является весьма полезнымъ.

«Указатель» изданъ на прекрасной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, и цѣну его надо признать весьма умѣренной.

Второй выпускъ «Дѣтской и народной литературы» А. И. Лебедева (на первый выпускъ его мы своевременно указывали въ прошломъ году на страницахъ «В. Зн.») составленъ совершенно по иному плану, чѣмъ только что разобранный «Указатель», по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло идетъ о беллетристикѣ. Книги здѣсь раздѣлены по внутреннему своему содержанію. Такъ, въ началѣ приведенъ списокъ книгъ, которыя могутъ служить для возбужденія общаго интереса къ чтенію; затѣмъ уже идутъ отдѣлы, посвященные тѣмъ или другимъ группамъ

личности. На первый планъ здѣсь выдвинуты книги, посвященныя вопросамъ явленій. Сначала перечисляются произведенія, на которыхъ можно познакомиться съ характерами, твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ, дающими образцы мужества, безстрастія, благородства и силы воли. Затѣмъ идутъ произведенія, обрисовывающія или отрицательные характеры, или характеры, лишенные до известной степени гармоничности и полноты. Въ этомъ же отдѣлѣ указано немало книгъ, которыя трактуютъ вопросъ объ отношеніи личности къ своимъ общественнымъ обязанностямъ. Слѣдующій отдѣлъ посвященъ «семѣ и воспитанію»; дальше идутъ произведенія, обрисовывающія жизнь отдѣльных общественныхъ группъ: тамъ перечислены книги, въ которыхъ описана жизнь крестьянъ съ различныхъ сторонъ, городской бѣдноты, рабочаго класса купечества, дворянства, духовенства, чиновничества, военныхъ, тюремнаго міра и т. д.

Научный отдѣлъ разработанъ также весьма тщательно и вдумчиво, но особенно оригинальнаго въ немъ ничего нѣтъ.

Въ общемъ, г. Лебедевъ дѣйствовалъ свободнѣе составителей предыдущаго «Указателя», такъ какъ не былъ связанъ той спеціальной задачей, которая стояла передъ этими послѣдними.

Еще свободнѣе подобранъ матеріалъ въ каталогѣ, изданномъ «Школьнымъ Дѣломъ». При составленіи этого каталога имѣлись въ виду главнымъ образомъ: 1) родители, подбирающіе книги для подарковъ дѣтямъ; 2) учителя, бібліотекари народныхъ читаленъ и частныя лица, составляющія изъ дешевыхъ книжекъ бібліотеки для сельскаго и городского населенія; 3) читатели-самоучки, подыскивающіе общедоступныя книжки по различнымъ вопросамъ и наукамъ; 4) учащаяся молодежь, самостоятельно пополняющая свое образованіе; 5) бібліотекари городскихъ публичныхъ бібліотекъ, систематически пополняющіе бібліотеки и пр.

Въ самомъ каталогѣ, занимающимъ почти 80 страницъ убористаго шрифта, текста и объясненій никакихъ нѣтъ, а идетъ лишь перечень книгъ (иногда приводится ихъ оглавленіе), разбитыхъ на цѣлый рядъ мелкихъ, часто очень практично составленныхъ, отдѣловъ. Нерѣдко одна и та же книга упоминается по нѣскольку разъ, если она обслуживаетъ нѣсколько выдвинутыхъ каталогомъ вопросовъ. Указано много только что вышедшихъ книгъ.

Вообще каталогъ «Школьнаго Дѣла» является очень цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу.

А. А. Н.

„Программы чтенія для самообразованія. Изданіе отдѣла для содѣйствія самообразованію въ Комитетѣ Педагогическаго музея Военно-учебныхъ заведеній. С-Петербургъ, 1904. Четвертое, вновь переработанное и значительно дополненное, изданіе». Цѣна 40 коп.—Въ ноябрѣ 1894 г. при Педагогическомъ музеѣ въ Петербургѣ былъ учрежденъ особый отдѣлъ, который поставилъ своей задачей «содѣйствіе самообразованію посредствомъ составленія программъ для чтенія съ указаніями на научную литературу, а также посредствомъ рефератовъ и лекцій, личныхъ и письменныхъ сношеній и изданія оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій научнаго характера». Этотъ отдѣлъ «составляетъ и печатаетъ въ общее свѣдѣніе программы какъ по естествознанію, такъ и по гуманитарнымъ наукамъ въ двухъ циклахъ: а) одну энциклопедическую программу, въ которой по каждой наукѣ указываются лишь важнѣйшіе вопросы, знакомство съ которыми необходимо для каждого образованнаго человѣка, желающаго составить себѣ опредѣленное міросозерцаніе... «и б) отдѣльныя программы по тѣмъ же наукамъ». Всѣ программы «сопровожаются указаніями на литературу предмета преимущественно на русскомъ языкѣ и лишь въ крайнемъ случаѣ на языкахъ иностранныхъ». Въ читателѣ «предполагается знакомство съ курсомъ среднихъ учебныхъ заведеній».

Въ изданіи, заглавіе котораго я выписалъ въ началѣ моей статьи, мы имѣемъ именно: 1) «Общую энциклопедическую программу» по слѣдующимъ наукамъ: философія, физика, химія, астрономія, геологія и физическая географія,

ботаника, зоологія, антропологія, анатомія и фізіологія челоѣка, соціологія, юриспруденція, политическая экономія, всеобщая исторія, русская исторія, всеобщая исторія литературы, русская литература, малорусская литература; и 2) «спеціальныя программы» по тѣмъ же наукамъ, но только въ нихъ не упомянута малорусская литература и добавлены: языкознаніе и исторія искусства...

Въ предисловіи къ «Энциклопедической программѣ» составители отъѣняють, что они вовсе не ставили себѣ задачей «называть всѣ лучшія сочиненія по всѣмъ отраслямъ знанія у всѣхъ народовъ и во всѣ времена. Намѣтивъ кругъ наукъ и научныхъ вопросовъ, которые должны были войти въ энциклопедическую программу, Отдѣлъ долженъ былъ указать на сочиненія, которыя, по его мнѣнію, можно признать наиболѣе удобными для перваго ознакомленія съ этими предметами въ объемѣ общихъ университетскихъ курсовъ, а потому онъ вынужденъ былъ считаться не столько съ безотносительными достоинствами авторовъ, сколько съ потребностями читателей. По самой сущности своей задачи, Отдѣлъ долженъ былъ обратить особое вниманіе на литературу популяризаціи науки, учебныхъ руководствъ и университетскихъ курсовъ и т. п... Къ сожалѣнію, въ русской научной литературѣ, оригинальной и переводной, не всегда можно было найти произведенія, которыя вполне соответствовали бы цѣли чтенія по энциклопедической программѣ, какъ понимаютъ эту цѣль составители программъ».

Трудъ составителей, въ общемъ — несомнѣнно старательный и добросовѣстный и, конечно, принесетъ большую пользу русскому обществу, въ которомъ за послѣднее время пробуждается такое стремленіе къ самообразованію... Разбирать этотъ трудъ сколько-нибудь подробно — я не буду; подобная задача едва-ли бы пришлось подѣ силу одному челоѣку, такъ какъ для этого онъ бы долженъ былъ быть спеціалистомъ по цѣлому ряду наукъ... Притомъ, со многими *русскими переводами* знакомыхъ мнѣ иностранныхъ сочиненій, которые указываютъ составители, мнѣ не приходилось имѣть дѣла... Но я бы хотѣлъ высказать нѣсколько отдѣльныхъ, отрывочныхъ замѣчаній.

Прежде всего можно пожалѣть, что составители — какъ они сами говорятъ — избѣгали указывать на иностранныя сочиненія, съ которыхъ нѣтъ хорошихъ русскихъ переводовъ; подобныя указанія были очень полезны для знакомыхъ съ иностранными языками, лицъ, которыхъ въ русскомъ обществѣ не такъ ужъ мало... Однако, выказывая это *сожалѣніе*, я не имѣю духа превратить его въ *упрекъ*: вѣдь, еслибъ составители не ограничивали себя *русскими* сочиненіями (оригинальными и переводными), то ихъ задача, и безъ того очень обширная, стала бы еще много обширнѣе и потребовала-бы отъ нихъ еще больше времени и труда.

Затѣмъ, я отмѣчу съ удивленіемъ, что въ отдѣлѣ философіи не упомянуто ни «Философіи природы» Оствальда, ни Оствальдова же труда о *материализмѣ*... Я, впрочемъ, нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что оба сочиненія пропущены *намеренно*, а не по недосмотру или т. п. Относительно «Философіи природы» въ этомъ ужъ потому нельзя сомнѣваться, что г. Радловъ, подѣ редакціей котораго вышелъ не такъ давно переводъ этой великолѣпной книги — одинъ изъ составителей «Программы»...

Очень много можно и должно, по моему, возразить противъ программы по *химіи*. Химія за послѣдніе лѣтъ 15—17 претерпѣла полный переворотъ, благодаря трудамъ цѣлаго сонма ученыхъ, которые постепенно сплотились въ *одну школу* — «*Лейпцигскую школу*». И теперешняя химія — новая химія — обладаетъ не только многими новыми истинами, но она и старыя истины сумѣла сгруппировать въ гораздо болѣе стройную и болѣе простую систему и притомъ — заслуга огромной важности! — добывъ много полезнаго новаго, она выбросила вонъ много лишняго стараго... По новой химіи есть прекрасныя въ полномъ смыслѣ

этого слова учебники Оствальда, одного изъ ея творцовъ, основателя и главы «Лейпцигской школы» и основателя «Zeitschrift für physikalische Chemie» — органа этой школы, не будъ котораго, не имѣлъ бы вѣроятно мѣста и тотъ переворотъ въ химіи, о которомъ я упоминалъ. Я добавлю еще, что Оствальдъ — одинъ изъ самыхъ талантливыхъ популяризаторовъ и научныхъ писателей... Такъ что, въ виду всего этого, казалось бы самымъ естественнымъ и самымъ настоятельнымъ рекомендовать по химіи прежде всего и больше всего именно Оствальдовы книги. А между тѣмъ составители программъ, правда, упоминаютъ русскіе переводы этихъ книгъ, но вовсе не указываютъ на ихъ необходимость — полную необходимость, по моему — а лишь рекомендуютъ ихъ, въ числѣ многихъ другихъ, и не больше чѣмъ... для дополнительнаго чтенія! Необходимыми же составители считаютъ три книги, изъ которыхъ самая молодая появилась 18 лѣтъ тому назадъ! Остальныя же двѣ — 34 и 37 лѣтъ тому назадъ!

Я позволяю себѣ также возстать противъ рекомендаціи знаменитыхъ «Основъ химіи» Д. Менделѣева. Конечно, статуя или картина, которая была красива сотни лѣтъ тому назадъ, будетъ столь-же красива и теперь (если только не потускнѣютъ краски или т. п.) и нисколько не потеряетъ своей цѣнности, какъ не потеряютъ ея «Война и Миръ» Толстого или серенада Шуберта и черезъ сотни и сотни лѣтъ... Но научный трудъ, и въ особенности учебникъ или курсъ какой-нибудь науки и тѣмъ болѣе какой-нибудь изъ «Естественныхъ наукъ», долженъ, какъ бы хорошъ онъ ни былъ для своего времени, очень быстро потерять свою цѣнность и въ этомъ нѣтъ, само собой разумѣется, ничего ни обиднаго, ни даже печальнаго для автора; онъ долженъ быть къ этому готовъ, и я скажу больше — долженъ, если любить свою науку, этому радоваться, такъ какъ это показываетъ только, что она ушла впередъ... Вотъ почему я совершенно прямо безъ всякихъ обиняковъ и ставя точки на всѣхъ — отмѣчу, что, по моему личному мнѣнію, «Основы химіи» — хотя они и выходятъ все новыми и новыми изданіями — теперь уже устарѣли и рекомендовать въ программахъ, о которыхъ рѣчь, эту книгу — какую бы важную роль она ни играла въ исторіи науки и какъ бы хороши въ ней ни были отдѣльныя мѣста, — по моему, прямо не слѣдуетъ...

Затѣмъ, я не могу согласиться съ составителями, которые находятъ, что для изучающаго физику «вполнѣ необходимо активное участіе въ физическихъ опытахъ, т. е. самостоятельное производсво хотя бы простѣйшихъ изъ нихъ». Я бы не согласился съ составителями въ томъ случаѣ, еслибъ даже они говорили только о необходимости видѣть опыты, хотя, конечно, при этомъ многое лучше и ярче запечатлѣвается въ памяти. Но производить опыты самому — это, понятно, не мѣшаетъ, но большой надобности въ этомъ для того, кто вовсе не намѣренъ сдѣлаться физикомъ, а лишь ищетъ пріобрѣсти нѣкоторое понятіе о физикѣ — право, нѣтъ.

Можно пожалѣть объ отсутствіи программъ по *технологіи*, хотя, само собой разумѣется, мы не имѣемъ ни малѣйшаго права упрекать за это составителей... Но вотъ за то, что они совершенно пропустили въ отдѣлѣ языкознанія вопросъ объ *искусственныхъ языкахъ* и въ особенности объ *эсперанто* — за это, мнѣ кажется, упрекнуть ихъ, и можно и должно...

Затѣмъ я отмѣчу, что отдѣлъ русской литературы составленъ — мѣстами, по крайней мѣрѣ — безъ большого вкуса и разбора. Упомянуты произведенія Крестовской-Псевдонима, Баранцевича, Эртеля, Потапенко... но нигдѣ не упомянуты прозаическія творенія Апухтина, ни слова не сказано о Сенковскомъ — авторѣ такихъ вещей, какъ «Записки Хаджи-Баба», «Паденіе Ширванскаго царства», «Ученое путешествіе» и пр., и который пользовался въ свое время столь громкой славой... Не упомянуты рассказы многихъ другихъ.

Но, во всякомъ случаѣ, несмотря на нѣкоторыя, несомнѣнныя, по моему мнѣнію, погрѣшности, добросовѣстный и старательный трудъ гг. составителей

принесетъ—я въ этомъ увѣренъ—русской публикѣ немалую пользу и заслуживаетъ самой искренней ея признательности.

Тай.

Н. А. Скворцовъ. *Въ царствѣ животныхъ.* Со многими рисунками. Популярныя очерки по зоологіи. *Какъ помогаютъ другъ другу животныя.* Изданіе редакціи журналовъ «Дѣтское Чтеніе» и «Педагогическій Листокъ». М. 1904 г. 36 стр. ц. 25 к. На эту тему на книжномъ рынкѣ уже имѣются двѣ весьма удачныя популярныя работы: одна написана г-жей Слѣпцовой, другая—г. Лункевичемъ. Первая изъ нихъ даетъ лишь самые примитивныя очерки, вторая отличается большей обстоятельностью и разнообразіемъ сообщаемыхъ фактовъ. Брошюра г. Скворцова по своему содержанію ближе подходитъ къ первой изъ только что названныхъ работъ; рекомендовать ее можно поэтому только для начинающихъ чтеніе научныхъ книгъ. Къ достоинству брошюры слѣдуетъ отнести живость изложенія и мѣстами свѣжесть сообщаемыхъ фактовъ. Безусловнымъ недостаткомъ этой популярной работы является разбросанность и несистематичность содержанія (вотъ отдѣльныя главы: «Въ поискахъ за новыми мѣстами», «Какъ путешествуютъ птицы», «Какъ путешествуютъ рыбы», «Союзы жуковъ-могильщиковъ», «Воровскіе союзы у крысъ и волковъ», «Строительныя артели», «Въ вороньемъ царствѣ», «Общества пернатыхъ», «Вожаки и предводители у животныхъ», «Общественная жизнь обезьянъ», «Заключеніе»), а затѣмъ часто неосмотрительность въ языкѣ (множество словъ, которымъ не мѣсто въ такой популярной по содержанію брошюрѣ: параллельныя полосы, строго-систематическое движеніе (стр. 6), командъ, командированныхъ на борьбу (стр. 7), нѣсколько метровъ (23 стр.) и т. д. Наконецъ, брошюра съ научной точки зрѣнія тоже заслуживаетъ упрека: въ то время, какъ въ дѣйствительности всѣ психическіе процессы, соединяющіе животныхъ въ сообщества, проходятъ «за порогомъ сознанія», относятся всецѣло къ области инстинкта, нашъ авторъ напротивъ своими неосторожными выраженіями заставляетъ думать, что эти явленія принадлежать къ области сознательной жизни: такъ, напр., рассказывая о массовомъ переселеніи крысъ, онъ говоритъ: «*разсчетъ* оказался вѣрнымъ»; и съ такой неправильной постановкой вопроса мы встрѣчаемся не разъ на протяженіи небольшой брошюры.

Рисунковъ много; въ большинствѣ случаевъ исполнены они очень недурно.

Въ общемъ брошюру можно рекомендовать для дѣтей лѣтъ 10—15, хотя и не въ первую очередь. Издана она, какъ почти и всѣ изданія Д. И. Тихомірова,—дорого.

А. А. Н.

В. А. Гольцевъ. *Дпти и природа въ разсказахъ А. П. Чехова и В. Г. Короленко.* Съ портретами А. П. Чехова и В. Г. Короленко. Изданіе редакціи журналовъ «Дѣтское Чтеніе» и «Педагогическій Листокъ». М. 1904 г. ц. 6 к. 23 стр. Крошечная брошюрка, имѣющая своей задачей заинтересовать подростковъ произведеніями названныхъ писателей. По характеру своего изложенія брошюра представляетъ рядъ фактовъ, взятыхъ какъ бы случайно, не систематизированныхъ и не охваченныхъ какими-либо общими выводами и заключеніями. Въ общемъ работа большой цѣнности въ области популярной литературы не представляетъ. Можетъ служить, хотя и не полнымъ руководствомъ, при выборѣ статей изъ названныхъ писателей для дѣтскаго чтенія.

А. А. Н.

П. П. Гнѣдичъ. *«Бѣглые», «Недвижимая собственность» и другіе разсказы.*—Изданіе А. Ф. Маркса. Сбп. 1904 г. Цѣна 1 р. (съ пересылкой 1 р. 25 к.) 299 страницъ.

Г. Гнѣдичъ—старый знакомецъ такъ называемой читающей публики, потому что, кромѣ читающей, есть еще и понимающая публика, которая г. Гнѣдича не читаетъ, а, если и просматриваетъ, то отходитъ неудовлетворенной. До тѣхъ поръ, пока общество будетъ стоять на низинахъ художественнаго развитія, г. Гнѣдичамъ сбытъ надежно обезпеченъ. Для этого у нихъ все въ наличности, имѣются всѣ данныя: т. наз. «бойкій» языкъ, вѣщная занимательность, легкая

анекдотичность, безтревожность и несложность темы, веселый намекъ, ходкая острота... Чего больше? На книжкѣ, съ которой мы имѣемъ сейчасъ дѣло, стоять: «...и другіе рассказы».

Почему же, однако, именно, *рассказы*?

Тотъ лучшій смыслъ, въ которомъ только и слѣдуетъ опредѣлять понятие «беллетристическаго произведенія и, значитъ, въ частности, разсказа,—этотъ лучшій смыслъ не идетъ къ писаньямъ г. Гнѣдича. Все, что выходитъ изъ-подъ его пера, правильнѣе должно быть окрещено именемъ фельетона: прытко, почти воздушно, карикатурно, анекдотично и временами даже горячо. И хотя, собственно, блины должны бы быть горяченькими, писанья же—умными и талантливыми,—тѣмъ не менѣе, такая горячность не вредитъ фельетонисту и не она подрываетъ беллетристическій кредитъ и у Гнѣдича. Ему не хватаетъ тонкости пониманія жизни, у него нѣтъ настояще-художественнаго выбора темъ, нѣтъ психологическихъ ключей къ тайнамъ духа, нѣтъ чувства мѣры. Совершенно отсутствуетъ у него и архитектоника, безъ которой нѣтъ и не можетъ быть ни стройности, ни цѣнности, ни красоты. Г. Гнѣдичъ—фельетонистъ,—не даромъ же и сейчасъ, вотъ, въ одной громадной, но печальной петербургской газетѣ идутъ какія-то «Песни мухи», у которыхъ подзаголовокъ гласитъ: «Изъ записокъ моего сосѣда Скалопендрова», какъ разъ одного изъ героевъ напечатанной въ разбираемой книжкѣ «Недвижимой собственности». Но даже и для фельетона эта гнѣдичевская манера изображенія устарѣла. Давно уже отброшенъ, правда, легкій, но и жалкій пріемъ длинныхъ разговоровъ, ведущихся дѣйствующими лицами съ небезкорыстной цѣлью отрекомендоваться передъ читателями и упростить такимъ образомъ задачу разсказчика. Очень почтенной стариной вѣетъ отъ авторскихъ отступленій, вродѣ предупрежденія, «что въ настоящемъ повѣствованіи (и слово-то какое стоятънее!) есть нѣкоторая (и даже весьма большая и непростительная!) непослѣдовательность и даже нелогичность (?) во всѣхъ (!) поступкахъ дѣйствующихъ лицъ». Г. Гнѣдичъ увѣряетъ, что «это происходитъ не отъ неумѣнія автора—сплести послѣдовательную цѣпь событій и заставить его героевъ поступать по логикѣ». И пусть добрые друзья г. Гнѣдича и такъ называемая «читающая» публика повѣрять этому кокетливому *revenge*’у,—но рецензентъ «уже не вѣритъ увѣреніямъ»: отчего бы ни происходила литературная неуклюжесть и подъ какимъ предлогомъ не совалъ бы авторъ подъ читательскій носъ свои ненужности, надъ ненужнымъ безъ жалости нужно ставить крестъ и говорить: могила. Напрасно г. Гнѣдичъ извиняетъ свои промахи тѣмъ, что «онъ записываетъ протоколы»,—протокольному искусству давно пропѣта отходная и въ могилу оно, старосвѣтское, опущено безъ особенныхъ вздоховъ и безъ горькихъ слезъ... Репортерно-протокольному изображенію жизни пришелъ конецъ, беллетристика теперь нужна не репортажная, а философская, не внѣшне-изобразительная, а проникновенная, не бытовая, а широко-общественная и психологическая. Всѣмъ, кому дороги часы ихъ литературной жизни, кто пишетъ не для интимнаго *société* милыхъ друзей, которые все простятъ, потому что не все поймутъ,—нужно помнить и знать, что возвраты къ прошлому невозможны, и что легкость, съ которой чередуются картины и разговоры à la Гнѣдичъ, не нужна теперь никому, и никого уже не занимаетъ, не увлекаетъ, не волнуетъ, не зажигаетъ...

Что же далъ авторъ «Вѣглыхъ» и «Недвиж. собств.» въ своей книжкѣ? «Вѣглыхъ»? Но это только страница изъ дневника корреспондента объ интересующемъ его знакомствѣ, которое, однако, не передается читателю: онъ такъ и остается чужимъ и самому автору и обоимъ художникамъ, которыхъ не видить, а только слышать ихъ споры и разговоры. Показывать, господа, надо, а не разсказывать!.. Совсѣмъ навязшимъ въ ушахъ вѣетъ и отъ «Недвижимой собственности». Петербургскій чиновникъ... Вы дѣлаете гримасу? Еще бы! Кто изъ «беллетристовъ» обходилъ этого петербургскаго чиновника, кто не глумился надъ нимъ, кто не

описывать его, изображая безпомощнымъ въ жизни, педантомъ на службѣ, неприспособленнымъ къ борьбѣ, пассивнымъ, автоматичнымъ, едва не глупымъ?

У Гнѣдича онъ покупаетъ имѣніе, вслѣдствіе этого попадаетъ въ ростовщическія лапки соблазнительной сосѣдки, жена его беретъ взаймы у нѣкоего Изакона, и при этомъ авторъ не упускаетъ, конечно, случая лукаво подмигнуть въ сторону ея будуара, а самого чиновника, Былинкина, оставляетъ даже ночевать у обольстительной сосѣдки, послѣ чего они бесѣдуютъ уже на «ты». Въ концѣ концовъ Былинкинъ оказывается въ глупомъ положеніи, потому что сосѣдка выходитъ замужъ за его дядю, управляющій имѣніемъ собирается перейти къ ней на службу, Изаковъ все время у него дома, въ министерствѣ директоръ героя разноситъ, и растерявшійся Былинкинъ молить комиссіонера только о томъ, чтобъ какъ-нибудь сбыть проклятую недвижимую собственность, а читатель недоумѣваетъ передъ однимъ: стоило ли городить литературный огородъ въ одиннадцать печатныхъ листовъ, чтобы показать, какъ иные министерскіе чиновники оказываются смѣшными въ роли землевладѣльцевъ?

Попутно авторъ заставляетъ произносить курьезные и совсѣмъ неумные монологи сосѣдей Былинкина, — сумасшедшаго Скалопендрова, полусумасшедшаго Онопріенка, тронувшуюся Крезову и другихъ... Когда у автора не хватаетъ умѣнія воспроизводить картины жизни, онъ прибѣгаетъ къ мѣрамъ чрезвычайнымъ и пускается въ шаржъ и карикатуру. Въ доброе, старое время провинціальныя комики, изъ посредственныхъ, борясь съ равнодушіемъ зрительнаго зала, снимали сапогъ...

Шаржированъ и карикатуренъ учитель Пуховъ, задающій своему сыну задачу, вродѣ слѣдующей: «Тебѣ осталось прожить 22 тысячи дней. Считая, что 7 т. сутокъ изъ этого времени ты отдашь сну, сочти, сколько часовъ осталось тебѣ жить до смерти, — и на сколько часовъ ты дольше проживешь, чѣмъ твоя мать, которая родилась 18 октября 1865 года, въ 2 часа пополудни, а умереть приблизительно въ 1935 году?». Это у г. Гнѣдича считается остроуміемъ.

Одной краской — черной — изображенъ художественный критикъ Константинъ Петровичъ, однимъ углемъ нарисована редакція въ «Горизонтахъ».

Остается прибавить, что любимымъ сравненіемъ глазъ своихъ героевъ у Гнѣдича всегда служатъ «владимірскія вишни» и, по географической ассоціаціи, рецензенту легко было бы назвать писанія самого автора суздальской живописью.

Фирма А. Маркса, впрочемъ, популярна въ провинціи и потому остается еще и пожалѣть: сочиненія г. Гнѣдича, вѣроятно, разойдутся, а послѣ обѣда, передъ сномъ и прочтутся: кое-гдѣ въ нихъ есть юморъ, который, говорятъ, при пищевареніи бываетъ полезенъ. Въ виду всего этого всякая цѣна за книжку г. Гнѣдича должна быть признана дорогой...

П. П—скій.

Вѣстникъ Психологіи, Криминальной Антропологіи и Гипнотизма, подъ общою редакціею акад. В. М. Бехтерева и проф. В. С. Серебренникова. Годъ I-й. — Этотъ новый журналъ, специально посвященный научной разработкѣ вопросовъ психологіи и сопредѣльныхъ областей и выходящій 10 разъ въ годъ книжками около 80 стр. каждая, заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, особой рекомендаціи всѣмъ, кто только интересуется психологіею въ связи съ общей біологіею. Это изданіе, конечно, не для широкой публики, такъ какъ авторы не имѣютъ въ виду популяризацію, но всякій образованный человѣкъ найдетъ въ «Вѣстникѣ Психологіи» много для себя интереснаго. Надѣясь въ будущемъ вернуться къ болѣе подробному ознакомленію читателей съ этимъ журналомъ, мы считаемъ своимъ долгомъ посвятить ему теперь хоть нѣсколько строкъ, съ пожеланіями успѣха этому симпатичному изданію. β.

Литературно-научная хроника.

Проф. М. Ковалевскій и проф. Ю. Гамбаровъ.

*Отчетъ Русской Высшей Школы общественныхъ наукъ въ Парижѣ за 1903—1904 учебный годъ *).*

Отдавая отчетъ въ состояніи и дѣятельности Русской Высшей Школы общественныхъ наукъ въ Парижѣ за истекающій нынѣ 3-й годъ ея существованія, мы начнемъ съ общихъ цифровыхъ данныхъ о личномъ составѣ и бюджетѣ Школы, и отъ нихъ перейдемъ къ обзорѣню преподаванія.

Русская Высшая Школа въ Парижѣ имѣла въ нынѣшнемъ 1903—1904 учебномъ году своими постоянными слушателями и слушательницами 241 человекъ: 113 мужчинъ и 128 женщинъ. Сверхъ этого числа были еще вольные слушатели и вольные слушательницы, записывавшіеся на слушаніе лекцій въ теченіе одного мѣсяца. Такихъ вольныхъ слушателей и слушательницъ записалось: въ ноябрѣ—112, въ декабрѣ—68, въ январѣ—77, въ февралѣ—48, въ мартѣ—38, въ маѣ—37, итого 380 человекъ. Многие изъ этой послѣдней категории слушателей и слушательницъ записывались по нѣскольку разъ, т. е. въ разные мѣсяцы, и, принимая число 50 за среднюю цифру такихъ ежемѣсячныхъ записей, мы видимъ, что Школа имѣла въ теченіе всего учебного года не менѣе 300 постоянныхъ и вольныхъ слушателей и слушательницъ.

Личный составъ преподавателей Русской Школы въ настоящемъ учебномъ году состоялъ изъ 13-ти лицъ, читавшихъ систематическіе курсы, 3-хъ лицъ, преподававшихъ новые языки (французскій и англійскій) и 29-ти лицъ, читавшихъ дополнительные или спеціальныя курсы и отдѣльныя лекціи; 14 человекъ изъ числа этихъ послѣднихъ лекторовъ читали по-французски и 15—по-русски. Число систематическихъ курсовъ, приуроченныхъ къ программѣ Школы, равнялось 19-ти, а число посвященныхъ имъ часовъ—377. Спеціальными курсами и отдѣльными лекціями было занято 86 часовъ. Итого всѣхъ лекцій въ теченіе 1903—1904 учебного года было прочитано 463. Въ видѣ дополненія къ чтенію съ кафедры, по различнымъ отдѣламъ политической экономіи, генетической социологии, исторіи учреждений и экспериментальной психологіи велись практическія занятія проф. Ковалевскимъ и Анри, а по курсамъ антропологіи и этнографіи предпринимались объяснительныя экскурсіи проф. Волковымъ. Расходовъ на всѣ надобности Школы было произведено въ нынѣшнемъ учебномъ году на 11.232 фр. 60 сант. Прихода вмѣстѣ съ кассовымъ остаткомъ прошлаго года было 5.907 фр.

* Этотъ отчетъ былъ прочитанъ 16-го іюня текущаго года, въ день заключенія передъ вакаціями занятій въ школѣ, проф. Ю. С. Гамбаровымъ.

40 сант. Разница въ 5.235 фр. 20 сант. покрыта изъ капитала въ 30.000 фр., пожертвованнаго Школѣ въ прошломъ году лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ. На библіотеку, существующую при Школѣ, израсходовано въ этомъ году 1.153 фр., вошедшихъ въ общую цифру расходовъ по Школѣ. Распорядительный комитетъ Школы вмѣняетъ себѣ въ пріятный долгъ выразить благодарность редакціямъ слѣдующихъ періодическихъ изданій, бесплатно высылавшихся въ ея библіотеку: это—«Вѣстникъ Европы», «Міръ Божій», «Вѣстникъ Знанія», «Вѣстникъ Воспитанія», «Журналъ для Всѣхъ», «Русскія Вѣдомости», «Петербургскія Вѣдомости», «Кіевская Газета».

Переходя теперь къ краткому очерку содержанія читанныхъ въ Русской Высшей Школѣ курсовъ и отдѣльных лекцій, мы должны начать съ курса по генетической социологіи, читаннаго проф. Ковалевскимъ, такъ какъ этотъ курсъ служилъ какъ бы вступленіемъ во всѣ общественныя науки. Въ этомъ курсѣ, занявшемъ не менѣе 50-ти лекцій, проф. Ковалевскаго интересовали прежде всего вопросы методологическіе. Онъ старался выяснитъ то значеніе, какое для зачаточныхъ формъ семьи и родства, религіи, собственности и государства имѣетъ сравнительная этнографія, сравнительная исторія религій, изученіе современнаго фольклора и обычнаго права, наконецъ, сравнительное изученіе законодательства древнихъ и новыхъ народовъ. Краткое резюме этихъ лекцій для французской аудиторіи было сдѣлано проф. Ковалевскимъ въ сообщеніи, прочитанномъ имъ во французской Высшей школѣ общественныхъ наукъ въ Парижѣ, гдѣ это сообщеніе вошло въ серію лекцій, данныхъ этой школѣ проф. Тардомъ, Дюркгеймомъ, Сеньобосомъ, Буглэ, Салейлемъ, Манувріе и друг. по вопросу объ отношеніи социологіи къ конкретнымъ наукамъ объ обществѣ *).

Въ своемъ курсѣ для Русской Школы проф. Ковалевскій показывалъ также взаимодѣйствіе демографическаго, психическаго, экономическаго и политическаго факторовъ въ ростѣ такихъ учрежденій или явленій, какъ семья и собственность, религія, родовое устройство и зарожденіе государственной власти. Первоначальное развитіе имущественныхъ правъ было при этомъ изложено лекторомъ съ особою обстоятельностью, которая позволила ему выдѣлить этотъ отдѣлъ въ особый курсъ, гдѣ изучено было, между прочимъ, параллельное развитіе земельной общины въ Мексикѣ и Перу, на островѣ Явѣ, въ Индіи и Россіи. Проф. Ковалевскій далъ особое развитіе этой части генетической социологіи въ виду предварительнаго соглашенія съ проф. Гамбаровымъ, который въ нынѣшнемъ году для своихъ чтеній по гражданскому праву взялъ институтъ собственности и, не ограничиваясь изученіемъ его общественнаго значенія и юридической природы, знакомилъ свою аудиторію главнымъ образомъ съ историческими судьбами этого института у древнихъ и новыхъ народовъ.

Этотъ послѣдній курсъ, взявшій 36 лекцій, не могъ быть, къ сожалѣнію, оконченъ въ нынѣшнемъ году вслѣдствіе обилія матеріала, даннаго новыми открытіями въ области культуры и права древняго міра,—открытіями, которыя были привлечены лекторомъ къ его курсу и по необходимости вывели этотъ послѣдній изъ первоначально предположенныхъ для него рамокъ. Но этотъ курсъ будетъ законченъ въ ближайшемъ году, въ видѣ ли продолженія курса нынѣшняго года или составной части болѣе общаго курса по имущественнымъ отношеніямъ, который тотъ же лекторъ предполагаетъ изложить въ будущемъ году на почвѣ сравнительно-историческаго изученія этихъ отношеній.

Тому же институту собственности и особенно его коллективнымъ формамъ въ средневѣковомъ и новомъ европейскомъ правѣ были посвящены и четыре чрезвычайно интересныя лекціи на французскомъ языкѣ г. Тарбуріеша, автора

*) То же сообщеніе появилось одновременно на итальянскомъ языкѣ, въ издаваемомъ въ Римѣ журналѣ «Соціологія» и на русскомъ—въ «Вѣстникѣ Воспитанія».

извѣстной социалистической утопіи и весьма солидныхъ сочиненій по французскому рабочему законодательству. Такимъ образомъ, одинъ изъ коренныхъ вопросовъ для всякой школы общественныхъ наукъ получилъ въ нынѣшнемъ году въ руководимомъ нами учрежденіи довольно полную и всестороннюю постановку.

Курсъ проф. Ковалевскаго по генетической социологіи нашелъ себѣ естественное дополненіе въ отдѣльныхъ лекціяхъ, прочитанныхъ въ Русской Школѣ извѣстнымъ французскимъ спеціалистомъ по исторіи древнихъ религій Моссомъ и итальянскимъ социологомъ Козентини. Первый познакомилъ въ двухъ лекціяхъ нашихъ студентовъ съ тѣмъ, какъ онъ понимаетъ источникъ и природу магіи. Выяснивъ значеніе изученія магіи для социологіи и отношеніе явленій магіи къ религіи, Моссъ указывалъ на несостоятельность теорій Лемана и Тэйлора о происхожденіи магіи и приходилъ въ результатъ къ ея объясненію чисто социальными факторами. Второй, т. е. г. Козентини, излагалъ въ трехъ лекціяхъ основныя положенія своего труда, посвященнаго также генетической социологіи и вышедшаго въ прошломъ году на итальянскомъ языкѣ съ предисловіемъ проф. Ковалевскаго. Наконецъ, въ близкомъ отношеніи къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Моссомъ и Ковалевскимъ о начальныхъ формахъ магіи и религіи, стоялъ курсъ о религіяхъ древняго Востока, прочитанный проф. Тамашевымъ.

Въ этомъ курсѣ, состоявшемъ изъ 12-ти лекцій, лекторъ указывалъ прежде всего на необходимость знакомства съ главными религіями древняго Востока, обращалъ затѣмъ вниманіе на вліяніе ассиро-вавилонскаго религіознаго міровоззрѣнія на религіозныя вѣрованія народовъ Передней Азіи и древнихъ грековъ; знакомя, наконецъ, съ пантеономъ, исторіей и обрядами ассиро-вавилонской религіи, онъ останавливался на магіи и пережиткахъ ея въ Россіи. Переходя, далѣе, къ иранскому маздеизму, проф. Тамашевъ излагалъ исторію знакомства съ нимъ европейскихъ ученыхъ и, развивая основныя начала вѣроученія Зороастра, его дуализма, онъ указывалъ на нравственно-практическій характеръ этого вѣроученія, выражавшійся главнымъ образомъ въ противленіи злу, борьбѣ съ нимъ и стремленіи къ окончательному торжеству правды и добра. Въ заключеніе, основываясь на трудахъ русскихъ ученыхъ, лекторъ обнаруживалъ слѣды маздеизма въ обычаяхъ кавказскихъ горцевъ и сообщалъ свѣдѣнія о митраизмѣ въ Римской имперіи.

Обращаясь теперь къ преподаванію государственныхъ и юридическихъ наукъ, мы видимъ, что государственное право въ первую половину нынѣшняго учебнаго года было представлено въ нашей Школѣ профессоромъ римскаго университета Милези. Этотъ послѣдній извѣстенъ въ Италіи своимъ сочиненіемъ «Къ реформѣ современнаго парламентаризма»,—сочиненіемъ, основныя положенія котораго были сообщены его авторомъ на римскомъ международномъ конгрессѣ исторіи. По поводу этого сочиненія будетъ нелишнимъ еще замѣтить, что критика парламентаризма, — начинъ которой былъ положенъ старымъ сотрудникомъ К. Маркса, Бухеромъ *), сдѣлавшимся позднѣе близкимъ человѣкомъ къ Бисмарку, — стала со времени выхода въ свѣтъ извѣстнаго сочиненія Мэна о народномъ правительствѣ одной изъ любимѣйшихъ темъ политической литературы. Всѣмъ памятенъ рядъ засѣданій, занятыхъ горячими дебатами въ пользу и противъ парламентаризма на международномъ конгрессѣ сравнительнаго законодательства, созванномъ парижскимъ Обществомъ того же имени въ годъ послѣдней международной выставки. На этомъ конгрессѣ уже выступилъ воочію тотъ любопытный фактъ, что нападки на парламентаризмъ идутъ по преимуществу изъ странъ, въ которыхъ, какъ, напр., въ Италіи или Греціи, эта система управленія страной комитетомъ отъ палатъ, иначе говоря, кабинетомъ, или неизвѣстна, или только зарождается. Литература государственнаго права въ Италіи особенно изобилуетъ сочиненіями, ставящими себѣ

*) Лотаръ Бухеръ—авторъ сочиненія «Ueber Parlamentarismus wie er ist» (Парламентаризмъ, какъ онъ есть). 1854).

задачей реформу парламентаризма. Такіе извѣстные публицисты, какъ профессора Орlando, Елерo и Моска, открыто высказываются въ пользу ограниченной монархіи и противъ сосредоточенія въ рукахъ парламента той политической власти, какою онъ пользуется въ Англіи. Эти писатели возвращаются такимъ образомъ къ пресловутому ученію Монтескье о раздѣленіи властей, какъ необходимому условію политической свободы. Проф. Милези сумѣлъ внести оригинальность въ развитіе темы, общей ему съ другими итальянскими публицистами, благодаря приложенію къ ней сравнительно-историческаго метода.

Милези удалось показать, что изъ свободныхъ государствъ древности и новаго времени только Римская республика и республика Венеціанская отличались особою устойчивостью, и это потому, какъ онъ думаетъ, что власти въ нихъ были раздѣлены между сенатомъ и болѣе народными комиціями и палатами. Направленіе вѣншихъ дѣлъ, рѣшеніе вопросовъ войны и мира, заключеніе международныхъ договоровъ и т. п. сосредоточивались здѣсь исключительно въ рукахъ сената, тогда какъ законодательныя функціи были переданы собраніямъ, носившимъ народный характеръ. Въ краткомъ курсѣ, состоявшемъ изъ 10-ти лекцій, прочтенныхъ въ Русской Школѣ, проф. Милези прослѣживалъ затѣмъ, въ какой мѣрѣ новыя конституціи проводятъ это же начало обособленія функцій Верхней и Нижней палатъ. Примѣръ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ сенатъ съ президентомъ безъ участія палаты представителей заключаютъ договоры съ иностранными державами, вполне устанавливаетъ въ глазахъ лектора тотъ фактъ, что и въ наше время наиболѣе устойчивыми изъ свободныхъ правительствъ являются тѣ, въ которыхъ спеціальныя функціи верховной власти распределены между различными ея органами, и самая опасная изъ этихъ функцій—право объявленія войны и заключенія мира—изъята изъ сферы чрезвычайъ впечатлительныхъ и поѣтому уже легко возбуждаемыхъ и часто опрометчивыхъ народныхъ палатъ.

Нужно ли говорить, что эта точка зрѣнія встрѣтила и въ нашей средѣ такихъ же критиковъ, какъ и на засѣданіяхъ международнаго конгресса въ Римѣ. Но въ томъ и лежитъ преимущество такихъ школъ, какъ наша, что онѣ не замыкаются въ узкія рамки какого бы то ни было догматизма. Правило «*audiat et altera pars*» заставляетъ насъ открывать двери школы всякой серьезной попыткѣ установить новыя точки зрѣнія на старые вопросы, а иногда представлять и старыя рѣшенія для новыхъ вопросовъ.

Во вторую половину года государственному праву былъ посвященъ другой курсъ проф. Ковалевскаго, состоявшій изъ 24-хъ лекцій и озаглавленный «Современный строй американской демократіи». Лекторъ обзрѣвалъ въ этомъ курсѣ,—въ общихъ, конечно, чертахъ,—организацию политической власти въ отдѣльныхъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, исторію возникновенія федераціи, переходъ отъ союза государствъ къ союзному государству, дѣятельность Филадельфійской Конвенціи 1787 г., значеніе политической литературы этого времени въ дѣлѣ выработки современной конституціи, роль судовъ въ распространительномъ толкованіи этой конституціи, а также вліяніе, какое развитіе политическихъ партій оказывало, помимо всякихъ конституціонныхъ реформъ, путемъ практики конгресса, на измѣненіе самыхъ основъ американскаго государственнаго строя. Проф. Ковалевскій заканчивалъ этотъ курсъ общимъ обзоромъ характерныхъ началъ американской гражданственности.

Въ область же государственнаго права могутъ быть отнесены и четыре лекціи «О политическихъ партіяхъ въ ихъ настоящемъ и прошломъ», прочитанныя проф. Гамбаровымъ. Содержанія этихъ лекцій можно не передавать, такъ какъ онѣ напечатаны уже въ журналѣ «Вѣстникъ Знанія» (1904, №№ 1 и 2) и выйдутъ вскорѣ также отдѣльнымъ изданіемъ.

Преподаваніе юридическихъ наукъ въ настоящемъ году было вообще уси-

лено сравнительно съ предшествующими годами. Не говоря объ упомянутыхъ выше курсахъ М. М. Ковалевскаго по государственному праву Соединенныхъ Штатовъ и Ю. С. Гамбарова по праву собственности,—курсахъ, носившихъ, несомнѣнно, рядомъ съ историческимъ и юридическій характеръ,—въ нынѣшнемъ году посчастливилось особенно уголовному праву. Къ курсу уголовной антропологии, читаемому въ его различныхъ отдѣлахъ съ основанія школы докторомъ Шейнисомъ, прибавился обстоятельный, хотя и состоявшій всего изъ 12-ти лекцій курсъ по основамъ уголовного права и въ частности по ученію о преступленіи приватъ-доцента петербургскаго университета Тимофѣева. Кромѣ того двѣ отдѣльныя лекціи были посвящены г. Тимофѣевымъ нашему новому Уголовному Уложенію: исторіи его составленія, характеристикѣ его общей и особенной части, оцѣнкѣ достоинствъ и недостатковъ этого Уложенія и разбору важнѣйшихъ группъ указываемыхъ имъ преступленій—противъ жизни, здоровья, чести, имущества и особенно общественнаго порядка и государства *). Что касается курса доктора Шейниса, то онъ состоялъ также изъ 12-ти лекцій и занимался въ одной своей части исторіей ученія о преступности въ связи съ индивидуальною психологіей, біологіей и социологіей, а въ другой—выясненіемъ преобладающаго вліянія социальныхъ факторовъ на явленія самоубійства. Въ эволюціи различныхъ воззрѣній на самоубійство лекторъ устанавливалъ три основныхъ момента: 1) когда самоубійство приравнивается къ преступленію; 2) когда оно ставится въ зависимость отъ біологическихъ причинъ, и 3) когда оно дѣлается предметомъ социологическаго изслѣдованія. Перейдя къ сравнительноисторическому изученію послѣдовательныхъ измѣненій доктрины и законодательства о самоубійствѣ, докторъ Шейнисъ старался выяснитъ, главнымъ образомъ, зависимость самоубійства отъ большей или меньшей сплоченности общественнаго союза. Наконецъ, лекторъ подвергалъ критической оцѣнкѣ ученіе, ставящее самоубійство въ прямую связь съ разстройствомъ психики, теорію расоваго фактора при самоубійствѣ и ученіе Дюркгейма о трехъ типахъ самоубійства—эгоистическомъ, альтруистическомъ и аномическомъ.

Въ такой же мѣрѣ къ уголовной антропологии, какъ и къ уголовному праву, можно отнести лекціи о французскихъ тюрьмахъ московскаго приватъ-доцента Гернета, съ выдающимися достоинствами котораго, какъ лектора и ученаго наши слушатели и слушательницы имѣли случай ознакомиться еще въ прошломъ году. Наконецъ, къ области же если не уголовного права, то судостройства и судопроизводства, вообще, какъ уголовного, такъ и гражданскаго, можно приурочить и интересное сообщеніе профессора варшавскаго университета Демченко по коренному вопросу объ отношеніи суда къ закону и роли, какую судебное рѣшеніе играетъ въ Англіи при созданіи права. Это сообщеніе примыкало прямо къ области тѣхъ основныхъ вопросовъ правовѣдѣнія, рассмотрѣнію которыхъ былъ посвященъ и краткій, въ 20 лекцій, курсъ по энциклопедіи права, принятый проф. Гамбаровымъ, по примѣру прошлаго года, съ двойною цѣлью: во-первыхъ,—ориентировать нашихъ студентовъ въ общихъ юридическихъ понятіяхъ и въ различныхъ отрасляхъ правовѣдѣнія; во-вторыхъ,—реагировать противъ оживающаго въ послѣднее время, особенно у насъ, въ Россіи, стремленія воскресить старые и давно осужденные всѣмъ современнымъ научнымъ знаніемъ приемы изученія и пониманія права.

Экономическимъ наукамъ въ нынѣшнемъ году, какъ и прежде, отведено было выдающееся мѣсто въ нашемъ преподаваніи. Заслуженный профессоръ Александръ Ивановичъ Чупровъ исполнилъ свое давнишнее обѣщаніе и подарилъ нашу Школу интереснѣйшимъ, хотя и короткимъ, всего въ десять лекцій, курсомъ «о мелкомъ

*) Съ направленіемъ и характеромъ этихъ лекцій читатели «Вѣстн. Знанія, могли ознакомиться по статьѣ пр.-доц. А. Тимофѣева: «Что такое уголовное право?» помѣщенной въ № 4 нашего журнала за текущій годъ.

земледѣліи и его основныхъ нуждахъ», о земледѣльческихъ синдикатахъ и банкахъ, о странствующихъ кафедрѣхъ агрономіи и другихъ способахъ поднять технику и усилить производительность сельскохозяйственного труда. Знакома аудиторію съ результатами своего продолжительнаго изученія этихъ вопросовъ, одинаково въ Италіи, Германіи и Франціи, почтенный лекторъ указывалъ не разъ на возможность воспользоваться опытомъ этихъ странъ для принятія условій крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства въ Россіи. Мы не останавливаемся подробно на содержаніи этого поучительнаго курса только потому, что программа его была отпечатана и самый курсъ частью былъ тектографированъ, частью печатался отдѣльными лекціями въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Вопросу о земледѣліи, но лишь въ Бельгіи, была посвящена и лекція профессора брюссельскаго университета и автора хорошо извѣстной также русскому читателю книги о «деревенскомъ исходѣ» депутата Вандервельда. Приложение строгато статистическаго метода,—часто и непосредственнаго наблюденія,—придаютъ какъ лекціямъ, такъ и книгамъ Вандервельда тотъ характеръ «enquête sur le vif», который охотно признають за ними какъ сторонники, такъ и противники бельгійскаго профессора.

Современному вопросу о трѣстахъ и синдикатахъ предпринимателей, а также и тѣсно связанному съ ними предмету—хозяйственнымъ кризисамъ—отведенъ былъ специальный курсъ въ 10 лекцій проф. А. А. Исаева, не перестающаго своимъ постояннымъ и дѣятельнымъ сотрудничествомъ въ нашей Школѣ оказывать ей неоцѣненные услуги.

Въ этомъ курсѣ проф. Исаевъ показывалъ, какъ строй новѣйшей общественной жизни ведетъ необходимо къ образованію синдикатовъ. Онъ разсматривалъ далѣе виды синдикатовъ и ихъ частно-хозяйственныя цѣли, воздѣйствіе синдикатовъ на производство и обмѣнъ, роль ихъ на внутреннемъ и вѣншемъ рынкахъ, вліяніе таможенной политики на синдикаты и борьбу съ ними государства. Переходя къ хозяйственнымъ кризисамъ, лекторъ указывалъ на связь ихъ съ организаціей промышленной жизни и на причины и характеръ кризисовъ въ предыдущія столѣтія и въ новое время. Останавливаясь подробно на новѣйшихъ кризисахъ и на мѣрахъ, предлагаемыхъ къ ихъ устраненію, почтенный профессоръ заканчивалъ оцѣнкой синдикатовъ и кризисовъ въ связи съ интересами пролетаріата.

Съ синдикатами же, но на этотъ разъ синдикатами рабочихъ и притомъ, главнымъ образомъ, во Франціи, ознакомилъ нашу аудиторію извѣстный специалистъ по рабочимъ вопросамъ Г. Лагардель. Его преподаваніе, выразившееся въ специальномъ курсѣ изъ восьми лекцій, производило въ этомъ году, какъ и въ прежніе, то же впечатлѣніе непосредственнаго знакомства съ жизнью, какъ и преподаваніе проф. Вандервельда.

Исторіей рабочаго движенія и современнымъ его состояніемъ въ Англіи занимался курсъ въ 10 лекцій г. Тара, давшій цѣльную картину соотношенія этого движенія съ умственными теченіями и положеніемъ общественныхъ силъ Англіи за все время отъ конца XVIII вѣка до нашихъ дней.

Всѣмъ извѣстенъ также интересъ, возбуждаемый проблемой народонаселенія. Разрѣшенію этой проблемы былъ посвященъ въ нашей Школѣ чрезвычайно интересный, несмотря на свою краткость (5 лекцій), специальный курсъ доцента варшавскаго университета Горбунова, настаивавшаго, особенно, на необходимости болѣе широкой постановки проблемы народонаселенія, чѣмъ та, какую онъ находитъ въ современномъ мальтузіанствѣ и нео-мальтузіанствѣ.

Но болѣе жгучимъ изъ вопросовъ современной экономической дѣйствительности въ Россіи является, какъ это хорошо извѣстно каждому, вопросъ о дальнѣйшемъ удержаніи или искусственномъ разложеніи нашего мірскаго землевладѣнія. Если на Западѣ, какъ, наиримѣръ, въ Бельгіи, уцѣлѣли лишь немногіе

слѣды сельской общины, на возможно продолжительномъ сохраненіи которыхъ такъ настаиваетъ *коллективистъ* Вандервельдъ, то ни для кого не тайна, что въ Россіи большая половина крестьянскихъ земель составляетъ, до сихъ поръ, мірское владѣніе. Высказываясь въ одно слово за упраздненіе тѣхъ болѣзненныхъ наростовъ, какіе по отношенію къ сельской общинѣ представляетъ собою, напримѣръ, система круговой поруки ея членовъ въ платежѣ прямыхъ податей, наши земскіе дѣятели,—въ такой же степени, какъ и наши экономисты,—расходятся въ оцѣнкѣ экономическихъ и общественныхъ преимуществъ и неудобствъ нашей системы періодическихъ передѣловъ. И въ средѣ профессоровъ Русской Высшей Школы имѣется на этотъ счетъ полное разномысліе. Одни отрицаютъ у общины всякія преимущества, другіе готовы признать за ней то значеніе своеобразной системы страхованія земледѣльческихъ рабочихъ отъ старости и недуговъ, которое такъ вѣрно подчеркивается въ недавнихъ статьяхъ «Вѣстника Права» молодымъ русскимъ статистикомъ А. А. Чупровымъ. Наконецъ, есть между ними и рѣшительные сторонники общины, доказывающіе не только возможность при ней техническихъ усовершенствованій земледѣлія, но и наличность благоприятныхъ условій для этихъ усовершенствованій при нераздѣльномъ владѣніи крестьянъ, какъ это показываетъ примѣръ нѣсколькихъ великорусскихъ губерній.

Такимъ поборникомъ общины, на ряду съ проф. А. И. Чупровымъ и Н. А. Карышевымъ, выступилъ въ нашей Школѣ и авторъ два раза премированнаго сочиненія объ общинномъ землевладѣніи г. Качаровскій. Его взгляды могутъ быть критикуемы и опровергаемы, но близкое знакомство съ ними, какъ со взглядами, опирающимися на обширный статистическій матеріалъ, полезно въ равной мѣрѣ какъ для поборниковъ, такъ и для противниковъ сельской общины.

Съ нынѣшняго года въ Русской Высшей Школѣ читается впервые и финансовое право. Счастливый починъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ проф. Исаевымъ, посвятившимъ довольно большой курсъ, занявшій 18 часовъ, теоріи и политикѣ налоговъ. Кромѣ того, при открытіи Школы въ нынѣшнемъ году проф. Исаевъ была произнесена и рѣчь на тему «Что завѣщала XX столѣтію финансовая политика XIX вѣка?» Къ финансовому праву долженъ быть отнесенъ и рядъ интересныхъ лекцій приватъ-доцента одесскаго университета Твердохлѣбова по слѣдующимъ вопросамъ: 1) социологическій методъ въ финансовой наукѣ; 2) эволюція прямого обложенія и налоги на капиталъ и 3) націонализація земли и податная программа ея сторонниковъ.

Статистикѣ и ея методу посвящено было весьма оригинальное сообщеніе французскаго социолога Вормса, профессора Парижской Школы коммерческихъ наукъ и редактора журнала «Revue Internationale de Sociologie». Два предложенныхъ русскихъ курса по статистикѣ, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ быть прочитанъ берлинскимъ профессоромъ Борткевичемъ, а другой—нашимъ извѣстнымъ петербургскимъ статистикомъ Радцигомъ, не состоялись только потому, что оба названныхъ лица могли пріѣхать въ Парижъ лишь въ такое время, когда наша Школа, вслѣдствіе исключительныхъ обстоятельствъ, не функционировала. Но ни проф. Борткевичъ, ни г. Радцигъ не отказывались отъ прочтенія обѣщанныхъ имъ курсовъ въ будущемъ учебномъ году, и мы имѣемъ все основанія думать, что эти курсы не пропали для нашей Школы, а только отложены. Экономическая исторія и исторія экономическихъ системъ излагалась въ нынѣшнемъ году, какъ и прежде, проф. Ковалевскимъ.

Наконецъ, къ области экономики должны быть отнесены и слѣдующія отдѣльныя лекціи, прочитанныя въ Русской Школѣ французскими учеными: 1) Ch. Gide, Introduction à l'étude de l'économie sociale; 2) Hauser, Les origines du mercantilisme en France et les Etats provinciaux и 3) de Brueyère, La methode de l'essai dans l'industrie et dans les sciences sociales.

По антропологiи и этнографіи мы имѣли четыре лекціи о человѣческихъ расахъ въ Европѣ г. Деникера, автора извѣстнаго и переведеннаго на русскій языкъ сочиненія по тому же вопросу, и два курса проф. Волкова, изъ коихъ первый—по основамъ антропологiи—состоялъ изъ 36-ти, а второй—по сравнительной этнографіи—изъ 10-ти лекцій. Кромѣ того, проф. Волковымъ были даны Школѣ еще четыре отдѣльных лекціи, въ которыхъ излагались результаты антрополого-этнографическихъ изслѣдованій и личныхъ наблюденій лектора надъ карпатскими русинами—гуцулами.

По психологiи и философiи Русская Школа могла предложить въ этомъ году своимъ студентамъ два курса проф. Анри: одинъ—по экспериментальной психологiи, въ 35 лекцій, и другой—по исторiи философiи XVII столѣтія, въ 25 лекцій.

Въ настоящій же отдѣлъ преподаванія Русской Школы приходится отнести и слѣдующія отдѣльныя лекціи: 1) В. А. Анри о послѣднемъ международномъ конгрессѣ психологовъ въ Гиссенѣ, 2) Delbet, Le problème de l'éducation, 3) Antony, Notion de la cause dans la zoologie, 4) G. Renard, Reforme morale et reforme sociale; 5) Basch, Em. Kant. Наша Школа устраиваетъ въ своихъ стѣнахъ рядомъ со систематическимъ преподаваніемъ общественныхъ наукъ и отдѣльныя лекціи по наиболѣе крупнымъ вопросамъ этихъ наукъ или по вопросамъ дня, представляющимъ общій интересъ. Давая посильный отвѣтъ на такіе вопросы, распорядительный комитетъ Русской Высшей Школы обратился въ нынѣшнемъ году съ просьбой къ автору извѣстныхъ сочиненій по общественному и экономическому строю Индіи и Австралiи проф. Метэну, побывавшему лично также въ Китаѣ и Японіи, познакомить нашихъ слушателей съ общественнымъ и государственнымъ бытомъ и этихъ послѣднихъ странъ *). Г. Метэнъ принялъ это предложеніе и далъ нашей Школѣ двѣ двухчасовыя лекціи объ Японіи и Китаѣ,—лекціи, въ которыхъ онъ изложилъ кратко историческое развитіе этихъ странъ, ихъ политическій строй, военное и финансовое положеніе и отношеніе Китая къ Японіи. Предложеніе ознакомить нашу аудиторію съ македонскимъ вопросомъ было сдѣлано г-ну Инсарову, болгарину по происхожденію и близко знакомому съ положеніемъ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. Это предложеніе было такъ же принято и исполнено съ такимъ же успѣхомъ, какъ и первое. Къ разряду современныхъ же вопросовъ принадлежитъ, несомнѣнно, и вопросъ объ участи нашихъ бывшихъ соотечественниковъ, духоборовъ, эмигрировавшихъ, какъ извѣстно, съ разрѣшенія русскаго правительства въ Канаду. Нашъ талантливый беллетристъ и этнографъ Танъ, посѣтившій духоборовъ въ ихъ новой родинѣ, обязательно познакомилъ насъ въ двухъ лекціяхъ съ ихъ бытомъ.

Отмѣчая международный характеръ преподаванія общественныхъ наукъ въ нашей Школѣ, мы напомнимъ, что въ этомъ преподаваніи принимали участіе: два итальянца, Милези и Козентини, три бельгійца, Вандервельдъ, де-Брукеръ и Лафоссъ (послѣдній излагалъ въ трехъ лекціяхъ философское міросозерцаніе и общественно-экономическіе взгляды бельгійца Колинса), одинъ американецъ, г. Гарнеръ, одинъ болгаринъ, г. Инсаровъ, не менѣе 12-ти французовъ и болѣе 20-ти русскихъ. Особое мѣсто здѣсь должно быть отведено четыремъ превосходнымъ лекціямъ о томъ, «Какъ нужно толковать французскіе тексты», прочитаннымъ на русскомъ языкѣ проф. французской школы Ecole des langues orientales П. Бойзъ, состоящимъ въ то же время членомъ совѣта профессоровъ нашей Школы и руководителемъ преподаванія въ ней новыхъ языковъ.

*) Съ отношеніемъ проф. Альб. Метэна къ данному вопросу наши читатели уже знакомы по статьѣ его: «Существуетъ ли желтая опасность?», помѣщенной въ № 4 «Вѣстника Знанія» за текущій годъ. О причинахъ непомѣщенія перевода его лекціи о Японіи сказано уже въ нашемъ примѣчаніи къ упомянутой статьѣ.

Въ заключеніе намъ остается заявить, что занятія въ Русской Высшей Школѣ общественныхъ наукъ въ Парижѣ возобновятся, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, 15-го ноября (н. с.) текущаго года.

Максимъ Новалевскій.

Юрій Гамбаровъ.

Проектъ «Пушкинскаго Общества распространенія просвѣщенія».

Возникшая въ 1900 г., въ «пушкинскіе дни», мысль основать «Пушкинское Общество», заброшенная тогда въ виду сознанія невозможности преодолѣть «независимыя обстоятельства», въ настоящее время опять возродилась и, можно надѣяться, близка къ своему осуществленію. Тогда кружокъ инициаторовъ отнесся очень серьезно къ этой мысли и въ цѣломъ рядѣ засѣданій выработалъ проектъ устава «Пушкинскаго Общества распространенія просвѣщенія». Въ составъ кружка входили лица, имена которыхъ извѣстны всей просвѣщенной части русскаго общества. Въ составленіи и обсужденіи устава принимали ближайшее участіе: сенаторы А. О. Кони и Н. С. Таганцевъ, академики А. Н. Пыпинъ, А. С. Фаминцынъ и А. А. Шахматовъ, президентъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества гр. П. А. Гейденъ, прис. пов. Герардъ, писатели К. К. Арсеньевъ и В. Г. Короленко. Проектъ устава былъ выработанъ и была составлена записка, выясняющая необходимость организациі задуманнаго просвѣтительнаго учрежденія. Оставалось только представить проектъ на утвержденіе. Но по справкамъ чрезъ свѣдущихъ лицъ выяснилось, во-первыхъ, что нѣтъ основаній рассчитывать на сочувствіе подлежащихъ вѣдомствъ учрежденію Общества, а во-вторыхъ, что даже приведенныя выше имена членовъ учредителей Общества далеко не удовлетворяютъ подлежащее вѣдомство со стороны ихъ политической благонадежности... Мысль ходатайствовать объ утвержденіи устава была оставлена. Теперь кружокъ названныхъ инициаторовъ общественно-просвѣтительной организациі, зачатой въ 1900 году, собрался и рѣшилъ, расширивъ свой составъ, пересмотрѣть составленный тогда проектъ устава и возбудить ходатайство объ его утвержденіи.

Кстати сказать, въ Петербургѣ вернулся Н. Ф. Анненскій. Врядъ ли среди нерербургскаго журнальнаго міра есть другое имя, болѣе популярное и болѣе любимое. Послѣ закрытія союза писателей Н. Ф. принужденъ былъ жить нѣкоторое время внѣ Петербурга; затѣмъ въ 1902 году онъ вернулся въ столицу снова и много поработалъ надъ объединеніемъ петербургскихъ литераторовъ, собиравшихся на такъ наз. «товарищескіе ужины», представлявшіе собою, впрочемъ, не столько трапезы, сколько засѣданія чисто общественнаго характера. Н. Ф. былъ почти безсмѣннымъ предсѣдателемъ этихъ «ужиновъ», и его личное участіе въ нихъ обусловило во многомъ ихъ живость, содержательность и цѣнность въ общественномъ отношеніи. Сезонъ 1902—1903 г. былъ довольно удачнымъ для этихъ товарищескихъ собраній и, кромѣ неразрѣшеннаго празднованія юбилея печати, сошелъ въ общемъ благополучно. Сезонъ 1903—1904 г. оказался ужъ совсѣмъ неудачнымъ. Препятствія для «ужиновъ» все возрастали. Всѣ попытки устройства ихъ съ января мѣсяца окончились неудачей. Въ концѣ января Н. Ф. Анненскій оказался «отсутствующимъ». «Ужинъ 19 февраля», не смотря на разосланныя повѣстки, не состоялся. Не состоялись и поминки по Н. К. Михайловскому. Какъ курьезъ, отмѣтимъ, что разбивались всѣ попытки устроить ужинъ, именно тринадцатый по счету. Тогда распорядители (многіе изъ нихъ тоже въ это время «выбыли») устроили экспромптный обѣдъ, безъ повѣстокъ и оповѣщеній, назвавши его четырнадцатымъ. «Пообѣдать» удалось благополучно, — собралось около 75 человѣкъ. Это было послѣднее (въ апрѣлѣ) собраніе, на ко-

торомъ была принята резолюція относительно бойкота извѣстнаго прис. повѣр. А. М. Бобрищева-Пушкина, столь печально прославившагося въ одномъ процессѣ... Съ прїѣздомъ Н. Ф. Анненскаго товарищескія собранія писателей, несомнѣнно, въ томъ или иномъ видѣ возобновятся и, вѣроятно, въ настоящее время уже не встрѣтятъ прежнихъ препятствій, рожденныхъ благодаря полному недовѣрію къ свободному слову и опасеніямъ. Быть можетъ, возродится и союзъ писателей...

Научныя новости.

АНТРОПОЛОГІЯ, ЭТНОГРАФІЯ, АРХЕОЛОГІЯ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Живой питекантропъ Съ тѣхъ поръ какъ Дюбуа открылъ на островѣ Явъ кости питекантропа, (*Pithecanthropos erectus*), нашего предполагаемаго прародителя, буря, поднятая этимъ открытіемъ въ ученomъ и неученомъ мїрѣ, совсѣмъ улеглась. Питекантропъ былъ, наконецъ, признанъ, несмотря на недобросовѣстную борьбу, которая велась противниками эволюціонизма, опиравшимися, между прочимъ, на авторитетъ Вирхова, какъ извѣстно, занимавшаго въ отношеніи ненавистнаго ему дарвинизма, къ сожалѣнію, очень недвусмысленную роль. Теперь, если еще и слышатся иногда голоса, выражающіе сомнѣніе относительно мѣста, занимаемаго питекантропомъ въ родословномъ деревѣ антропоидовъ, то эти сомнѣнія основываются, во всякомъ случаѣ, не на научныхъ данныхъ: эти голоса являются отголоскомъ раздавленнаго наукою и корчащагося въ предсмертныхъ судорогахъ клерикализма, который всегда былъ оплотомъ всякаго рода обскурантовъ.

Такимъ образомъ, для науки питекантропъ, какъ соединительное звено между человѣкомъ и антропоморфными, такой же дѣйствительный фактъ, какъ еслибъ это животное продолжало существовать и до сихъ поръ, давая возможность въ любой моментъ подтвердить выводы эволюціонизма. Но совершенно неожиданно оказалось, что питекантропъ, дѣйствительно, живетъ на Явѣ. Объ этомъ сообщаетъ газета «Soir», на отвѣтственности которой оставляемъ нижеприводимое извѣстіе, подтвержденіе котораго, конечно, очень желательно, но ничего въ науку не внесетъ новаго.

Голландскій купецъ Ванъ-Веренъ отправился на охоту, заблудился въ лѣсу и долженъ былъ переночевать подъ деревомъ. Ночью его разбудили странные звуки, близко подходившіе къ словамъ курри-курри. Утромъ купецъ увидѣлъ на деревѣ колоссальное гнѣздо со круглымъ отверстіемъ въ полметра діаметромъ. Въ отверстіе выглянула голова съ щетинистыми темнорусыми волосами, затѣмъ на землю спустилось животное, очень напоминавшее собою человѣка. Вернувшись въ обитаемыя мѣста, Ванъ-Веренъ вскорѣ снова отправился въ лѣсъ въ обществѣ американскаго натуралиста, д-ра Вердегоуза. Они отыскали дерево, на которомъ, какъ оказалось, жила цѣлая семья питекантроповъ. Ученый устроилъ себѣ шалашъ подъ деревомъ и прожилъ тамъ около трехъ мѣсяцевъ, наблюдая нравы животныхъ. Вотъ результаты этихъ наблюденій. У туземцевъ питекантропы извѣстны подъ названіемъ ашъ-перичъ. Ихъ характерной чертою является чистоплотность; они часто купаются, чего другія обезьяны не дѣлаютъ. Ходятъ они, конечно, нагими, но самки украшаютъ себя ожерельями изъ мелкихъ вѣтокъ и ягодъ, очень заботливо ухаживаютъ за дѣтенышами и поютъ, убаюкивая ихъ. Языкъ, у нихъ членораздѣльный, но очень бѣдный; пища состоитъ изъ плодовъ, корней, рыбы и птичьихъ яицъ. Они знакомы съ огнемъ, но не умѣютъ еще его добывать. Вердегоузъ не представилъ никакихъ фактическихъ данныхъ въ подтвержденіе своего разсказа. Но, какъ сообщаетъ та же газета, по его указаніямъ отправилась въ лѣсъ для изученія живого питекантропа цѣлая группа ученыхъ.

Путешествіе проф. Клаача въ Австралію.—Какъ извѣстно, этотъ гейдельбергскій проф. специализировался на изученіи палеонтологіи человѣка и культуры палеолитическаго вѣка. Имъ совершенно нѣсколько поѣздокъ по Франціи, Бельгіи, Германіи и Англіи для ознакомленія въ музеяхъ и на мѣстахъ раскопокъ (въ пещерахъ и т. д.) съ древнѣйшими остатками человѣка въ Европѣ. Желая пополнить свои знанія наблюденіями надъ бытомъ современныхъ дикарей, живущихъ еще въ условіяхъ каменнаго вѣка, онъ отправился въ Австралію. Здѣсь онъ путешествовалъ сначала въ бассейнахъ рѣкъ Батавіи и Арчера, посѣщалъ тамъ стоянки темнокожихъ дикарей и изучалъ ихъ бытъ. Для безопасности его сопровождалъ вооруженный отрядъ. Послѣ того онъ отправился на острова въ заливѣ Карпентаріи, гдѣ живетъ племя, почти совершенно незнакомое съ бѣлыми. Здѣсь Клаачъ занимался антропологическимъ и этнографическимъ изученіемъ населенія, для каковой цѣли правительство Квинслэнда предоставило въ его распоряженіе казенный пароходъ. Имъ вывезенъ изъ своего путешествія богатый матеріалъ, разработкой котораго онъ и намѣренъ теперь заняться.

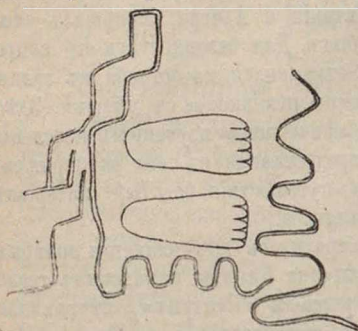
Новѣйшая полярная экспедиція. Недавно возвратилась изъ плаванія полярная экспедиція, предпринятая по порученію правительства Канады канадскимъ геологомъ Леве. Экспедиція эта, совершенная на кораблѣ «Шептунъ», отправилась зимою прошлаго года въ Гудсоновъ заливъ и въ арктическое море. Леве удалось проѣхать на сѣверъ значительно далѣе, чѣмъ его предшественнику Пири въ Гренландіи. Особенный интересъ приобретаетъ эта экспедиція потому, что, судя по всѣмъ даннымъ, ей удалось напасть на слѣдъ знаменитой экспедиціи Франклина, снаряженной, какъ извѣстно, въ 1845 году и окончившейся неудачно, подобно послѣдней попыткѣ воздухоплавателя Андре («Fremdenblatt»).

Мегалитическіе памятники и финикіане.—Во многихъ населенныхъ мѣстахъ находятъ, какъ характерныя остатки ранней культуры человѣчества, памятники, состоящіе изъ крупныхъ, большей частью, едва обработанныхъ камней (мегалитовъ), которые расположены или отдѣльно, или въ видѣ круговъ и аллей, какъ каменные столы и, такъ называемыя, циклопическія стѣны. Они очень распространены не только въ Англіи и западной Франціи, сѣверной Германіи до Одера, Даніи, Швеціи, но и въ Европѣ, въ Сѣверной Африкѣ, на Мадагаскарѣ, въ Азій, на Синѣ, и на Кавказѣ до Индіи, даже въ Сибири и Японіи и, наконецъ, въ Америкѣ *). По мнѣнію профессора Ферворна, можно раздѣлить эти постройки по ихъ цѣли на 2 группы, смотря по тому, служили ли онѣ могилами или же памятниками не погребальнымъ; къ первымъ можно причислить каменные гробы ранняго каменнаго періода, дольмены и тумулузы, къ которымъ приближаются египетскія пирамиды и мастабы, а также и циклопическія погребальныя постройки Греціи; ко вторымъ относятся такъ называемыя «менгиры» (вѣроятно, памятники важнѣйшихъ событій), по формѣ напоминающіе необдѣланные египетскіе обелиски и большіе «кромлечи», т. е. каменные круги, состоящіе изъ отдѣльныхъ менгировъ и приближающіеся, напр., къ «стонегенджу» у Салисбюри въ Англіи.

*) Оному изъ нашихъ сотрудниковъ пришлось видѣть въ Полѣсьѣ, въ очень глухой мѣстности Волынской губерніи, среди болотъ, въ высшей степени интересный дилитъ (памятникъ изъ двухъ камней). Въ противоположность обыку овеннымъ дольменамъ, представляющимъ собою дилитъ или трилитъ въ видѣ стола (на одной или двухъ каменныхъ глыбахъ и концы плиты), этотъ дилитъ имѣетъ форму крыши, составленной изъ двухъ гигантскихъ плитъ. Интересно, что мѣстность вокругъ болотистая, совершенно безжизненная и безусловно лишенная камней. Доставка сюда этихъ каменныхъ глыбъ въ высшей степени трудна даже и при нынѣшнихъ техническихъ средствахъ, а въ доисторическія времена тѣмъ болѣе. Къ сожалѣнію, ему пришлось быть въ этой мѣстности проездомъ, не имѣя ни картъ, ни времени для собиранія свѣдѣній о мѣстности. Дѣло было давно, и теперь лицо, съ которымъ пришлось ему проѣзжать, умерло. Поэтому было бы очень желательно, если бы кто-либо изъ читателей могъ сообщить болѣе точныя свѣдѣнія объ этомъ въ высшей степени интересномъ и рѣдкомъ дилитѣ. Если производились раскопки,—то ихъ результаты.

Редація.

Помимо удивленія при видѣ этихъ могучихъ построекъ, тому, что со своими механическими приспособленіями примитивныя племена могли управляться съ этими часто гигантскими каменными глыбами, которыя нерѣдко доставлялись изъ довольно отдаленныхъ мѣстъ, и могли устанавливать ихъ (между «менгирами», напримѣръ, есть много такихъ, вѣсъ которыхъ опредѣляется въ 1.500 пудовъ),—относительно строителей этихъ большихъ каменныхъ построекъ высказывались самыя разнообразныя мнѣнія. Намъ бы завело слишкомъ далеко подробное ихъ

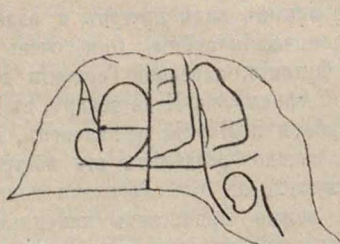

Надпись на камнѣ у Пти-Монь.

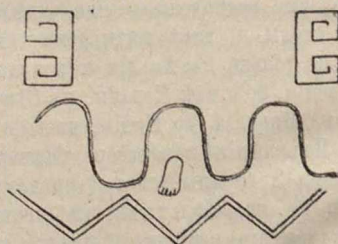
перечисленіе; укажемъ здѣсь только на существованіе по этому поводу двухъ противоположныхъ воззрѣній, изъ которыхъ одно приписываетъ распространеніе обычаевъ взаимнымъ культурнымъ вліяніямъ племенъ, другое же—переселенію племени или племенной группы. Карлъ Пенка съ своей стороны издалъ внимательно составленную работу обо вѣхъ этихъ обычаяхъ въ «Сообщеніяхъ Вѣнскаго Антропологическаго Общества» и присоединился къ мнѣнію, высказанному, главнымъ образомъ, французскимъ этнографомъ, генераломъ Фѣдербомъ, что нужно считать распространительницею обычая пришедшую съ сѣвера на югъ свѣтловолосую, длинно-

головую человѣческую расу.

Въ работѣ, которую выпустилъ французскій археологъ и этнологъ Г. Ле-вистръ относительно находокъ мегалитовъ въ центральной Франціи высказаны воззрѣнія, которыя выставляютъ вопросъ въ другомъ свѣтѣ. По его мнѣнію, строителями этихъ замѣчательныхъ сооружений, которыя, по расположенію и надписямъ, довольно схожи между собой во вѣхъ странахъ, были финикіяне, важ-

Надпись на камнѣ въ С. Люисъ.

Надпись на Шаттросскомъ камнѣ.

нѣйшій торговый народъ древности. Особенно его вниманіе было привлечено тѣмъ обстоятельствомъ, что эти памятники находятся преимущественно при устьяхъ рѣкъ или по ихъ теченію, что заставляетъ приписать ихъ народу, знакомому съ судоходствомъ,—особенность, которая относится никакъ не къ кельтамъ, а гораздо больше къ финикіянамъ, путешествовавшимъ преимущественно по воднымъ путямъ. Вообще, трудно предположить, что они достигли даже Америки, гдѣ, какъ мы увидимъ, обнаруживаются многочисленныя находки съ финикійскими надписями, но если даже и исключимъ мысль о существованіи нынѣ исчезнувшей, но все-таки возможной Атлантиды, легендарной страны, лежавшей между Европой, Африкой и Америкой *), которая сократила бы разстояніе; все-таки для одной изъ многочисленныхъ колоній этого предприимчиваго народа, разбѣянныхъ

*) Читатели «Вѣс. Зн.» уже знаютъ, что Атлантида, если она, вообще, существовала, скорѣе должна была находиться въ Средиземномъ морѣ, противъ устья Нила, чѣмъ въ Атлантическомъ океанѣ. См. также статью Карножикаго въ «Науч. Обзор.»

въ Средиземныхъ и Атлантическихъ моряхъ, это было въ предѣлахъ возможнаго.

Какъ сказано, въ Америкѣ находятъ различные мегалитическіе памятники съ рисунками, такъ, напр., въ С.-Люисѣ (Боливія), въ Массачузетъ у скалы Дай-тонъ и т. д.; особенно интересны вырѣзанные рисунки, они углублены почти на дюймъ и, во всякомъ случаѣ, сдѣланы не туземцами, которые не знали употребленія желѣза; такъ, одинъ рисунокъ на мегалитахъ въ С.-Люисѣ представляетъ отпечатокъ ноги: эмблему смерти и могилы—и развернувшуюся змѣю съ поднятой головой, знакъ движенія впередъ у финикянъ. Замѣчательно, что совершенно такой же рисунокъ находится на одномъ камнѣ въ центральной Франціи, у Пти-Монъ (Морбинанъ). Можно было еще встрѣтить возраженіе: именно, удивительно, что такой образованный и опытный народъ, какъ финикияне, пользовались для своихъ надписей такими простыми, примитивными символами. Левистръ отвѣчаетъ на это, что, можетъ быть, здѣсь дѣло шло о предметахъ религіи и культа боговъ, къ которымъ старыя обычаи относятся консервативно; такъ же позднѣе иудеи при своихъ жертвенныхъ црёмовіяхъ обыкновенно пользовались каменными инструментами. Одна новѣйшая находка во Франціи особенно укрѣпила мнѣніе вышеназваннаго изслѣдователя, что мегалиты—финикійскаго происхожденія. При Алльѣ, притокѣ Луары, у Шассинъ, въ Шатель-Монтанъ нашли мегалитъ («Камень Шаргрось») съ несомнѣнно финикійской надписью, разборъ которой далъ слова—Ратсъ-пола-конать, что значитъ—«Здѣсь былъ убитъ нашъ доблестный товарищъ»; онъ, стало быть, указываетъ на трагическое событіе.

Сообщеніе автора, которое иллюстрируется многими другими убѣдительными примѣрами находокъ, не могло не вызвать оживленнаго диспута по этому вопросу и новыхъ изслѣдованій аналогичныхъ памятниковъ давняго прошлаго.

Астрономія и геологія.

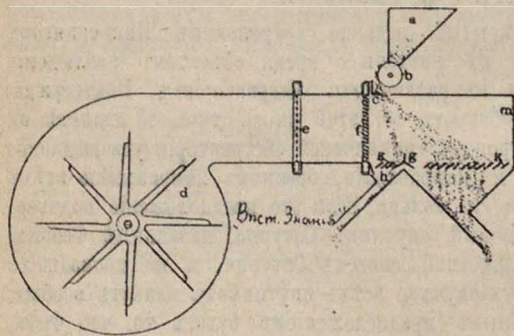
Новый спутникъ Сатурна.—Открытый недавно астрономомъ Пиккерингомъ новый спутникъ Сатурна является въ настоящее время объектомъ наблюденія многихъ астрономовъ, работавшихъ въ различныхъ обсерваторіяхъ. Подтверждая, открытіе Пиккеринга, астрономы сообщаютъ объ этой вновь открытой планетѣ не мало любопытнаго. Такъ, одинъ астрономъ гринвичской обсерваторіи утверждаетъ, что она движется вокругъ Сатурна въ направленіи, обратномъ направленію всѣхъ другихъ его спутниковъ, а также и его кольца. Если это предположеніе подтвердится, то придется признать, что новый спутникъ Сатурна, названный Фебомъ, былъ нѣкогда тѣломъ, чуждымъ планетной системѣ Сатурна, а не произошелъ отъ послѣдняго, какъ это утверждаетъ наука о всѣхъ спутникахъ планетъ вообще; въ такомъ случаѣ наиболѣе вѣроятнымъ предположеніемъ будетъ то, что Фебъ, принадлежа ранѣе къ другой планетной системѣ, нѣкогда настолько приблизился къ Сатурну, что притяженіе послѣдняго оказалось значительнѣе того притяженія, какое оказывало на Феба его собственное солнце, и Сатурнъ перетянулъ его на свою сторону («Allg. Zeitung»).

По поводу землетрясенія въ Ригѣ. 10-го октября въ полдень было замѣчено въ Ригѣ довольно сильное сотрясеніе почвы. О такомъ же явленіи получены извѣстія изъ Виндавы. Землетрясенія въ Прибалтійскомъ краѣ не представляютъ исключительнаго явленія. Въ лѣтописяхъ края сохранились описанія нѣсколькихъ болѣе или менѣе значительныхъ случаевъ сотрясенія почвы, начиная съ 1516 г., числомъ около 15. 17-го дек. 1853 года, въ 11³/₄ ч. веч. на Петербургскомъ форштадтѣ въ Ригѣ было нѣсколько сильныхъ подземныхъ ударовъ, сопровождавшихся образованіемъ пересѣкавшихся улицъ и терявшихся подъ фундаментомъ дома большихъ трещинъ, въ которыя свободно входила палка въ 3 фута длины. Землетрясенія въ Прибалтійскомъ краѣ относятся къ т. наз. денудационнымъ, обусловливаемымъ вымываніемъ нѣкоторыхъ, легко поддающихся водѣ пластовъ земли, находящихся внутри земной коры, и образованіемъ подземныхъ пещеръ

большей или меньшей величины. Своды такихъ пещеръ часто не выдерживаютъ тяжести находящихся надъ ними горныхъ породъ и обваливаются, производя на поверхности земли болѣе или менѣе значительныя сотрясенія и даже провалы. Изслѣдованіе горныхъ породъ, подпирающихъ собою Ригу, указало, что среди нихъ залегаютъ мощи доломита и гипса—породъ, наиболѣе подвергающихся растворяющему вліянію атмосферной воды, заключающей въ себѣ угольную кислоту. При рытѣхъ артезианскихъ колодцевъ упомянутыя породы были обнаружены въ нѣсколькихъ мѣстахъ Риги. Землетрясенія этого рода почти никогда не производятъ сильно-разрушительныхъ послѣдствій и ограничиваются обыкновенно сравнительно незначительнымъ райономъ, въ противоположность другимъ (тектоническимъ) землетрясеніямъ, простирающимся на тысячи верстъ и сопровождающимся ужасными послѣдствіями. Послѣднего рода землетрясенія наблюдаются довольно часто, напр., въ нашихъ среднеазиатскихъ владѣніяхъ («Рижскій Вѣстн.»).

Техника и сельское хозяйство.

Добываніе золота изъ золотоснаго песка по Эдиссону.—Цѣлый рядъ приѣмовъ для отдѣленія золота отъ золотоснаго песка сухимъ путемъ получилъ патентъ, и многочисленныя аппараты примѣнялись и примѣняются отчасти теперь въ мѣстностяхъ, бѣдныхъ водой, но ни одинъ изъ нихъ не вошелъ въ употребленіе настолько, чтобы пользоваться повсемѣстнымъ распространеніемъ. Уже нѣсколько лѣтъ знаменитый изобрѣтатель Эдиссонъ занимался изысканіемъ средствъ получить при разработкѣ золотоснаго песка возможно высокій процентъ золота, потому что недостатокъ всѣхъ дотолѣ извѣстныхъ аппаратовъ, приводимыхъ въ дѣйствіе рукой, состоялъ именно въ томъ, что добыча золота въ мѣстахъ, гдѣ песокъ былъ имъ очень богатъ, оказывалась относительно незначительной.

Аппаратъ Эдисона.

Эдиссонъ нашелъ въ своихъ опытахъ, что лучшіе результаты получаются, когда золотосный песокъ вводитъ въ токъ воздуха и при прохожденіи его собираютъ тѣ частицы, которыя наименѣе уклоняются отъ вертикали. Токъ воздуха долженъ быть при этомъ все время одинаковой силы, и быстрота его на всемъ пути также должна быть одинаковой. Зерна песку вводятся въ аппаратъ съ незначительной скоростью; при этомъ величина

зеренъ, обрабатываемыхъ такимъ образомъ, не должна превосходить установленныя размѣры.

Аппаратъ, построенный Эдиссономъ по этой основной мысли, схематично изображенъ на нашемъ рисункѣ. Золотой песокъ насыпается въ воронку *a* и падаетъ поверхъ вращающагося цилиндра *b* въ раздѣлитель *c*, направляющій песокъ къ воздушному току, который вызывается вентиляторомъ *d* въ камерѣ *m*. Этотъ токъ, прежде чѣмъ прійти въ соприкосновеніе съ пескомъ, проходитъ черезъ рѣшетку *ef* и потомъ раздѣляетъ песокъ такъ, что слѣва отъ стѣнки *g* тяжелыя составныя частицы (золото, желѣзо) попадаютъ въ каналъ *h*, тогда какъ легкій песокъ направляется въ помещеніе *i*.

Электричество въ садоводствѣ.—Еще въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія нѣкоторымъ любителямъ садоводства пришла въ голову мысль воспользоваться электричествомъ, какъ вспомогательнымъ средствомъ при культурѣ различныхъ садовыхъ

растений. Такъ, въ 1879 и 1880 годахъ англичанинъ В. Сименсъ задумалъ ускорить ростъ и развитіе растений при помощи электрическихъ лампочекъ, которыя зажигались вечеромъ, послѣ заката солнца и горѣли въ теченіе ночи. Путемъ этихъ опытовъ Сименсу удалось получать цвѣтущія розы, дыни, огурцы, виноградъ, землянику и проч. гораздо ранѣе времени ихъ обычнаго созрѣванія. Однако, примѣненіе электричества съ указанною цѣлью въ то время не могло найти себѣ широкаго распространенія въ виду сравнительно большой дороговизны электричества. Опыты Сименса въ послѣднее время были возобновлены американскимъ профессоромъ Ваземъ, которому удалось при помощи электрическаго освѣщенія вырастить огородныя овощи—капусту, редисъ, шпинатъ, горохъ. Отвергалъ, какъ ни на чемъ не обоснованныя, предположенія, распространившіяся еще со времени опытовъ Сименса, будто электричество, ускоряя ростъ и развитіе растений, изнуряетъ послѣднія, сокращая ихъ производительную силу, Вазей тѣмъ не менѣе воздерживается отъ утвержденія, что растения могутъ справляться съ избыткомъ получаемого свѣта безъ всякаго вреда для себя, и оставляетъ этотъ вопросъ открытымъ. Въ настоящее время за разрѣшеніе его хотеть взялся лондонское королевское общество садоводства, предполагающее устроить специальную лабораторію, главная задача которой будетъ состоять въ разработкѣ способовъ замѣны солнечной энергіи электрическимъ свѣтомъ при культурѣ растений. Очень возможно, что въ результатъ полученія большаго прогресса въ садоводствѣ и огородничествѣ, и что садоводы Англіи, несмотря на дурной климатъ страны, будутъ получать въ любое время года цвѣты и плоды искусственно выращенныхъ растений («La Revue»).

Быстродѣйствующій телеграфъ Сименса и Гальске.—Въ ряду новѣйшихъ быстродѣйствующихъ аппаратовъ особаго вниманія заслуживаетъ нѣмецкій аппаратъ Сименса и Гальске. Передача знаковъ по системѣ Сименса и Гальске раздѣляется на слѣдующія операціи. На аппаратѣ-отмѣтчикѣ, напоминающемъ по своей конструкціи пишущую машину, бумажная лента проходитъ между валиками съ зубчатыми колесами, при этомъ на лентѣ пробиваются отверстія въ разныхъ мѣстахъ ея. Каждая комбинація отверстій представляетъ собою особый знакъ. Отправитель телеграммы ударяетъ только по пуговкамъ съ обозначеніемъ буквъ, и отмѣтчикъ самъ пробиваетъ отверстія, при чемъ надъ каждымъ отверстиемъ для контроля печатается и соответствующая ему буква. Отверстія располагаются на одиннадцати горизонтальныхъ прямыхъ. Лента съ телеграммой поступаетъ въ автоматически дѣйствующій пріемникъ, снабженный одиннадцатью пружинами, соответственно горизонтальнымъ рядамъ отверстій. Когда лента скользитъ въ пріемникѣ по этимъ пружинамъ, то въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть отверстіе, замыкается токъ. Послѣдній пробѣгаетъ на станцію назначенія телеграммы по проводамъ и тамъ попадаетъ въ особый аппаратъ, который представляетъ собою маленькую темную камеру, съ помѣщенными въ ней тремя вращающимися кругами, при чемъ на среднемъ сдѣланы прорѣзы, соответствующіе отверстіямъ ленты. Электрическій токъ разряжается искрой противъ отверстій круга и на свѣточувствительной лентѣ получаются свѣтовые знаки, соответствующіе отверстіямъ на лентѣ съ телеграммой. При помощи ключа знаки на свѣточувствительной лентѣ переводятся буквами и получается текстъ отправленной телеграммы. Опыты, произведенные съ новыми аппаратами на протяженіи Берлинъ - Франкфуртъ, показали, что въ минуту можно передавать съ ихъ помощью 200 знаковъ. Для сравненія напомнимъ, что аппаратъ Морзе передаетъ 500 словъ въ часъ, а усовершенствованный аппаратъ Гюгеса 1.200 словъ въ часъ. Подсчетъ словъ въ часъ для аппарата Сименса даетъ колоссальную цифру въ 20.000.

АДРЕСА и ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

I. Переписка съ общеобразовательными цѣлями.

◆ № 3487. *П. А. Васильевъ. Ростовъ н/д, Вонз., Главн. Счетов. Влад. ж. д.*—жел. перепис. съ общеобразоват. цѣлью, въ особенности по вопрос., касающ. искусствъ. ◆ № 5607. *С. Л. Наторный, Учитель город. училища въ Потю*—интересуется ест. науками, философ., литерат., и педагогикой. ◆ № 17451. *Н. П. Смирновъ. Курскъ, Ендовищенская, 10, Г. В. Панкову, для Н. П. Смирнова*—интересуется исторіей. Со своей стороны м. б. полезенъ для справокъ по дѣлу народнаго образов. (собст. церковн. шк.) ◆ № 1132. *Л. П. Пуговошниковъ. г. Ярославль, Губернск. чертежн.*—интер. социальн. и эконо. науками и совр. рабоч. движ. на западъ; достаточно знакомъ съ русс. лит. въ связи съ ист. обществ. движенія въ Россіи. Мож. быть полезенъ по вопросамъ межеванія. ◆ № 2546. *И. П. Д-ій. Кострома, до востребованія*—желаетъ переписываться по біологическимъ и социальнымъ вопросамъ и съ эсперантистами. (Esperantista, № 10426).

II. Переписка со спеціальной цѣлью.

◆ № 3487. *П. А. Васильевъ* (см. I отд.)—проситъ сообщить подробныя свѣд. относ. искусственныхъ ногъ (случай ампутированія выше колѣна). Чья фабрика изгот. лучшія ноги, по какой цѣнѣ и насколько онѣ совершенны и удобны? ◆ № 17451. *Н. П. Смирновъ* (см. I отд.)—проситъ сообщить: 1) о мнемоникѣ Файнштейна; 2) сколько стоитъ, при среднихъ потребностяхъ, русскому студенту прожить годъ въ Парижѣ? ◆ № 2854. *П. А. Яговкинъ. Барнаулъ, Бійская ул., д. 174*—проситъ указать пѣну имѣющ., у него хорошо сохрэн. экзешп. (въ кож. пер.) кн «Городовое положеніе съ принадлежащ. къ оному узаконеніями съ 1785 г. по Апрель мѣсяцъ 1817 г. Въ Санктпетербургѣ. Печат. въ сенатской тип. 1817 г.». ◆ № 5834. *И. С. Синевъ. Н.-Новгородъ, Старо-Солдатскій пер., д. № 5*—проситъ сообщить: 1) Кѣмъ составлено и гдѣ достать «Руководство (полное) по коммерческой бухгалтеріи и корреспонденціи»; 2) не изучалъ ли кто теорет. стенографію І. Животовскаго или другое руковод. и какіе получились результаты? ◆ № 18266. *Г. Давыдовъ, эсперантистъ. Саратовъ, Александровская ул.*—съ удовольствіемъ переписывается на языкѣ «эсперанто» и желалъ бы купить журналъ «Lingvo Internacia» за 1898, 1899 и 1900 гг. и книги: V. Stankiewicz «El la vivo de Esperantistoj». «Jarlibro Esperantista 1897». P. Lengyel «Libro de humorato». ◆ № 2200. *Н. М. Чудаковъ. Ст. Волоконовка Ю. В. ж. д.*—проситъ сообщить ему адресъ лица, желающаго продать астрономическую трубу. ◆ № 17548. *И. Ткачевъ. Витебскъ до востребов.* желаетъ переписываться по вопрос., касающ. юнкерскихъ училищъ и военной службы.

О фондѣ недостаточныхъ подписчиковъ.

Поздняя разсылка № 10 «Вѣст. Зн.», благодаря задержкѣ въ полученіи разрѣшенія на изданіе «Недѣли» и въ публикаціи проспекта о подпискѣ на 1905 г. на «Вѣст. Зн.», отразилась на замедленіи поступленія мнѣній относительно симпатичнаго проекта г. Яковлева, или, какъ его большинство называетъ, — *фонда въ пользу недостаточныхъ подписчиковъ*. До сихъ поръ, однако, полученныя письма выражаютъ полное сочувствіе этому проекту, и только авторъ одного лишь письма выразилъ сомнѣніе въ легкости осуществленія предложенія г. Яковлева.

Остановимся сначала на этомъ письмѣ подписчика № 2343, Г. Сапожникова. «Не обвиняйте меня», — говоритъ онъ, — въ излишнемъ скептицизмѣ и недо- вѣрчивости къ этому симпатичному предложенію; но на каждомъ шагѣ мы встрѣчаемъ обманъ: то къ намъ подходитъ студентъ (якобы) и проситъ на про- ѣздъ, то административно высланный и т. д. жаждущіе сыграть на большой стрункѣ обывателя». Руководясь этими соображеніями, авторъ сомнѣвается въ до- стиженіи основной цѣли проекта путемъ лотерей, «такъ какъ журналъ можетъ достаться не только человѣку мало жаждущему знанія, но даже какому-нибудь спе- кулятору, который перепродастъ журналъ», «По моему, — продолжаетъ подпис- чикъ — лучше устроить открытый конкурсъ адресовъ. Предположимъ, что изъ одного какого-нибудь мѣста пришло нѣсколько указаній на одинъ и тотъ же адресъ — здѣсь менѣе вѣроятности ошибиться. Скажемъ, я, другой, третій вашъ под- писчикъ напишутъ вамъ о такомъ нуждающемся; такъ же поступятъ и въ дру- гихъ городахъ или селахъ, а редація выберетъ адреса, имѣющіе большинство мнѣній».

Прінося благодарность автору какъ за его критическое освѣщеніе проекта г. Яковлева, такъ и его желаніе внести поправку въ этотъ проектъ и, въ осо- бенности, за тѣ нѣсколько теплыхъ словъ, которыми даритъ насъ г. Г. С. — въ, выражающій удивленіе тому, что мы можемъ «такъ *возиться* со своими под- писчиками*»), — мы принуждены признать, однако, самую поправку, внесенную г. С. — вымъ въ проектъ г. Яковлева, не выдерживающей критики на томъ осно- ваніи, что «Вѣст. Зн.» не настолько распространенъ, чтобы можно было расчи- тывать на полученіе редакціей многихъ писемъ объ одномъ и томъ же лицѣ. Большая часть приславшихъ деньги укажетъ на *разныхъ* лицъ, и, стало быть, редація не будетъ имѣть никакихъ данныхъ для сужденія... Наконецъ, даже и нѣсколько писемъ объ одномъ лицѣ не могутъ служить основаніемъ для заклю- ченія, что это лицо, дѣйствительно, нуждается больше, чѣмъ другія — вѣдь здѣсь дѣло въ простой случайности, не говоря уже о разницѣ въ оцѣнѣ нужды и жажды знанія.

Авторы другихъ писемъ по большей части признаютъ себя плохими орга- низаторами, а потому, выражая сочувствіе проекту фонда недостаточныхъ под- писчиковъ, сообщаютъ о своемъ желаніи принять участіе простымъ внесеніемъ денегъ, послѣ того, какъ выяснится форма организаціи. «Жаждущихъ, дѣйстви- тельно, много, — говоритъ подписчикъ № 3589 (?) — а съ мру по ниткѣ... При- знаюсь, организаторъ я плохой, ну, а на счетъ участія своего лептой на такое благое дѣло — послѣдній рубль ребромъ». Другіе, впрочемъ, только четверо наиболѣе отзывчивыхъ, не выждали даже окончанія опроса и прислали деньги (см. ниже).

Въ одномъ письмѣ предлагается, чтобы правомъ голоса при назначеніи кандидатовъ на бесплатную высылку журнала были и читатели, внесшіе въ пользу «фонда» хоть какую-нибудь сумму, но не состоящіе по какому-либо при- чинамъ подписчиками «Вѣст. Зн.». «Самое основательное, — говоритъ авторъ од- ного письма изъ за-границы, — это обратить прежде всего вниманіе на *разнаго* рода бесплатныя бібліотека, которыя болѣе всего нуждаются въ выпискѣ «Вѣст

* По нашему мнѣнію, это только обязанность редакціи.

Зн.», но не обладают средствами... имѣются также въ Россіи и за границей маленькія бібліотеки., создающіяся изъ пожертвованій—вотъ на нихъ то и надо жертвовать кто сколько можетъ, такъ какъ ими пользуются многіе...».

Далѣе, въ числѣ проектовъ реформы предложенія Я—ва имѣется одинъ, авторъ котораго, выражая желаніе ограниченія суммы минимумомъ «10 к., а больше, сколько угодно» предлагаетъ бросать жребій не на кандидатовъ на безплатное полученіе журнала, а МѢ самихъ приславшихъ деньги и подписчиковъ «Вѣст. Зн.», которые могутъ выбирать кандидатовъ изъ числа извѣстныхъ имъ нуждающихся лицъ.

Таковъ, въ общемъ, пока еще очень скудный результатъ анкеты, для развитія которой не было еще времени вслѣдствіе запоздалой (на $\frac{1}{2}$ мѣсяца) рассылки «Вѣст. Зн.». Тѣмъ не менѣе, уже и этотъ матеріалъ можетъ послужить основой для дальнѣйшаго обсужденія. Въ случаѣ надобности, для ускоренія обмѣна мнѣніями, можемъ сообщать результаты анкеты въ «Недѣль», разчитывая, что подписчики «Вѣстника Знанія» навѣрно будутъ и читателями дополняющей его «Недѣли».

Одинъ изъ подписчиковъ, пользующійся даровымъ отъ насъ экземпляромъ «Вѣстн. Знанія», выражая сочувствіе проекту образованія фонда недостаточныхъ читателей, но опасаясь, подобно г. С—ву, злоупотребленій, предлагаетъ, однако, расширить дѣятельность «Взаимопомощи» въ этомъ направленіи. Онъ говоритъ о жертвованіи подписчиками денегъ не только на высылку «Вѣстн. Знанія», но и вообще на всякія книги, которыя наша редакція признала бы полезными. Такому расширенію зачатъ «Взаимопомощи» мы, конечно, могли бы только радоваться, въ особенности, если бы въ числѣ «кандидатовъ» были бы и безплатныя бібліотеки, но для этого, конечно, необходима и очень широкая поддержка самой «Взаимопомощи», которая, надо надѣяться, со временемъ разовьется.

Лица, внесшія деньги на «фондъ недостаточныхъ подписчиковъ»: № 5532

Р—въ, Рыбинскъ—30 к.; № 5287, П—въ, Царицынъ—30 к.; № 2334, Л—ко, Екатеринбургъ—30 к., А. Редемейстеръ—28 к. № 3058

Подп. Д—ну.—Спасибо за письмо. Радуюсь, что предыдущее было написано «сгоряча» и признано Вами неосновательнымъ. Оно, однако, причинило намъ большое огорченіе.

Подп. № 16010.—Этотъ циркуляръ министра вполнѣ ясенъ. Во всякомъ случаѣ, ничего отъ себя прибавить не можемъ.

Подп. Георію Л—а, въ Ревель.—Мы и по другимъ соображеніямъ намѣрены перемѣнить шрифтъ «Энци. Библ.», такъ что Ваше желаніе исполнѣ согласуется съ нашимъ.

Подп. № 3136. въ Константиноградѣ.—Послано письмо. Постараемся,

Подп. № 2193.—Если Вы ищете «научныхъ основаній» для пробитія въ комъ-либо «бреши», то это напрасно,—не найдете. Говоря серьезно, мы принуждены сказать Вамъ, что «наука», отстаивающая подобное положеніе, не заслуживаетъ этого имени. Возмутительное фарисейство, очень похожее на утвержденіе средневѣковой церковной науки, утверждавшей, что гусь-казарка и утка-турпанъ (ихъ считали тождественными) представляютъ собою постное блюдо, такъ какъ это не птица, а та же рыба, ибо происходитъ изъ гниющихъ на днѣ моря частей разбитыхъ кораблей или падающихъ въ воду листьевъ особаго растенія... Такого рода «наука» и теперь всегда является къ услугамъ удобной морали, но повторяемъ, истинная фізіологія ничего подобнаго утверждать не можетъ.

Подп. № 16280.—Лучше всего поступить въ Рижскій политехникумъ. Правила тѣ же, какъ и въ другія высшія спеціальныя учебныя заведенія. — На первый вопросъ отвѣтъ въ другой разъ.

Подп. В. В. Г—ру, въ Херсонѣ.—Только теперь, когда мы принялись за отвѣты подписчикамъ, и намъ пришлось обратить вниманіе на напечатанную на Вашемъ письмѣ фамилію, мы припомнили о телеграммѣ, подписанной неизвѣстнымъ намъ лицомъ. Содержаніе этой телеграммы поставило насъ втупикъ, такъ какъ при массѣ корреспонденціи, ежедневно поступающей, совершенно невозможно обратить вниманіе и запоминать подписи.—Относительно Вашего лестнаго для насъ предложенія, мы ничего опредѣленнаго сказать не можемъ. Какъ подписчикъ журнала, Вы, конечно, знаете его направленіе, цѣли и задачи, а потому не трудно будетъ угадать, что намъ можетъ быть нужно. Мы, впрочемъ, готовы и послушать совѣта. Кромѣ того, Вы можете быть полезны своими корреспонденціями въ «Недѣлкѣ». Что касается Вашего друга, то здѣсь дѣло труднѣе, такъ какъ знаніе только этихъ двухъ языковъ, при незначительности общей подготовки и отдаленности жительства, не представляетъ особаго преимущества сравнительно съ другими предложеніями: въ этой области очень большая конкуренція. Во всякомъ случаѣ, никакихъ заказовъ мы дѣлать не можемъ. Но Вашъ другъ можетъ самъ прислать переводъ чего-либо, по его мнѣнію, годнаго для «Вѣстн. Знанія»; этимъ путемъ легко доказать и свое умѣніе дѣлать выборъ, свой вкусъ.

Подп. № 16265.—Все зависитъ отъ способностей и усидчивости. Выпишите программу реального уч.—тамъ найдете указанія на учебники. Мы можемъ лишь посовѣтовать Вамъ, послѣ того, когда Вы опредѣлите, чего Вамъ не хватаетъ, какъ легче достигнуть результата.

Подп. № 2718.—За указаніе горячо благодаримъ Васъ, исполнѣ соглашались съ Вашимъ мнѣніемъ. Что касается замѣченныхъ Вами подписей, то, какъ и подъ статьями, онѣ принадлежатъ автору: почему хотите Вы лишить его права подписаться подъ рисункомъ, сдѣланнымъ его рукой, а позволяете ставить подпись подъ статью? Если Вы читали статью «Край будущаго», то могли видѣть, что ее иллюстрировалъ самъ авторъ, а потому на рисункахъ стоитъ его подпись. Имѣются тоже основанія и для другого, Вами замѣченнаго, но, съ одной стороны, намъ пришлось бы коснуться очень щекотливаго вопроса (можетъ быть и сами догадаетесь, если слышали о желаніи уберечься отъ плагіата), съ другой—у насъ является сомнѣніе въ необходимости отвѣчать на всякіе вопросы, съ какими только можетъ заблагодарасудиться обращаться къ намъ подписчикамъ. Неужели же все это важно? Вѣдь не отвѣчаетъ же Вы на болѣе важныя и для всѣхъ подписчиковъ полезныя наши запросы; молчите насчетъ «Взаимопомощи» и т. д. Не лучше ли было бы помочь намъ всѣмъ въ разрѣшеніи тѣхъ многихъ, имѣющихъ общественное значеніе вопросовъ, которые были подняты въ «Вѣстн. Зн.», съ просьбою высказаться по нимъ читателямъ. Мы были бы Вамъ за это еще болѣе

Вѣстникъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 3-й, 1905 г.

ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛА ПОДЪ РЕДАКЦІЮ В. В. БИТНЕРА

Знаниа

48 книгъ

въ годъ 8 р.

Иллюстрированный „толстый“ ежемѣсячный литератур., художеств. и попул. научный журналъ съ 36 кн. безплатн. приложеній для самообразования, а именно:

12 кн. „Общедоступнаго Университета“. „Анатомія и физиологія“, профессоръ *Зауса*, *Зейлера*, *Редманна* и др. „Попул. очерки народовѣдѣнія“, проф. *Гааса* и „Жизнь европ. народовъ“. Кроме того, признавая громад. воспит. влияние рисованія на худож. развитіе учащагося, мы рѣшили въ „Общ. Унив.“ дать— „Самоучитель живописи и рисованія“, изъ *практическихъ* руководствъ мы дадимъ „Учебникъ стенографіи“, искусств. быстр. записыванія челоѣч. рѣчи. Въ „Общ. Унив.“ будетъ данъ еще „Новый учебникъ междонароднаго языка *Эсперанто*“. Изложеніе вполне общедоступное и живое. Масса иллюстрацій.

12 кн. „Энциклопедической Библиотекѣ для самообразования“:—1) Проф. *Сеньковский* и проф. *Метзн.* Современная исторія съ 1815 г. въ 2 ч-хъ, ч. I—2) Проф. *Фламмарионъ*. Лекціи по астрономіи. Съ картою звезднаго неба.—3) Д-ръ *Филос.* *Эйзеншенъ*. Психологія и логика.—4) Проф. *Боллелъ*. Систематика растений, жизни грибовъ, водорослей и мховъ.—5) Проф. *Сеньковский* и проф. *Метзн.* Современная исторія, ч. II.—6) СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СЛОВ. ЮРИДИЧ. НАУКЪ въ 3 ч. Ч. I. Государственное право (ф. рмы правленія, разныя конституціи и пр.), права и обязанности гражданнаго.—7) Проф. *Боллелъ*. Исторія растит. царства. Папоротники, хвой-

ныя. Оплодотвореніе цвѣтковыхъ.—8) Системат. словарь юридич. наукъ, ч. II. Основы закон. вѣдѣнія. Озаконченіе съ рус. законодательствъ.—9) Проф. *Гист.* Физич. географія.—10) Системат. слов. юридич. наукъ, ч. III, *справочная* (формы дѣловыхъ оумаж., отвѣты на частные случаи юридич. практик. и пр.)—11) Проф. *Остальдъ*. Школа химіи. Химіи неограниченная.—12) Проф. *Зомбартъ*. Очерки политич. экономіи. Легкое, живое и популярн. изложненіе; масса рисунк., портретовъ, легкая усвояемость.

12 кн. „Читальни“ „Вѣстника Знанія“. состоящая изъ ряда соч. для легкаго самообразоват. чтен. я имѣющаго въ виду широкаго образованіе: 1) *Бельше*. Прохожденіе челоѣка.—Будущность челоѣчества.—2) Проф. *Моніе*. Соціологія.—3) Д-ръ *Целль*. Умъ животныхъ.—4) *Дебо*. Популярная физика, въ 2 част. Ч. I. 5) *Бельше*. Прогрессъ дарвинизма.—6) Проф. *Корра*. Позитивн. я философія.—7) Проф. *Галлдингъ*. Искусство въ XIX столѣтіи.—8) *Пеллисъе*. Литер. школы, въ 2 част. Ч. I. Каассицизмъ, псевдо-классицизмъ, лирика, лирическая драма.—9) *Э. Кей*, *И. Тимъ* и др. Воспитаніе и самовоспитаніе челоѣка и гражданина. Цѣль жизни.—10) *Дебо*. Популярная физика. Ч. II.—11) *Пеллисъе*. Литер. школы. Ч. II. Исторія, критика, старый и новый романъ, поэзія, драма.—12) Проф. *Арнольдъ*. Эпоха возрожденія и гуманизма.

Сверхъ перечисленныхъ 36 кн. приложеній мы рѣшили, исполняя просьбу подписчиковъ, дать еще СЛОВАРЬ НАУЧ. ИХЪ ТЕРМИНОВЪ, ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВЪ И ВЫРАЖЕНІЙ, вошедшихъ въ употребл. въ рус. яз. Что касается самаго „Вѣст. Зн.“ (12 кн.), то въ противоположность друг. „толстымъ“ журн. онъ главное вниманіе обращ. на популяризац. знанія и ознакомленіе со всѣми литер.-научн. теченіями, беллетр. же стоитъ на втор. планѣ. Статьи въ журналѣ невелики и разнообразны, большія же сочин. даются въ приложеніяхъ (уборист. шрифтъ позвол. помѣст. крупная произвед.). Прогрессивное направленіе „Вѣст. Зн.“ лучше всего характериз. близкимъ участ. профессоровъ Париж. Рус. Высш. Шк. Общ. Наукъ. Основа изданія—служеніе интерес. подписчиковъ выполняется между проч. отдѣлами: „ВЗАИМОПОМОЩЬ ЧИТАТЕЛЕЙ“ и „ОТВѣты“.

Поддержка стремленія къ знанію въ широкомъ смыслѣ слова, отраженіе жизни и духовныхъ запросовъ общества, всестороннее освѣщеніе во росовъ дѣятельности—вотъ задачи, кот. неизмѣнно составляли основу наш. литерат. дѣятельн. „Вѣст. Зн.“ строго прогрессивный органъ, посвящ. служенію обществу. Больш. распростр. журнала даетъ возможность новымъ подписч. узнать у старыхъ о намѣтѣ добросовѣстномъ отношеніи къ обязательствамъ.

Подписная цѣна (48 кн.) со „Словар. иностран. слов.“ безъ дост. 7 руб., съ дост. Спб. Кузнечный, 2. на 1905 годъ и пер. 8 р., за гран. 11 р. Разр. по 2 р. за ¼ года.

ЦѢНА

70 к.

за ¼

ГОДА

„НЕДѢЛЯ“

особое вниманіе. Но дѣятельность земствъ и ихъ представителей являлась рядомъ разрозненныхъ усилій. Трудовой жизни земствъ всегда недоставало живой поддержки со стороны осѣбдомленности общественн. элемент. о земской дѣятельности. Отсутствовала у земствъ и взаимная поддержка, чувствовалась потребность въ объединеніи отдѣльныхъ земствъ путемъ печати.—„НЕДѢЛЯ“ пойде въ навстрѣчу этой потребности. Служеніе интересамъ провинціи, защита личности, ея правъ и достоинства, слабаго противъ сильнаго, поддержка общественной самостоятельности, борьба съ темными силами жизни, удовлетвореніе естественному стремленію къ свѣту, знанію и правдѣ,—вотъ задачи молодой „НЕДѢЛИ“.

Желая сдѣлать „НЕДѢЛЮ“ доступ. широк. кругамъ, мы назнач. незначит. подпис. плату. 70 к. за ¼ года. Годовые подпис. на оба изданія: „Недѣлю“ и „Вѣст. Зн.“, внесше до 1 дек. 1904 г. 8 р. 70 к., получ. право на безпл. премію, состоящ. изъ 3 книгъ, на выборъ изъ объявл. 72 (требуетъ подроб. объявл.). Год. подпис. внесш. до 1 дек. 4 р. 70 к., могутъ получ. премію изъ 2 кн. Год. подп., внесш. до 1 дек. 2 р. 70 к., получ. одну изъ книгъ. Преміи будутъ безпл. разсылаться при „Недѣлѣ“ только непосредст. подпис. въ конторѣ редакціи „Вѣстн. Зн.“ и „Недѣли“ С.-Петербургъ, Кузнечный, 2.

Тамъ же принимается подписка на НОВЫЙ, выходящій съ 1 ноября 1904 г. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧ. ОРГАНЪ

подъ редакцію В. В. БИТНЕРА.

Въ настоящій моментъ, когда русск. общественность вступаетъ въ новую эру довѣрія къ обществу и силамъ, на земство, представляющее одно изъ главн. проявленій общественн. самостоятельности, обращено особое вниманіе. Но дѣятельность земствъ и ихъ представителей являлась рядомъ разрозненныхъ усилій. Трудовой жизни земствъ всегда недоставало живой поддержки со стороны осѣбдомленности общественн. элемент. о земской дѣятельности. Отсутствовала у земствъ и взаимная поддержка, чувствовалась потребность въ объединеніи отдѣльныхъ земствъ путемъ печати.—„НЕДѢЛЯ“ пойде въ навстрѣчу этой потребности. Служеніе интересамъ провинціи, защита личности, ея правъ и достоинства, слабаго противъ сильнаго, поддержка общественной самостоятельности, борьба съ темными силами жизни, удовлетвореніе естественному стремленію къ свѣту, знанію и правдѣ,—вотъ задачи молодой „НЕДѢЛИ“.

Желая сдѣлать „НЕДѢЛЮ“ доступ. широк. кругамъ, мы назнач. незначит. подпис. плату. 70 к. за ¼ года. Годовые подпис. на оба изданія: „Недѣлю“ и „Вѣст. Зн.“, внесше до 1 дек. 1904 г. 8 р. 70 к., получ. право на безпл. премію, состоящ. изъ 3 книгъ, на выборъ изъ объявл. 72 (требуетъ подроб. объявл.). Год. подпис. внесш. до 1 дек. 4 р. 70 к., могутъ получ. премію изъ 2 кн. Год. подп., внесш. до 1 дек. 2 р. 70 к., получ. одну изъ книгъ. Преміи будутъ безпл. разсылаться при „Недѣлѣ“ только непосредст. подпис. въ конторѣ редакціи „Вѣстн. Зн.“ и „Недѣли“ С.-Петербургъ, Кузнечный, 2.

Дозволено цензурою 18 октября 1904 года.

Тип. Тов. „Народная польза“, Спб., Коломенская, 34.

2015595719

